ISSN 2220-802X

СЕВЕР И РЫНОК

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

том 28 • № 1 • 2025

0+ ISSN 2220-802X

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕВЕР И РЫНОК

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

том 28 • № 1 • 2025

СЕВЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка

Рецензируемый научно-информационный журнал — профессиональное академическое издание в области региональной экономики, первый в Российской Федерации научный журнал, более двадцати лет назад сосредоточивший внимание на экономических и социальных аспектах североведения и арктиковедения. В журнале публикуются статьи, посвященные вопросам анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере регионов и муниципалитетов российского и зарубежного Севера и Арктики.

Основная цель издания журнала — предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты исследований социально-экономических процессов на Севере и в Арктике, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и общества, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам.

Журнал основан в 1998 году чл.-корр. РАН Г. П. Лузиным

Периодичность выхода журнала — 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр “Кольский научный центр Российской академии наук”»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Федосеев С. В., докт. экон. наук, доц. (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козьменко С. Ю., докт. экон. наук, проф. (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)
Павлова С. А., отв. секретарь (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)
Рябова Л. А., канд. экон. наук, доц. (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)
Скуфьина Т. П., докт. экон. наук, проф. (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)
Цукерман В. А., канд. техн. наук, доц. (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)
Череповицын А. Е., докт. экон. наук, проф., зам. главного редактора (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)
Череповицына А. А., канд. экон. наук, доц. (Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия)

Ответственный редактор номера — канд. экон. наук Е. Е. Торопушина

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Позиция редакции необязательно совпадает с мнением автора. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

С требованиями к авторам статей и редакционной политикой журнала, а также с архивом номеров можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал индексируется в реферативных и полнотекстовых базах: Scopus, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), DOAJ, BASE, Ulrich's Periodicals Directory, Scilit, ВИНИТИ РАН, Российском центре научной информации («Белый список» журналов).

ISSN 2220-802X

© Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, 2025
© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр РАН», 2025

0+ ISSN 2220-802X

SCIENTIFIC AND INFORMATIONAL JOURNAL

THE NORTH AND THE MARKET

FORMING THE ECONOMIC ORDER

volume 28 • no. 1 • 2025

THE NORTH AND THE MARKET: Forming the Economic Order

The North and the Market: Forming the Economic Order is a peer-reviewed academic journal dedicated to regional economics. It was the first Russian scientific journal to emphasize the economic and social aspects of research on the North and the Arctic. The journal publishes articles devoted to analyzing and forecasting changes in the economic and social aspects of regions and municipalities in both Russian and international Northern and Arctic territories.

The journal aims to serve the wider research community and practitioners by providing a forum to publish studies on socio-economic processes in the North and the Arctic. It fosters engagement with diverse perspectives on pressing issues related to economic and social development and encourages scholarly discussions on these topics.

The journal was founded in 1998 by G. P. Luzin, a Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Publication frequency: Quarterly (4 issues per year)

Founder: Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences

CHIEF EDITOR

S. V. Fedoseev, DSc (Economics), Associate Professor (Luzin Institute for Economic Studies of KSC RAS, Apatity, Russia)

EDITORIAL BOARD

Koz'menko S. Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor (Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, Apatity, Russia)
Pavlova S. A., Executive Secretary (Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, Apatity, Russia)
Riabova L. A., PhD (Economics), Associate Professor (Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, Apatity, Russia)
Skufina T. P., Doctor of Economic Sciences, Professor (Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, Apatity, Russia)
Tsukerman V. A., PhD (Engineering), Associate Professor (Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, Apatity, Russia)
Cherepovitsyn A. E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Chief Editor (St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia)
Cherepovitsyna A. A., PhD (Economics), Associate Professor (Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, Apatity, Russia)

Executive Editor — Ekaterina E. Toropushina, PhD (Economics)

All articles undergo a rigorous peer-review process. The editorial board's views do not necessarily reflect those of the authors. Authors are solely responsible for the selection and presentation of their materials.

Detailed guidelines for authors, the journal's editorial policy, and the archive of past issues are available on the journal's website: http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/.

The journal 'The North and the Market: Forming the Economic Order' is included in the list of peer-reviewed journals recognized for publishing academic research required for the conferment of PhD and Doctor of Sciences degrees.

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: Scopus, Russian Science Citation Index (RSCI), DOAJ, BASE, Ulrich's Periodicals Directory, Scilit, VINITI RAS, and Russian Center for Scientific Information (the "White List").

ISSN 2220-802X

® Luzin Institute for Economic Studies of KSC of RAS, 2025
® Federal Research Centre "Kola Science Centre of RAS", 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К.
Арктические стратегии России 2014 и 2021: возможна ли преемственность при смещении приоритетов? Часть 1 ..... ***7***

Бадылевич Р. В., Игумнов А. В.
Трансформация механизмов развития и финансирования российской Арктики на основе создания опорных зон и опорных населенных пунктов ***26***

Воронина Е. П.
Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации в контексте обеспечения сбалансированного социально-экономического развития арктических регионов ***44***

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Гаджиев Ю. А.
Динамика и структура валовой добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов России ***62***

Жаров В. С.
Цифровизация процесса управления устойчивым инновационно-технологическим развитием промышленности регионов Арктики ***73***

Биев А. А.
Современное состояние, проблемы и перспективы развития территориальных подсистем теплоснабжения в Арктической зоне России ***87***

Крапивин Д. С.
Исследование емкости рынка инвестиционных ресурсов арктического региона (на материалах Мурманской области) ***102***

Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А.
Тенденции и специфика развития туристских систем российской Арктики ***116***

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ

Захарова К. А., Бабурина Н. А.
Государственная финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в регионах Севера ***132***

Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А.
Инновационная активность малого и среднего предпринимательства на Севере и арктических территориях: опыт Республики Коми ***149***

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Свинин С. В., Дядик В. В.
Реализация стратегий корпоративной социальной ответственности ресурсных компаний как условие повышения конкурентоспособности арктических моногородов ***163***

Бажутова Е. А.
Особенности миграционных потоков регионов российской Арктики в контексте решения задачи удержания населения ***180***

CONTENTS

STRATEGY AND MECHANISMS FOR STATE POLICY IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN ARCTIC

Volkov A. D., Roslyakova N. A., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K.
Russia's Arctic strategies of 2014 and 2021: Is continuity possible amid shifting priorities? (Part 1)..... ***7***

Badylevich R. V., Igumnov A. V.
Transformation of development and financing mechanisms for the Russian Arctic:
Establishing a system of anchor zones and settlements..... ***26***

Voronina E. P.
National projects in the Russian Arctic: Advancing balanced socio-economic development in arctic regions... ***44***

INDUSTRIAL AND SECTORAL GROWTH IN THE NORTH AND THE ARCTIC OF RUSSIA

Gadzhiev Yu. A.
Gross value added in the real economy of Russia's northern regions: Dynamics and structure..... ***62***

Zharov V. S.
Digitalization as a tool for managing innovation-driven sustainable development in the Arctic industrial sector..... ***73***

Biev A. A.
Regional heating infrastructure in the Russian Arctic: Current status, challenges, and development prospects... ***87***

Krapivin D. S.
Evaluation of investment market size in the Arctic: A case study of the Murmansk region..... ***102***

Vasilieva A. V., Kondrateva S. V., Karginova-Gubinova V. V., Moroshkina M. V., Morozov A. A.
Trends and characteristics of tourism system development in the Russian Arctic..... ***116***

GROWTH OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN NORTHERN REGIONS

Zakharova K. A., Baburina N. A.
Government financial support for small and medium-sized enterprises in northern regions..... ***132***

Shikhverdiev A. P., Vishnyakov A. A., Oganezova N. A.
Innovation-driven activities of small and medium-sized enterprises in the North and the Arctic:
Insights from the Komi Republic..... ***149***

SOCIAL DIMENSION OF THE RUSSIAN ARCTIC GROWTH

Svinin S. V., Dyadik V. V.
Corporate social responsibility strategies of resource companies as a driver of competitiveness
in Arctic single-industry towns..... ***163***

Bazhutova E. A.
Migration trends in the Russian Arctic: Challenges and strategies for population retention..... ***180***

СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Научная статья
УДК 332.1(985)
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ 2014 И 2021: ВОЗМОЖНА ЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРИ СМЕЩЕНИИ ПРИОРИТЕТОВ? ЧАСТЬ 1

Александр Дмитриевич Волков[1], Наталья Андреевна Рослякова[2], Евгений Александрович Каневский[3], Кирилл Кириллович Боярский[4]
[1, 2]Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова Российской академии наук, Москва, Россия
[1]kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483
[2]na@roslyakova24.ru, ORCID 0000-0002-7511-2141
[3]Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, eak300@mail.ru, ORCID 0000-0002-1498-4632
[4]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», Санкт-Петербург, Россия, boyarin9@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0306-8276

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформаций стратегических документов развития российской Арктики в аспектах ценностного и функционального наполнения. Актуальность работы определяется необходимостью обеспечения сбалансированности, преемственности и завершенности регулятивных воздействий в рамках стратегического управления развитием арктического макрорегиона в период трансформации его институциональных основ. Цель — выявление особенностей трансформации и преемственности смыслов в стратегических документах развития Арктической зоны Российской Федерации в аспектах ценностного и функционального наполнения. Информационной основой исследования являются указанные документы стратегического планирования. Использованы методики семантического и контент-анализа с применением аналитических возможностей системы «ДИСКАНТ (Вега)», парсера SemSin и утилиты Stalker. В рамках анализа степени расхождения семантического содержания применен коэффициент Брея — Кёртиса. Проведен углубленный компаративный анализ стратегических и программных документов, принятых в рамках первой (2008–2014 гг.) и второй (2020–2021 гг.) волн законотворчества. Определены основные и вторичные трансформации в ценностно-смысловом и функциональном (мероприятия) содержании, а также аспекты их преемственности в логике социально-экономического развития. Особенностью трансформационных изменений в рамках мероприятий является расширение перечня их отдельных форм в приоритетных сферах, таких как «обеспечение безопасности», «государственная поддержка экономических субъектов» и «привлечение инвестиций». Выявлена сонаправленность в области повышения внимания к «безопасности» в ее военном и государственном аспектах как в рамках ценностей, так и в рамках мероприятий. В ряде сфер наблюдается определенная рассогласованность между динамикой упоминания ценностей и мероприятий. Научная новизна полученных результатов определяется глубиной и качеством анализа ценностно-смыслового аспекта в рамках трансформации стратегических документов развития российской Арктики, практическая ценность заключается в формировании аналитических возможностей для совершенствования программных и стратегических документов, обеспечения завершенности и системности регулятивных воздействий. В продолжении исследования будут рассмотрены аспекты внутренней и динамической согласованности стратегических документов по целям, мероприятиям и эффектам.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, стратегия Арктики, стратегические цели, ценности, мероприятия, семантический анализ, контент-анализ

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 24-78-10166 «Моделирование цифровой трансформации управления пространственным развитием Российской Арктики в условиях неравновесной динамики регионов» (https://rscf.ru/project/24-78-10166/).

Для цитирования: Арктические стратегии России 2014 и 2021: возможна ли преемственность при смещении приоритетов? Часть 1 / А. Д. Волков [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С 7–25. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001.

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

STRATEGY AND MECHANISMS FOR STATE POLICY IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN ARCTIC

Original article

RUSSIA'S ARCTIC STRATEGIES OF 2014 AND 2021: IS CONTINUITY POSSIBLE AMID SHIFTING PRIORITIES? (PART 1)

Alexander D. Volkov[1], Natalia A. Roslyakova[2], Evgeniy A. Kanevsky[3], Kirill K. Boyarsky[4]
[1, 2]V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[1]kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483
[2]na@roslyakova24.ru, ORCID 0000-0002-7511-2141
[3]Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, eak300@mail.ru, ORCID 0000-0002-1498-4632
[4]ITMO University, Saint Petersburg, Russia, boyarin9@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0306-8276

Abstract. This article examines the transformation of strategic documents for the development of the Russian Arctic, focusing on their value and functional content. Ensuring balance, continuity, and comprehensiveness in the regulatory influence of Arctic macroregional strategic management is particularly relevant amid the ongoing transformation of institutional foundations. The primary aim of this study is to identify the specific nature of these transformations and assess the continuity of their core principles. The research analyzes the value and functional content of strategic development documents for the Russian Arctic Zone, using official strategic planning documents as its information base. The study employs semantic and content analysis methods, utilizing the analytical capabilities of the Discant (Vega) system, the SemSin parser, and the Stalker utility. To assess discrepancies in semantic content, the Bray-Curtis index is applied. A detailed comparative analysis is conducted on strategic and policy documents from the first (2008–2014) and second (2020–2021) waves of Arctic policy formulation. The study identifies primary and secondary transformations in the value-semantic and functional content of these documents, as well as aspects of their continuity in the broader framework of socio-economic development. A key feature of the transformations is the expansion of specific policy measures in priority areas, including "ensuring security," "government support for economic entities," and "attracting investments." Notably, there is a growing emphasis on "security" in both military and public contexts, reflected in both value frameworks and policy measures. However, in certain areas, discrepancies emerge between the evolution of value orientations and the dynamics of policy implementation. The scientific contribution of this study lies in its depth of analysis and the quality of its examination of the value-semantic dimension within the transformation of Arctic strategic documents. Its practical significance is evident in the improved analytical capabilities it provides for refining policy and strategic documents, ensuring a more comprehensive and systematic approach to regulatory interventions. Future research will focus on assessing the internal and dynamic consistency of strategic documents in terms of their goals, measures, and anticipated outcomes.
Keywords: Russian Arctic, Arctic strategy, strategic goals, values, activities, semantic analysis, content analysis
Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation, project number 24-78-10166, "Digital Transformation Modeling for Spatial Development Management in the Russian Arctic Amid Regional Instability" (https://rscf.ru/project/24-78-10166/).
For citation: Volkov A. D., Roslyakova N. A., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K. Russia's Arctic strategies of 2014 and 2021: Is continuity possible amid shifting priorities? (Part 1). *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 7–25. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001.

Введение

Развитие Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) является одним из безусловных приоритетов государственной политики в последнее десятилетие. Об этом говорит существенная активизация разработки стратегических и программных документов развития арктического макрорегиона, наблюдаемая с 2008 г. За прошедшее время можно выделить две основных волны их принятия: 2008–2014 гг. и 2020–2021 гг. При этом длительность первой волны характеризуется определенным временным лагом между принятием рамочных Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу и другими документами. По общепринятым в рамках государственного управления практикам, стратегические документы определяют общие направления, приоритеты и цели развития, а также механизмы их достижения, сроки реализации мероприятий и критерии оценки результативности при долгосрочном горизонте планирования (6–15 лет)[1] [1]. Достаточно длительный срок их реализации позволяет осуществить

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102354386 (дата обращения: 06.10.2024).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

процедуру «сонастройки» соответствующих стратегических документов на всех уровнях административно-управленческих структур и пространственной организации экономики, разработать соответствующую нормативно-правовую базу их претворения в жизнь.

Для АЗРФ необходимость выявления долгосрочных приоритетов, тщательность проработки и сонастройка механизмов их реализации особенно важны. Эта значимость определяется необходимостью планирования хозяйственной деятельности в условиях повышенных издержек и сроков реализации инвестиционных и инфраструктурных проектов, ограниченности трудовых ресурсов, сезонности проводимых работ, транспортной недоступности территорий, высокой зависимости арктических проектов от поставок импортного оборудования и технологий [2]. Для этого ряда условий отдельно следует отметить аспект геополитической и глобальной экономической стабильности, который, кроме комплекса макроэкономических эффектов, обуславливает уровень допустимой волатильности указанных условий.

Принятие стратегических и программных документов как первой (2008–2014 гг.), так и второй (2020–2021 гг.) волн совпало с началом периодов глобальной нестабильности и внешних шоков. В итоге условия, в которых данные документы разрабатывались и на контекст которых была рассчитана реализация их механизмов, существенно отличались от реальных, сложившихся в условиях геополитической турбулентности обстоятельств. Это определило трансформацию как приоритетов государственной политики, так и транслирующих их стратегических документов. Несмотря на то, что исследователями достаточно подробно рассмотрены аспекты становления [3; 4], структурной организации [5] и эволюции [6; 7] программных документов, проанализирована их комплексность и непротиворечивость [8], один из ключевых аспектов остается неизученным. Таким аспектом является трансформация ценностно- и функционально-смыслового содержания документов, определяющих регулирующие сигналы для экономических агентов, а также их преемственность в долгосрочной перспективе, обуславливающая завершенность регулятивных воздействий. Указанный пробел в рассматриваемом предметном поле определяет постановку цели исследования — выявление особенностей трансформации и преемственности смыслов в стратегических документах развития АЗРФ в аспектах ценностного и функционального наполнения.

Для реализации указанной цели поставлены следующие задачи:

1) углубленный компаративный анализ стратегических и программных документов, принятых в рамках первой (2008–2014 гг.) и второй (2020–2021 гг.) волн законотворчества. Сопоставление их ценностно- и функционально-смыслового содержания;

2) установление основных и вторичных трансформаций в ценностно-смысловом аспекте и управленческих сигналах, а также степени их преемственности в логике социально-экономического развития.

Научная новизна полученных результатов определяется глубиной и качеством анализа ценностно-смыслового и функционально-смыслового аспектов в рамках трансформации стратегических документов развития российской Арктики, а их практическая ценность — сформированными аналитическими возможностями для усовершенствования программных и стратегических документов развития АЗРФ, обеспечения завершенности и системности регулятивных воздействий.

Обзор литературы

Контент-анализ — это исследовательский метод, направленный на определение в текстах значимых смысловых конструкций и контекста их использования [9, с. 18]. M. Bengtsson выделяет четыре отдельных этапа в рамках процедуры контент-анализа:

— деконтекстуализация, в рамках которого выявляются элементарные смысловые единицы;

— реконтекстуализация, в ходе которого исключается информация, не связанная с выделенными на первом этапе смысловыми единицами;

— категоризация, предполагающая классификацию смысловых единиц и определение тематических связок между ними;

— компиляция как итоговый этап концентрации смыслового содержания анализируемого текста [10].

Применение контент-анализа при изучении информационных процессов в сфере государственного управления охватывает несколько основных предметных областей. Одним из ключевых и широко применимых является семантический анализ корпуса экспертных полуструктурированных интервью, посвященных аспектам управления [11; 12]. В последние годы данному подходу все чаще сопутствует привлечение дополнительных источников информации (от web-страниц до исследовательских работ, например [13]) для повышения обоснованности выводов. Наиболее быстро развивающейся областью контент-анализа в сфере исследования взаимодействия органов государственной власти и населения является анализ

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

семантического наполнения официальных страниц правительственных структур в социальных сетях [14–19]. Отмечается, что основными целями использования соцсетей государственными структурами являются повышение прозрачности деятельности, вовлечение граждан в процессы принятия решений [20], определение организационных форм управления [16], выстаивание доверительного управления [17], а также развитие человеческого капитала за счет повышения уровня технологической готовности [21]. При этом в рамках анализа обратной связи со стороны населения исследователи приходят к выводу, что взаимодействие государства и общества в социальных сетях не имеет характера критически осмысленного и обоснованного диалога, а опирается скорее на эмоционально обусловленные реакции, построенные на механизмах предвосприятия, что создает основу для манипуляций и противоречит принципам демократического управления [22; 23] (источник [24] определяет это как формирование дискурсивного фрейма, а, в сущности, речь идет о формировании новых нарративов восприятия смыслов).

В данном контексте стратегические документы как объект анализа имеют совершенно другую природу с точки зрения информационного наполнения и функционала. Они являются логически и юридически выверенными инструментами, ориентированными не на эмоциональную реакцию, а на создание аналитических и нормативных основ соорганизации субъектов и процессов управления, что, однако, не лишает стратегические документы ценностно-смыслового наполнения. Практика анализа документов стратегического планирования охватывает анализ структуры и содержания документов [25; 26], компаративный анализ в разрезе сфер применения и территорий [27], тематическое и смысловое наполнение [28], аспекты сочетаемости и системности документов [29; 30], а также представленность отдельных тематик [31]. Причем данный анализ может быть как статического, так и динамического характера. В исследовании Guo et al. [32] анализируются как аспекты представления стратегических документов, такие как удобство чтения и качество изложения информации (на базе анализа количества слов в предложениях, среднего числа предложений в абзаце, частоты употребления специальной терминологии, наличия визуализации и ряда других параметров), так и содержательные аспекты: прослеживается связь между набором и частотой затрагиваемых тематик и пространственными особенностями территорий, а также динамикой тематического наполнения документов с течением времени [32]. В работе Wang et al. представлены методика и инструментарий оценки согласованности документов различного ведомственного подчинения в сфере управления отходами (электрическое и электронное оборудование). На основе процедур с использованием трехмерной структуры семантического анализа была выявлена выраженность указанной проблематики в отдельных документах, а также проблемы, снижающие эффективность регулятивных воздействий в рамках законодательного обеспечения и нормативных актов ведомств и учреждений (недостаточная согласованность деятельности ряда правительственных департаментов и отсутствие целевого планирования) [33]. В работе Liu et al. [34] применение технологии интеллектуального анализа текста и модели индекса согласованности моделирования политики (Policy Modeling Consistency (PMC) index model) позволило авторам провести оценку регулятивных документов различной ведомственной принадлежности и уровня на предмет продольной и горизонтальной согласованности. В частности, авторами выявлено, что в рамках объекта исследования наблюдается высокий уровень согласованности политик местных органов власти с центральным правительством, в то время как межуровневое сравнение показывает значительное отставание местного законодательства от центрального по показателю горизонтальной согласованности, что позволяет говорить о значительном неравенстве в способности местных органов власти разрабатывать политику [34].

В ряде работ на основе семантического анализа законодательных актов и материалов судебных дел разрабатываются системы прогнозирования судебных решений [35; 36]. Так, в работе Aletras et al. обосновывается влияние не только фактологического наполнения, но и тематического содержания дела на вероятность того или иного судебного решения [35]. В исследовании Z. Liu & H. Chen [37] провели сравнение различных моделей машинного обучения (искусственная нейронная сеть, логистическая регрессия, bootstrap-агрегирование, метод случайного леса и вычисление опорных векторов), используемых в прогнозировании судебных решений и выявили превосходство модели вычисления опорных векторов по всем основным параметрам [37]. Значительный потенциал, сформированный в этой области семантического анализа, и расширение предметной области его применения, например [38], позволяют говорить об определенных перспективах его использования в сфере оценки ожидаемой результативности стратегических и программных документов.

При всем многообразии технических средств и методических подходов к анализу стратегических документов и законодательных актов, которое демонстрирует мировая научная литература, лишь малая часть их методического потенциала нашла свое

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

применение в рамках исследований в предметном поле российского арктического законодательства. Так, например, В. В. Фаузер отмечает смещение акцентов с территорий Севера в сторону территорий Арктики, наблюдаемое в стратегических документах до и после 2014 г. [39]. В работе Р. А. Греся, Б. С. Жихаревича и Т. К. Прибышина [40] осуществлено сопоставление выраженности первичных элементов арктической специфики и оценки адекватности ее учета в стратегиях муниципальных образований Арктической зоны России и предложена соответствующая методика анализа. В исследовании В. И. Бланцы [8] на основе сопоставления положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года и данных об экономической специализации арктических территорий делается вывод о недостижимости целей пространственного развития в результате реализации мероприятий, перечисленных в двух стратегиях, в частности, опровергается возможность формирования единого арктического макрорегиона [8]. В работе Н. А. Росляковой и соавторов [27] представлен методический инструментарий, позволяющий проводить содержательный анализ с выделением и концентрацией смысловых конструкций в рамках документов стратегического планирования. Исследователями выявлено, что стратегии северных регионов являются гораздо более сбалансированными и комплексными по закладываемым ценностям, чем стратегии южных регионов. Однако, при анализе семантических конструкций мероприятий и эффектов от реализации для северных регионов, мы видим значительную асимметрию смыслов, сконцентрированных в области занятости и трудоустройства [27].

Несмотря на существующие научные заделы, до настоящего времени остаются совершенно не изученными аспекты трансформации и преемственности ценностно-смысловых и функционально-смысловых ориентиров и управленческих сигналов в стратегических документах развития Арктической зоны Российской Федерации. Данные аспекты имеют исключительно важное значение для оценки последовательности в стратегическом целеполагании. Данные вопросы формируют предметное поле представленной статьи.

Методология

Информационной основой исследования являются документы стратегического планирования, определяющие цели и приоритеты социально-экономического развития АЗРФ. Эти документы разделены нами на две группы — принятые в период 2008–2014 гг. (документы первой волны) и в период 2020–2021 гг. (документы второй волны).

В первую группу входят три документа (принятые в период 2008–2014 гг.): «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

Во вторую группу входят соответствующие документы, принятые после 2020 г.: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» и государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Первая группа документов содержит более 30 тысяч слов и около 280 тысяч знаков, вторая — 18 тысяч слов и более 150 тысяч знаков. Эти отличия обуславливают использование в дальнейшем анализе нормированных значений частот для того, чтобы нивелировать различия, обусловленные объемом документов.

Работа с информационной основой и реализация задач исследования опираются на использование методик семантического и контент-анализа, аналитических возможностей системы «ДИСКАНТ (ВЕГА)», парсера SemSin и утилиты Stalker [41; 42].

На первом этапе анализа формируются алфавитные и частотные словари стратегических документов обеих волн. В рамках второго этапа осуществляется синтаксический и семантический разбор текстов документов обеих волн для выявления значимых смысловых словосочетаний (N-грамм), на основе которых возможно получить предварительные оценки смысловых трансформаций, происходящих в документах. Осуществляется сопоставление частоты упоминания N-грамм по нормированному показателю «число упоминаний на миллион слов» (“instance per million, ipm”) [42].

На третьем этапе на основе заданных шаблонов N-грамм и с учетом смыслов, идентифицируемых по ключевым словам-маркерам, отбираются словосочетания, которые формируют группы ценностных и функциональных (по мероприятиям) смыслов документов. Их анализ позволяет уточнить и конкретизировать отмеченные на предыдущем этапе трансформации содержания документов. Различные словосочетания (N- и биграммы), объединенные общим смыслом, формируют отдельные ценности или группы мероприятий.

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

Каждое отдельное словосочетание при этом является формой представления той или иной ценности или группы мероприятий.

На четвертом этапе осуществляется оценка первичных и вторичных трансформаций в ценностных и функциональных аспектах на основе частных и общих коэффициентов Брея — Кёртиса (меры несхожести) и качественного анализа. При этом трансформационные изменения первого порядка (первичные) отражают представленность отдельных групп мероприятий или ценностей в программных документах первой и второй волн. Трансформационные изменения второго порядка (вторичные) обусловлены изменением набора и частоты упоминания отдельных форм представления ценностей или мероприятий в программных документах первой и второй волн.

Результаты

На первом этапе рассмотрим частоту употребления отдельных слов в рамках программных документов первой и второй волн. В табл. 1 приведены примеры наиболее частотных слов (слова с частотой более 3 400 упоминаний на 1 млн слов)[2] в виде лемм (существительных и прилагательных в именительном падеже единственного числа, глаголов — в инфинитиве; здесь и далее леммы выделены прописными буквами).

Таблица 1

Топ частотных словарей документов разных периодов

Документы первой волны	Частота, ipm	Документы второй волны	Частота, ipm
РОССИЙСКИЙ	24 504	РОССИЙСКИЙ	30 400
ФЕДЕРАЦИЯ	23 764	ФЕДЕРАЦИЯ	30 047
ЗОНА	18 322	АРКТИЧЕСКИЙ	19 051
АРКТИЧЕСКИЙ	17 291	РАЗВИТИЕ	18 346
РАЗВИТИЕ	14 876	ЗОНА	16 288
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ	7 728	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ	9 702
ОБЕСПЕЧЕНИЕ	7 116	РЕАЛИЗАЦИЯ	9 467
РЕАЛИЗАЦИЯ	6 150	АРКТИКА	8 232

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

Сопоставляя результаты, представленные в табл. 1, можно заключить, что в документах второй волны среди наиболее упоминаемых слов отсутствуют такие леммы, как: ПРОГРАММА, МЕСТОРОЖДЕНИЕ, ОПОРНЫЙ, ОСВОЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ФОРМИРОВАНИЕ, СЕВЕРНЫЙ, ТРАНСПОРТНЫЙ и ОБЛАСТЬ. С другой стороны, появляются новые понятия: СУБЪЕКТ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ИЗМЕНЕНИЕ, ФЕВРАЛЬ, ЦЕЛЬ, ИНФРАСТРУКТУРА, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, СТРАТЕГИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и МУНИЦИПАЛЬНЫЙ. Можно сделать вывод (правда, пока очень осторожный), что со временем возрос интерес к экономике и инфраструктуре, к национальной стратегии и муниципальной деятельности. Однако это слишком неопределенно и пока мало что дает нам для понимания сути трансформационных процессов, протекающих в рамках эволюции стратегических документов.

На следующем этапе из частотных словарей были отобраны значимые по смыслу (исключая служебные) слова, которые отсутствуют в противоположном столбце или частота появления которых более чем в 2 раза превышает частоту той же леммы в противоположном столбце, что позволяет оценить смещение в смыслах. Имеет место два вида трансформаций: трансформация сохраняющегося в своей сути смысла и появление новых/исчезновение старых смыслов. Так, например, смысл добычи природных ресурсов сохраняется, но происходит его трансформация: от ископаемых ресурсов (уголь, золото) и углеводородного сырья в сторону газа (газ, газовый, шельф). То есть имеет место приоритезация добычи данного вида ресурсов. Аналогично в документах первой волны выделяется значение рынка, а в документах второй — государственного управления и бюджетных отношений; в области стимулирования экономического роста происходит трансформация, связанная с переходом от инновационно-технологических факторов в сторону информационных (цифровых).

Далее с применением анализатора текста SemSin [42] были выявлены биграммы по шаблону «прилагательное + существительное» и «существительное + существительное в родительном

[2] Полный список наиболее употребляемых N-грамм представлен на ресурсе — URL: https://roslyakova.do.am/Analit_zapisli/Table_SiR_15112024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

падеже». Выявление биграмм позволяет глубже и конкретнее интерпретировать трансформацию смыслов, выявленную в общих контурах на предыдущем этапе. Мы видим, что в документах второй волны большее внимание обращается на национальные интересы. При этом исчезает понятие «опорная ЗОНА», что свидетельствует об изменении планируемого способа пространственной организации хозяйственных систем арктических регионов. Сохраняется интерес к Северному морскому пути (СМП). Состав пяти первых по встречаемости биграмм «существительное + существительное в родительном падеже» практически не изменился (исчезла «РЕАЛИЗАЦИЯ проекта» и появился «УКАЗ Президента» при сохранении остальных четырех), в то время как в составе второй пятерки все биграммы различны. Для получения более отчетливой картины отличий документов первой волны от второй выделим из текстов более длинные сочетания слов — N-граммы. Наиболее употребляемые из них можно видеть в табл. 2[3].

Таблица 2

Наиболее употребляемые N-граммы

N-граммы	Частота, ipm	
	Первая волна	Вторая волна
РАЗВИТИЕ Арктической зоны Российской Федерации	3 488	2 915
Северный морской ПУТЬ	2 067	2 145
ТЕРРИТОРИЯ Арктической зоны Российской Федерации	1 357	1 980
Государственная ПОЛИТИКА Российской Федерации в Арктике	840	1 760
АКВАТОРИИ Северного морского пути	129	1 265
Социально-экономическое РАЗВИТИЕ Арктической зоны Российской Федерации	1 970	1 210
Государственная ПРОГРАММА Российской Федерации	1 647	1 045

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

Здесь мы видим, что в документах второй волны увеличивается роль Северного морского пути, значимо более выраженное внимание уделяется аспектам национальной безопасности и национальным интересам Российской Федерации. Повышается значение таких институтов развития АЗРФ, как Государственная комиссия по вопросам развития Арктики и Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Усилился интерес к вопросам добычи и транспортировки природного газа, возникновению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, инвестициям в основной капитал и капитальному строительству, а также к бюджетам субъектов Российской Федерации. При этом аспектам, связанным с коренными малочисленными народами, месторождениями твердых полезных ископаемых и водными биологическими ресурсами, стало уделяться гораздо меньшее внимание, а понятия, связанные с акционерными обществами и опорными зонами развития Арктики, полностью исчезли из программных документов. Последнее обуславливается сворачиванием подпрограммы опорных зон развития Арктики и ее отсутствием в актуальных редакциях стратегических документов.

Трансформация ценностей в стратегических документах развития Арктики

С целью анализа произошедших трансформаций в ценностных ориентирах и планируемых мероприятиях в рамках перехода от документов первой к документам второй волны нами были выявлены соответствующие биграммы и N-граммы, идентифицируемые по ключевым словам-маркерам. Первичный анализ показал, что в рамках рассмотрения ценностей более информативным оказывается анализ биграмм, а в рамках анализа мероприятий — N-грамм. Это обусловлено их структурными особенностями: ценности, как правило, характеризуются более общими фразами, включающими объект и предмет, а мероприятия — более конкретизированными смысловыми конструкциями, включающими предмет, объект и необходимое действие. В дальнейшем соответствующие ценностям и мероприятиям би- и N-граммы были сгруппированы по смысловому сходству в 14 и 56 групп соответственно (примеры группировки по отдельным смыслам представлены на ресурсе[4]).

Оценим трансформационные изменения в ценностях в рамках программных документов. Эти изменения прослеживаются, во-первых, в том,

[3] Полный список наиболее употребляемых N-грамм представлен на ресурсе — URL: https://roslyakova.do.am/Analit_zapisli/Table_SiR_15112024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

[4] Биграммы, выражающие ценность «безопасность», представлены на ресурсе — URL: https://roslyakova.do.am/Analit_zapisli/Table_SiR_15112024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

насколько изменилась представленность отдельных ценностей в стратегических документах первой или второй волны (определяется через относительную частоту упоминания в документах биграмм, соответствующих данной ценности); во-вторых, в содержательном наполнении каждой из выделенных ценностей различными формами представления (определены нами через качественный состав биграмм, выражающих ту или иную ценность). Перечень ценностей и соответствующие указанным аспектам значения частных и общих коэффициентов Брея — Кёртиса представлены в табл. 3.

Таблица 3

Ценности в рамках стратегических документов развития российской Арктики

Ценности	Первая волна, ipm	Вторая волна, ipm	Коэффициент Брея — Кёртиса второго порядка (частный)
Безопасность	6 147	8 587	0,33
Образование	1 608	2 116	0,44
Жизнь	1 514	2 116	0,23
Стратегический интерес	419	764	0,67
Доступность	193	705	0,57
Традиционный образ	97	235	0,42
Культура	128	118	1,00
Здоровый образ	64	118	0,30
Гражданское общество	451	0	1,00
Стратегический приоритет	258	0	1,00
Доход	225	0	1,00
Труд	194	0	1,00
Сохранение образа	64	0	1,00
Занятость	64	0	1,00
Коэффициент Брея — Кёртиса первого порядка (общий)			0,22

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

Как мы видим, общая представленность ценностей изменилась умеренно, соответствующее значение общего коэффициента Брея — Кёртиса составляет 0,22. Несмотря на исчезновение ряда относительно менее выраженных ценностей, таких как «гражданское общество», «доход», «труд», «занятость», основные ценности («безопасность», «образование», «жизнь») остались прежними, а их представленность в документах увеличилась. Наибольший относительный рост представленности показали ценности «доступность», «традиционный образ», «интерес» и «безопасность».

В рамках трансформаций второго порядка (содержательное наполнение каждой из выделенных ценностей различными формами представления) следует отметить преобладающую тенденцию сокращения форм представления по большинству ценностей, а также определенное смещение акцентов. Среди сохранившихся наибольшие изменения затронули такие ценности, как «культура», «стратегический интерес», «доступность», «образование». Умеренные изменения прослеживаются в рамках форм представления таких ценностей, как «традиционный образ», «безопасность», «здоровый образ».

Рассмотрим трансформации, произошедшие в рамках отдельных ценностей. Ключевое внимание уделим основным по упоминаемости (см. табл. 3). Так, для ценности «безопасность» более чем в два раза увеличилось упоминание форм «обеспечение безопасности», «безопасность Федерации». Также возросло употребление форм «национальная безопасность» и «национальный интерес». Появились такие формы, как «общественная безопасность» и «пожарная безопасность». В то же время практически или полностью исчезло из стратегических документов второй волны упоминание таких форм, как «комплексная безопасность», «международная безопасность», «энергетическая безопасность», «гидрометеорологическая безопасность», «радиационная безопасность», а также блок форм, относящихся к безопасности в сфере логистики («безопасность судоходства», «безопасность маршрута», «безопасность перевозки»). Сократилось упоминание «экологической безопасности». Можно говорить о тенденции сокращения разнообразия форм представления ценности «безопасность» в первую очередь за счет ее частных проявлений в отдельных сферах жизнедеятельности общества и определенной концентрации упоминания в рамках основных форм, связанных с национальной безопасностью.

В рамках упоминаний ценности «образование» сохранились примерно на прежнем уровне формы,

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

относящиеся к его основным видам, — «система образования», «развитие образования», «профессиональное образование», «высшее образование», «среднее образование», а также появились такие формы, как «общее образование», «дополнительное образование», «качественное образование». В то время как исчезли формы, относящиеся к различным частным аспектам и характеристикам процесса образования и обучения: «многоуровневое образование», «непрерывное образование», «специальное образование», «профессиональное обучение», «дистанционное обучение», «средство обучения» и т. д. В целом можно говорить о снижении разнообразия форм упоминания ценности «образование» и сокращении их описательного характера. Происходит концентрация и инструментализация форм упоминания данной ценности в первую очередь в русле основных институционализированных уровней образования.

Относительно небольшие трансформации произошли в составе форм упоминания ценности «жизнь». Единственной исчезнувшей формой явилась относительно малоупотреблявшаяся в рамках документов первой волны форма «уровень жизни». В то время как более чем в 7 раз возросло упоминание формы «продолжительность жизни», более чем в 2 раза — формы «образ жизни» и в 1,8 раза — формы «жизнь народа». На прежнем уровне осталось употребление наиболее значимых по числу упоминания форм «качество жизни» и «жизнь населения». Можно говорить об общем сохранении смыслов, заложенных в рамках данной ценности, и некотором смещении акцентов от уровня жизни в сторону ее продолжительности.

Достаточно сильные трансформационные изменения коснулись форм выражения ценности «стратегический интерес» (в значении национальный, государственный). Мы видим, что в 3–4 раза увеличилось упоминание таких форм, как «интерес Федерации» и «защита интереса», но в то же время практически исчезло употребление форм «реализация интереса» и «стратегический интерес». Следует отметить, что анализ употребления форм, связанных с данной ценностью, в стратегических документах первой и второй волн говорит как о возросшем внимании, уделяемом национальным интересам, так и об определенном приоритете защиты этих интересов.

Среди относительно менее представленных в стратегических документах ценностей мы видим, как правило, более высокие значения коэффициента Брея — Кёртиса, что обусловлено, с одной стороны, меньшим количеством употребляемых форм, с другой стороны, их сменой в рамках документов двух волн. Таким образом, даже одна-две различных формы значительно увеличивают меру несходства в рамках той или иной ценности из указанного числа. Так, например, значительно трансформировались формы упоминания ценности «культура». Формы «культурное взаимодействие» и «сохранение культуры», исчезнув, уступили место форме «культурное наследие», по частоте упоминаний в документах второй волны практически равной сумме упоминаний двух исчезнувших форм в документах первой волны.

Трансформация предполагаемых мероприятий в стратегических документах развития российской Арктики

Трансформационные изменения в предполагаемых мероприятиях, так же как и в рамках ценностей, наблюдаются, во-первых, в аспекте частоты упоминания мероприятий, относимых к той или иной группе, а во-вторых, в разрезе содержательного наполнения каждой из выделенных групп мероприятий. Оба этих аспекта отражены в табл. 4, где приведены оценки значения коэффициентов Брея — Кёртиса первого и второго порядков соответственно.

Мы видим, что общий состав и упоминаемость мероприятий изменились в значительно большей степени, чем ранее рассмотренные ценности. Соответствующее значение коэффициента Брея — Кёртиса составляет 0,44, что говорит о достаточно выраженном расхождении групп мероприятий в документах первой и второй волн. Так же как и при анализе ценностного наполнения, мы видим, что общее количество групп упоминаемых мероприятий сократилось в рамках документов второй волны при росте частоты упоминания мероприятий, относимых к нескольким основным группам. К таким группам можно отнести «обеспечение безопасности», «реализацию проектов», «государственную поддержку», «создание инфраструктуры» и «привлечение инвестиций». Наибольший относительный рост представленности среди основных групп мероприятий наблюдается в «привлечении инвестиций», «создании рабочих мест», «государственной поддержке». Появились и стали достаточно выраженными группы мероприятий «медицинская помощь» и «социальное развитие». В то же время сократилась представленность мероприятий, относимых к группам «освоение месторождений», «сохранение природной среды», «строительство флота» и «международное сотрудничество». Исчезли или практически не упоминаются мероприятия групп «создание оборудования», «обеспечение экономического развития», «создание научно-технического задела», «совершенствование нормативной базы», «энергосбережение и ВИЭ», «сохранение культуры», «создание опорных зон», «обеспечение перевозок», «развитие судостроения» и «расширение ресурсной базы» (см. табл. 4).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

Таблица 4

Группы предполагаемых мероприятий в рамках стратегических документов развития российской Арктики

Группы мероприятий	Первая волна, ipm	Вторая волна, ipm	Коэффициент Брея — Кёртиса второго порядка (частный)
Обеспечение безопасности	2446	6350	0,49
Реализация проектов	2253	4175	0,45
Государственная поддержка	225	1410	1,00
Создание инфраструктуры	903	1237	0,71
Привлечение инвестиций	64	883	1,00
Освоение месторождений	2963	765	0,65
Создание условий	709	765	0,45
Реализация госполитики	708	764	0,13
Освоение территорий	741	706	0,70
Использование технологий	867	588	0,78
Создание рабочих мест	64	471	0,76
Создание ИТ-инфраструктуры	289	412	1,00
Медицинская помощь	0	412	1,00
Социальное развитие	0	412	1,00
Сохранение природной среды	771	411	0,46
Аварийно-спасательная деятельность	64	353	1,00
Рациональное использование ресурсов	129	294	0,39
Судоходство и использование СМП	258	236	1,00
Строительство флота	515	235	0,49
Международное сотрудничество	354	118	1,00
Обеспечение российского присутствия	161	118	0,54
Совершенствование образования	128	118	1,00
Региональные мероприятия	128	118	0,48
Создание оборудования	740	0	1,00
Обеспечение экономического развития	354	0	1,00
Создание научно-технического задела	321	0	1,00
Совершенствование нормативной базы	257	0	1,00
Энергосбережение и ВИЭ	225	0	1,00
Сохранение культуры	192	0	1,00
Создание опорных зон	161	0	1,00
Обеспечение перевозок	161	0	1,00
Развитие судостроения	161	0	1,00
Расширение ресурсной базы	128	0	1,00
Коэффициент Брея — Кёртиса первого порядка (общий)			0,44

Примечание. Источник: рассчитано авторами.

В рамках рассмотрения трансформационных изменений второго порядка — в составе мероприятий внутри выделенных групп — следует отметить ту же тенденцию, которую мы наблюдали при рассмотрении ценностей, — сокращение числа отдельных мероприятий, составляющих группы. При этом значения коэффициента Брея — Кёртиса для отдельных групп мероприятий являются в среднем относительно более высокими, чем те, которые мы наблюдали для отдельных ценностей. Так, в одной из ключевых групп мероприятий — «обеспечение безопасности» — мы видим не только преимущественный рост упоминаемости отдельных их видов, но и увеличение числа отдельных мероприятий (что является исключением для рассматриваемых документов). Возросла частота упоминания мероприятий «обеспечение безопасности», «обеспечение национальной безопасности», «обеспечение военной безопасности». Относительно малоупотреблявшиеся в рамках документов первой волны мероприятия «реализация национальных интересов» и «обеспечение национального суверенитета» трансформировались в несколько более частые в рамках документов второй волны «обеспечение национальных интересов», «обеспечение ее национальной безопасности»

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

и «обеспечение общественной безопасности». В целом мы видим значительное усиление акцента на мероприятиях данной группы в документах второй волны — их общая упоминаемость возросла более чем в 2,5 раза.

Группа мероприятий «реализация проектов» испытала значительное сокращение форм представления при общем росте числа упоминаний. Исчезли из упоминания такие мероприятия, как «реализация новых проектов», «реализация арктических проектов», «реализация масштабных проектов», «реализация ключевых инвестиционных проектов», «реализация пилотных проектов», при концентрации упоминаемости мероприятий «реализация проектов» и «реализация инвестиционных проектов». Можно в целом говорить о некотором видоизменении исчезнувших мероприятий и их появлении в более концентрированном по упоминаемости виде в мероприятиях «реализация экономических проектов», «реализация новых инвестиционных проектов» и «реализации крупных инвестиционных проектов». Данную группу мероприятий в рамках выявления аспектов трансформации целесообразно рассматривать вместе со связанными по содержанию группами «привлечение инвестиций», «государственная поддержка», а также с совокупностью исчезнувших групп мероприятий, ориентированных на отдельные направления экономического развития, таких как «обеспечение экономического развития», «создание опорных зон», «обеспечение перевозок» и т. д. В рамках их анализа мы видим общее сокращение описываемых направлений развития при концентрации внимания на сфере привлечения инвестиций и поддержке хозяйственной деятельности. Так, например, в документах второй волны появились и стали достаточно часто упоминаемы мероприятия «государственная поддержка деятельности», «государственная поддержка предпринимательской деятельности», «государственная поддержка традиционной хозяйственной деятельности» и ряд других мероприятий, связанных со стимулированием предпринимательской активности. Практически не представленный в документах первой волны аспект привлечения инвестиций становится одним из основных в документах второй волны, выражаясь в достаточно часто упоминаемых мероприятиях «привлечение инвестиций», «привлечение внебюджетных инвестиций» и т. д.

При этом значительное сокращение испытали различные виды мероприятий в группах «строительство флота», «освоение месторождений», «международное сотрудничество» и «сохранение природной среды». Это сокращение сопровождалось сужением спектра отдельных предполагаемых мероприятий. Так, например, в группе «строительство флота», представленной разнообразными мероприятиями в документах первой волны (например, «строительство флота», «строительство судов», «строительство ледоколов», «строительство природоохранного флота», «создание плавучей обсерватории»), в документах второй волны осталось лишь одно мероприятие с возросшей, но все же с гораздо меньшей относительной частотой упоминания, чем в совокупности указанных выше мероприятий, — «строительство флота». Группа «освоение месторождений» также представляет пример весьма значительного сокращения как частоты упоминания, так и разнообразия предполагаемых мероприятий. На смену 15 в той или иной степени различных мероприятий в документах второй волны пришли 4, с одним новым мероприятием, представляющим небольшое уточнение направления добычи природного газа («освоение газовых месторождений»).

Высокое значение коэффициента Брея — Кёртиса в группе «использование технологий» определяется в том числе резким сокращением числа различных мероприятий: с 11 в стратегических документах первой волны до 2 в документах второй волны. Широкий спектр направлений, представленный «внедрением инновационных технологий», «созданием отечественных технологий», «созданием полноценной инновационной инфраструктуры» и т. д., сократился до базовых и суженных по своему функционалу «использование технологий» и «внедрение технологий». Как и в большинстве других групп, мы видим сокращение общего набора мероприятий при концентрации упоминания в нескольких базовых или приоритетных.

Сопоставление произошедших трансформаций в ценностях и мероприятиях

Следующей задачей является сопоставление трансформационных изменений, произошедших в ценностях и мероприятиях в рамках перехода от стратегических документов первой волны к стратегическим документам второй волны. Сразу следует отметить существенно большее значение коэффициента Брея — Кёртиса в рамках трансформационных изменений первого порядка, произошедших в мероприятиях по сравнению с ценностями (для первых значение составляет 0,44, для вторых — 0,22).

В рамках анализа ценностей можно выделить тенденцию усиления ряда ключевых из них (увеличилась относительная частота упоминания ключевых ценностей «безопасность», «образование», «жизнь») и укрепления нескольких второстепенных («стратегический интерес», «доступность») при

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

общем сокращении набора ценностей. Наибольшее сокращение произошло в рамках ценности «гражданское общество», а относительный рост — в рамках ценности «доступность». В трансформационных изменениях второго порядка (изменение набора и представленности частных форм той или иной ценности) мы видим преобладающую тенденцию концентрации смыслов в нескольких основных формах представления «внутри» ценностей. Так, например, в рамках ценности «безопасность» мы видим снижение дифференцированности по частным формам, относимым к различным сферам экономики и социума, и их сокращение (в документах второй волны исчезли формы «радиационная безопасность», «энергетическая безопасность», «гидрометеорологическая безопасность» и др.) в пользу приоритетных форм — «военная безопасность» и «национальная безопасность». Заметен сдвиг в сторону форм ценностей, имеющих, во-первых, большее отношение к национальным интересам, во-вторых, обладающих более операционализированным и менее описательным характером. Можно говорить о некотором смещении акцентов с условий и качественных аспектов реализации ценностей в сторону количественных аспектов (например, для ценности «жизнь» характерно смещение акцентов с уровня жизни в сторону ее продолжительности).

В рамках мероприятий наиболее значимой тенденцией является рост относительной упоминаемости аспектов, связанных с обеспечением безопасности, реализацией проектов, государственной поддержкой экономических субъектов и привлечением инвестиций. Прослеживается общее сокращение групп мероприятий. Например, исчезли такие группы, как «совершенствование нормативной базы», «энергосбережение и ВИЭ», «создание опорных зон» и ряд других. В рамках трансформационных изменений второго порядка именно в приоритетных сферах документов второй волны («обеспечение безопасности», «государственная поддержка экономических субъектов» и «привлечение инвестиций») мы видим расширение перечня мероприятий, что является исключением и противостоит преобладающей тенденции сокращения набора мероприятий в группах. Имея схожую тенденцию с трансформациями первого порядка, данное сокращение в целом сочетается с повышением концентрации внимания на нескольких приоритетных мероприятиях внутри групп. Заметен сдвиг от непосредственного государственного участия и финансирования к более рыночным регулятивным механизмам, созданию условий и стимулированию. При этом значительно сужается международное сотрудничество, одним из немногих аспектов остается привлечение иностранных инвестиций. Схожая тенденция сужения наблюдается в рамках экологических аспектов и технологического развития. В последнем акцент смещается с создания и внедрения технологий к их использованию. В этой же сфере научно-технического развития мы видим конкретизацию мероприятий и их концентрацию на создании подводной волоконно-оптической линии. В целом заметен переход от мероприятий в области освоения месторождений к более широкому контексту реализации экономических проектов.

В рамках сопоставления трансформаций в области ценностей и мероприятий заметна однонаправленность в области повышения внимания к ценности «безопасность» в ее военном и государственном аспектах. При этом возрастание упоминания данной ценности на 30 % сопровождается увеличением упоминаемости мероприятий данной группы в 2,5 раза. В рамках других ценностей и мероприятий сонаправленность трансформаций не носит такого явного характера. Возрастание внимания к ценности «жизнь» сопровождается появлением новых групп мероприятий «медицинская помощь», «социальное развитие» и значительным увеличением упоминаемости мероприятий группы «аварийно-спасательная деятельность», хотя, разумеется, данные мероприятия не исчерпывают всех форм и аспектов данной ценности. Закономерно, что для создания условий жизнедеятельности важнейшее значение имеет реализация инфраструктурных и экономических проектов. В данной сфере мы видим значимое смещение фокуса мероприятий с непосредственно государственного финансирования в сторону рыночных регулятивных механизмов, создания условий и стимулирования хозяйственной деятельности. В то же время возрастание внимания к ценности «образование» не подкрепляется соответствующими мероприятиями в рамках текстов стратегических документов, а сопровождается даже определенным снижением их упоминаемости в документах второй волны. Достаточно широкая по своему значению ценность «доступность» фактически тоже должна рассматриваться в контексте создания условий жизнедеятельности и в определенной степени может быть связана с мероприятиями в области «создания инфраструктуры». Последние носят более дифференцированный характер в документах второй волны и включают в себя развитие инфраструктуры, ориентированной не только на нужды бизнеса и оборонного ведомства, но и населения.

Определенное противоречие в трансформации ценностей и мероприятий прослеживается, на наш взгляд, в рамках исчезновения в документах второй волны упоминания ценностей «доход», «труд»,

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

«занятость» и «гражданское общество» и усилении внимания в рамках мероприятий к привлечению инвестиций, государственной поддержке хозяйственной деятельности и предпринимательства, созданию рабочих мест.

Выводы и дискуссия

Рассмотрение трансформационных изменений в рамках ценностей и мероприятий в стратегических документах развития российской Арктики первой и второй волн позволило сделать ряд самодостаточных выводов, которые, тем не менее, будут развиты и расширены в следующей части исследования. Во-первых, среди трансформационных изменений можно выделить основные и вторичные трансформации. Среди ключевых первичных трансформаций в рамках ценностей можно отметить тенденцию усиления ряда из них (увеличилась относительная частота упоминания ценностей «безопасность», «образование», «жизнь») и укрепления нескольких второстепенных («стратегический интерес», «доступность») при общем сокращении набора ценностей. Среди вторичных трансформаций ценностного наполнения мы видим преобладающую тенденцию концентрации смыслов в нескольких основных формах представления «внутри» ценностей. Несмотря на то, что формат стратегических документов допускает достаточно общие формулировки ценностей и направлений развития, заметен сдвиг в сторону форм ценностей, имеющих более операционализированный и менее описательный характер.

Среди ключевых первичных трансформаций в области предполагаемых мероприятий можно отметить рост относительной упоминаемости аспектов, связанных с обеспечением безопасности, реализацией проектов, государственной поддержкой экономических субъектов и привлечением инвестиций. Так же как и при рассмотрении ценностей, для мероприятий прослеживается общее сокращение групп, как правило охватывающих частные и более узкие направления. Отличительной особенностью трансформационных изменений в рамках мероприятий является расширение перечня их отдельных форм в приоритетных сферах (например, «обеспечение безопасности», «государственная поддержка экономических субъектов» и «привлечение инвестиций»). В неприоритетных сферах мы видим тенденцию сокращения набора мероприятий в группах, сочетающуюся с повышением концентрации внимания на нескольких приоритетных мероприятиях внутри групп. В содержательном плане в экономической сфере заметен сдвиг от непосредственного государственного участия и финансирования к более рыночным регулятивным механизмам, созданию условий и стимулированию предпринимательской активности.

Следует отметить сонаправленность в области повышения внимания к ценности «безопасность» в ее военном и государственном аспектах как в рамках ценностей, так и в рамках мероприятий. В рамках других ценностей и мероприятий сонаправленность трансформаций не носит такого явного характера. В ряде сфер, таких как образование, а также институциональное обеспечение активизации предпринимательской активности и хозяйственной деятельности, наблюдается определенная рассогласованность между динамикой упоминания ценностей и мероприятий. В целом трансформации, наблюдаемые в рамках мероприятий, носят более выраженный характер, что прослеживается как при качественном анализе содержания документов, так и при исчислении значений соответствующих коэффициентов (коэффициента Брея — Кёртиса). На наш взгляд, это естественно, так как мероприятия опосредуют стратегические цели и конкретные условия, что определяет адаптивность управления в изменяющихся внешней и внутренней средах. При этом следует отметить, что при сохранении ценностей должна соблюдаться преемственность мероприятий, изменяющихся в соответствии с динамикой внутренней и внешней обстановки. Это позволит обеспечить последовательность развития. Исследование показало, что в основных направлениях развития эта преемственность соблюдается, однако угрозы, связанные с выпадением из внимания стратегических документов ряда вторичных направлений (как ценностных, так и функциональных), становятся проблемой, открытой для обсуждения. И если для ряда групп мероприятий мы видим фактическую реструктуризацию или увеличение значимости других (как, например, в соотношении групп мероприятий «обеспечение экономического развития» в документах первой волны и групп «привлечение инвестиций», «государственная поддержка», «создание рабочих мест» в документах второй волны), то для ряда других групп мы наблюдаем их полное исчезновение (например, «развитие судостроения», «совершенствование нормативной базы», «энергосбережение и ВИЭ», «создание опорных зон» и др.). Часть групп мероприятий сократилась по причине отказа от некоторых форматов развития, например «создание опорных зон». Ослабление внимания к другим группам мероприятий отчасти может быть связано с развитием нормативно-правовой базы реализации программных документов,

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

например законодательства в области поддержки предпринимательской деятельности, наблюдаемого с 2019 г., а также с его использованием в рамках стратегических документов второй волны. Однако, на наш взгляд, развитие вспомогательной нормативно-правой базы реализации стратегических документов не отменяет необходимости корректного и сбалансированного расставления акцентов в самих стратегических документах.

Практические рекомендации по результатам исследования заключаются в следующих мерах по совершенствованию документов стратегического планирования развития российской Арктики:

— обеспечение соответствия между ценностями и мероприятиями в таких направлениях, как образование и создание институциональных условий широкого спектра для развития предпринимательства;

— сохранение преемственности ценностей в области гражданского общества, труда, доходов и занятости населения;

— нивелирование дисбаланса в ценностном наполнении стратегических документов, уравновешивание аспектов национальной безопасности и условий жизнедеятельности.

Вклад исследования в изучение процессов и документов стратегического планирования развития российской Арктики заключается в углубленном анализе смыслового (семантического) наполнения данных документов с выявлением ценностных и функциональных аспектов на качественно новом уровне. Данный вклад расширит аналитическую базу дальнейшего совершенствования программных и стратегических документов развития АЗРФ, а также связанного с ними законодательства.

В рамках направлений будущих исследований предполагается сопоставление трансформаций в семантике функционального и результативного наполнения документов стратегического планирования развития российской Арктики, а также дальнейшее сравнение полученных оценок с данными о результативности мероприятий, прописанных в стратегических документах. Реализация указанных задач позволит говорить о завершенности и системности реализации стратегических приоритетов в условиях изменяющихся обстоятельств.

Список источников

1. Тебекин А. В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года // Теоретическая экономика. 2021. № 10 (82). С. 13–26. https://doi:10.52957/22213260_2021_10_13.
2. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография / под науч. ред. В. А. Крюкова, Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2020. 245 с. https://doi:10.37614/978.5.91137.416.7.
3. Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов: монография / под науч. ред. Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2021. 209 с.
4. Скуфьина Т. П. Нормативно-правовое регулирование развития российского Севера и Арктики // Фундаментальные исследования. 2016. № 9–2. С. 424–428.
5. Зайков К. С., Кондратов Н. А., Липина С. А., Бочарова Л. К. Организационные механизмы реализации политики России в Арктике в XXI в. // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 75–109. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2020.39.75.
6. Волков А. Д., Тишков С. В., Никитина А. С. Эволюция механизмов управления экономическим пространством российской Арктики: современный этап // Ars Administrandi. 2022. Т. 14, № 2. С. 174–201. https://doi:10.17072/2218-9173-2022-2-174-201.
7. Koshkin V. New developments in the regulations of the Arctic Zone of the Russian Federation: Continuity and change // The Polar Journal. 2020. Vol. 10, № 2. P. 443–458. https://doi:10.1080/2154896X.2020.1848711.
8. Блануца В. И. Пространственное развитие Арктической зоны России: анализ двух стратегий // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11, № 1. С. 111–121. https://doi:10.25283/2223-4594-1-111-121.
9. Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology. Sage publications, 2019. 472 p. https://doi:10.4135/9781071878781.
10. Bengtsson M. How to plan and perform a qualitative study using content analysis // NursingPlus Open. 2016. No. 2. P. 8–14. https://doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001.
11. Lane R., Kronsell A., Reynolds D., Raven R., Lindsay J. Role of local governments and households in low-waste city transitions // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2024. Vol. 52. 100879. https://doi:10.1016/j.eist.2024.100879.

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

12. Moser-Plautz B. Barriers to digital government and the COVID-19 crisis — A comparative study of federal government entities in the United States and Austria // International Review of Administrative Sciences. 2024. Vol. 90, Issue 2. P. 402–418. https://doi:10.1177/00208523231183566.
13. Ratanaburi N., Alade T., Saçli F. Effects of stakeholder participation on the quality of bicycle infrastructure. A case of Rattanakosin bicycle lane, Bangkok, Thailand // Case Studies on Transport Policy. 2021. Vol. 9, Issue 2. P. 637–650. https://doi:10.1016/j.cstp.2021.03.002.
14. DePaula N., Dincelli E., Harrison T. M. Toward a typology of government social media communication: Democratic goals, symbolic acts and self-presentation // Government Information Quarterly. 2018. Vol. 35, Issue 1. P. 98–108. https://doi:10.1016/j.giq.2017.10.003.
15. Stone J. A., Hakan C. S. Factors influencing tweet purposes and citizen engagement with municipal Twitter accounts // Online Information Review. 2021. Vol. 45, No. 3. P. 501–516. https://doi:10.1108/OIR-05-2020-0175.
16. Roengtam S., Nurmandi A., Almarez D. N., Kholid A. Does social media transform city government? A case study of three ASEAN cities: Bandung, Indonesia, Iligan, Philippines and Pukhet, Thailand // Transforming Government People Process and Policy. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 343–376. https://doi:10.1108/TG-10-2016-0071.
17. Evans L., Franks P., Chen H. M. Voices in the Cloud: Social media and trust in Canadian and U.S. local governments // Records Management Journal. 2018. Vol. 28, No. 1. P. 18–46. https://doi.org/10.1108/RMJ-11-2016-0041.
18. Rodrigues J. d. L., Gomes S. C., Borges F. Q. Electronic participation via Facebook: the potential from Brazilian municipalities // Transforming Government: People, Process and Policy. 2021. Vol. 15, No. 4. P. 442–462. https://doi:10.1108/TG-06-2019-0049.
19. Stone J. A., Flanders K. J., Robles P., Can S. H. Strategic measurement and evaluation of municipal social media: insight from front-line personnel in the United States // Transforming Government: People, Process and Policy. 2024. Vol. 18, No. 1. P. 103–117. https://doi:10.1108/TG-07-2023-0090.
20. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // Government Information Quarterly. 2013. Vol. 30, No. 4. P. 327–334. https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.015.
21. Purbokusumo Y., Santoso A. D. Predictor for local government social media use in Indonesia // Digital Policy, Regulation and Governance. 2021. Vol. 23, No. 6. P. 533–552. https://doi.org/10.1108/DPRG-12-2018-0082.
22. DePaula N., Dincelli E. Information strategies and affective reactions: How citizens interact with government social media content // First Monday. 2018. Vol. 23, No. 4. http://dx.doi.org/10.5210/fm.v23i4.8414.
23. Zhang Y., Chen L., Xie M. How do NPOs' topics and moral foundations in gun-related issues influence public engagement on Twitter? // Internet Research. 2024. https://doi.org/10.1108/INTR-11-2022-0909.
24. Beelitz A., Merkl-Davies D. M. Discursive framing in private and public communication by pro-nuclear corporate, political and regulatory actors following the Fukushima disaster // Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2019. Vol. 32, No. 5. P. 1585–1614. https://doi.org/10.1108/AAAJ-05-2017-2928.
25. Лапенкова Н. В., Побываев С. А., Золотарев Е. В. Апробация разработанной методики компаративного анализа на примере зарубежных и отечественных документов стратегического планирования в области энергетической безопасности // Вопросы безопасности. 2021. № 4. С. 11–29. https://doi:10.25136/2409-7543.2021.4.36382.
26. Сургуладзе В. Ш. Идеологическое измерение стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (1). С. 60–69. https://doi:10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69.
27. Рослякова Н. А., Митрофанова И. В., Каневский Е. А., Боярский К. К. Особенности социально-экономического развития регионов Севера и Юга России: методика полуавтоматического анализа документов стратегического планирования // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 3 (81). С. 61–77. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.004.
28. Ordóñez Barona C., Denis A. S., Jung J., Bassett C. G., Delagrange S., Duinker P., Conway T. A content analysis of urban forest management plans in Canada: Changes in social-ecological objectives over time // Landscape and Urban Planning. 2024. Vol. 251. 105154. https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2024.105154.
29. Сурнина Н. М., Шишкина Е. А., Дьячков А. Г. Сбалансированность стратегического планирования пространственных инфраструктурных систем // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 5. С. 75–91. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-5-5.
30. Ferrod R., Bondarenko D. A., Audrito D., Siragusa G. Pairing EU directives and their national implementing measures: A dataset for semantic search // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 51. 105862. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105862.

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

31. Harris P., Kent J., Sainsbury P., Thow A. M. Framing health for land-use planning legislation: A qualitative descriptive content analysis // Social Science & Medicine. 2016. Vol. 148. P. 42–51. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.11.029.
32. Guo M., Li Q., Wu C., Le Vine S., Ren G. Content analysis of Chinese cities' Five-Year Plan transport policy documents // Case Studies on Transport Policy. 2023. Vol. 13. 101055. https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101055.
33. Wang L., Cai K., Song Q., Zeng X., Yuan W., Li J. How effective are WEEE policies in China? A strategy evaluation through a PMC-index model with content analysis // Environmental Impact Assessment Review. 2025. Vol. 110. 107672. https://doi.org/10.1016/j.eiar.2024.107672.
34. Liu F., Tang J., Rustam A., Liu Z. Evaluation of the central and local power batteries recycling policies in China: A PMC-Index model approach // Journal of Cleaner Production. 2023. Vol. 427. 139073. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139073.
35. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective // PeerJ Computer Science. 2016. 2:e93. https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93.
36. Kaufman A., Kraft P., Sen M. Machine Learning Text Data and Supreme Court Forecasting // Офиц. сайт. Aaron R. Kaufman. 2017. P. 1–15. URL: https://www.aaronrkaufman.com/wp-content/uploads/2016/06/Supreme_Court_Prediction_ v17.pdf.
37. Liu Z., Chen H. A predictive performance comparison of machine learning models for judicial cases // IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI). 2017. P. 1–6. https://doi.org/10.1109/SSCI.2017.8285436.
38. Thomas A., Varghese A. K., Alex P. L., Mathews B. J., Dhanya L. K. Analysis of Machine Learning Algorithms for Predicting the Suitable Career After High School // Proceedings of Third International Conference on Communication, Computing and Electronics Systems. 2022. Vol. 844. P. 89–105. https://doi.org/10.1007/978-981-16-8862-1_7.
39. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 1. С. 111–122. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122.
40. Гресь Р. А., Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Арктическая специфика в стратегиях арктических муниципалитетов // Известия Русского географического общества. 2022. Т. 154, № 1. С. 3–16. https://doi.org/10.31857/S0869607122010037.
41. Боярский К. К., Каневский Е. А. Нелокальные семантические связи в русскоязычных текстах // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2018. Т. 18, № 5. С. 863–869. https://doi:10.17586/2226-1494-2018-18-5-863-869.
42. Боярский К. К., Каневский Е. А. Семантико-синтаксический парсер SEMSIN // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. Т. 15, № 5. С. 869–876. https://doi:10.17586/2226-1494-2015-15-5-869-876.

References

1. Tebekin A. V. Integral'nyi vzglyad na formirovanie strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda [An integral view on the formation of a strategy for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economics], 2021, no. 10 (82), pp. 13–26. https://doi:10.52957/22213260_2021_10_13. (In Russ.).
2. *Ekonomika sovremennoy Arktiki: v osnove uspeshnosti effektivnoe vzaimodeystvie i upravlenie integral'nymi riskami* [Economy of the Modern Arctic: Effective Interaction and Integral Risk Management as Keys to Success]. Ed. by V. A. Kryukov, T. P. Skufina, and E. A. Korchak. Apatity, Publishing House of the Kola Center of the Russian Academy of Sciences, 2020, 245 p. https://doi:10.37614/978.5.91137.416.7. (In Russ.).
3. *Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiiskoi Arktiki s uchetom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineral'no-syr'evykh faktorov* [Socioeconomic trends and prospects for the development of the Russian Arctic taking into account geopolitical, macroeconomic, environmental, and mineral resource factors: A monograph]. Ed. by T. P. Skufina, E. A. Korchak. Apatity, Publishing House of the Kola Center of the Russian Academy of Sciences, 2021, p. 209. (In Russ.).
4. Skufina T. P. Normativno-pravovoe regulirovanie razvitiya rossiyskogo Severa i Arktiki [Normative-Legal Regulation of the Development in the Russian North and Arctic]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2016, vol. 9 (2), pp. 424–428. (In Russ.).
5. Zaikov K. S., Kondratov N. A., Lipina S. A., Bocharova L. K. Organizatsionnye mekhanizmy realizatsii politiki Rossii v Arktike v XXI v. [Organizational mechanisms for implementing Russia's Arctic strategy in the 21st century]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 75–109. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2020.39.75. (In Russ.).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

6. Volkov A. D., Tishkov S. V., Nikitina A. S. Evolyutsiya mekhanizmov upravleniya ekonomicheskim prostranstvom rossiyskoy Arktiki: sovremennyy etap [Evolution of Economic Management Mechanisms in the Russian Arctic: The Present Stage]. *Ars Administrandi* [Ars Administrandi], 2022, vol. 14, no. 2, pp. 174–201. https://doi:10.17072/2218-9173-2022-2-174-201. (In Russ.).
7. Koshkin V. New developments in the regulations of the Arctic Zone of the Russian Federation: Continuity and change. *The Polar Journal*, 2020, Vol. 10, no 2, pp. 443–458. https://doi:10.1080/2154896X.2020.1848711.
8. Blanutsa V. I. Prostranstvennoe razvitie Arkticheskoi zony Rossii: analiz dvukh strategiy [Spatial development of the Russian Arctic Zone: Analysis of two strategies]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2021, Vol. 11, no. 1, pp. 111–121. https://doi:10.25283/2223-4594-2021-1-111-121. (In Russ.).
9. Krippendorff K. *Content analysis: An introduction to its methodology*. Sage publications, 2019, 472 p. https://doi:10.4135/9781071878781.
10. Bengtsson M. How to plan and perform a qualitative study using content analysis. *NursingPlus Open*, 2016, no. 2, pp. 8–14. https://doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001.
11. Lane R., Kronsell A., Reynolds D., Raven R., Lindsay J. Role of local governments and households in low-waste city transitions. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, 2024, Vol. 52, 100879. https://doi:10.1016/j.eist.2024.100879.
12. Moser-Plautz B. Barriers to digital government and the COVID-19 crisis — A comparative study of federal government entities in the United States and Austria. *International Review of Administrative Sciences*, 2024, Vol. 90, Issue 2, pp. 402–418. https://doi:10.1177/00208523231183566.
13. Ratanaburi N., Alade T., Saçli F. Effects of stakeholder participation on the quality of bicycle infrastructure. A case of Rattanakosin bicycle lane, Bangkok, Thailand. *Case Studies on Transport Policy*, 2021, Vol. 9, Issue 2, pp. 637–650. https://doi:10.1016/j.cstp.2021.03.002.
14. DePaula N., Dincelli E., Harrison T. M. Toward a typology of government social media communication: Democratic goals, symbolic acts and self-presentation. *Government Information Quarterly*, 2018, Vol. 35, Issue 1, pp. 98–108. https://doi:10.1016/j.giq.2017.10.003.
15. Stone J. A., Hakan C. S. Factors influencing tweet purposes and citizen engagement with municipal Twitter accounts. *Online Information Review*, 2021, Vol. 45, no. 3, pp. 501–516. https://doi:10.1108/OIR-05-2020-0175.
16. Roengtam S., Nurmandi A., Almarez D. N., Kholid A. Does social media transform city government? A case study of three ASEAN cities: Bandung, Indonesia, Iligan, Philippines and Pukhet, Thailand. *Transforming Government People Process and Policy*, 2017, Vol. 11, no. 3, pp. 343–376. https://doi:10.1108/TG-10-2016-0071.
17. Evans L., Franks P., Chen H. M. Voices in the Cloud: Social media and trust in Canadian and U. S. local governments. *Records Management Journal*, 2018, Vol. 28, no. 1, pp. 18–46. https://doi.org/10.1108/RMJ-11-2016-0041.
18. Rodrigues J. d. L., Gomes S. C., Borges F. Q. Electronic participation via Facebook: the potential from Brazilian municipalities. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 2021, Vol. 15, no. 4, pp. 442–462. https://doi:10.1108/TG-06-2019-0049.
19. Stone J. A., Flanders K. J., Robles P., Can S. H. Strategic measurement and evaluation of municipal social media: insight from front-line personnel in the United States. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 2024, Vol. 18, no. 1, pp. 103–117. https://doi:10.1108/TG-07-2023-0090.
20. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector. *Government Information Quarterly*, 2013, Vol. 30, no. 4, pp. 327–334. https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.015.
21. Purbokusumo Y., Santoso A. D. Predictor for local government social media use in Indonesia. *Digital Policy, Regulation and Governance*, 2021, Vol. 23, no. 6, pp. 533–552. https://doi.org/10.1108/DPRG-12-2018-0082.
22. DePaula N., Dincelli E. Information strategies and affective reactions: How citizens interact with government social media content. *First Monday*, 2018, Vol. 23, no. 4. http://dx.doi.org/10.5210/fm.v23i4.8414.
23. Zhang Y., Chen L., Xie M. How do NPOs' topics and moral foundations in gun-related issues influence public engagement on Twitter? *Internet Research*, 2024. https://doi.org/10.1108/INTR-11-2022-0909.
24. Beelitz A., Merkl-Davies D. M. Discursive framing in private and public communication by pro-nuclear corporate, political and regulatory actors following the Fukushima disaster. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 2019, Vol. 32, no. 5, pp. 1585–1614. https://doi.org/10.1108/AAAJ-05-2017-2928.
25. Lapenkova N. V., Pobyvaev S. A., Zolotarev E. V. Aprobatsiya razrabotannoi metodiki komparativnogo analiza na primere zarubezhnykh i otechestvennykh dokumentov strategicheskogo planirovaniya v oblasti energeticheskoi bezopasnosti [Testing a methodology of comparative analysis on national and international strategic documents in the sphere of energy security]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 2021, no. 4, pp. 11–29. https://doi:10.25136/2409-7543.2021.4.36382. (In Russ.).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

26. Surguladze V. Sh. Ideologicheskoe izmerenie strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Sravnitel'nyi analiz dokumentov 2015 i 2021 godov [The ideological dimension of the national security strategy of the Russian Federation: A comparative analysis of the documents of 2015 and 2021]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2022, no. 12 (1), pp. 60–69. https://doi:10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69. (In Russ.).
27. Roslyakova N. A., Mitrofanova I. V., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Severa i Yuga Rossii: metodika poluavtomaticheskogo analiza dokumentov strategicheskogo planirovaniya [Features of socio-economic development in the Russian North and South: A methodology for semi-automatic analysis of strategic planning documents]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 2, pp. 61–77. https://doi:10.37614/2220-802X.3.2023.81.004. (In Russ.).
28. Ordóñez Barona C., Denis A. S., Jung J., Bassett C. G., Delagrange S., Duinker P., Conway T. A content analysis of urban forest management plans in Canada: Changes in social-ecological objectives over time. *Landscape and Urban Planning*, 2024, Vol. 251, 105154. https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2024.105154.
29. Surnina N. M., Shishkina E. A., Dyachkov A. G. Sbalansirovannost' strategicheskogo planirovaniya prostranstvennykh infrastrukturnykh sistem [Balances in strategic planning of the spatial infrastructure systems]. *Journal of New Economy*, 2019, Vol. 20, no. 5, pp. 75–91. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-5-5.
30. Ferrod R., Bondarenko D. A., Audrito D., Siragusa G. Pairing EU directives and their national implementing measures: A dataset for semantic search. *Computer Law & Security Review*, 2023, Vol. 51, 105862. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105862.
31. Harris P., Kent J., Sainsbury P., Thow A. M. Framing health for land-use planning legislation: A qualitative descriptive content analysis. *Social Science & Medicine*, 2016, Vol. 148, pp. 42–51. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.11.029.
32. Guo M., Li Q., Wu C., Le Vine S., Ren G. Content analysis of Chinese cities' Five-Year Plan transport policy documents. *Case Studies on Transport Policy*, 2023, Vol. 13, 101055. https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101055.
33. Wang L., Cai K., Song Q., Zeng X., Yuan W., Li J. How effective are WEEE policies in China? A strategy evaluation through a PMC-index model with content analysis. *Environmental Impact Assessment Review*, 2025, Vol. 110, 107672. https://doi.org/10.1016/j.eiar.2024.107672.
34. Liu F., Tang J., Rustam A., Liu Z. Evaluation of the central and local power batteries recycling policies in China: A PMC-Index model approach. *Journal of Cleaner Production*, 2023, Vol. 427, 139073. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139073.
35. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing Perspective. *PeerJ Computer Science*, 2016, 2:e93. https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93.
36. Kaufman A., Kraft P., Sen M. Machine Learning Text Data and Supreme Court Forecasting. Aaron R. Kaufman official site, 2017, pp. 1–15. Available at: https://www.aaronrkaufman.com/wp-content/uploads/2016/06/Supreme_Court_Prediction_ v17.pdf.
37. Liu Z., Chen H. A predictive performance comparison of machine learning models for judicial cases. *IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI)*, 2017, pp. 1–6. https://doi.org/10.1109/SSCI.2017.8285436.
38. Thomas A., Varghese A. K., Alex P. L., Mathews B. J., Dhanya L. K. Analysis of Machine Learning Algorithms for Predicting the Suitable Career After High School. *Proceedings of Third International Conference on Communication, Computing and Electronics Systems*, 2022, Vol. 844, pp. 89–105. https://doi.org/10.1007/978-981-16-8862-1_7.
39. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Vyzovy i protivorechiya v razvitii Severa i Arktiki: demograficheskoe izmerenie [Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: Demographic dimension]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2022, Vol. 12, no. 1, pp. 111–122. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122. (In Russ.).
40. Gres R. A., Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. Arkticheskaya spetsifika v strategiyakh arkticheskikh munitsipalitetov [Arctic specific in Arctic Municipal Strategies]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], 2022, Vol. 154, no. 1, pp. 3–16. https://doi.org/10.31857/S0869607122010037. (In Russ.).
41. Boyarsky K., Kanevsky E. Nelokal'nye semanticheskie svyazi v russkoyazychnykh tekstakh [Features of non-local semantic links in Russian texts]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2018, Vol. 18, no. 5, pp. 863–869. https://doi:10.17586/2226-1494-2018-18-5-863-869. (In Russ.).
42. Boyarsky K. K., Kanevsky E. A. Semantiko-sintaksicheskii parser SEMSIN [SEMSIN semantic and syntactic parser]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2015, Vol. 15, no. 5, pp. 869–876. https://doi:10.17586/2226-1494-2015-15-5-869-876. (In Russ.).

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

Об авторах:
А. Д. Волков — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
Н. А. Рослякова — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
Е. А. Каневский — канд. тех. наук, ведущий научный сотрудник;
К. К. Боярский — канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник.

About the authors:
A. D. Volkov — PhD (Economics), Senior Researcher;
N. A. Roslyakova — PhD (Economics), Senior Researcher;
E. A. Kanevsky — PhD (Engineering), Lead Researcher;
K. K. Boyarsky — PhD (Physics and Mathematics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2024 года.
Статья принята к публикации 20 ноября 2024 года.
The article was submitted on November 11, 2024.
Accepted for publication on November 20, 2024.

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К., 2025

Научная статья
УДК 332.025.12
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.002

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ НА ОСНОВЕ СОЗДАНИЯ ОПОРНЫХ ЗОН И ОПОРНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Роман Викторович Бадылевич[1], Алексей Валентинович Игумнов[2]
Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия
[1]ramapatit@rambler.ru, ORCID 0000-0002-3164-8745

Аннотация. В настоящее время в системе государственного управления приобретает особое значение поиск оптимальных инструментов, которые способны обеспечить развитие приоритетных стратегически важных регионов России. Целью работы является исследование особенностей и проблем реализации государственной арктической политики в РФ и разработка направлений повышения эффективности механизмов развития российской Арктики на базе создания опорных зон и населенных пунктов. Анализируется трансформация подходов к реализации государственной арктической политики. Установлено, что на данном этапе развитие российской Арктики обеспечивается формированием в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) специальной экономической зоны и созданием каркаса из опорных городов и агломераций. На основе исследования особенностей применения механизмов создания опорных пунктов в РФ выделены основные проблемы и риски, связанные с возможностью возникновения дисбалансов в системе территориального развития, недостаточной системностью регулирования и реализации стратегического планирования развития опорных городов и агломераций и невыполнением заложенных мероприятий в связи с ограниченностью финансовых возможностей государства. Предлагаются направления повышения эффективности механизмов развития российской Арктики, к которым были отнесены: оптимизация системы нормативного регулирования процессов стратегического планирования развития опорных городов и агломераций, повышение системности применяемых механизмов на основе создания национального проекта развития ключевых городов Арктики и развитие инструментов привлечения финансовых ресурсов на базе государственно-частного партнерства. В работе использован ряд научных методов: анализ нормативных источников, анализ научной литературы, синтез, анализ и обобщение, сравнение и классификация. Научная новизна исследования заключается в уточнении содержания и иерархии системы стратегических документов территориального развития, а также в предложенных рекомендациях по совершенствованию государственной арктической политики. Дальнейшие исследования будут направлены на разработку инструментов и механизмов привлечения финансовых ресурсов для достижения основных целей и решения задач, поставленных в стратегических документах развития АЗРФ.
Ключевые слова: государственная арктическая политика, инструменты регулирования, стратегические документы, Арктическая зона Российской Федерации, механизмы государственного финансирования, кластерный подход, опорные зоны и города
Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда 24-28-20154 «Разработка инструментов привлечения дополнительных финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого развития арктического региона в современных геополитических условиях».
Для цитирования: Бадылевич Р. В., Игумнов А. В. Трансформация механизмов развития и финансирования российской Арктики на основе создания опорных зон и опорных населенных пунктов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 26–43. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.002.

Original article

TRANSFORMATION OF DEVELOPMENT AND FINANCING MECHANISMS FOR THE RUSSIAN ARCTIC: ESTABLISHING A SYSTEM OF ANCHOR ZONES AND SETTLEMENTS

Roman V. Badylevich[1], Alexey V. Igumnov[2]
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia
[1]ramapatit@rambler.ru, ORCID 0000-0002-3164-8745

Abstract. The need to identify optimal tools for ensuring the development of Russia's priority regions has become increasingly important within the public administration system. This study aims to examine the features and challenges of implementing national Arctic policy in the Russian Federation, as well as to propose ways to improve the effectiveness of mechanisms for developing the Russian Arctic through the establishment of anchor zones and settlements. The paper analyzes the transformation of approaches to implementing national Arctic policy. It finds that, at present, the development of the Russian

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Arctic relies on a combination of special economic zone formation and the creation of a framework for supporting cities and agglomerations. Based on an investigation into the specifics of creating anchor zones within the Russian Federation, the study identifies several issues and risks, including potential imbalances in territorial development, lack of systematic regulation, challenges in implementing strategic planning for the development of anchor zones and agglomerations, and the failure to execute planned measures due to the country's limited financial resources. The study proposes several solutions to improve the effectiveness of development mechanisms for the Russian Arctic. These include optimizing the regulatory framework for strategic planning processes, improving the coherence of mechanisms through the creation of a national project for developing key Arctic cities, and developing tools to attract financial resources through public-private partnerships. The work utilizes a variety of scientific research methods, including analysis of norms and regulations, review of scientific literature, synthesis, analysis, generalization, comparison, and classification. The scientific contribution of the study lies in clarifying the content and hierarchy of strategic territorial development documents, as well as offering recommendations to improve national Arctic policy. Future research will focus on developing tools and mechanisms to attract financial resources in order to achieve the goals and objectives outlined in the strategic documents for the development of the Russian Arctic.
Keywords: national Arctic policy, regulatory instruments, strategic documents, Russian Arctic, public financing mechanisms, cluster approach, anchor zones and cities
Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 24-28-20154, "Development of Tools for Attracting Additional Financial Resources to Ensure the Sustainable Development of the Arctic Region in Modern Geopolitical Conditions."
For citation: Badylevich R. V., Igumnov A. V. Transformation of development and financing mechanisms for the Russian Arctic: Establishing a system of anchor zones and settlements. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 26–43. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.002.

Введение

Развитие арктических территорий является одним из стратегических приоритетов на современном этапе в России. Ключевое значение российской Арктики обозначено в основополагающих стратегических документах РФ. В частности, регионы АЗРФ рассматриваются как приоритетные геостратегические территории в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года[1]; ресурсы, расположенные в Арктике, — один из факторов, определяющих экономическую безопасность страны[2]; необходимость эффективного освоения и использования пространства российской Арктики является одним из наиболее значимых вызовов для научно-технологического развития России[3]. О важности развития арктических территорий неоднократно заявляли на самом высоком правительственном уровне, называя их неоспоримым приоритетом для России[4], указывая на колоссальные запасы природных ресурсов в Арктике, значимость в системе транспортных путей и системе обеспечения обороноспособности[5].

На сегодняшний день АЗРФ занимает значительную площадь в 4,8 млн км² (28 % территории страны), на ее территории проживает более 2,5 млн человек (более половины всего населения, проживающего в мировой Арктике). Общая стоимость разведанных запасов сырья российской Арктики составляет не менее 3 трлн долл., а вклад этого региона в ВВП страны — до 12 % [1, с. 69].

Важнейшее геополитическое значение российской Арктики, специфические условия освоения, связанные с неблагоприятными климатическими условиями, отдаленностью от федеральных центров, ограниченностью трудовых ресурсов, обусловили необходимость разработки специальных подходов и механизмов к обеспечению развития данного макрорегиона в системе государственного управления. На протяжении последних десятилетий на федеральном уровне несколько раз сменялись стратегические подходы к созданию необходимых условий для обеспечения устойчивого развития Арктики, и далеко не всегда амбициозные цели, устанавливаемые Правительством РФ, были достигнуты в полной мере. В связи с этим повышается значимость исследований в области оценки реализуемых подходов к управлению социально-экономическим развитием Арктики, выявления основных проблем и рисков применяемых подходов, выработки рекомендаций и направлений повышения эффективности арктической политики.

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 01.09.2024).

[2] Об утверждении Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 02.09.2024).

[3] Об утверждении Стратегии научно-технологического развития РФ: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 02.09.2024).

[4] Путин назвал освоение Арктики неоспоримым приоритетом для России: Материал аналитического агентства «РИА». URL: https://ria.ru/20231211/arktika-1915137668.html (дата обращения: 15.09.2024).

[5] Совещание по вопросам развития Арктической зоны: Материал официального сайта Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/68188 (дата обращения: 15.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

В предлагаемом исследовании авторы сосредоточили внимание на вопросах реализации механизмов развития арктических территорий России на базе создания опорных зон и городов. Этот подход на данный момент является приоритетным в системе государственной арктической политики России и в ближайшее время станет основой для разработки концептуальных документов территориального развития АЗРФ и формирования финансовой базы для достижения ключевых целей в Арктике.

Вопросы обеспечения пространственного развития на основе расширения потенциала опорных населенных пунктов достаточно широко обсуждаются на протяжении последних десятилетий в научной литературе. Несмотря на то, что эквивалент термина «опорные зоны» за рубежом практически не используется, политика территориального развития на основе создания «точек роста», которые в некоторой степени являются аналогами опорных зон, достаточно распространена. В той или иной степени создание точек роста, на базе которых закладываются основы развития территорий и регионов, применяется в США (отраслевые территориальные кластеры на базе внедрения инноваций, передачи технологий и привлечения высококвалифицированных кадров [2; 3]), в Германии (создание высокотехнологических кластеров в коллаборации бизнеса и научных институтов [4; 5]), во Франции (формирование «полюсов роста» при прямой государственной поддержке [6]), в Китае (создание территорий опережающего роста при активном участии местных органов власти [7; 8]). Рассматриваются опорные точки и как основа построения глобальных каркасных моделей и транспортных сетей [9]. Несмотря на присутствие отдельных критических статей [10; 11], формирование точек роста в настоящее время является одной из наиболее действенных и признанных моделей в зарубежной практике.

В отечественной практике основы обеспечения развития территорий на базе точек роста были заложены еще в советское время. В те годы освоение новых территорий осуществлялось на основе создания территориально-производственных комплексов (ТПК), в системе которых активно задействовались различные формы специализации и кооперации. Подход к территориальному развитию на базе ТПК позволял добиться максимально эффективного развития на основе комплексного использования природных, производственных и трудовых ресурсов на ограниченной территории, которая, в свою очередь, становилась локомотивом для развития всего региона. Созданные в советские времена крупные ТПК на Севере (Мурманский, Тимано-Печорский, Северо-Обский, Северо-Енисейский) стали базой развития арктических территорий и до сих пор во многом выступают каркасом производственных сил в этом макрорегионе [12].

Удачный опыт развития отдаленных территорий с помощью создания точек роста и опорных зон нашел свое применение и в современных российских реалиях. При этом на современном этапе опорные зоны рассматриваются как целостные проекты развития ограниченных территорий на базе создания отраслевых кластеров, для эффективной работы которых имеются достаточные условия, в частности природные, инфраструктурные, трудовые и т. д. [13, с. 42]. Проекты развития таких территорий предусматривают разработку комплекса стратегических документов на основе сочетания принципов системности, сбалансированности, адресности, результативности, ресурсной обеспеченности. Среди главных преимуществ каркасного подхода к территориальному развитию ведущие отечественные исследователи называют: мультипликационный и синергетический эффект, возникающий при обеспечении взаимодействия отраслей [14]; создание условий для государственно-частного партнерства, привлечения частных инвесторов [15]; социальные, геополитические и экологические эффекты.

В научной литературе предлагаются различные подходы к выделению опорных зон для построения эффективного каркаса территориального развития. В частности, следует выделить: подход, предложенный П. В. Строевым, М. В. Мильчаковым, О. В. Пивоваровой, на базе показателей бюджетной обеспеченности и финансового потенциала территорий [16]; подход А. Г. Большакова и П. В. Скрябина, в основе которого принципы рационального расселения населения и экологически обоснованного природопользования [17]; подход Е. А. Заостровских на основе размещения портовой инфраструктуры в системе ключевых транспортных коридоров [18]. Однако для российских реалий, на наш взгляд, наиболее рациональным является подход формирования опорных зон путем создания минерально-сырьевых и транспортных центров, который нашел свое обоснование как в научной литературе [19], так и в ключевых стратегических документах РФ[6]. Именно такой подход положен в основу формирования опорных зон и городов в российской Арктике на современном этапе развития. При этом слабо проработанная методологическая база реализации современной государственной

[6] Об утверждении Стратегии развития геологической отрасли до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2010 № 1069-р. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 13.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

кластерной политики, высокий динамизм внешних и внутренних условий реализации территориального регулирования в России, специфические условия проживания населения и ведение хозяйственной деятельности в АЗРФ обуславливают необходимость дальнейших исследований в области реализации инструментов и механизмов развития российской Арктики при создании опорных зон и городов.

Целью данной работы является исследование особенностей и проблем реализации государственной арктической политики в РФ и разработка путей повышения эффективности механизмов развития арктических территорий на базе создания опорных населенных пунктов.

Для достижения поставленной цели проанализирована трансформация подходов к системе регулирования и финансового обеспечения развития российской Арктики, выявлены особенности применения и проблемы реализации государственного механизма развития арктических территорий на основе формирования опорных зон и опорных городов, а также определены направления повышения эффективности данного механизма.

Научная новизна исследования заключается в уточнении содержания и иерархии системы стратегических документов территориального развития, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию государственной арктической политики, оптимизации стратегий регионов и муниципалитетов АЗРФ, использованию инструментов и механизмов финансового обеспечения соответствующих программ и планов.

Материалы и методы

Информационной базой исследования служат данные, представленные на официальных сайтах Росстата РФ, Министерства экономического развития РФ, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, правительств регионов, входящих в АЗРФ.

Период, в рамках которого авторами исследуется реализуемая государственная арктическая политика, — 2008–2024 гг.

В работе использован ряд научных методов: анализ нормативных источников (при исследовании трансформации подходов к развитию Арктики), анализ научной литературы (при исследовании подходов к созданию опорных зон и городов в российской и зарубежной практике), синтез, анализ и обобщение (при выявлении специфики создания опорных зон и городов в российской Арктике), сравнение и классификация (при анализе показателей социально-экономического развития регионов АЗРФ).

Методологически работа базируется на исследовании подходов к пространственному развитию территорий путем создания опорных зон и городов российских и зарубежных ученых.

Результаты

Трансформация подходов к системе регулирования и финансового обеспечения развития российской Арктики

За последние несколько лет на федеральном уровне произошло несколько принципиальных изменений в концепции финансового обеспечения развития арктических территорий России (рис. 1).

Усиление интереса к российской Арктике на федеральном уровне проявилось в середине первого десятилетия XXI в. В результате в 2008 г. был принят концептуальный документ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», который закрепил уникальность и значимость самых северных территорий для обеспечения национальной безопасности и развития России. Однако дальнейшее формирование основ реализации государственной политики в Арктике потребовало значительного времени, и лишь в 2013–2014 гг. были приняты Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие АЗРФ на период до 2020 г.», которые определили основные стратегические направления развития арктических территорий и конкретный комплекс мероприятий по достижению приоритетных целей.

Следует отметить, что амбиции Правительства РФ в Арктике были самые высокие, что нашло свое отражение в принятых документах. Комплекс мероприятий по развитию АЗРФ включал реализацию промышленных, инфраструктурных и транспортных мегапроектов, значительная тяжесть финансового обеспечения которых должна была лечь на государство. Однако уже к 2015 г., после введения против нашей страны первых санкций, стало понятно, что реализовать в полном объеме весь комплекс намеченных проектов за счет государственного финансирования не удастся, и в последующие годы (2014–2020) принятая государственная программа социально-экономического развития Арктики неоднократно пересматривалась. В полной мере и в установленные сроки в этот период были реализованы, в основном, только военные и сопутствующие им проекты. Реализация же значительного числа промышленных и инфраструктурных проектов была либо замедленна, либо перенесена. В частности, исследователи указывают на сложности со строительством ледокольного флота, низкую эффективность модернизации портовой инфраструктуры, трудности с разработкой отечественных арктических технологий [20].

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

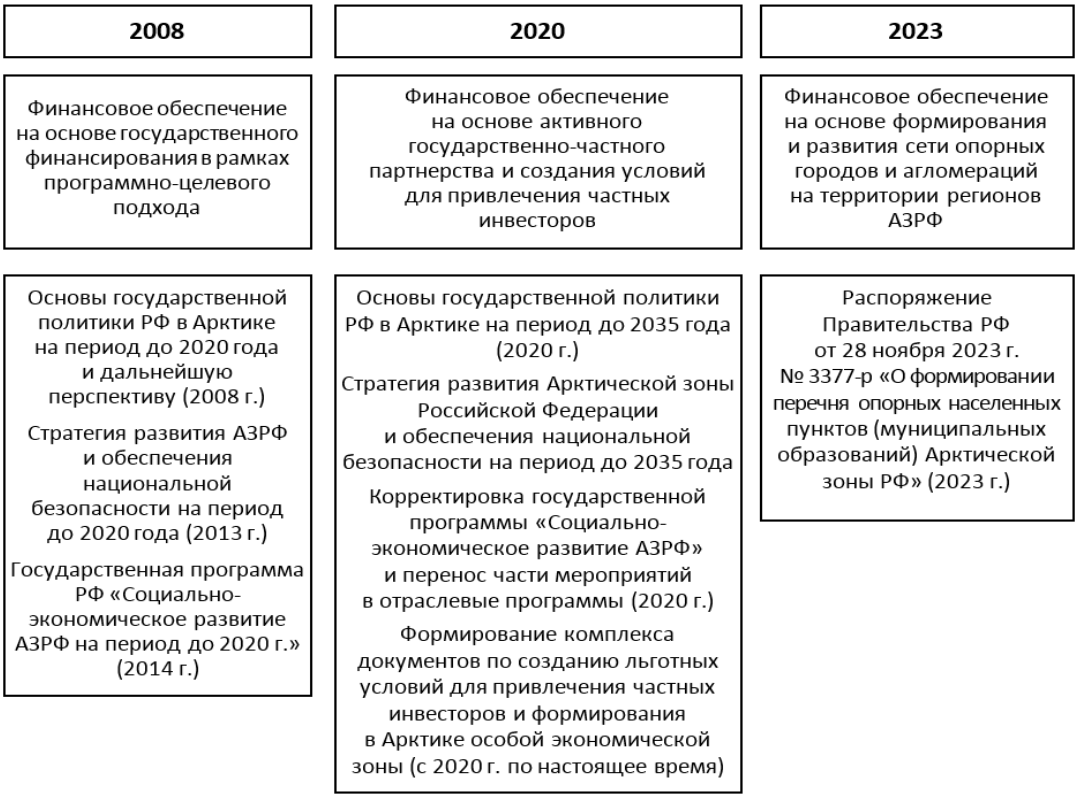


Рис. 1. Концептуальные изменения в подходах финансового обеспечения развития российской Арктики. *Источник*: составлено авторами

Подтверждением недостаточной эффективности арктической политики, проводимой в эти годы, является низкая оценка реализации государственной программы социально-экономического развития Арктики со стороны Минэкономразвития РФ и Счетной палаты России[7]. В качестве основных проблем реализации программы назывались отсутствие комплексного подхода к развитию Арктики, ограниченное бюджетное финансирование [21], слабое межрегиональное взаимодействие[8] и ряд других.

Условной точкой пересмотра концептуальных подходов к финансовому обеспечению развития российской Арктики можно считать конец второго десятилетия XXI в., когда вследствие возникновения новых экономических шоков и вызовов значительно возросли расходные статьи государства на социальную сферу и поддержку экономики, что, естественно, привело к сокращению финансирования многих государственных программ, в том числе и программ территориального развития. В частности, было заявлено о сокращении финансирования в 2020–2022 гг. госпрограммы развития Арктики (с 190 до 140 млрд руб.)[9]. Одновременно с этим был активизирован процесс принятия документов, направленных на создание в Арктике особых условий работы, который позволил бы крупнейшим корпорациям в сотрудничестве с иностранными партнерами реализовать заявленные мегапроекты и привлечь новых инвесторов. И если с реализацией совместных с зарубежными партнерами мегапроектов и привлечением иностранных инвестиций с 2022 г. наблюдаются значительные сложности (см. подробнее [22]), то опыт создания в Арктике специальной экономической зоны, охватывающей всю ее территорию, может быть признан в целом успешным. В частности, на начало сентября 2024 г. резидентами АЗРФ стали 778 компаний, общий объем инвестиций по соглашениям составляет 753,4 млрд рублей (из них уже инвестировано 121,4 млрд рублей)[10], а общий объем инвестиций

[7] Счетная палата отметила низкий уровень исполнения госпрограммы развития Арктики: Материал агентства «ТАСС». URL: https://tass.ru/ekonomika/7000557 (дата обращения: 25.09.2024).

[8] Михайличенко, Д. П. (2020). Проблемный кейс: межрегиональное сотрудничество в российской Арктике: Аналитический материал на сайте Проектного офиса «ПОРА». URL: https://goarctic.ru/news/problemnyy-keys-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo-v-rossiyskoy-arktike/ (дата обращения: 28.09.2024).

[9] Крючкова, Е. (2020). Арктика поделится деньгами. Минвостокразвития упрощает госпрограмму ее развития: Аналитический материал в электронном издании газеты «Коммерсант». URL: https://www.kommersant.ru/doc/4269792 (дата обращения: 18.09.2024).

[10] ТОР в Арктике будут создаваться в соответствии с потребностями бизнеса: Материал агентства «ТАСС». URL: https://tass.ru/arktika-segodnya/21749603 (дата обращения: 20.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

в российскую Арктику за январь-август 2024 г. превысил 800 млрд рублей[11].

В настоящее время, наряду с инструментами, используемыми для создания на территории Арктики условий для привлечения частных инвестиций, в системе стратегического развития АЗРФ используется подход, основанный на развитии ключевых населенных пунктов — опорных городов, применяемый в последние годы на Дальнем Востоке. Данный подход указан как приоритетный в рамках принятой в 2020 г. Стратегии развития Арктической зоны РФ до 2035 года[12].

Особенности применения и проблемы реализации государственного механизма развития арктических территорий на основе формирования опорных зон и опорных городов

Точкой отчета применения подхода на основе формирования опорных зон в АЗРФ может служить 2013 г., когда была утверждена Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, согласно которой формирование зон опережающего развития в Арктике (Печорско-Баренцевоморская провинция, Полярно-Уральское пионерное освоение, Белкомурская индустриальная, Кольская инновационная и др.) было отнесено к основным возможностям обеспечения глобальной конкуренции данной территории. В дальнейшем этот подход был прописан в государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие АЗРФ на период до 2020 г.», согласно которой каркасно-кластерный подход и формирование опорных зон были определены в качестве ключевых механизмов реализации документа.

Практическое осуществление формирование опорных зон для развития Арктики получило в 2017 г., когда в рамках государственной программы «Социально-экономическое развитие АЗРФ» была утверждена подпрограмма «Формирование опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития АЗРФ», в которой выделялись восемь опорных зон: Кольская, Архангельская, Ненецкая, Воркутинская, Ямало-Ненецкая, Таймыро-Туруханская, Северо-Якутская и Чукотская. Несмотря на то, что в целом в рамках данного подхода были заложены правильные целевые ориентиры, реализация программы на практике столкнулась с рядом организационных и финансовых сложностей. Ведущие исследователи выделили существовавший в то время целый комплекс проблем, не позволивший реализовать заложенные в программе механизмы в полной мере. Так, И. М. Подтравный и М. А. Моторина указывали на отсутствие единого методологического подхода к развитию опорных зон, а также четких критериев целеполагания в системе управления [23]; Б. Х. Краснопольский отмечал, что средства, поступающие на финансирование инфраструктурных проектов в рамках различных федеральных целевых программ по опорным зонам, не скоординированы и не целенаправленны [24], а общий выделяемый объем финансирования не соответствует амбициозным целям, поставленным Правительством РФ. Опорные зоны, по мнению исследователей, сохранили характер концепции, но не получили действенных экономических механизмов применения [25]. В совокупности это привело к тому, что создать эффективно работающие опорные зоны в Арктике так и не удалось.

Повысить темпы развития российской Арктики, а также сформировать более эффективный инструментарий реализации механизмов финансирования этой территории была призвана трансформация кластерного подхода в рамках перехода от выделения ключевых опорных зон в регионах АЗРФ к созданию сети опорных городов и агломераций, которые должны стать основным каркасом российской Арктики за счет реализации на их территории мастер-планов и сформированных на их основе планов долгосрочного социально-экономического развития.

Мастер-план как документ пространственного развития городов — сравнительно новый инструмент в российской практике стратегического планирования на муниципальном уровне. Один из первых документов с подобным названием был разработан для Перми в 2010 г. и был призван сформировать концепцию развития города на несколько десятилетий вперед. Однако на практике мастер-план развития Перми так и не был реализован.

Всплеск интереса к развитию городов на основе мастер-планов произошел в 2021 г., когда по поручению Президента РФ был разработан список из 18 дальневосточных городов (Амурской и Магаданской областей, Приморского, Хабаровского и Забайкальского краев, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области), утвержденных в качестве опорных населенных пунктов Дальнего Востока. В основу разработки мастер-планов для этих населенных пунктов был положен опыт европейских проектов, реализованных в середине прошлого десятилетия.

[11] Объем инвестиций бизнеса в Арктику в 2024 году превысил 800 млрд рублей: Материал агентства «Известия». URL: https://iz.ru/1754736/2024-09-06/obem-investitcii-biznesa-v-arktiku-v-2024-godu-prevysil-800-mlrd-rublei (дата обращения: 20.09.2024).

[12] Об утверждении Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 г. № 645. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 15.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

В течение нескольких лет мастер-планы для городов были разработаны, а уже в январе 2024 г. Правительство РФ утвердило на их основе долгосрочные планы комплексного социально-экономического развития. К настоящему моменту использование данного инструмента территориального развития было существенно расширено — на сентябрь 2024 г. в целом по России общее количество малых и средних городов и агломераций, для которых мастер-планы уже разработаны или находятся на той или иной стадии готовности, превысило 200[13].

Инициатива применения подхода к развитию Арктики на основе опорных городов также принадлежит Президенту РФ. Глава государства по итогам совещания по развитию ЗАТО и населенных пунктов АЗРФ, прошедшего 20 июля 2023 г., поручил определить перечень опорных населенных пунктов АЗРФ. Сформировать систему критериев для включения населенных пунктов в этот перечень, а также определить города и агломерации, которые в него войдут, было поручено рабочей группе по развитию Арктики Госсовета РФ, которая представила предложения, утвержденные распоряжением Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р[14]. Для сформированного перечня городов и агломераций до 1 июля 2024 г. были разработаны мастер-планы развития, на основе которых до 1 октября 2024 г. следовало утвердить их комплексные планы долгосрочного социально-экономического развития на период до 2035 г. с указанием источников финансирования и целевых показателей[15].

Первоначально в ноябре 2023 г. в перечень опорных населенных пунктов были включены 16 городов и агломераций из 26 муниципальных образований, выполняющих функции в области обеспечения национальной безопасности, функции базы для развития минерально-сырьевых центров, а также функции центров реализации экономических и инфраструктурных проектов в Арктике. Позднее (в августе 2024 г.) данный перечень был дополнен еще двумя опорными пунктами (табл. 1).

В связи с ограниченностью времени формирования стратегических документов и наличием достаточно жестких требований к их содержанию, установленных Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики, разработка мастер-планов развития опорных городов и агломераций Арктики была поручена главным образом столичным организациям. Более подробно информация о непосредственных разработчиках мастер-планов опорных городов и агломераций, ключевых проектах и приоритетных направлениях их развития представлена в табл. 2.

В настоящее время остается открытым вопрос об инструментах и механизмах финансирования мастер-планов и планов социально-экономического развития опорных городов Арктики. Озвученные в СМИ цифры показывают, что Правительство РФ намерено заложить значительные бюджетные ресурсы на эти цели. Так, к утвержденным ранее 30 млрд рублей в сентябре 2024 г. Президентом РФ было предложено дополнительно выделить на реализацию мастер-планов развития дальневосточных и арктических городов с 2025 по 2030 г. 100 млрд рублей[16], а общая сумма федеральных средств, которая будет выделена на развитие опорных пунктов АЗРФ, составит около 1 трлн рублей[17]. На данный момент официальная информация о распределении этих средств между опорными городами и агломерациями отсутствует. Однако региональными органами власти были озвучены финансовые потребности по отдельным утвержденным мастер-планам. В частности, на развитие четырех агломераций Мурманской области планируется потратить более 4 трлн рублей (из которых на федеральные бюджетные средства приходится около 550 млрд рублей, на частные инвестиции — 2,9 трлн рублей)[18]; на долгосрочное финансирование Воркуты потребуется около 51,5 млрд рублей, из которых порядка 29 млрд рублей составят привлеченные средства АО «Воркутауголь»; необходимые средства для развития агломерации Анадыря составят около 51,2 млрд рублей, из которых большая часть будет выделена из федерального бюджета, остальная — из консолидированного бюджета Чукотского АО и внебюджетных источников[19].

[13] Путин предложил разработать мастер-планы для 200 городов РФ: Материал агентства «Известия». URL: https://iz.ru/1657705/2024-02-29/putin-predlozhil-razrabotat-master-plany-dlia-200-gorodov-rf (дата обращения: 25.09.2024).

[14] Об утверждении перечня опорных населенных пунктов Арктической зоны: Распоряжение от 28 ноября 2023 года № 3377-р. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.09.2024).

[15] На 9 октября 2024 г. информация об утверждении планов отсутствует.

[16] Президент Владимир Путин: на реализацию мастер-планов развития дальневосточных и арктических городов будет дополнительно выделено 100 млрд рублей: Материал официального сайта Правительства Мурманской области. URL: https://gov-murman.ru/info/news/528384/ (дата обращения: 25.09.2024).

[17] На реализацию мастер-планов Арктики направят более 3 трлн рублей: Материал инвестиционного портала АЗРФ. URL: https://arctic-russia.ru/news/na-realizatsiyu-master-planov-arktiki-napravyat-bolee-3-trln-rubley/?ysclid=m24ieaifkg897666404 (дата обращения: 05.10.2024).

[18] Инвестиции в развитие опорных городов Заполярья оценили в 4 трлн рублей: Материал агентства «ТАСС». URL: https://tass.ru/ekonomika/21246391 (дата обращения: 25.09.2024).

[19] Аверин И. (2023). Агломерации Анадыря направят около 51,2 млрд. рублей, из которых большая часть будет выделена из федерального бюджета: Аналитический материал на сайте агентства «RG.RU». URL: https://rg.ru/2023/09/06/reg-dfo/na-realizaciiu-master-plana-anadyria-napraviat-svyshe-512-mlrd-rublej.html (дата обращения: 28.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Таблица 1

Перечень опорных городов российской Арктики

Регион	Опорный город / агломерация	Население, тыс. чел.	Состав
Республика Карелия	1. Кемско-Беломорская агломерация	25,0	Кемский муниципальный район, Беломорский муниципальный район
Республика Коми	2. Агломерация Воркуты	68,0	МО городского округа Воркута
Республика Саха (Якутия)	3. Тикси-Найба	4,9	МО Булунский улус (район)
Красноярский край	4. Агломерация Норильск — Дудинка	196,0	Г. Норильск, г. Дудинка Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района
	5. Диксон	0,3	Городское поселение Диксон Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района
	6. Игарка	13,0	Г. Игарка, населенные пункты МО Туруханский район
Архангельская область	7. Архангельская агломерация	493,0	Г. Архангельск, городской округ Северодвинск, г. Новодвинск
Мурманская область	8. Мурманская агломерация	352,0	Г. Мурманск, ЗАТО город Североморск, Кольский муниципальный район
	9. Кировско-Апатитская агломерация	75,0	Г. Кировск с подведомственной территорией, г. Апатиты с подведомственной территорией
	10. Мончегорская агломерация	42,0	Г. Мончегорск с подведомственной территорией
	11. Полярные Зори	14,2	Муниципальный округ Полярные Зори
Ненецкий АО	12. Агломерация Нарьян-Мара	24,0	Г. Нарьян-Мар
Чукотский АО	13. Певек	5,0	Городской округ Певек
	14. Агломерация Анадыря	27,0	Городской округ Анадырь, городской округ Эгвекинот, Анадырский муниципальный район
	15. Билибинский	7,3	Билибинский муниципальный район
Ямало-Ненецкий АО	16. Новый Уренгой	107,0	Г. Новый Уренгой
	17. Агломерация Салехард — Лабытнанги	80,0	Г. Салехард, г. Лабытнанги
	18. Ноябрьск	101,0	Г. Ноябрьск

Примечание. Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Особенности сформированных мастер-планов опорных городов и агломераций российской Арктики

Опорный город / агломерация	Приоритетные направления и проекты развития	Разработчик
1	2	3
Республика Карелия		
1. Кемско-Беломорская агломерация	Проекты в сфере логистики с увеличением грузовой базы Беломорско-Балтийского канала, разработка новых месторождений, добыча водорослей Белого моря, развитие туризма, проекты в сфере обеспечения национальной безопасности Арктики	ООО «КБ Стрелка» (г. Москва) и партнеры
Республика Коми		
2. Агломерация Воркуты	Модернизация действующих угледобывающих шахт и строительства новых, социально значимые мероприятия (развитие транспортной системы, спорта, образования, культуры и здравоохранения, улучшение экологической ситуации и жилищных условий)	Междисциплинарная команда специалистов под руководством архитектурного бюро RTDA
Республика Саха (Якутия)		
3. Тикси-Найба	Строительство глубоководного терминала морского порта в районе села Найба, строительство атомной станции малой мощности, ввод в эксплуатацию месторождений в районе агломерации, мероприятия по модернизации ЖКХ и пространств населенных пунктов	ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (г. Иркутск) в консорциуме с Unit4

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Продолжение табл. 2

1	2	3
	Красноярский край[1]	
4. Агломерация Норильск — Дудинка	Создание на территории агломерации научно-образовательной базы, мероприятия по обновлению жилищно-коммунальной, инженерной и транспортной инфраструктуры	Институт территориального планирования «Урбаника» (г. Санкт-Петербург)
5. Диксон	Проекты, направленные на развитие Северного морского пути, крупный логистический и инфраструктурный проект — нефтеналивной терминал «Порт Бухта Север», капремонт и строительство нового жилья, инженерных сетей и гидротехнических сооружений, модернизация аэропорта	Московская компания «Научные разработки» в консорциуме с ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (г. Иркутск)
6. Игарка	Превращение в ведущий город по обеспечению крупных инвестиционных проектов, строительство круглогодичных тепличных комплексов, развитие производства по заготовке, переработке и сбыту оленины, рыбы, дикоросов, продуктов традиционных промыслов	Московская компания «Научные разработки» в консорциуме с ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (г. Иркутск)
	Архангельская область	
7. Архангельская агломерация	Развитие действующей портовой инфраструктуры, отрасли судостроения и судоремонта, лесопромышленного комплекса и туризма, создание научно-производственного центра развития беспилотных авиационных систем, строительство города-спутника около Архангельска, создание транспортных путей, строительство жилья	ООО «КБ Стрелка» (г. Москва)
	Мурманская область	
8. Мурманская агломерация	Комплексное развитие Мурманского транспортного узла, портовой инфраструктуры Атомфлота, инфраструктуры СПГ, рыбопереработки, проекты газификации, создание Центра адаптивных технологий для судоремонта, создание кампуса мирового уровня на базе МАУ, строительство жилья	Проектно-консалтинговая компания «Новая Земля» (г. Москва) в консорциуме с ИТП «Урбаника» (г. Санкт-Петербург) и Российским исследовательским центром «Картфонд» (г. Ставрополь)
9. Кировско-Апатитская агломерация	Создание Центра арктических технологий и безопасности Арктики на базе Кольского научного центра РАН, развитие филиала МАУ, горнолыжного комплекса «Большой Вудъявр», развитие агломерации как важного минерально-сырьевого центра добычи фосфатов и фосфатного сырья, нефелинового концентрата	ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (г. Иркутск) в консорциуме с «Лабораторией градопланирования им. М. Л. Петровича» (г. Санкт-Петербург) и ИТП «Урбаника» (г. Санкт-Петербург)
10. Мончегорская агломерация	Развитие металлургии и вспомогательных производств, строительство индустриального парка, создание федерального кластера для спорта и локального туризма, развитие Мончегорска как мощного минерально-сырьевого центра месторождений литиевых руд, никеля	Аналитический и проектный центр Urban Pro (г. Санкт-Петербург)
11. Полярные Зори	Строительство на территории муниципалитета четырех инновационных энергоблоков Кольской АЭС – 2, развитие производства водорода, борной кислоты, создание Центра обработки данных «Арктика» и специализированной инфраструктурной площадки для энергоемких производств, запуск горно-обогатительного комбината и химико-металлургического комплекса на базе Африкандовского массива	ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (г. Иркутск) в консорциуме с ИТП «Урбаника» (г. Санкт-Петербург)
	Ненецкий АО	
12. Агломерация Нарьян-Мара	Создание образовательного и научного кластера на базе САФУ, формирование туристического комплекса, развитие городской среды	АО «ДОМ.РФ»
	Чукотский АО	
13. Певек	Освоение и модернизация месторождений, развитие логистического узла и обновление аэропортового комплекса, строительство теплиц, пищевого комбината, замена Чаунской ТЭЦ на новую тепло-электроцентраль, модернизация интернет-сетей, реконструкция социальной и жилой сферы, поддержка традиционных отраслей хозяйства	ООО «КБ Стрелка» (г. Москва)

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Окончание табл. 2

1	2	3
14. Агломерация Анадыря	Проекты в области повышения транспортной доступности, модернизация социальной сферы и ЖКХ, строительство социальных объектов, развитие тепличного хозяйства[2]	ПКЦ «ЯРУС» (г. Ярославль) совместно с Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики, Восточным центром государственного планирования и Travel Business School
15. Билибинский	Создание и модернизация инфраструктуры для развития минерально-сырьевой базы, в том числе реализация логистических проектов, реконструкция аэропортов, благоустройство территории населенного пункта, развитие пищевой промышленности, социальной инфраструктуры, модернизация сети Интернет	ООО «КБ Стрелка» (г. Москва)
Ямало-Ненецкий АО		
16. Новый Уренгой	Развитие города как центра технологичного газа, проекты освоения трудноизвлекаемых запасов газа в Надым-Пур-Тазовском регионе, создание комплекса культурных и социальных объектов	Высшая школа экономики (г. Москва) совместно с Архитектурным бюро Тимура Башкаева и бюро Citymakers
17. Агломерация Салехард — Лабытнанги	Развитие транспортной инфраструктуры на базе реконструкции аэропорта Салехарда и строительства Северного широтного хода (железнодорожной магистрали), создание туристического кластера, строительство международной арктической полярной станции «Снежинка», промышленного парка «Обский причал», развитие сферы досуга и жилищной сферы	Проектно-консалтинговая компания «Новая Земля» (г. Москва) в консорциуме с ИТП «Урбаника» (г. Санкт-Петербург) и ФАУ «ВостокГосПлан» (г. Москва)
18. Ноябрьск	Концепция развития города как центра новых технологий в добыче нефти и газа и импортозамещении (в том числе нефтесервисного оборудования). Развитие территории промышленной зоны Ноябрьска, создание новых цепочек производства, реализация проектов в области создания комфортной среды проживания и развития социальной инфраструктуры	Институт Генплана Москвы (г. Москва)

Примечание. Источник: составлено авторами на основе презентаций мастер-планов в Правительстве РФ и городах АЗРФ.

[1] Митрунин С. (2024). Мастер-планы опорных пунктов Арктики готовы — без аквапарков, но с больницами и деревянными домами: Аналитический материал на сайте «Сибирский новостной». URL: https://sibirnews.ru/news/2024-07-16-master-plany-opornykh-punktov-arktiki-pochti-gotovy-bez-akva-parkov-no-s-bolnitsami-i-derevyannymi-d/ (дата обращения: 26.09.2024).

[2] План мероприятий разработан в 2023 году и одобрен Президентом России в рамках программы развития дальневосточных городов. Часть мероприятий реализуется с 2024 г.

В целом планируемое государственное финансирование реализации мастер-планов опорных городов и агломераций Арктики в ближайшие годы превысит объемы выделяемых средств на государственную программу «Социально-экономическое развитие АЗРФ», которые, согласно проекту федерального бюджета, в 2025–2027 гг. составят около 26 млрд рублей, а также объем ресурсов на реализацию федерального проекта «Государственная поддержка реализации на территории АЗРФ инвестиционных проектов», финансирование по которому в 2025–2027 гг. составит 21,5 млрд рублей[20].

Для реализации амбициозных планов развития арктических опорных городов будет привлечен широкий спектр финансовых инструментов, активно задействованных в финансировании развития дальневосточных городов, в частности: прямое финансирование в рамках федеральной адресной инвестиционной программы и государственных программ (в том числе за счет средств единой президентской субсидии); инструменты ВЭБ.РФ (фабрика проектного финансирования, льготные программы финансирования, экспортная поддержка через институты группы ВЭБ.РФ); привлечение различных форм кредитных ресурсов (специальные казначейские кредиты, инфраструктурные бюджетные кредиты, средства по концессии), ресурсов ДОМ.РФ и ППК РЭО, в том числе за счет выпуска облигационных займов.

Бюджетное финансирование планируется выделять сверх лимитов, установленных арктическим регионам при стандартном бюджетном распределении, в рамках которого одним из основных критериев является численность населения, которая в субъектах АЗРФ традиционно низкая.

[20] Проект Федерального закона № 727320-8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Ред. от 30.09.2024. Доступ из информационно-правовой системы «Консультант». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 02.10.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Обсуждение и дискуссия

Несмотря на то, что в настоящее время практически все главы регионов АЗРФ высказались положительно об инициативе реализации долгосрочных планов развития арктических городов, вошедших в список опорных пунктов, следует обозначить определенные проблемы и риски, связанные с их реализацией.

В частности, к недостаткам подхода к территориальному развитию российской Арктики на основе опорных городов следует отнести отсутствие комплексности в целом. Мастер-планы и формируемые на их основе планы долгосрочного социально-экономического развития населенных пунктов создаются исходя из предложений самих муниципалитетов и регионов, где они расположены, при этом меньшее внимание уделено синхронизации развития регионов АЗРФ, координации реализации межрегиональных инфраструктурных проектов, формированию единых для Арктики программ развития трудового и инфраструктурного потенциала. Кроме того, несмотря на все усилия со стороны разработчиков мастер-планов, в условиях, когда разработка данных документов в большинстве случаев реализуется столичными компаниями, полностью учесть региональную специфику, а также весь комплекс проблем, который стоит перед арктическими муниципальными образованиями, в полной мере не всегда возможно.

Также вызывают вопросы минимальные сроки и процесс разработки стратегических документов развития для утвержденного перечня опорных пунктов. В частности, на разработку, согласование и утверждение мастер-планов опорных городов Арктики было отведено лишь семь месяцев, а на создание на их основе планов долгосрочного развития — около трех месяцев. Ограниченность сроков разработки и утверждения таких стратегических документов подтверждается и сравнением со сроками разработки аналогичных документов для городов Дальнего Востока, для которых период разработки только мастер-планов составлял более полутора лет. Летом 2024 г. некоторые компании-разработчики мастер-планов отмечали, что с учетом минимальных сроков выполнения работ по проектированию мастер-планов многие моменты были упущены, а сами мастер-планы и создаваемые на их основе планы развития будут корректироваться и дополняться[21].

Следует отметить, что точечное развитие Арктики может привести к неблагоприятным перекосам развития внутри отдельных регионов. В настоящее время в российской Арктике более 1 000 населенных пунктов, в том числе 90 городов и поселков городского типа, из которых 34 с населением более 10 тыс. человек. На данный момент из этих 34 населенных пунктов в перечень опорных городов Арктики вошло лишь 18, а 16 муниципальных образований оказались за пределами списка (табл. 3).

Таблица 3

Населенные пункты АЗРФ с населением более 10 тыс. человек, которые не вошли в перечень опорных городов и агломераций Арктики

№	Населенный пункт	Регион	Население, тыс. чел.
1	Надым	Ямало-Ненецкий автономный округ	45,2
2	Губкинский	Ямало-Ненецкий автономный округ	33,9
3	Усинск	Республика Коми	31,3
4	Муравленко	Ямало-Ненецкий автономный округ	29,3
5	Кандалакша	Мурманская область	28,4
6	Костомукша	Республика Карелия	25,9
7	Сегежа	Республика Карелия	23,0
8	Оленегорск	Мурманская область	20,9
9	Тарко-Сале	Ямало-Ненецкий автономный округ	19,9
10	Инта	Республика Коми	19,3
11	Онега	Архангельская область	16,4
12	Ковдор	Мурманская область	15,4
13	Заполярный	Мурманская область	14,2
14	Полярный	Мурманская область	12,2
15	Пангоды	Ямало-Ненецкий автономный округ	11,1
16	Снежногорск	Мурманская область	10,0

Примечание. Источник: составлено авторами по данным Росстата: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 01.10.2024).

[21] На форуме «Арктика — наш общий дом» был представлен мастер-план по развитию Кемско-Беломорской агломерации: Материал портала «Арктический век». URL: https://acentury.ru/opinions/na-forume-arktika-bash-obshii-dom-bil-predstavlen-master-plan-kemsko-elomorskoi-aglomerazii/ (дата обращения: 01.10.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Концентрация усилий на развитии ограниченного количества населенных пунктов, вошедших в перечень опорных городов и агломераций Арктики, может создать условия для снижения уровня поддержки городов и поселков, которые не были включены в перечень опорных пунктов Арктики, ускорения оттока населения из них в финансово обеспеченные города, получающие поддержку на федеральном уровне.

Также следует отметить фрагментарность и слабую проработанность нормативной базы создания и реализации мастер-планов городов, которые, по сути, должны стать своеобразным генеральным планом развития и основой для разработки долгосрочных документов. Кроме того, в настоящее время не существует единого органа, отвечающего за разработку мастер-планов, который координировал бы их подготовку и реализацию. Процесс их разработки возложен на регионы, которые, как показывает практика, обращаются к различным столичным компаниям, имеющим опыт успешного взаимодействия с Министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, и в меньшей степени опираются на накопленный опыт региональных научных учреждений.

Практика обеспечения территориального развития на основе создания опорных городов и агломераций показала, что эффективно реализовать данных подход для АЗРФ возможно лишь с учетом имеющихся проблем, а также при вовлеченности в процессы реализации стратегических документов развития данного макрорегиона широкого круга субъектов, осуществляющих деятельность на данной территории.

В частности, необходимо устранить многочисленные законодательные пробелы и обозначить место мастер-плана в системе стратегической документации на муниципальном уровне. В настоящее время мастер-план, по сути, становится документом, в котором закреплено целеполагание в системе развития муниципального образования и основные долгосрочные приоритеты. Однако в большинстве городов приняты и реализуются стратегии развития, которые, согласно ФЗ «О стратегическом планировании в РФ»[22], служат основой долгосрочных программ муниципального развития. Таким образом, складывается ситуация, когда мастер-план, сформированный в сжатые сроки столичными разработчиками, ориентированный, прежде всего, на территориальную организацию города или агломерации, становится для арктических городов и городов Дальнего Востока альтернативой стратегии развития. Дополнительно повышает приоритетность мастер-плана над всеми другими муниципальными документами федеральный уровень его утверждения. Выходом из данной ситуации видится закрепление места мастер-планов в системе стратегической документации путем внесения дополнений в ФЗ «О стратегическом планировании в РФ». Согласно авторской позиции, мастер-план должен сохранить место основного документа, формирующего приоритеты территориальной организации муниципального образования в рамках стратегических целей и задач, заложенных в стратегиях развития муниципальных образований. В иерархии документов приоритет должен быть сохранен за стратегией развития, которая формируется на базе гораздо более глубокой проработки социально-экономического положения муниципального образования и формирования различных прогнозных сценариев. Аналогичную позицию достаточно подробно в своих исследованиях обосновывают, например, В. Г. Марача и Т. С. Красников [26]. Одновременно следует закрепить необходимость реализации основных направлений и проектов мастер-плана через долгосрочные программы развития и план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования (рис. 2).

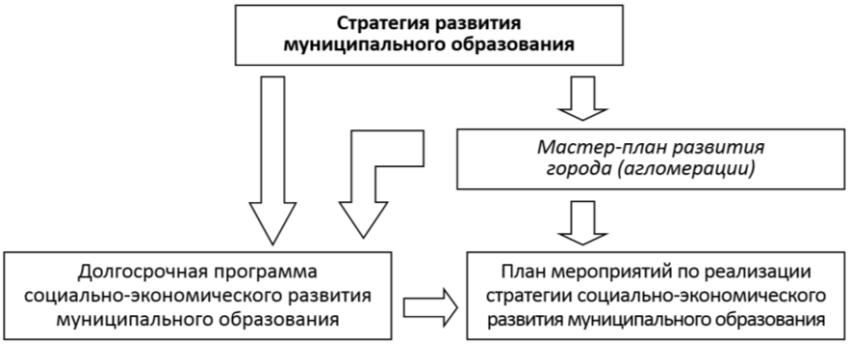


Рис. 2. Рекомендуемое место мастер-плана в системе стратегических документов развития муниципального образования. *Источник:* составлено авторами

[22] О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ. Доступ из информационно-правовой системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Отсутствие закрепленного статуса мастер-плана опорного муниципального образования формирует дополнительно и риски, связанные с факультативным правом его реализации. Так, на данный момент возможна ситуация, когда проекты, заложенные в данный документ, будут реализованы фрагментарно с учетом выделенных на федеральном уровне финансовых ресурсов. В связи с этим следует определить для муниципальных образований обязательный порядок разработки и реализации мастер-плана наряду со стратегией развития (в настоящее время, согласно законодательству, документы стратегического планирования могут разрабатываться по решению местных властей). Кроме того, необходимо установить периоды времени, через которые ключевые документы стратегического развития муниципального образования должны обновляться. На данный момент рациональным видится срок раз в три года.

Необходимо нормативно закрепить требования к составлению мастер-планов, описав критерии его составления, содержание основных разделов и процесс утверждения и реализации. При этом следует учитывать, что мастер-план должен быть не просто набором «желаний» региональных и местных органов власти, подкрепленных красивыми картинками, а, прежде всего, документом, который содержит комплекс проектов территориальной организации, целевые индикаторы, характеризующие эффективность их реализации, а также систему мер по мониторингу и контролю выполнения. Проекты, включаемые в стратегические документы, должны не просто носить «имиджевый характер», а обеспечивать создание максимально эффективных систем функционирования технических комплексов, инфраструктуры и социальной среды [27]. Кроме того, проекты, содержащиеся в мастер-плане, должны сочетаться с целевыми приоритетами стратегии развития муниципального образования, быть реализуемыми и целесообразными даже в условиях, когда федеральный центр не предусмотрит финансирование. Одновременно, следует учитывать, что содержание мастер-плана должно быть направлено на выполнение широкого спектра функций опорных населенных пунктов Арктики (в частности, функций исследовательских баз, площадок интенсивной коммуникации, мест коллективного обучения и выработки новшеств [28], деловых, научно-исследовательских и образовательных центров, центров транспорта и логистики, предоставления качественной медицинской помощи, сохранения и развития культуры, в том числе коренных малочисленных народов Севера[23]). При этом следует помнить, что минерально-сырьевая направленность является не всегда определяющей спецификой арктической локации [29].

Еще одним направлением оптимизации реализации подхода на основе формирования опорных городов и агломераций должно стать внедрение системных принципов, которые обеспечат превращение отдельных опорных городов и агломераций в единую сеть, формирующую каркас российской Арктики, и станут основой для развития смежных территорий, в том числе слабозаселенных и осваиваемых вахтовым методом. Наиболее рациональным здесь видится применение принципов программно-целевого подхода, в рамках которого реализация долгосрочных планов и программ развития муниципальных образований АЗРФ, сформированных на базе стратегий развития и мастер-планов, может быть осуществлена через формирование единой федеральной программы или национального проекта развития опорных городов и агломераций АЗРФ. О рациональности такого подхода, в частности, заявляли и региональные лидеры[24]. В качестве преимуществ указанного подхода можно отметить возможность группировки схожих мероприятий, направленных на развитие городов и муниципалитетов, вошедших в число опорных, по таким направлениям, как благоустройство территорий, развитие транспортной инфраструктуры, ремонт и строительство жилого фонда, обеспечение доступа населения к сервисам и услугам, совершенствование других составляющих социальной сферы и т. д. Это позволит выработать единые принципы реализации проектов, обеспечивающие общие подходы к выбору исполнителей, привлечению финансирования, соблюдению стандартов реализации. Кроме того, объединение планов развития опорных городов и агломераций в рамках единой федеральной программы или национального проекта позволит повысить эффективность мониторинга и контроля за их реализацией и достижением значений по ключевым индикаторам развития городов. Немаловажным является то, что при объединении планов развития опорных населенных пунктов АЗРФ в единый документ значительное внимание может

[23] Данькин, М. А., Замятина, Н. Ю. (2022) Информационная статья по результатам проведения научно-исследовательских работ: Материал сайта Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. URL: https://arctic-russia.ru/upload/analitika_red.pdf (дата обращения: 27.09.2024).

[24] В отдельный нацпроект предложили выделить развитие опорных населенных пунктов Арктики: Аналитический материал на сайте Проектного офиса «ПОРА». URL: https://goarctic.ru/work/v-otdelnyy-natsproekt-predlozhili-vydelit-razvitie-opornykh-naselennykh-punktov-arktiki/ (дата обращения: 28.09.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

быть уделено межрегиональным проектам, которые будут способствовать развитию всей российской Арктики. В частности, к таким направлениям следует отнести проекты транспортной связанности территории и развитие логистических путей, обеспечивающих функционирование крупных отраслевых комплексов.

Еще одним принципом эффективной реализации стратегического развития опорных городов и агломераций является эффективное взаимодействие государства с субъектами хозяйствования, осуществляющими деятельность в регионах АЗРФ, на основе государственно-частного партнерства. На данный момент при всей рациональности подхода развития Арктики на основе опорных населенных пунктов добиться значимых результатов возможно только при привлечении в этот регион достаточных финансовых ресурсов. При объективной оценке ситуации, показывающей необходимость выделения значительного государственного финансирования на обеспечение обороноспособности, социальную поддержку населения и технологическую независимость, заложенные в качестве приоритетов федерального бюджета на 2025–2027 гг., возникают определенные сомнения, что на федеральном уровне в установленные сроки и в полном объеме будут профинансированы мероприятия, закладываемые сегодня в мастер-планы арктических городов. В этих условиях очевидным выходом является привлечение ресурсов крупных компаний и корпораций, осуществляющих свою деятельность в Арктике.

Следует отметить, что в настоящее время крупные компании уже достаточно активно участвуют в развитии территорий базирования своих производственных мощностей. Помощь выделяется в рамках различных соглашений с региональными и местными органами власти [30], принятых стандартов корпоративной ответственности и собственных программ социальной направленности. Однако повысить системность содействия компаний в развитии опорных городов и агломераций АЗРФ и задействовать их ресурсы при решении наиболее приоритетных задач развития возможно при их участии в качестве полноценных исполнителей по отдельным направлениям реализации мастер-планов и долгосрочных планов социально-экономического развития.

Также представляется целесообразным вернуться к вопросу расширения вовлеченности компаний в развитие арктических городов и поселений на основе функционирования Фонда развития Арктики, который должен формироваться не только за счет налога на прибыль, акцизов на легковые автомобили и мотоциклы, а также импортных пошлин, как было предложено Минвостокразвития РФ[25], но и за счет отчислений от НДПИ и экспортных пошлин, поступающих от реализации ресурсов, добываемых в регионах АЗРФ. Идея формирования данного фонда не нова [31; 32], однако в настоящее время в условиях ограниченности финансовых возможностей государства и перехода к развитию Арктики на основе опорных городов и агломераций использование этого инструмента является актуальным.

Заключение

Устойчивое развитие российской Арктики возможно только на основе реализации грамотной государственной политики, привлечения достаточного объема финансовых ресурсов, а также обеспечения рационального использования природного, производственного и трудового потенциала этой территории. Необходимые ресурсы для развития арктических территорий могут быть аккумулированы на базе симбиоза государственных источников финансирования и частного капитала, который может быть привлечен за счет создания на территории АЗРФ благоприятного инвестиционного климата и комплекса льготных условий ведения деятельности для потенциальных инвесторов и крупных корпораций. При этом в условиях значительного роста расходных обязательств государства в ближайшие годы и ограничения финансовых возможностей крупнейших российских корпораций особое значение приобретает эффективность использования ресурсов, привлекаемых для реализации широкого комплекса мероприятий, направленных на промышленное и инфраструктурное развитие Арктики.

На сегодняшний день прямая государственная поддержка арктических регионов базируется на создании сети опорных городов и агломераций, которые должны стать своеобразным каркасом, обеспечивающим развитие всего макрорегиона. Однако необходимо понимать, что высокая эффективность развития опорных городов и агломераций АЗРФ возможна только в условиях тесного взаимодействия государства, крупных корпораций, осуществляющих свою деятельность в Арктике, и местных сообществ. При этом важнейшее значение должно быть уделено созданию эффективно работающих механизмов как по созданию мастер-

[25] Крючкова, Е. (2022). Арктический миллиард. Минвостокразвития подготовило правила наполнения Фонда развития макрорегиона: Аналитический материал в электронном издании газеты «Коммерсант». URL: https://www.kommersant.ru/doc/5156512 (дата обращения: 03.10.2024).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

планов и комплекса стратегических документов планирования в муниципальных образованиях, так и по достижению целей на этапах их реализации, контроля, мониторинга и корректировки.

Обеспечить единые походы к реализации мастер-планов, программ и планов социально-экономического развития опорных городов и агломераций возможно в условиях проработки нормативной базы, регулирующей процесс стратегического планирования на муниципальном уровне, усиления государственного внимания к вопросам эффективности расходования средств в рамках сформированного комплекса документов развития опорных городов через создание соответствующей федеральной программы или национального проекта.

Только комплексный подход к обеспечению развития арктических территорий на базе привлечения широкого круга субъектов, осуществляющих свою деятельность в АЗРФ, и соблюдения ключевых принципов стратегического планирования, таких как сбалансированность, результативность, эффективность, прозрачность, ответственность, реалистичность и ресурсная обеспеченность, способен создать условия для достижения приоритетных целей в Арктике и превратить данный макрорегион в локомотив отечественной экономики.

В ходе исследования уточнены теоретические и методологические подходы к содержанию и иерархии стратегических документов территориального развития. Практическая значимость работы базируется на возможности использования представленных результатов и рекомендаций в системе реализации государственной арктической политики, в частности, при формировании комплексных документов развития российской Арктики, разработке стратегий регионов и муниципалитетов АЗРФ, выборе и использовании инструментов и механизмов финансового обеспечения соответствующих программ и планов. Полученные выводы также могут быть учтены в системе нормативного регулирования формирования и реализации мастер-планов развития опорных городов и агломераций АЗРФ.

Дальнейшие исследования авторов будут направлены на разработку инструментов и механизмов привлечения финансовых ресурсов для достижения основных целей и решения задач, поставленных в стратегических документах развития регионов и опорных городов и агломераций АЗРФ.

Список источников

1. Люкевич И. Н., Микуленок А. С. Системная социально-экономическая диагностика мегарегиона арктической зоны российской Федерации // Экономические науки. 2023. № 218. С. 67–83. DOI:10.14451/1.218.146.
2. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The governance of global value chains // Review of International Political Economy. 2005. No. 12. P. 78–104.
3. Scutaru L. International models and policies of successful clusters // Ecoforum. 2016. No. 5 (Special Issue). P. 159–166.
4. Rothgang M., Cantner U., Dehio J. et al. Cluster policy: insights from the German leading edge cluster competition // J. open innov. 2017. No. 3. P. 18. DOI:10.1186/s40852-017-0064-1.
5. Lehmann E. E., Menter M. Public cluster policy and neighboring regions: beggar-thy-neighbor? // Economics of Innovation and New Technology. 2017. Vol. 27, No. 5–6. P. 420–437. DOI:10.1080/10438599.2017.1374039.
6. Brossard O., Moussa I. The French cluster policy put to the test with differences-in-differences estimates // Economics Bulletin, AccessEcon. 2014. No. 34 (1). P. 520–529.
7. Wang Q., Jin Ch. A quantitative measure of the uneven level of economic development of urban agglomerations in China // The Journal of Quantitative & Technical Economics. 2018. No. 11. P. 77–94.
8. Howell A. Heterogeneous impacts of China's economic and development zone program // Journal of Regional Science. 2019. Vol. 59, No. 5. P. 797–818. DOI:10.1111/jors.12465.
9. Hu R. W. China's 'One Belt One Road' Strategy // China Report. 2017. No. 53 (2). P. 107–124. DOI:10.1177.0009945517696619.
10. Vicente J. Opportunities and Weaknesses of Cluster Policy // Economics of Clusters. 2018. No. 5. P. 85–103. DOI:10.1007/978-3-319-78870-8_.
11. Grashof N. Putting the watering can away — Towards a targeted (problem-oriented) cluster policy framework // Research Policy. 2021. Vol. 50, No. 9. 104335. DOI:10.1016/j.respol.2021.104335.
12. Андреева Е. Н. Опорные зоны в Арктике: новые веяния в решении старых проблем // ЭКО. 2017. № 9 (519). С. 26–41.
13. Дмитриева Т. Е., Бурый О. В. Опорные зоны развития Российской Арктики: содержание, рейтинги и проекты // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 41–59.
14. Воронина Е. П. Формирование опорных зон развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение их функционирования: применение Gap-анализа // Регионалистика. 2017. Т. 4, № 6. С. 60–69.
15. Гассий В. В. Финансирование инвестиционных проектов в опорных зонах развития Арктики: методологические вопросы // Финансовая экономика. 2019. № 5. С. 11–13.

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

16. Строев П. В., Мильчаков М. В., Пивоварова О. В. Опорные регионы пространственного развития России: бюджетный аспект // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 2. С. 53–75. DOI:10.26794/2587-5671-2021-25-2-53-75.
17. Большаков А. Г., Скрябин П. В. Опорные узлы как условие пространственного развития Байкало-Ангарского бассейна расселения // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2021. Т. 11, № 2 (37). С. 302–313. DOI:10.21285/2227-2917-2021-2-302-313.
18. Заостровских Е. А. Морские порты Восточной Арктики и опорные зоны Северного морского пути // Регионалистика. 2018. Т. 5, № 6. С. 92–106. DOI:10.14530/reg.2018.6.92.
19. Липина С. А., Череповицын А. Е., Бочарова Л. К. Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 29–39. http://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.29.
20. Крутиков А. В., Смирнова О. О., Бочарова Л. К. Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. № 40 (40). С. 254–269. DOI:10.37482/issn2221-2698.2020.40.254.
21. Смирнова О. О. Диалектика арктических приоритетов // Стратегические перспективы развития Арктического региона: Материалы Научно-практической конференции Совета по изучению производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2018. С. 6–13.
22. Бадылевич Р. В. Тенденции и перспективы привлечения иностранных инвестиций в арктические мегапроекты в условиях геополитической напряжённости // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 5–27. DOI:10.37482/issn2221-2698.2023.51.5.
23. Потравный И. М., Моторина М. А. Развитие опорных зон в Российской Арктике на основе проектного подхода // Горизонты экономики. 2017. № 6 (39). С. 31–36.
24. Краснопольский Б. Х. Дальневосточная Арктика: роль инфраструктуры в экономическом развитии и системообразовании опорных зон // Пространственная экономик. 2018. № 3. С. 165–181. DOI:10.14530/se.2018.3.165-181.
25. Волков А. Д., Тишков С. В., Никитина А. С. Эволюция механизмов управления экономическим пространством российской Арктики: современный этап // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 2. С. 174–201. DOI:10.17072/2218-9173-2022-2-174-201.
26. Марача В. Г., Красникова Т. С. Опорные населенные пункты в арктической зоне России: их основные функции и содержание комплексных планов долгосрочного развития // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2024. № 1 (17). С. 32–50.
27. Минакир П. А., Горюнов А. П. Пространственно-экономические аспекты освоения Арктики // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18, № 3. С. 486–492.
28. Пилясов А. Н. Развитие городов-центров — форпостных баз северного фронтира // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2016. № 1. С. 107–118.
29. Пилясов А. Н., Котов А. В. Российская Арктика — 2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. 2024. № 20 (2). С. 369–394. DOI:10.17059/ekon.reg.2024-2-3.
30. Старцев В. В. Государственно-частное партнерство и его возможности для развития Арктической зоны Российской Федерации // Финансовая экономика. 2022. № 5. С. 163–165.
31. Ноговицын Р. Р., Софронова Т. С., Новиков А. В. Арктический фонд: возможности повышения эффективности формирования доходной базы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 2 (80). С. 104–116. DOI:10.37614/2220-802X.2.2023.80.007.
32. Никулкина И. В., Филимонова, Л. М. Региональный арктический фонд — финансовый институт развития Арктической зоны Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2018. № 2 (91). С. 1142–1145.

References

1. Lyukevich I. N., Mikulenok A. S. Sistemnaya sotsial'no-ekonomicheskaya diagnostika megaregiona arkticheskoi zony rossiiskoi Federatsii [Systemic socio-economic diagnosis of the megaregion of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2023, no. 218, pp. 67–83. DOI:10.14451/1.218.146. (In Russ.).
2. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*, 2005, no. 12, pp. 78–104.
3. Scutaru L. International models and policies of successful clusters. *Ecoforum*, 2016, no. 5 (Special Issue), pp. 159–166.
4. Rothgang M., Cantner U., Dehio J., Engel D., Fertig M., Graf H., Hinzmann S., Linshalm E., Ploder M., Scholz A.-M., Töpfer S. Cluster policy: insights from the German leading edge cluster competition. *J. open innov*., 2017, no. 3, p. 18. DOI:10.1186/s40852-017-0064-1.

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

5. Lehmann E. E., Menter M. Public cluster policy and neighboring regions: beggar-thy-neighbor? *Economics of Innovation and New Technology*, 2017, vol. 27, no. 5–6, pp. 420–437. DOI: 10.1080/10438599.2017.1374039.
6. Brossard O., Moussa I. The French cluster policy put to the test with differences-in-differences estimates. *Economics Bulletin, AccessEcon*, 2014, no. 34 (1), pp. 520–529.
7. Wang Q., Jin Ch. A quantitative measure of the uneven level of economic development of urban agglomerations in China. *The Journal of Quantitative & Technical Economics*, 2018, no. 11, pp. 77–94.
8. Howell A. Heterogeneous impacts of China's economic and development zone program. *Journal of Regional Science*, 2019, vol. 59, no. 5, pp. 797–818. DOI:10.1111/jors.12465.
9. Hu R. W. China's 'One Belt One Road' Strategy. *China Report*, 2017, no. 53 (2), pp. 107–124. DOI:10.1177.0009945517696619.
10. Vicente J. Opportunities and Weaknesses of Cluster Policy. *Economics of Clusters*, 2018, no. 5, pp. 85–103. DOI:10.1007/978-3-319-78870-8_.
11. Grashof N. Putting the watering can away — Towards a targeted (problem-oriented) cluster policy framework. *Research Policy*, 2021, vol. 50, no. 9, 104335. DOI:10.1016/j.respol.2021.104335.
12. Andreeva E. N. Opornye zony v Arktike: novye veyaniya v reshenii starykh problem [The anchor zones in the Arctic: New trends in solving old problems]. *EKO* [ECO], 2017, no. 9 (519), pp. 26–41. (In Russ.).
13. Dmitrieva T. E., Buriy O. V. Opornye zony razvitiya Rossiiskoi Arktiki: soderzhanie, reitingi i proekty [Arctic supporting zones: The ranks and the projects]. *EKO* [ECO], 2019, no. 1 (535), pp. 41–59. (In Russ.).
14. Voronina E. P. Formirovanie opornykh zon razvitiya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii i obespechenie ikh funktsionirovaniya: primenenie Gap-analiza [Formation of support zones for the development of Arctic zone of Russian Federation and ensuring their functioning: Gap-analysis]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2017, vol. 4, no. 6, pp. 60–69. (In Russ.).
15. Gassij V. V. Finansirovanie investitsionnykh proektov v opornykh zonakh razvitiya Arktiki: metodologicheskie voprosy [Financing investment projects in support zones of development of the Arctic: Methodological issues]. *Finansovaya ekonomika* [Financial Economy], 2019, no. 5, pp. 11–13. (In Russ.).
16. Stroev P. V., Mil'chakov M. V., Pivovarova O. V. Opornye regiony prostranstvennogo razvitiya Rossii: byudzhetnyi aspekt [Regions supporting the spatial development of Russia: Budgetary aspect]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2021, vol. 25, no. 2, pp. 53–75. DOI:10.26794/2587-5671-2021-25-2-53-75. (In Russ.).
17. Bol'shakov A. G., Skryabin P. V. Opornye uzly kak uslovie prostranstvennogo razvitiya Baikalo-Angarskogo basseina rasseleniya [Supporting nodes as a condition for the spatial development of the Baikal-Angara settlement area]. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'* [Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real Estate], 2021, vol. 11, no. 2 (37), pp. 302–313. DOI:10.21285/2227-2917-2021-2-302-313. (In Russ.).
18. Zaostrovskikh E. A. Morskie porty Vostochnoi Arktiki i opornye zony Severnogo morskogo puti [Eastern Arctic seaports and support zones of Northern Sea Route]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2018, vol. 5, no. 6, pp. 92–106. DOI:10.14530/reg.2018.6.92. (In Russ.).
19. Lipina S. A., Cherepovitsyn A. E., Bocharova L. K. Predposylki formirovaniya mineral'no-syr'evykh tsentrov v opornykh zonakh razvitiya v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii [The preconditions for the formation of mineral and raw materials centers in the support zones of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 29–39. DOI:10.17238/issn2221-2698.2018.33.29. (In Russ.).
20. Krutikov A. V., Smirnova O. O., Bocharova L. K. Strategiya razvitiya rossiiskoi Arktiki. Itogi i perspektivy [Strategy for the development of the Russian Arctic. Results and prospects]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40 (40), pp. 254–269. DOI:10.37482/issn2221-2698.2020.40.254. (In Russ.).
21. Smirnova O. O. Dialektika arkticheskikh prioritetov [The dialectic of Arctic priorities]. *Strategicheskie perspektivy razvitiya Arkticheskogo regiona: Materialy Nauchno-prakticheskoi konferentsii Soveta po izucheniyu proizvoditel'nykh sil VAVT Minekonomrazvitiya Rossii* [Strategic prospects for the development of the Arctic: Proceedings of the Research-to-Practice Conference of the Council for the Study of Productive Forces of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Moscow, Vserossiiskaya akademiya vneshnei torgovli Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [The Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation)], 2018, pp. 6–13. (In Russ.).
22. Badylevich R. V. Tendentsii i perspektivy privlecheniya inostrannykh investitsii v arkticheskie megaproekty v usloviyakh geopoliticheskoi napryazhyonnosti [Trends and prospects of attracting foreign investment in Arctic megaprojects under geopolitical tension]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, pp. 5–27. DOI:10.37482/issn2221-2698.2023.51.5. (In Russ.).
23. Potravny I. M., Motorina M. A. Razvitie opornykh zon v Rossiiskoi Arktike na osnove proektnogo podhoda [The development of reference areas in the Russian Arctic on the basis of the design approach]. *Gorizonty ekonomiki* [Economic horizons], 2017, no. 6 (39), pp. 31–36. (In Russ.).

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

24. Krasnopolskiy B. Kh. Dal'nevostochnaya Arktika: rol' infrastruktury v ekonomicheskom razvitii i sistemoobrazovanii opornykh zon [The Far Eastern Arctic: The role of infrastructure in the economic development and system formation of support zones]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2018, no. 3, pp. 165–181. DOI:10.14530/se.2018.3.165-181. (In Russ.).
25. Volkov A. D., Tishkov S. V., Nikitina A. S. Evolyutsiya mekhanizmov upravleniya ekonomicheskim prostranstvom rossiiskoi Arktiki: sovremennyi etap [Evolution of economic management mechanisms in the Russian Arctic: The present stage]. *Ars Administrandi*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 174–201. DOI:10.17072/2218-9173-2022-2-174-201. (In Russ.).
26. Maracha V. G., Krasnikova T. S. Opornye naselennye punkty v arkticheskoi zone Rossii: ikh osnovnye funktsii i soderzhanie kompleksnykh planov dolgosrochnogo razvitiya [Supporting settlements in the Arctic zone of Russia: Their main functions and the content of comprehensive long-term development plans]. *Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya* [Arctic 2035: Current issues, problems, solutions], 2024, no. 1 (17), pp. 32–50. (In Russ.).
27. Minakir P. A., Goryunov A. P. Prostranstvenno-ekonomicheskie aspekty osvoeniya Arktiki [Spatial and economic aspects of development of the Arctic]. *Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the MSTU], 2015, vol. 18, no. 3, pp. 486–492. (In Russ.).
28. Pilyasov A. N. Razvitie gorodov-centrov — forpostnykh baz severnogo frontira [Development of center cities as outpost bases at the Northern frontier]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN* [Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences, Far East Branch], 2016, no. 1, pp. 107–118. (In Russ.).
29. Pilyasov A. N., Kotov A. V. Rossiiskaya Arktika — 2035: polimasshtabnyi prognoz [Russian Arctic — 2035: Multi-scale forecast]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2024, no. 20 (2), pp. 369–394. DOI:10.17059/ekon.reg.2024-2-3. (In Russ.).
30. Startsev V. V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo i ego vozmozhnosti dlya razvitiya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Public-private partnership and its tools for the development of the Russian Arctic]. *Finansovaya ekonomika* [Financial Economy], 2022, no. 5, pp. 163–165. (In Russ.).
31. Nogovitsyn R. R., Sofronova T. S., Novikov A. V. Arkticheskii fond: vozmozhnosti povysheniya effektivnosti formirovaniya dokhodnoi bazy [The Arctic Fund: Opportunities for enhancing tax income generation]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, vol. 26, no. 2 (80), pp. 104–116. DOI:10.37614/2220-802X.2.2023.80.007. (In Russ.).
32. Nikulkina I. V., Filimonova L. M. Regional'nyi arkticheskii fond — finansovyi institut razvitiya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [The regional Arctic Fund is a financial institution of development of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2018, no. 2 (91), pp. 1142–1145. (In Russ.).

Об авторах:
Р. В. Бадылевич — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
А. В. Игумнов — стажер-исследователь.

About the authors:
R. V. Badylevich — PhD (Economics), Senior Researcher;
A. V. Igumnov — Research Intern.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2024 года.
Статья принята к публикации 25 ноября 2024 года.
The article was submitted on October 11, 2024.
Accepted for publication on November 25, 2024.

© Бадылевич Р. В., Игумнов А. В., 2025

Научная статья
УДК 338.28; 332.1
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.003

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ

Елена Петровна Воронина
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия, vep73@rambler.ru, ORCID 0000-0002-0384-5960

Аннотация. В научной статье исследуются аспекты реализации региональных проектов субъектов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в рамках национальных проектов, которые для регионов российской Арктики имеют особо актуальное значение, что в значительной степени связано с противоречивостью тенденций их социально-экономического развития. Цель работы заключается в анализе особенностей осуществления указанных проектов в арктических регионах РФ и их влияния на повышение человеческого потенциала и повышение качества и уровня жизни населения АЗРФ. Был проведен сравнительный анализ структуры, финансового обеспечения и исполнения региональных проектов, который показал, что приоритетные и значимые проекты имеют преимущественно социальную направленность. На основе статистического анализа выделены ключевые тенденции социально-демографического развития в контексте реализации приоритетных региональных проектов. Выявлено, что проекты являются стабилизирующим инструментом государственной политики, создающим предпосылки к социоориентированному экономическому развитию. Национальные проекты позволяют сконцентрировать усилия федеральных и региональных органов власти на конкретных задачах для устранения негативных процессов. В заключении сформулированы выводы относительно актуальности реализации региональных проектов в рамках нацпроектов, которые способствуют мультипликационному и синергетическому эффекту и являются драйверами сбалансированного социально-экономического развития. Результаты исследования имеют практическую значимость и применимость для своевременной корректировки реализуемых мер в рамках региональных проектов в условиях оптимального соотношения между объемами финансирования и планируемыми результатами, эффективности использования имеющихся ресурсов с целью внедрения результативно-ориентированной модели управления. Дальнейшая реализация национальных проектов в стране определяет перспективность будущих исследований по данному направлению.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, национальный проект, региональный проект, социоориентированное экономическое развитие, качество и уровень жизни, региональная политика
Для цитирования: Воронина Е. П. Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации в контексте обеспечения сбалансированного социально-экономического развития арктических регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 44–61. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.003.

Original article

NATIONAL PROJECTS IN THE RUSSIAN ARCTIC: ADVANCING BALANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN ARCTIC REGIONS

Elena P. Voronina
Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vep73@rambler.ru, ORCID 0000-0002-0384-5960

Abstract. This article explores the implementation of regional projects in the Russian Arctic within the framework of national projects, which are particularly significant due to the region's complex and often contradictory socio-economic development trends. The study aims to analyze the specific features of these projects in the Arctic regions of Russia and assess their impact on human capital, quality of life, and living standards. The research employs a comparative analysis of the structure, financial support, and execution of regional projects. Findings indicate that priority initiatives are predominantly socially oriented. Statistical analysis of socio-demographic trends in the context of these projects highlights their role as a stabilizing instrument of national policy, fostering conditions for socially driven economic growth. National projects facilitate the alignment of federal and regional efforts toward addressing key challenges and mitigating negative trends. The study concludes that the implementation of regional projects within national initiatives generates multiplier and synergistic effects, serving as

© Воронина Е. П., 2025

a catalyst for balanced socio-economic development. The research findings have practical value for refining regional project strategies, optimizing the allocation of financial resources, and ensuring effective, results-driven management. The ongoing execution of national projects underscores the need for further research in this area.
Keywords: Russian Arctic, national projects, regional projects, socio-economic growth, quality of life, standard of living, regional policy
For citation: Voronina E. P. National projects in the Russian Arctic: Advancing balanced socio-economic development in arctic regions. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 44–61. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.003.

Введение

В Российской Федерации реализуется целый комплекс национальных проектов (НП), которые являются основным инструментом достижения целей развития России, определенных указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204[1], от 21 июля 2020 г. № 474[2] и дополненные Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[3].

В связи с противоречивостью тенденций социально-экономического развития регионов российской Арктики из-за неблагоприятных природно-климатических условий, что проявляется в дискомфортности для проживания населения и приводит к увеличению трудозатрат и стоимости хозяйственной деятельности, исполнение мероприятий по национальным проектам имеет особо актуальное значение. Проблемы развития социальной сферы тесно взаимосвязаны с экономическим положением, в то время как в арктических регионах, где уровень развития социальной и транспортной инфраструктуры значительно отстает от среднероссийских значений, эта взаимосвязь выражена чрезвычайно контрастно.

Национальные проекты позволяют сконцентрировать усилия федеральных и региональных органов власти на конкретных задачах и выступают стабилизирующим инструментом государственного регулирования [1–3], с помощью которого обеспечивается комплексное и целенаправленное распределение ресурсов для решения важных и насущных проблем социально-экономического развития с целью изменения его траектории.

По мнению ряда российских и зарубежных авторов [4–7], осуществление национальных проектов — это форма государственного воздействия (национального и регионального характера) на процессы социально-экономического, инновационно-технологического и территориального развития, опирающегося на прямое участие государства в целях стабилизации ситуации в проблемных областях.

Вместе с тем, национальные проекты охватывают не все сферы социально-экономического развития, а лишь наиболее важные и приоритетные направления. В соответствии с указами Президента Российской Федерации целями реализации национальных проектов являются: здоровье, обеспечение устойчивого естественного роста численности населения и повышение ожидаемой продолжительности жизни, комфортная и безопасная среда для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, а также цифровая трансформация. В 2024 г. на основании Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309[4] определены новые национальные проекты «Семья», «Молодежь России», «Кадры», «Продолжительная и активная жизнь» и «Экономика данных».

В основе реализации национальных проектов лежит программно-проектный подход, который отвечает современным потребностям территориального развития. Подобное мнение было сформулировано в работах академика А. И. Татаркина [8].

Применение методов программно-проектного управления позволяет более обоснованно обозначать цели, концентрировать средства на решении приоритетных задач [9; 10], определять материальные и финансовые ресурсы, оптимально планировать мероприятия во взаимоувязке со средствами, исполнителями и сроками осуществления [11–13]. Согласно букве закона[5], «проект — комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений».

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 20.09.2024).
[2] Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 20.09.2024).
[3] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 20.09.2024).
[4] Там же.
[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве России». URL: http://static.government.ru/media/files/gLitA0z6PBOlIreUV4AOA0v1otm15jdo.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

© Воронина Е. П., 2025

Проектный метод имеет ряд отличительных особенностей: во-первых, достижение требуемого конкретного результата должно быть осуществлено в установленные сроки; во-вторых, проектное управление дает возможность более полно учитывать риски, оптимизировать использование имеющихся ресурсов, контролировать исполнение, анализировать фактические показатели и вносить своевременную коррекцию; в-третьих, использование проектного инструментария позволяет ускорить внедрение результативно-ориентированной модели управления.

В указанном отношении проект — это документ, содержащий цель и комплекс мероприятий, ориентированных на достижение конкретного конечного результата в решении определенной проблемы, согласованных по ресурсам, исполнителям и срокам выполнения.

Реализация национальных проектов должна быть четко организована и упорядочена, на основе декомпозиции цели на отдельные задачи и мероприятия формируется дерево целей и задач. Кроме того, необходимы согласованность и скоординированность федеральных, региональных органов власти и органов местного самоуправления, а они, в свою очередь, должны опираться на партнерство государства, бизнеса, науки, образования и гражданского общества. Данное утверждение обосновано в работах [14–17].

На основе взаимосогласованного партнерства возникает долгосрочный эффект, направленный на обеспечение высокого уровня и качества жизни населения, устойчивого и социально ориентированного экономического роста, улучшения экологической обстановки, комплексного и сбалансированного территориального развития.

Цель исследования — на основе анализа исполнения национальных проектов России на региональном уровне оценить их влияние на социально-экономическое развитие арктических регионов РФ.

Научная новизна работы определяется анализом количественных и качественных показателей результативности реализации региональных проектов в рамках НП на территории регионов, полностью и частично входящих в Арктическую зону РФ, на основе принципов социально-экономической интерпретации для выявления факторов влияния на развитие регионов российской Арктики.

Материалы и методы

Источниками информации послужили данные паспортов и отчетов региональных проектов в рамках НП, содержащиеся в государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет»[6]. Для исследования использованы общенаучные методы на основе систематизации, статистического, сравнительного и компаративного анализа.

Были проанализированы структура и динамика исполнения национальных проектов. Все проекты можно подразделить на три блока: человеческий капитал, комфортная среда для жизни, экономический рост (табл. 1). Единственным нацпроектом, не относящимся к этим трем блокам, является НП «Беспилотные авиационные системы».

На основании НП каждый субъект Российской Федерации формирует собственные региональные проекты с учетом приоритетности и целевых ориентиров, которые лежат в социально-экономической плоскости. В Мурманской области реализуется 44 региональных проекта в рамках НП, в Ненецком АО — 41, в ЯНАО — 44, в Чукотском АО — 45, в Республике Саха (Якутия) — 43. В то же время по объему финансового обеспечения реализация проектов в Якутии является самым ресурсоемким — около 35 трлн руб. В Архангельской области 45 региональных проектов, в Республике Карелия — 46, в Республике Коми — 45, в Красноярском крае реализуется наибольшее количество региональных проектов в рамках НП — 47.

В регионах АЗРФ осуществляются программы по каждой группе национальных проектов, однако, анализируя структуру объемов финансового обеспечения на реализацию региональных проектов в рамках НП, отраженных в их паспортах в информационной системе «Электронный бюджет», можно отметить определенные различия в связи с первостепенностью решения проблемных вопросов.

В Мурманской области непростая ситуация с заболеваниями, особенно онкологическими. Соответственно, наибольший объем финансирования предусматривается по проекту «Здравоохранение» (рис. 1), за счет которого осуществляются мероприятия по обеспечению оказания медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями, модернизируется система здравоохранения, а также идет строительство центров амбулаторной онкологической помощи. В тройку лидеров по объемам финансирования также входят «Жилье и городская среда» и «Демография».

[6] Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет». Перечень региональных проектов. URL: https://budget.gov.ru/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8C-%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2?regionId=45000000 (дата обращения: 20.09.2024).

© Воронина Е. П., 2025

Таблица 1

Направления и количество региональных проектов, реализуемых в регионах АЗРФ в рамках национальных проектов

Блок	Проект	Мурманская обл.	НАО	ЯНАО	ЧАО	Республика Саха	Архангельская обл.	Республика Карелия	Республика Коми	Красноярский край
Человеческий капитал	«Здравоохранение»	8	7	8	7	8	8	8	8	8
	«Образование»	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	«Демография»	5	5	5	5	5	5	5	5	5
	«Культура»	3	3	3	3	3	3	3	3	3
	Итого	22	21	22	21	22	22	22	22	22
Комфортная среда для жизни	«Безопасные качественные дороги»	3	3	3	3	3	3	3	3	4
	«Жилье и городская среда»	4	4	4	4	4	4	4	4	4
	«Экология»	3	1	2	3	2	3	3	2	4
	Итого	10	8	9	10	9	10	10	9	12
Экономический рост	«Туризм и индустрия гостеприимства»	1	1	–	1	1	1	2	1	2
	«Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	3	3	3	3	3	3	3	3	3
	«Цифровая экономика РФ»	4	4	4	5	4	4	4	4	4
	«Производительность труда»	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	«Международная кооперация и экспорт»	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	–	–	–	–	–	1	–	1	–
	Итого	12	12	11	13	12	13	13	13	13
«Беспилотные авиационные системы»		–	–	2	1	–	–	1	1	–
Всего		44	41	44	45	43	45	46	45	47
Объем финансового обеспечения реализации НП на 2019–2024 гг., млн руб.		62 080,52	6 414,63	115 269,34	11 857,55	35 187 812,69	93 012,09	54 063,63	52 172,20	227 447,23

Примечание. Источник: составлено автором на основе единого портала бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет».

© Воронина Е. П., 2025

Рис. 1. Финансовое обеспечение проектов Мурманской области за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

Одним из приоритетных проектов в Ненецком АО является НП «Демография» (рис. 2), за счет которого осуществляется поддержка семей с детьми, финансируются мероприятия по поддержке и повышению качества жизни граждан, а также проводится работа по формированию кадрового резерва в регионе. Также значительна роль указанного проекта в решении вопросов сокращения миграционного оттока жителей из региона, в первую очередь молодежи и трудоспособного населения. Следующие по приоритетности проекты — «Жилье и городская среда» и «Безопасные качественные дороги». Их значимость объясняется необходимостью решения насущных проблем улучшения качества городской среды, серьезного обновления инфраструктуры, в частности дорожного фонда.

В Ямало-Ненецком АО остро стоят проблемы сокращения объемов ветхого жилья, возведения нового жилищного фонда, демографии, повышения качества здравоохранения, что предусматривает наибольший объем финансирования по проектам «Жилье и городская среда», «Демография», «Здравоохранение» (рис. 3).

Существенную долю в структуре финансирования на реализацию региональных проектов в рамках НП Чукотского АО занимают такие проекты, как «Жилье и городская среда», «Здравоохранение», «Демография» (рис. 4), которые направлены на увеличение строительства жилого фонда, повышение качества и доступности медицинской помощи, особенно в удаленных населенных пунктах. Реализация целей и задач, поставленных в данных НП, будет способствовать сокращению оттока жителей и увеличению численности населения.

В Якутии, которая среди регионов АЗРФ имеет самый большой объем финансового обеспечения на реализацию региональных проектов в рамках НП, наиболее ресурсоемким проектом (рис. 5) является «Жилье и городская среда» (около 35 трлн руб.), что обусловлено необходимостью переселения из аварийного жилищного фонда и предоставления качественного жилья в рамках подпрограммы «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда на территории Республики Саха (Якутия)».

В Архангельской области необходимо ликвидировать ветхий и аварийный жилищный фонд, решать проблемы существенного износа коммунальной инфраструктуры, модернизировать здравоохранение и улучшать экологию. Соответственно, приоритетными проектами являются «Жилье и городская среда», «Здравоохранение», «Экология» (рис. 6). Особое внимание уделено проекту «Жилье и городская среда», что в значительной степени обусловлено необходимостью массового жилищного строительства при условии сохранения и развития зеленого фонда и территорий, имеющих историко-культурное, рекреационное, оздоровительное значение.

© Воронина Е. П., 2025

Рис. 2. Финансовое обеспечение проектов Ненецкого АО за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

Рис. 3. Финансовое обеспечение проектов Ямало-Ненецкого АО за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

© Воронина Е. П., 2025

Рис. 4. Финансовое обеспечение проектов Чукотского АО за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

Рис. 5. Финансовое обеспечение проектов Республики Саха (Якутия) за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

© Воронина Е. П., 2025

Рис. 6. Финансовое обеспечение проектов Архангельской области за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

В Республике Карелия наиболее финансово обеспеченными являются реализуемые в регионе нацпроекты «Безопасные качественные дороги», «Жилье и городская среда», «Демография», «Здравоохранение» (рис. 7). Приоритетность проекта «Безопасные качественные дороги» связана с проведением строительных работ и реконструкцией транспортно-эксплуатационного состояния опорной сети автомобильных дорог России с целью увязки межрегиональных и транзитных перевозок.

Рис. 7. Финансовое обеспечение проектов Республики Карелия за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

© Воронина Е. П., 2025

В Республике Коми реализуются 14 направлений НП, а наибольший объем финансирования предусматривается на проекты «Здравоохранение», «Жилье и городская среда», «Демография», «Образование» (рис. 8). Более существенное финансовое обеспечение проекта «Здравоохранение» связано с необходимостью решения проблем совершенствования первичной медико-санитарной помощи, цифровизации административной деятельности медучреждений, приобретения высокотехнологичного медицинского оборудования, модернизации детского здравоохранения.

Рис. 8. Финансовое обеспечение проектов Республики Коми за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

В Красноярском крае первостепенными проектами выступают «Здравоохранение», «Экология», «Безопасные качественные дороги», «Жилье и городская среда» и «Демография» (рис. 9). Высокий уровень финансирования указанных проектов определяется региональными особенностями края: обширные территории, редкоочаговое расселение жителей, природно-климатическое разнообразие. В рамках проекта «Здравоохранение» финансируется санитарная авиация, также созданы новые организационные формы оказания медицинской помощи: «Поезд здоровья» (совместный проект РЖД и Правительства Красноярского края), «Мобильная поликлиника».

Результаты и обсуждение

Региональные проекты в рамках НП играют важную роль в развитии регионов АЗРФ, они направлены на создание условий для решения насущных и значимых проблем эколого-социально-экономического характера (рис. 10).

Социальные цели связаны с улучшением уровня и условий жизни путем повышения качества предоставляемых медицинских услуг, усовершенствования социальной инфраструктуры, трансформации и модернизации образовательной среды, обеспечения доступным и качественным жильем, формирования удобной и комфортной городской среды.

© Воронина Е. П., 2025

Рис. 9. Финансовое обеспечение проектов Красноярского края за период 2019–2024 гг., млн руб. Расчетные данные автора.
Источник: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

Рис. 10. Целевые ориентиры исполнения мероприятий по региональным проектам в АЗРФ в рамках национальных проектов.
Источник: составлено автором на основе паспортов национальных проектов. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»

© Воронина Е. П., 2025

Экономические цели связаны с необходимостью достижения долгосрочного экономического роста через обеспечение инновационного развития экономики, увеличение транспортной доступности и усовершенствование инфраструктуры, поддержание малого и среднего предпринимательства, генерирующего рабочие места и конкурентную среду, цифровизацию экономики, инфраструктуры и управления, а также с решением вопросов информационной безопасности.

По мнению экспертов [18–23], для арктических регионов наиболее актуальными вопросами, требующими приоритетного внимания, являются: низкий уровень доступности и качества здравоохранения; большой отток молодежи из-за недостаточного количества учебных заведений и рабочих мест; ограничение транспортной доступности по причине недостаточности и неравномерного распределения транспортной инфраструктуры, что приводит к удорожанию жизнеобеспечения; неудовлетворительное состояние жилого фонда и низкие темпы ввода жилья; неудовлетворительный уровень и качество труда; вопросы экологической безопасности. Для преодоления сложившегося положения реализация региональных проектов в рамках НП предположительно будет способствовать решению данных проблем.

Сравнительный анализ структуры финансового обеспечения региональных проектов показывает, что наибольший объем финансовых ресурсов в субъектах АЗРФ направлен в проекты: «Жилье и городская среда» (максимальный объем в Республике Саха (Якутия) — 99 % от общего объема финансирования, минимальный в Красноярском крае — 15 %); «Здравоохранение» (максимальный объем в Республике Коми — 38 % от общего объема финансирования, минимальный в Якутии — 0,07 %); «Демография» (максимальный объем в НАО — 27 % от общего объема финансирования, минимальный в Якутии — 0,06 %); «Безопасные качественные дороги» (максимальный объем в Республике Карелия — 35 % от общего объема финансирования, минимальный в Якутии — 0,08 %).

Приоритетные и значимые проекты, на реализацию которых направляется более половины всех ассигнований, в основном имеют социальную направленность, нацелены на решение важных задач арктических регионов — «удержать» и увеличить численность населения, повысить качество медицинской помощи, особенно на труднодоступных территориях субъектов АЗРФ.

Меньше всего средств предусмотрено на реализацию региональных проектов, относящихся к экономической сфере, при этом их роль для развития субъектов АЗРФ очень важна, поскольку создаются условия для привлечения бизнеса в регион, а это, в свою очередь, позволяет создать дополнительные рабочие места и обеспечить рост доходов бюджета.

Каждый региональный проект имеет свои особенности и задачи. Для достижения целей, заявленных в региональных проектах, были разработаны мероприятия, имеющие определенные сроки выполнения и исполнение обязательств по финансовым ресурсам. На основе данных об исполнении статей расходов на региональные проекты в рамках НП в разрезе субъектов АЗРФ можно констатировать, что показатели преимущественно ниже среднего значения по РФ. Уровень выше среднероссийского демонстрируют лишь три региона — Ямало-Ненецкий АО (единственный субъект АЗРФ, где показатель исполнения финансовых обязательств стабильно выше, чем в среднем по России), Республика Карелия и Красноярский край (табл. 2).

Таблица 2

Уровень исполнения финансовых обязательств региональных проектов в рамках НП

	Всего в рамках НП, % исполнения		
	на 01.01.2022	на 01.01.2023	на 01.01.2024
Российская Федерация	93,23	94,47	96,5
Мурманская область	89,54	93,03	92,92
Ненецкий автономный округ	95,22	88,23	90,38
Ямало-Ненецкий автономный округ	88,07	98,31	98,89
Чукотский автономный округ	87,90	84,43	90,3
Субъекты РФ, частично входящие в зону Арктики			
Республика Саха (Якутия)	84,45	66,02	87
Архангельская область	89,78	90,90	94,63
Республика Карелия	91,03	98,87	99,87
Республика Коми	88,33	77,29	88,2
Красноярский край	97,87	93,66	98,1

Примечание. Расчетные данные автора. *Источник:* Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Перечень региональных проектов. URL: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» (дата обращения: 20.09.2024).

© Воронина Е. П., 2025

Исследуя показатели исполнения региональных проектов в рамках НП в субъектах, полностью или частично входящих в АЗРФ, можно отметить недостаточный уровень их выполнения, что усугубляется арктической спецификой: суровыми природно-климатическими условиями, ограниченными сроками и повышенными затратами на ведение производственной деятельности, недостатком кадров различного уровня и дефицитом систем обеспечения их подготовки, неразвитостью транспортно-логистической инфраструктуры. Соответственно, в данных условиях необходимы четкое соотношение между результатом реализации проекта и объемами финансирования, сбалансированная скоординированность мероприятий, в рамках которых будет объединен потенциал государства и частного бизнеса, а также более продуктивная и эффективная реализация региональных проектов в рамках НП, позволяющая повысить уровень социально-экономического развития арктических регионов. Потенциальные возможности их осуществления заключаются в мультипликационном и синергетическом эффекте, создающем предпосылки к социоориентированому экономическому развитию. Нельзя добиться поступательного экономического роста без качественного и количественного увеличения человеческого потенциала, социальной стабильности и устойчивости. Повышение уровня и качества жизни отражается в благополучии населения через удовлетворение физических, материальных, духовных и социальных благ [24; 25] (состояние здоровья, уровень доходов, жилищные условия, уровень образования и другое).

Положительным итогом реализации региональных проектов является количество результатов и возведенных объектов капитального строительства (табл. 3). Это строительство и реконструкция дорог и социально значимых объектов, введение в эксплуатацию школ и детских садов, капитально отремонтированных культурно-досуговых организаций, благоустройство общественных и дворовых территорий, открытие и функционирующих центров медицинской помощи.

Таблица 3

Результаты реализации региональных проектов в рамках НП в субъектах АЗРФ

	Количество результатов региональных проектов, ед.	Количество объектов капитального строительства по региональным проектам, ед.
Мурманская область	208	94
Ненецкий автономный округ	137	31
Ямало-Ненецкий автономный округ	239	42
Чукотский автономный округ	215	55
Субъекты РФ, частично входящие в АЗРФ		
Республика Саха (Якутия)	283	495
Архангельская область	292	445
Республика Карелия	232	420
Республика Коми	243	362
Красноярский край	256	927

Примечание. Расчетные данные автора. *Источник:* Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет».

В зависимости от приоритетности региональных проектов в связи с первостепенностью решения насущных проблем каждый субъект РФ, полностью или частично входящий в АЗРФ, осуществляет комплекс мероприятий. В рамках реализации региональных проектов в Мурманской области строятся 3 медицинских учреждения, созданы 3 новых фельдшерско-акушерских пункта, реализованы 5 проектов по развитию территорий, предусматривающих строительство жилья, построено 7 школ и созданы условия для развития дополнительного образования детей. В Ненецком АО осуществлено строительство автомобильной дороги Нарьян-Мар — Усинск с мостом через реку Шапкину, реализован 1 проект по строительству жилья, построено 4 общеобразовательных организации. В Ямало-Ненецком АО построено 7 школ, реализовано 3 проекта по строительству жилья, также предусмотрено осуществление мероприятий по цифровизации городского хозяйства «Умный город». В Чукотском АО построено 3 школы, созданы системы диспетчеризации скорой медицинской помощи, функционируют мобильные медицинские комплексы и новые фельдшерские, фельдшерско-акушерские пункты, врачебные амбулатории.

В регионах, частично входящих в АЗРФ, также осуществляется комплекс мероприятий. Так, в Республике Саха (Якутия) в рамках реализации программы по переселению из аварийного жилья построено около 200 многоквартирных домов,

© Воронина Е. П., 2025

осуществлено строительство 30 общеобразовательных организаций и 34 медицинских объектов, также проведена реконструкция автомобильной дороги Якутск — Намцы — Булус и возведен Ленский мост с целью дополнительного развития связи речного порта на реке Лене с Северным морским путем как одного из объектов российской транспортно-логистической системы. В рамках региональных проектов в Архангельской области были построены 16 медицинских учреждений, приобретено более 1 300 мобильных медицинских комплексов, также реконструированы и построены автодороги, реализованы 14 проектов по развитию территорий, предусматривающих строительство жилья, и построено 20 школ. В Республике Карелия построены и реконструированы автомобильные дороги, реализованы 9 проектов по строительству жилья, возведено 9 общеобразовательных организаций, осуществление нового строительства и реконструкции объектов медицинских учреждений в основном планируется в 2025 г. В Республике Коми проведена реконструкция автомобильной дороги Сыктывкар — Ухта — Печора — Усинск — Нарьян-Мар на участке Кабанты Вис — Малая Пера, реализован 1 проект по строительству жилья и построено 10 школ, созданы врачебные амбулатории и построено 12 медицинских учреждений. В Красноярском крае построено 11 школ, реализовано 3 проекта по строительству жилья, также созданы и функционируют 35 передвижных медицинских комплексов, 84 фельдшерско-акушерских пункта и 1 врачебная амбулатория, осуществлено строительство 53 медицинских объектов.

Вышеуказанные мероприятия очень важны для российских регионов, полностью или частично входящих в АЗРФ, так как они создают предпосылки для повышения качества и уровня жизни населения как фактора стабильного долговременного социально-экономического развития.

Рассматривая реализацию региональных проектов субъектов АЗРФ в контексте социально-демографического развития, необходимо отметить, что значительные социальные эффекты будут видны с большим временным лагом. Однако на основе статистического анализа уже можно констатировать определенные положительные сдвиги качественных и количественных характеристик человеческого потенциала как результат применяемых мер поддержки. Несмотря на то, что сохраняется снижение численности населения в арктических регионах России, необходимо обратить внимание на положительный тренд сокращения коэффициента смертности (рис. 11), что благоприятно влияет на показатель естественного прироста населения, хотя для многих субъектов, полностью или частично входящих в АЗРФ, он пока имеет отрицательное значение.

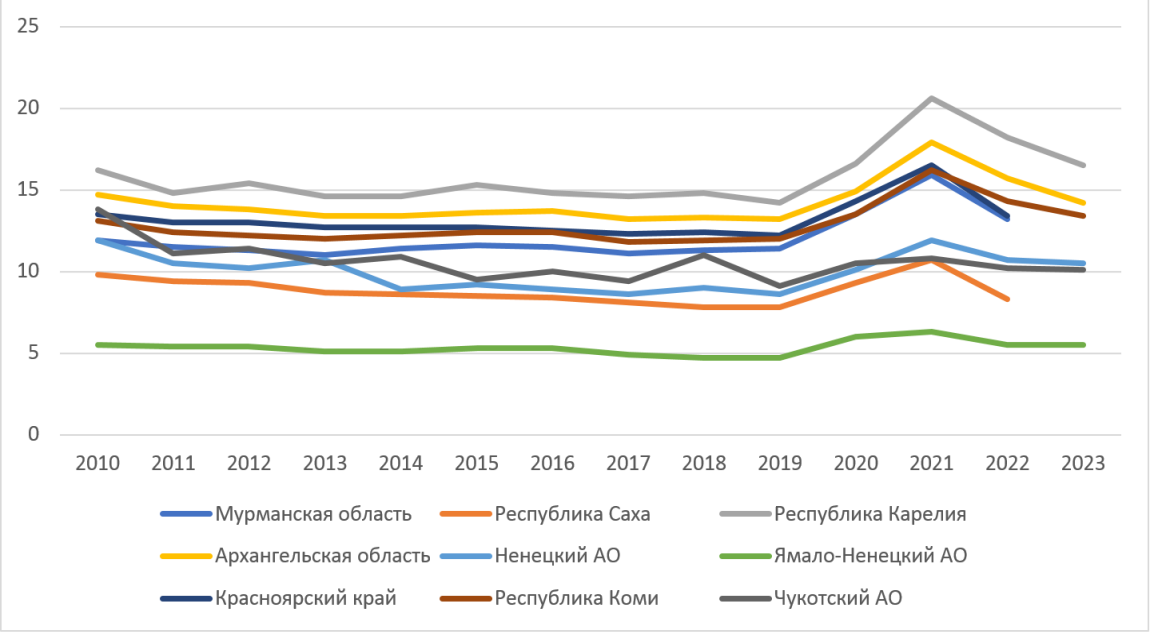


Рис. 11. Общий коэффициент смертности, число умерших на 1 000 человек населения за год. Расчетные данные автора.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/territorial, https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 20.09.2024)

© Воронина Е. П., 2025

Также наблюдается увеличение продолжительности жизни населения после снижения показателя в 2020–2021 гг. из-за COVID-19. В 2023 г. в Мурманской области ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 70,44 года, в Ненецком АО — 70,67, в Ямало-Ненецком АО — 75,3, в Чукотском АО — 66,56, в Якутии — 73,55, в Республике Карелия — 69,8, в Республике Коми — 70,4, Архангельской области — 71,54, в Красноярском крае — 71,32 года. В то же время во многих регионах данный показатель остается ниже среднероссийского значения (73,41 года).

Позитивная динамика исследуемых показателей, по мнению автора, связана с действием национального проекта «Здравоохранение», который позволил сократить смертность и увеличить возраст дожития, благодаря реализации мер по повышению качества медицинских услуг и доступности медицинской помощи в условиях адаптации к внешним вызовам, связанным с пандемией COVID-19 и ее негативным влиянием. Так, были реализованы региональные проекты «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)» с целью внедрения в медицинских организациях информационных систем, разработаны и внедрены мероприятия по созданию и организации работы единой службы оперативной помощи гражданам по номеру 122, работают мобильные медицинские комплексы, проводится профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, организованы центры амбулаторной онкологической помощи, в Мурманской области реализуется региональная программа «Борьба с онкологическими заболеваниями».

В то же время наблюдается сокращение темпов рождаемости, о чем свидетельствует снижение коэффициента рождаемости, основной причиной которого предположительно является отток населения в репродуктивном возрасте. Тем не менее следует полагать, что без осуществления государственных мероприятий по стимулированию рождаемости в рамках национального проекта «Демография» и внедрения новых мер поддержки, направленных на стимулирование сохранения и повышения рождаемости, она была бы существенно ниже.

Для наращивания человеческого потенциала важны жилищные условия, поэтому необходимо формирование максимально комфортной среды проживания, обеспечение доступности жилья. Однако показатели жилищных условий в субъектах АЗРФ уступают общероссийским, о чем свидетельствуют статистические данные. Одним из важнейших показателей в удовлетворении жилищных потребностей является жилищное строительство (рис. 12). Исследуя динамику в период с 2019 г., следует отметить, что наибольшее значение показателя ввода жилых помещений в эксплуатацию приходится на Ненецкий АО и Якутию, на территории которых наблюдалась высокая доля ветхого и аварийного жилья, подлежащего расселению. В Чукотском АО практически полностью отсутствует ввод в эксплуатацию жилых помещений, хотя проект «Жилье и городская среда» имеет наибольший объем финансирования (уровень исполнения низкий).

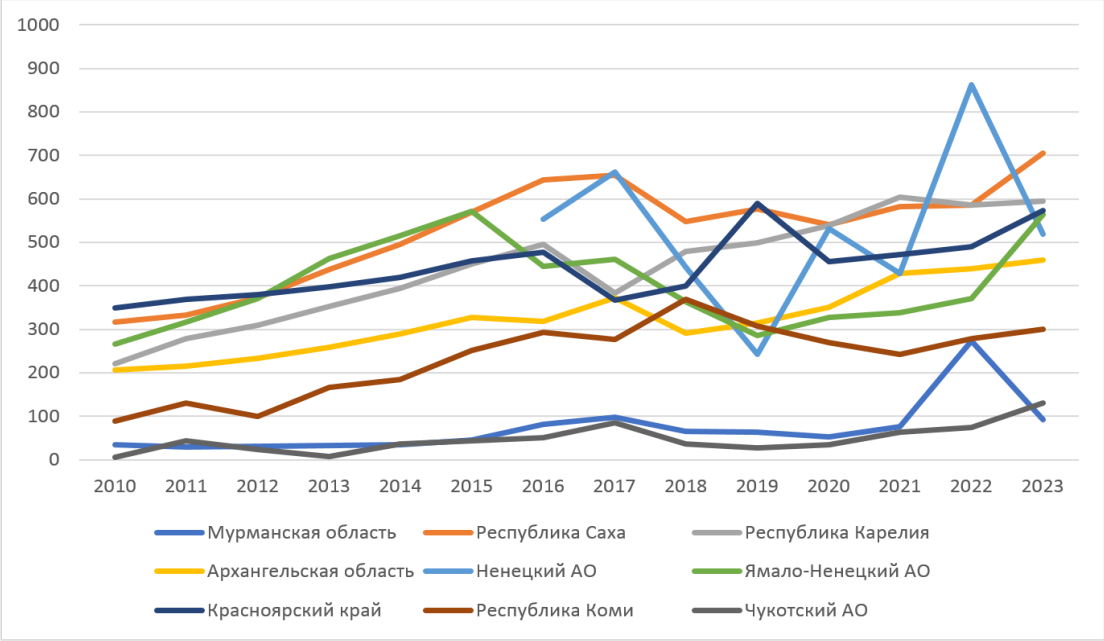


Рис. 12. Ввод в действие общей площади жилых домов на 1 000 человек населения, м². Расчетные данные автора.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/territorial, https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 20.09.2024)

© Воронина Е. П., 2025

Реализация государственных программ по улучшению жилищных условий в рамках проекта «Жилье и городская среда», включая программы по предоставлению социальной ипотеки, переселению из ветхого и аварийного жилья и субсидированию процентных ставок по ипотечным кредитам, а также активное строительство нового жилья, способствует увеличению жилищного фонда и приводит к улучшению жилищной обеспеченности, что позитивно влияет на качество жизни и формирование человеческого потенциала. В указанном отношении, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2023 г. № 2023[7], жители Арктической зоны России смогут получить льготные ипотечные кредиты в рамках «Арктической ипотеки» по ставке до 2 % на строительство или покупку жилья. С целью эффективного взаимодействия по развитию жилищной сферы были заключены соглашения о сотрудничестве между АО «ДОМ.РФ», АО «Банк ДОМ.РФ», Фондом ДОМ.РФ и субъектами АЗРФ. Также Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики была разработана программа «Арктический квартал» для поддержки проектов масштабной застройки в арктических городах на основе государственной поддержки жилищного строительства.

Заключение

Анализ данных по исполнению региональных проектов субъектов АЗРФ в рамках национальных проектов показал, что в большинстве регионов приоритетное внимание уделено решению социальных проблем в рамках блоков «Человеческий капитал» и «Комфортная среда для жизни». Результатами реализации региональных проектов являются: предоставление высокого уровня доступности и качества социальных услуг; строительство, модернизация и ремонт объектов здравоохранения; обеспечение значительного улучшения образовательной инфраструктуры; реконструкция имеющихся и строительство новых дорог; рост объема жилищного строительства и улучшение жилищных условий. Осуществление инвестиций в человеческий потенциал и социальную среду способствует комплексному социально-экономическому развитию арктических регионов, повышению качества и уровня жизни населения.

Региональные проекты выступают драйверами последовательного инициирования процессов социально-экономического развития. Улучшение социального климата, обеспечение доступности качественной медицинской помощи, формирование безопасной и комфортной среды проживания населения и иной социальной активности создают предпосылки для обеспечения качественных условий функционирования жизнедеятельности общества, что ведет к социальному благополучию. Благоприятные социальные условия способствуют повышению трудовой мотивации, увеличению работоспособности персонала, улучшению качества рабочей силы, приводящим к увеличению производительности труда и способствующим росту экономической эффективности. Соответственно, региональные проекты в рамках НП создают предпосылки для устранения негативных процессов социально-демографического развития в арктических регионах России.

Данное исследование вносит вклад в приращение научно-теоретических знаний в области региональной экономики и расширяет понимание механизмов реализации государственной политики.

Полученные результаты имеют практическую значимость и применимость для своевременной корректировки реализуемых мер в рамках региональных проектов в условиях оптимального соотношения между объемами финансирования, планируемыми результатами и эффективностью использования имеющихся ресурсов с целью внедрения результативно-ориентированной модели управления.

Перспективность дальнейших исследований определяется необходимостью изучения предпосылок и факторов влияния на социально-экономические процессы в субъектах АЗРФ в контексте реализации региональных проектов в рамках уже действующих и готовящихся к реализации национальных проектов России.

Список источников

1. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53.
2. Гагиев Н. Н., Гончаренко Л. П., Сыбачин С. А., Шестакова А. А. Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 113–129. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.113.
3. Brunet M., Choinière O. Governance Framework Trajectory for Major Public Projects: The Case of Canada // Project Management Journal. 2024. pp. 87569728241251710. doi: 10.1177/87569728241251710.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 2023 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам жилищного (ипотечного) кредитования граждан Российской Федерации». URL: http://government.ru/docs/all/150754/ (дата обращения: 10.12.2024).

© Воронина Е. П., 2025

4. Минакир П. А., Прокапало О. М. Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2021. Т. 8, № 1. С. 39–55. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.39.
5. Freedman M., McGavock T. Low-Income Housing Development, Poverty Concentration, and Neighborhood Inequality // Journal of Policy Analysis and Management. 2015 Vol. 34, № 4. P. 805–834. https://doi.org/10.1002/pam.21856.
6. Samset K. F. et al. Governance schemes for major public investment projects: A comparative study of principles and practices in six countries. Concept rapport. 2016. Vol. 47. 132 p.
7. Muller R. Governance and governmentality in projects. Routledge, 2016. 63 p.
8. Татаркин А. И. Пространственное развитие региональных и территориальных экономических систем с использованием программно-проектных подходов // Проблемы экономики. 2012. № 3. С. 71–80.
9. Волоцков А. А. Новые национальные проекты: взгляд в будущее // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11, № 4. С. 17–27. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.4.2.
10. Копытова Е. Д., Пахнина С. Ю. Опыт проектного управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023 Т. 16, № 3. С. 159–182. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.8.
11. Müller R., Zhai L., Wang A. Governance and governmentality in projects: Profiles and relationships with success // International journal of project management. 2017. Vol. 35, № 3. P. 378–392. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijproman.2017.01.007.
12. Brunet M. Governance-as-practice for major public infrastructure projects: A case of multilevel project governing // International journal of project management. 2019. Vol. 37, № 2. P. 283–297. https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2018.02.007.
13. Riadi A. S. E. The Importance of Program Evaluation in Overseeing the Successful Achievement of the National Development Agenda // Riwayat: Educational Journal of History and Humanities. 2023. Vol. 6, № 4. P. 3120–3125.
14. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Проблемы и перспективы использования проектного подхода в управлении развитием российской Арктики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6, № 4–1 (24). С. 10–18.
15. Marshall P., Chenok D., Wholey J. Improving Program Management in the Federal Government. A White Paper by a Panel of the National Academy of Public Administration. 2015. 32 p.
16. Gasik S. National public projects implementation systems: How to improve public projects delivery from the country level // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 226. P. 351–357.
17. Ильченко С. В. Национальные проекты как инструмент реализации целей национального развития России // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях. 2021. С. 374–381.
18. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79. https://doi:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004.
19. Корчак Е. А. Уровень жизни в регионах Севера России: статистический анализ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 1. С. 137–151. doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.010.
20. Торопушина Е. Е. Здравоохранение российской Арктики: уроки пандемии COVID-19, результаты оптимизации, приоритеты развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 117–132. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.008.
21. Кондратович Д. Л. Реализация национальных проектов как фактор обеспечения благоприятных условий для саморазвития территориальных сообществ Крайнего Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 4. С. 188–197. doi:10.37614/2220-802X.4.2021.74.014.
22. Корчак Е. А., Скуфьина Т. П. Проблемы и перспективы социального благополучия арктических ресурсодобывающих городов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 1 (67). С. 18–28. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.002.
23. Емельянова Е. Е., Чапаргина А. Н. Состояние и специфика рынка жилья арктических регионов РФ // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 26–46. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.26.
24. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2 (203) / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В. Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с.
25. Строкан Е. В., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Существенное повышение уровня жизни населения арктических регионов — необходимое условие обеспечения национальной безопасности России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 1. С. 152–169. doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.011.

References

1. Ivanov O. B., Buchwald E. M. Natsional'nye proekty Rossii: regional'noe izmerenie [National projects of Russia: regional dimension]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice], 2019, no. 1, pp. 37–53. (In Russ.).

© Воронина Е. П., 2025

2. Gagiev N. N., Goncharenko L. P., Sybachin S. A., Shestakova A. A. Natsional'nye proekty v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii [National Projects in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 113–129. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.113. (In Russ.).
3. Brunet M., Choinière O. Governance Framework Trajectory for Major Public Projects: The Case of Canada. *Project Management Journal*, 2024, pp. 87569728241251710. doi: 10.1177/87569728241251710.
4. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Natsional'nye proekty na Dal'nem Vostoke: problemy i perspektivy razvitiya [National Projects in the Far East: Problems and Prospects for Development]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2021, Vol. 8, no. 1, pp. 39–55. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.39. (In Russ.).
5. Freedman M., McGavock T. Low-Income Housing Development, Poverty Concentration, and Neighborhood Inequality. *Journal of Policy Analysis and Management*, 2015, Vol. 34, no. 4, pp. 805–834. https://doi.org/10.1002/pam.21856.
6. Samset K. F., Volden G. H., Olsson N., Kvalheim E. V. Governance schemes for major public investment projects: A comparative study of principles and practices in six countries. Concept rapport, 2016, Vol. 47, 132 p.
7. Muller R. *Governance and governmentality in projects*. Routledge, 2016, 63 p.
8. Tatarkin A. I. Prostranstvennoe razvitie regional'nykh i territorial'nykh ekonomicheskikh sistem s ispol'zovaniem programmno-proektnykh podkhodov [Market institutions of spatial development of regional and territorial economic systems]. *Problemy ekonomiki* [Problems of the Economy], 2012, no. 3, pp. 71–80. (In Russ.).
9. Volotskov A. A. Novye natsional'nye proekty: vzglyad v budushchee [New national projects: A look to the future]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2023, Vol. 11, no. 4, pp. 17–27. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.4.2. (In Russ.).
10. Kopytova E. D., Pakhnina S. Yu. Opyt proektnogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi protsessami na munitsipal'nom urovne vlasti [Experience in Project Management of Socio-Economic Processes at the Municipal Level of Government]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2023, Vol. 16, no. 3, pp. 159–182. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.8. (In Russ.).
11. Müller R., Zhai L., Wang A. Governance and governmentality in projects: Profiles and relationships with success. *International journal of project management*, 2017, Vol. 35, no. 3, pp. 378–392. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijproman.2017.01.007.
12. Brunet M. Governance-as-practice for major public infrastructure projects: A case of multilevel project governing. *International journal of project management*, 2019, Vol. 37, no. 2, pp. 283–297. https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2018.02.007.
13. Riadi A. S. E. The Importance of Program Evaluation in Overseeing the Successful Achievement of the National Development Agenda. *Riwayat: Educational Journal of History and Humanities*, 2023, Vol. 6, no. 4, pp. 3120–3125.
14. Leksin V. N., Porfiryev B. N. Problemy i perspektivy ispol'zovaniya proektnogo podkhoda v upravlenii razvitiem rossiiskoi Arktiki [Issues and perspectives of using project-oriented approach in the Russian Arctic development management policy]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], 2015, Vol. 6, no. 4–1 (24), pp. 10–18. (In Russ.).
15. Marshall P., Chenok D., Wholey J. Improving Program Management in the Federal Government. A White Paper by a Panel of the National Academy of Public Administration, 2015, 32 p.
16. Gasik S. National public projects implementation systems: How to improve public projects delivery from the country level. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2016, Vol. 226, pp. 351–357.
17. Ilchenko S. V. Natsional'nye proekty kak instrument realizatsii tselei natsional'nogo razvitiya Rossii [National projects as a tool for implementing the goals of national development of Russia]. *Aktual'nye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya v sovremennykh usloviyakh* [Current issues of economic development and management under modern conditions], 2021, pp. 374–381. (In Russ.).
18. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Demograficheskaya dinamika i transformatsiya sistemy rasseleniya na Severe Rossii v koordinatakh perepisi naseleniya 2021 goda [Demographic trends and transformation of population distribution in the North of Russia: Insights from the 2021 census]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 1, pp. 64–79. https://doi:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004. (In Russ.).
19. Korchak E. A. Uroven' zhizni v regionakh Severa Rossii: statisticheskii analiz [Living standards in the regions of the Russian North: A statistical analysis]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2024, no. 1, pp. 137–151. doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.010. (In Russ.).
20. Toropushina E. E. Zdravookhranenie rossiiskoi Arktiki: uroki pandemii COVID-19, rezul'taty optimizatsii, prioritety razvitiya [Healthcare in the Russian Arctic: Lessons from the COVID-19 pandemic, optimization results, and development priorities]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 2, pp. 117–132. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.008. (In Russ.).

© Воронина Е. П., 2025

21. Kondratovich D. L. Realizatsiya natsional'nyh proektov kak faktor obespecheniya blagopriyatnykh uslovii dlya samorazvitiya territorial'nykh soobshchestv Krainego Severa i Arktiki [Implementation of national projects as a factor of providing favorable conditions for self-development of territorial communities of the Far North and the Arctic]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2021, no. 4, pp. 188–197. doi:10.37614/2220-802X.4.2021.74.014. (In Russ.).
22. Korchak E. A., Skuf'ina T. P. Problemy i perspektivy sotsial'nogo blagopoluchiya Arkticheskikh resursodobyvayushchikh gorodov Rossii [Problems and prospects of social well-being of Russian Arctic resource-extracting cities]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2020, no. 1 (67), pp. 18–28. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.002. (In Russ.).
23. Emel'yanova E. E., Chapargina A. N. Sostoyanie i spetsifika rynka zhil'ya arkticheskikh regionov RF [Status and specifics of the housing market in the Arctic regions of Russia]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 26–46. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.26. (In Russ.).
24. Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. et al. *Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii — 2023 god. Vyp. 2 (203)* [Monitoring of income and the standard of living of the Russian population. 2023. Issue 2 (203)]. Moscow, IE RAS, 2024, 182 p. (In Russ.).
25. Strokan E. V., Lipatova L. N., Gradusova V. N. Sushchestvennoe povyshenie urovnya zhizni naseleniya arkticheskikh regionov — neobkhodimoe uslovie obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii [Improving the standard of living in Arctic regions as a fundamental requirement for Russia's national security]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2024, no. 1, pp. 152–169. doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.011. (In Russ.).

Об авторе:
Е. П. Воронина — канд. экон. наук, доц., старший научный сотрудник.

About the author:
E. P. Voronina — PhD (Economics), Associated Professor, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2024 года.
Статья принята к публикации 22 января 2025 года.
The article was submitted on September 26, 2024.
Accepted for publication on January 22, 2025.

© Воронина Е. П., 2025

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Научная статья
УДК 332.14
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.004

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ВАЛОВОЙ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Юсиф Алимович Гаджиев
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Россия, gajiev@iespn.komisc.ru

Аннотация. Устанавливаются тенденции и факторы динамики валовой добавленной стоимости реального сектора экономики регионов Севера в условиях специальной военной операции (СВО). Актуальность обусловлена важной ролью реального сектора в возобновлении роста и развития экономики северных регионов. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведен комплексный анализ структуры и темпов роста валовой добавленной стоимости реального сектора северных регионов. Это позволило уточнить роль реального сектора в экономике в целом. Прояснена сущность понятия и состав реального сектора экономики. Доказано, что развитие добывающей промышленности является конкурентным преимуществом северных территорий. Установлено, что темпы роста валовой добавленной стоимости реального сектора в целом по Северу обусловлены высокими темпами строительства, транспортировки и хранения, развития обрабатывающих производств. Выявлено, что глубокий спад валовой добавленной стоимости в добыче полезных ископаемых в целом по северным регионам в условиях санкционных ограничений связан с формированием новых направлений экспорта, обрабатывающих производств — с санкциями (нарушением логистики и недостатком времени на переориентацию на внутренний рынок). Высокие темпы роста в строительстве объясняются ростом жилищного строительства и строительства объектов инфраструктуры, финансированием нацпроектов и запусками проектов по добыче полезных ископаемых. Предложены практические рекомендации, направленные на обеспечение устойчивого роста валовой добавленной стоимости реального сектора, которые могут быть использованы для выработки социально-экономической политики регионов при совершенствовании механизмов достижения динамического экономического роста и повышения уровня и качества жизни населения регионов Севера. Дальнейшее изучение данного направления включает выявление перспектив экономического роста северных регионов и их возвращения на траекторию устойчивого развития в условиях санкций и нарушения производственно-технологических цепочек, определение того, как большой удельный вес отраслей реального сектора и изменения отраслевой структуры валовой добавленной стоимости отразились на состоянии основных факторов производства.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, отраслевая структура, темпы роста, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, строительство, северные регионы
Благодарности: работа выполнена в рамках плановой темы научно-исследовательской работы ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы» (№ 122031500421-1).
Для цитирования: Гаджиев Ю. А. Динамика и структура валовой добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 62–72. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.004.

INDUSTRIAL AND SECTORAL GROWTH IN THE NORTH AND THE ARCTIC OF RUSSIA

Original article

GROSS VALUE ADDED IN THE REAL ECONOMY OF RUSSIA'S NORTHERN REGIONS: DYNAMICS AND STRUCTURE

Yusif A. Gadzhiev
Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia, gajiev@iespn.komisc.ru

© Гаджиев Ю. А., 2025

Abstract. This article explores the trends and factors influencing the dynamics of gross value added (GVA) in the real economy of Russia's northern regions during the special military operation. The relevance of this analysis lies in the critical role of the real sector in driving economic recovery and growth in these regions. The scientific novelty of the study lies in its comprehensive analysis of the structure and growth rates of GVA in the real sector of the northern regions, marking the first such analysis. This approach improves the understanding of the real sector's role within the broader economy. The study clarifies the concept and structure of the real sector, demonstrating that the development of the mining industry represents a competitive advantage for the northern territories. The research reveals that the growth rates of GVA in the real sector during the Special Military Operation are largely driven by significant expansions in construction, transportation, storage, and manufacturing. It also shows that the sharp decline in mining GVA in the northern regions amid sanctions is linked to the need to establish new export channels, while the contraction in manufacturing GVA is attributed to logistical challenges and the inability to quickly shift to the domestic market. The rapid growth in construction is explained by increased housing and infrastructure development, the financing of national projects, and the launch of new mining ventures. Practical recommendations are provided to support sustainable growth in GVA within the real sector. These recommendations are intended to inform the development of socio-economic policies for the northern regions, focusing on improving mechanisms for achieving dynamic economic growth and improving the quality of life for local populations. Future research will further investigate the prospects for economic growth in the northern regions, particularly their potential to return to a path of sustainable development amidst sanctions and disruptions to production chains. Additionally, the study will explore how the high concentration of industries in the real sector and shifts in the industry structure of GVA have impacted key production factors.
Keywords: real economy, sectoral structure, growth rates, mining, manufacturing, construction, northern regions
Acknowledgments: This study is part of the research conducted at the Komi Science Centre's Institute of Socio-Economic and Energy Problems within the project titled "Real Economy in the Northern Regions of Russia: Problems and Prospects" (No. 122031500421-1).
For citation: Gadzhiev Yu. A. Gross value added in the real economy of Russia's northern regions: Dynamics and structure. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 62–72. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.004.

Введение

В настоящее время российская экономика столкнулась с мощным экономическим шоком, за которым последовали отрицательная динамика ВВП и доходов и рост инфляции. Основной причиной негативных явлений стали санкционные ограничения со стороны зарубежных стран, повлекшие изменение логистики внешнего товарооборота, уход зарубежных компаний с российского рынка, нарушение производственных цепочек. Перспективы возобновления роста экономики тесно связаны с состоянием ее реального сектора. Особенно велико его значение для северных регионов России, где ключевыми отраслями экономики являются виды деятельности, связанные с добычей полезных ископаемых. Более того, в настоящее время в этом секторе в целом по регионам Севера сосредоточено более 70 % ВРП; 66,5 % основных фондов; 61 % занятых; 85,6 % инвестиций в основной капитал. Эти обстоятельства определяют необходимость тщательного исследования отраслевой структуры и темпов роста валовой добавленной стоимости (далее — ВДС или ДС) реального сектора экономики на Севере в отраслевом и региональном разрезах.

Цель работы — выявить тенденции и факторы динамики валовой добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов России. Представленные результаты дополняют уже проведенный нами анализ реального сектора экономики Республики Коми [1]. Основным источником информации являются статистические сборники и доклады Росстата об объеме и динамике валового регионального продукта (ВРП) субъектов РФ[1]. В работе [2] мы также показали, что для характеристики развития реального сектора экономики можно использовать следующие макропоказатели: валовая добавленная стоимость, инвестиции в основной капитал, численность занятых, стоимость основных фондов.

Обзор литературы

В научной литературе понятие «реальный сектор экономики» используется весьма часто. Несмотря на широкое применение, его корректное толкование до сих пор порождает дискуссию. Неоднозначность понятия мешает проведению аналитических исследований, затрагивающих как сферу производства и услуг, так и сферу финансовых взаимоотношений, и в целом пониманию рисков устойчивого развития экономики [3].

Ранее в практике статистического учета использовался баланс народного хозяйства (БНХ). В нем учитывалась лишь производственная сфера. Основой являлась методология, в соответствии с которой стоимость может создаваться лишь в производстве. В непроизводственной сфере,

[1] Федеральная служба государственной статистики. Валовой региональный продукт. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 13.08.2024).

© Гаджиев Ю. А., 2025

согласно ей, стоимость может только потребляться. Данная точка зрения сохраняется и сегодня. Например, она выражается в том, что в некоторых учебниках торговля выводится за пределы реального сектора, то есть она не включается в производственную сферу, где создается стоимость [4].

Этимологически прилагательное «реальный» восходит к латинскому слову “res”, которое означает «вещь», «предмет», что отражено и в современном английском прилагательном “real” [5]. В словаре С. И. Ожегова дается несколько схожих толкований прилагательного «реальный». Оно обозначает нечто, существующее в действительности либо отвечающее действительности, и как что-то в прямом смысле практическое [6].

Реальный сектор экономики в большинстве источников трактуется как сфера производства товаров и услуг, не включая операции в финансовом и бюджетном секторах, а краткий обзор литературы можно найти в [7]. В то же время раскрытие понятия реального сектора в различных работах имеет немало недостатков. В некоторых из них реальный сектор объединяет все отрасли материального производства, но лишь небольшую часть услуг, как правило, транспорт и торговлю [8]. Другие же работы, например [9], вовсе могут не относить сферу услуг к реальному сектору. Однако в большинстве трудов реальному сектору дается более широкое толкование, а перераспределительные транзакции из него исключаются. Так, С. Г. Кирдина считает [10], что реальный сектор состоит из всех отраслей по производству товаров и услуг, кроме тех, которые относятся к финансовой и бюджетной сферам. В экономических словарях дается определение реального сектора как объединяющего промышленное производство, сельское хозяйство и некоторые услуги [11]. Но статус торговли в рамках данного определения неясен. В более же современных схожих работах реальный сектор трактуется как множество по производству товаров и услуг, не включающее финансовый и бюджетный сектора [12].

Схожей является позиция Ю. Б. Зеленского, согласно которой реальный сектор охватывает весь сектор нефинансовых корпораций [13]. По его мнению, торговая деятельность входит в состав реальной экономики, но при этом он оставил без внимания то, как толковать виды деятельности, связанные со становлением информационной экономики. И. Б. Родина вовсе относит к реальному сектору материальное производство плюс всю сферу нематериальных услуг [14], не принимая во внимание, что в социальной сфере не создается добавленной стоимости, а методологически в целях расчета ВВП здесь учитываются только расходы. Схожий подход применен в [15], где реальный сектор включает производство товаров, выполнение работ и оказание услуг, то есть производство как материальной, так и нематериальной продукции.

В зарубежной литературе научные работы на тему различных аспектов развития реального сектора экономики весьма малочисленны. Прежде всего это связано с иным концептуальным подходом к классификации видов деятельности — термин «реальный сектор» используется очень редко. В небольшом количестве работ зарубежных исследователей реальный сектор противопоставляется финансовому сектору. Это в наибольшей степени характерно для современных исследовательских работ эмпирического характера на материалах стран африканского континента (см., например, [16]). В подобных работах, в частности, изучается влияние притока иностранных инвестиций на рост выпуска в разрезе различных отраслей и в условиях разного уровня развития финансовой системы [17; 18]. Однако дихотомия «реальный сектор — финансовый сектор» нередко встречается в исследованиях на тему влияния кризисных ситуаций на развитие экономики, в частности на примере кризиса, вызванного вспышкой атипичной пневмонии в 2003 г. [19], или кризиса 2007–2009 гг. [20] В то же время можно встретить и работы иных характера и тематики. Например, в части развития теории интересна дифференциация кредиторов на новых и «старых», а также то, как это влияет на кредитование реального сектора [21]. В части прикладных работ изучаются направления инвестиций китайских компаний с государственным участием с точки зрения вложений в финансовый и нефинансовый сектора [22]. Внимание привлекает работа, в которой реальный и финансовый сектора не противопоставляются друг другу, а, напротив, представляются как равнозначные с точки зрения обеспечения экономического роста [23]. Кроме этого, в ряде работ анализируются природа цикличного развития финансового и нефинансового секторов экономики в странах ОЭСР (их характеристики и взаимосвязанность [24]); факторы формирования пузырей в стоимости активов вследствие связанности финансового и нефинансового секторов [25]; роль либерализации торговли и финансовых услуг и в целом глобализации в государственном управлении развития экономики отраслей промышленности и сферы услуг (показано, что глобализация искажает влияние фискальной политики и уменьшает значимость монетарной политики) [26].

Со своей стороны, мы можем кратко сформулировать, что реальный сектор — это сектор, в котором создается валовой внутренний продукт, в том числе торговля, но при этом исключающий операции перераспределительного характера, такие

© Гаджиев Ю. А., 2025

как финансовое посредничество и государственный сектор. Данный подход в общем и целом отражается в большинстве научных работ [27–30]. Показательно, что реальный сектор анализируется отдельно от рынка финансов и области государственной политики [31; 32]. Подчеркнем, что развитие реального сектора не самоцель, а способ удовлетворения потребностей в рамках современной рыночной экономики [33].

Завершая обзор литературы по проблеме трактовки понятия «реальный сектор» подытожим, что под ним следует понимать совокупность отраслей, в которых создается валовая добавленная стоимость, кроме финансовой и социальной сферы [34]. Таким образом, состав реального сектора экономики состоит из таких видов деятельности, как: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом, паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация, сбор и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая и розничная, общественное питание; транспортировка и хранение; деятельность в области информации и связи.

Результаты

Динамика отраслевой структуры валовой добавленной стоимости. В структуре экономики северных регионов России за 2016–2022 гг. произошли изменения, которые можно оценить положительно. Они заключаются в повышении доли реального сектора в валовой добавленной стоимости (табл. 1), что было связано с увеличением удельного веса добычи полезных ископаемых и обрабатывающей промышленности. Отрицательной же стороной в динамике структуры ВДС можно считать снижение в 2022 г. удельного веса большинства видов деятельности внутри реального сектора, за исключением добывающей и обрабатывающей промышленности. Это обусловлено сильнейшим негативным шоком в экономике страны вследствие введенных санкций со стороны недружественных стран.

Таблица 1

Отраслевая структура добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов за 2016–2022 гг., %

Отрасль	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экономика, всего	100	100	100	100	100	100	100
Реальный сектор экономики, всего	81,1	81,6	82,3	82,7	82,4	83,0	86,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,0	2,9	2,9	3,0	2,9	3,0	2,0
Добыча полезных ископаемых	60,7	60,6	61,4	63,4	61,9	62,4	72,1
Обрабатывающие производства	5,4	5,7	5,6	5,4	6,7	5,8	7,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	3,6	3,5	3,3	3,1	3,0	3,0	2,0
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3
Строительство	10,8	11,1	11,5	10,3	11,2	11,4	7,2
Оптовая и розничная торговля	6,5	6,6	6,3	5,8	5,7	5,5	3,2
Транспортировка и хранение	8,4	8,2	7,6	7,6	7,3	7,6	5,1
Деятельность в области информации и связи	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	0,6

Примечание. Источник: Росстат. Валовой региональный продукт. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 02.08.2024).

Добыча полезных ископаемых занимает доминирующее положение в структуре ВДС реального сектора на Севере. Это обусловлено структурой экономики регионов Севера, которая в настоящее время позволяет сохранять высокую конкурентоспособность экономики [2].

Среди регионов Севера наиболее высокий уровень ВДС реального сектора в 2022 г. отмечен в Ямало-Ненецком АО (96,6 %), Ненецком АО (95,5 %), Чукотском АО (95,4 %), Республике Саха (Якутия) (92,7 %) и Ханты-Мансийском АО (92,2 %), наименьший — в Архангельской области (65,5 %) и Республике Коми (75,3 %). В указанных регионах экономика более диверсифицирована.

Динамика валовой добавленной стоимости по России в целом также характеризовалась

© Гаджиев Ю. А., 2025

повышением удельного веса реального сектора за 2016–2022 гг. Это было вызвано ростом удельного веса добывающей и обрабатывающей промышленности и торговли. Обратная динамика наблюдалась в строительстве, оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировке и хранении; сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве.

Сравнение структуры валовой добавленной стоимости реального сектора по России в целом и отдельно только по северным регионам за 2016–2022 гг. показывает, что в их структуре не произошли сильные изменения, только в большинстве отраслей удельные весы все же разные. Так, в 2022 г. для регионов Севера характерна высокая доля добычи полезных ископаемых, но низкая — обрабатывающей промышленности, строительства, оптовой и розничной торговли, транспорта и хранения. Несколько обобщая, можно отметить, что ВДС реального сектора на Севере в основном сформировалась за счет лишь одного вида деятельности — добычи полезных ископаемых (72,1 % в 2022 г.). Для сравнения: по России в целом ВДС была сформирована за счет трех отраслей, таких как добывающая (21,2 %) и обрабатывающая (23,9 %) промышленность, а также торговля (21,9 %). Согласно нашим прогнозам, подобная отраслевая структура сохранится и в ближайшей перспективе. Для регионов Севера это можно считать вполне нормальным.

Подытоживая, отметим, что, анализ отраслевой структуры показывает, что в северных регионах, как и по России в целом, роль данного сектора в структуре экономики очень высока, причем доминирующее положение занимает отрасль добычи полезных ископаемых. Это связано с развитостью сырьевых отраслей, что одновременно является и конкурентным преимуществом регионов. Реализация этого конкурентного преимущества сдерживает спад, свидетельством чему является динамика как в период пандемии, так и в современный период международных санкций.

Динамика темпов роста ВДС. Динамика ВДС реального сектора северных регионов была неустойчива за 2017–2022 гг. (табл. 2). Индексы физического объема дважды опускались ниже 100 %, хотя позднее, в 2021 и 2022 гг., они выросли. В первом случае падение вызвала динамика таких отраслей, как обрабатывающие производства; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; строительство; оптовая и розничная торговля. В 2020 г. спад был связан с динамикой таких отраслей, как сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; оптовая и розничная торговля; транспортировка и хранение; деятельность в области информации и связи. Следует отметить, что основной причиной спада в вышеотмеченных отраслях в последний год была пандемия коронавирусной инфекции.

Таблица 2

Темпы роста валовой добавленной стоимости по отраслям реального сектора экономики регионов Севера за 2017–2022 гг., % к предыдущему году

Отрасль	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экономика, всего	100,9	103,0	101,5	97,3	106,1	97,7
Реальный сектор экономики, всего	102,5	102,1	98,9	98,8	105,7	100,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	111,4	105,2	91,0	98,4	108,2	89,6
Добыча полезных ископаемых	100,8	104,6	108,0	99,3	105,8	91,0
Обрабатывающие производства	106,0	101,3	98,9	106,8	98,2	101,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	100,9	99,4	97,6	97,9	100,5	98,1
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	99,9	100,3	96,6	103,8	104,4	102,2
Строительство	100,6	107,1	93,6	100,9	116,6	114,9
Оптовая и розничная торговля	103,6	100,9	98,3	95,1	103,8	99,7
Транспортировка и хранение	104,3	99,1	105,2	91,2	107,9	103,8
Деятельность в области информации и связи	95,3	100,7	101,5	95,9	105,9	99,8

Примечание. Источник: рассчитано по данным: Росстат. Валовой региональный продукт. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 02.08.2024).

© Гаджиев Ю. А., 2025

В 2022 г. в условиях СВО отмечены околонулевые темпы роста ВДС реального сектора в целом по Северу, что обусловлено положительной динамикой темпов следующих отраслей: строительство; транспортировка и хранение; обрабатывающая промышленность; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха. Сдерживающей была динамика таких отраслей, как добыча полезных ископаемых; сельское; лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; оптовая и розничная торговля; деятельность в области информации и связи; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха.

Среди регионов самые большие темпы роста добавленной стоимости в 2022 г. показали Ненецкий АО (111,4 %), Республика Саха (Якутия) (105,3 %), Ямало-Ненецкий АО (104,5 %), Чукотский АО (104,3 %), Ханты-Мансийский АО (102,2 %), Сахалинская область (101,9 %), Магаданская область (100,9 %). Препятствующим фактором высоких темпов роста стала отрицательная динамика у таких регионов, как Камчатский край (91,1 %), Мурманская область (93,1 %), Республика Коми (94,7 %), Республика Карелия (95,7 %), Архангельская область (97,3 %). В целом спад в вышеуказанных регионах обусловлен беспрецедентными санкционными ограничениями в финансовой и экономической сферах, изменением логистики внешнего товарооборота, приостановкой/уходом зарубежных компаний с российского рынка, нарушением производственно-технологических цепочек.

В 2022 г. отмечен глубокий спад добывающей промышленности, обусловленный становлением новых экспортных рынков. Объем добычи нефти в физическом выражении снизился по сравнению с предыдущим годом, но высокие цены на товары поддержали стоимостной объем экспорта. Основная причина падения объема добычи нефти в 2022 г. — отказ зарубежных контрагентов от продолжения сотрудничества с отечественными компаниями.

Кроме этого, негативное влияние оказала договоренность ОПЕК+ в части лимита на добычу нефти в России. Она действовала до завершения 2022 г. В сфере добычи газа рост был обеспечен поставками в Китай (использовался трубопровод «Сила Сибири»). Немалую роль сыграл и восстановительный рост российской экономики после 2020 г. Увеличение спроса на уголь на мировых рынках поддержало рост его добычи в регионах России [35].

В 2022 г. глубокий спад ДС данного сектора вызван отрицательными темпами роста в таких регионах, как Чукотский АО (69,7 %), Мурманская область (68,0 %), Республика Карелия (77,7 %), Магаданская область (88,1 %), Камчатский край (89,4 %), Архангельская область (90,1 %), Сахалинская область (91,9 %), Ямало-Ненецкий АО (96,3 %). В целом такое падение было вызвано частичной реализацией санкционных ограничений в экономике и финансовой сфере. Следует заметить, что за этот год положительные темпы роста имели Ненецкий АО (111,9 %), Республика Коми (103,8 %), Ханты-Мансийский АО (103,6 %), Республика Саха (Якутия) (101,0 %), что связано с нахождением здесь предприятий добывающих отраслей.

В 2017–2022 гг. неустойчивой рост ДС реального сектора показали обрабатывающие производства на Севере. Индекс производства здесь в 2019 и 2021 гг. опускался ниже 100 %, а в 2022 г. возрос незначительно. В 2022 г. положительное влияние на темп роста инвестиций оказали следующие отрасли и связанные с ними обстоятельства: пищевая, текстильная промышленность; химическая промышленность; резко возросший спрос на внутреннем рынке как следствие ухода зарубежных компаний из-за начала СВО. Препятствовали динамичному росту санкции и нарушение логистики [35].

Следует отметить, что в 2022 г. сдерживающее влияние на рост ДС в обрабатывающей промышленности оказывали отрицательные темпы в следующих отраслях: обработка древесины и производство изделий из дерева; целлюлозно-бумажное производство; производство прочих неметаллических минеральных продуктов, а также производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

За 2022 г. положительное влияние оказали темпы роста обрабатывающих производств в следующих регионах: Магаданская область (131,1 %), Чукотский АО (130,4 %), Ямало-Ненецкий АО (115,7 %), Ненецкий АО (109,8 %), Ханты-Мансийский АО (103,6 %). Отрицательные темпы роста имели Республика Карелия (75,8 %), Камчатский край (77,5 %), Архангельская область (92,8 %), Республика Саха (Якутия) (96,4 %), Республика Коми (96,8 %), Мурманская область (97,8 %), Сахалинская область (99,2 %). Эти регионы задерживали высокие темпы роста добавленной стоимости в целом по Северу.

В 2017–2022 гг. среди отраслей реального сектора регионов Севера самый высокий рост отмечен в ДС в отрасли строительства. Он был особенно высок в последние два года. Рост темпов связан с активизацией деятельности в жилищном строительстве и промышленной сфере (проекты по добыче полезных ископаемых), с увеличением финансирования нацпроекта «Безопасные качественные

© Гаджиев Ю. А., 2025

дороги», созданием объектов инфраструктуры в регионах.

В 2022 г. в начале проведения СВО темпы роста строительной отрасли на Севере продолжали расти, однако после 8 месяцев они начали падать, что обусловлено упадком покупательной способности населения, образованием слишком большого числа свободных площадей от ушедших иностранных компаний и российских предприятий-банкротов из-за санкционных ограничений [34]. Среди регионов наибольшие темпы роста ДС в 2022 г. наблюдались в Чукотском АО (168 %), что связано с созданием инфраструктуры для Баимского ГОКа, в Республике Саха (Якутия) (141,8 %), Ненецком АО (130,5 %), Магаданской области (129,5 %), Республике Карелия (116,5 %), Камчатском крае (116,3 %), Ямало-Ненецком АО (112,9 %), Ханты-Мансийском АО (104 %). Такие высокие темпы в этих регионах, в частности в дальневосточных, обусловлены реализацией инвестиционных промышленных проектов, а также льготной дальневосточной ипотекой. Отрицательные темпы добавленной стоимости имели Республика Коми (84,1 %), Архангельская область (89,5 %), Сахалинская область (89,3 %), Мурманская область (95,8 %), что в основном вызвано падением спроса населения и предприятий, а также повышением ставки ипотечного кредитования из-за санкционных ограничения недружественных стран. В целом вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что развитие строительной отрасли происходило лучше, чем других отраслей реального сектора регионов Севера в условиях начала СВО.

В 2017–2022 гг. наблюдалось незначительное снижение темпов роста ДС в оптовой и розничной торговле в целом по Северу, причем оно в 2019, 2020 и 2022 гг. было отрицательным. В 2022 г. в основном спад был обусловлен падением объема ДС в Республике Коми, который составил 90,1 %, Камчатском крае (95,3 %), Ханты-Мансийском АО (97,8 %). Причинами этого стали нарушения в логистике и падение реальных доходов. Резкий спад смягчили положительные темпы роста в Республике Саха (Якутия) (108,5 %), Ямало-Ненецком АО (103,3 %), Ненецком АО (102,7 %) и Мурманской области (102,3 %). Им способствовали относительно высокие доходы населения, связанные с нахождением здесь высокодоходных предприятий.

Темпы роста добавленной стоимости в транспортировке и хранении в целом по Северу за 2017–2022 гг. были также неустойчивыми. В 2019 и 2020 гг. они были отрицательными вследствие пандемии коронавируса, но далее — положительными. Несмотря на сложности в 2022 г. в условиях СВО динамика ДС в этой отрасли столкнулась с санкционными вызовами, затронувшими все виды транспорта, особенно связанные с международной деятельностью. Как следствие, была нарушена логистика поставок. Внешнеторговые потоки грузов стали уходить с европейских рынков на ближневосточные и азиатские [35]. Среди регионов с наибольшими темпами роста ДС в транспортировке и хранении в 2022 г. выделим такие регионы, как Ненецкий АО (127,6 %), Магаданская область (113,9 %), Республика Карелия (111,1 %), Сахалинская область (108,3 %), Чукотский АО (108,0 %), Мурманская область (103,2 %), Ямало-Ненецкий АО (102,8 %), Республика Саха (Якутия) (101,3 %), Ханты-Мансийский АО (101 %), Республика Коми (100,9 %). Отрицательные темпы роста были только в Камчатском крае (94,5 %) и Архангельской области (99,7 %). В целом эти данные свидетельствует о том, что данная отрасль с первого года проведения СВО адаптируется к санкционным ограничениям недружественных стран.

Выводы

Проведенный анализ динамики и структуры ВДС реального сектора экономики позволяет сформулировать следующие выводы:

- реальный сектор экономики объединяет отрасли по производству товаров и услуг. Среди них исключаются те, в которых проводятся финансовые и бюджетные операции. Основной критерий реального сектора — создание добавленной стоимости или стоимости товаров и услуг;

- высокий уровень ДС в реальном секторе в северных регионах объясним развитостью добывающих отраслей. При этом сложившуюся структуру экономики на Севере нужно относить к конкурентным преимуществам данных территорий. Реализация такого преимущества особо значима в условиях экономического и финансового кризиса. Этот тезис подтверждает прошедшие и нынешняя кризисная ситуации на фоне введения международных санкций;

- наряду с большим объемом ВДС реального сектора экономики в целом по регионам Севера за 2017–2022 гг. умеренно увеличились его темпы роста, хотя два года они были отрицательные. Такая динамика ВДС для северных регионов является в целом неплохим показателем, который обеспечивал развитие экономики в условиях жесткой конкуренции между регионами;

- причинами удержания околонулевых темпов роста ВДС реального сектора в целом по Северу в 2022 г. в условиях СВО явились в основном высокие темпы роста строительства, транспортировки и хранения и обрабатывающих производств. Сдерживающими факторами роста были отрасли с отрицательными темпами — добыча полезных

© Гаджиев Ю. А., 2025

ископаемых; сельское хозяйство и оптовая и розничная торговля;

- в разрезе регионов Севера наиболее высокие темпы роста ДС реального сектора в 2022 г. имели Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО, Ханты-Мансийский АО, Сахалинская и Магаданская области, отрицательные — Камчатский край, Мурманская область, Республика Коми, Республика Карелия, Архангельская область. Они были обусловлены беспрецедентными санкционными ограничениями в финансовой и экономической сферах, изменением логистики внешнего товарооборота, приостановкой/уходом зарубежных компаний с российского рынка, нарушением производственно-технологических цепочек;

- глубокий спад ДС в добыче полезных ископаемых в целом по северным регионам в условиях СВО в основном связан с формированием новых направлений экспорта топливно-энергетических товаров. В добыче газа рост в 2022 г. был обеспечен поставками в Китай по трубопроводу «Сила Сибири» и в меньшей степени внутренним спросом;

- глубокий спад в 2022 г. ДС обрабатывающих производств реального сектора в целом по регионам Севера связан с санкциями и сменой логистики поставок. Положительное влияние на темпы роста ДС обрабатывающих производств оказали высокие темпы в Магаданской области, Чукотском АО, Ямало-Ненецком АО, Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО;

- среди отраслей ДС реального сектора северной экономики в 2022 г. самые высокие темпы роста показала отрасль строительства. Они были связаны с активизацией деятельности в жилищном строительстве и промышленной сфере (проекты по добыче полезных ископаемых), увеличением финансирования нацпроекта «Безопасные качественные дороги», созданием объектов инфраструктуры в регионах. Среди регионов самые высокие темпы роста в 2022 г. были зафиксированы в Чукотском АО (создание инфраструктуры для Баимского ГОКа), Республике Саха (Якутия), Ненецком АО, Магаданской области, Республике Карелия, Камчатском крае, Ямало-Ненецком АО и Ханты-Мансийском АО.

Таким образом, в целях совершенствования стратегий социально-экономического развития государственным и муниципальным органам власти, а также бизнес-сообществу следует принять во внимание отмеченные выше недостатки в темпах роста валовой добавленной стоимости отраслей и регионов.

Основные выводы и перспективы исследования заключаются в предложении практических рекомендаций, направленных на обеспечение устойчивого роста ВДС реального сектора, которые могут быть использованы для выработки социально-экономической политики регионов при совершенствовании механизмов достижения динамического экономического роста и повышения уровня и качества жизни населения регионов Севера.

Выводы по итогам выполненного исследования лягут в основу дальнейших работ, рассматривающих состояние и основные тенденции в экономической динамике северных регионов России. К направлениям будущих исследований относится выяснение перспектив экономического роста северных регионов и их возвращения на траекторию устойчивого развития в условиях санкционных ограничений и нарушения производственно-технологических цепочек. Интерес представляет определение того, как большой удельный вес отраслей реального сектора и изменения отраслевой структуры валовой добавленной стоимости отразились на состоянии основных факторов производства, учитывая разное влияние внешних вызовов на состояние различных видов экономической деятельности.

Список источников

1. Gadzhiev, J. A. The Real Sector of the Economy of the Komi Republic in Modern Conditions // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration. 2023. № 64 (2). DOI: 10.34660/INF.2023.21.91.074.
2. Гаджиев Ю. А. Роль реального сектора в экономике Республики Коми // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика. Сборник трудов VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Якутской АССР / отв. редактор Е. Э. Григорьева. Якутск, 2022. С. 284–291.
3. Каткова М. А. Устойчивость институциональной системы // Вестник СГСЭУ. 2010. № 1 (30). С. 42–44.
4. Экономика / под ред. А. С. Булатова. 2-е изд. М., 1999.
5. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 20-е изд. М., 1985.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1986.
7. Тимушев Е. Н. Реальный сектор северной экономики: отказ от диверсификации? // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 249–264.
8. Суворов Н. В. Методы и результаты макроэкономического анализа эффективности производства в реальном секторе отечественной экономики // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3 (108). С. 3–16.
9. Савчишина К. Е., Сутягин В. С. Сфера услуг в современном воспроизводственном процессе в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 2009. № 4. С. 46–61.

© Гаджиев Ю. А., 2025

10. Кирдина С. Г. Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 2 (18). С. 129–155.
11. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А. Г. Грязновой. М.: Фин. и стат., 2002.
12. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2007. С. 500.
13. Зеленский Ю. Б. Банковская система России и реальный сектор экономики. Саратов, 2002. 340 с.
14. Родина И. Б. Концептуальные основы развития реального сектора национальной экономики России в условиях глобальной конкуренции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007. 47 с.
15. Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации. М.: Издательство «Перо», 2016. 215 с.
16. Akinlo T. The causal relationship between financial development and real sector in sub-Saharan Africa (1986–2015) // Journal of Social and Economic Development. 2019. No. 21 (1). P. 116–142. https://doi.org/10.1007/s40847-019-00073-1.
17. Asamoah M. E., Alagidede I. P. Foreign direct investment, real sector growth and financial development // International Journal of Finance & Economics. 2023. No. 28 (1). P. 626–643. https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2440.
18. Asamoah M. E., Alagidede I. P., Adu F. Private Capital Flows, Real Sector Growth and Institutional Quality in Africa // Journal of International Development. 2021. No. 33 (1). P. 171–207. https://doi.org/https://doi.org/10.1002/jid.3518.
19. Égert B., Sutherland D. The Nature of Financial and Real Business Cycles: The Great Moderation and Banking Sector Pro-Cyclicality // Scottish Journal of Political Economy. 2014. No. 61 (1). P. 98–117. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/sjpe.12036.
20. Fan R., Xie X., Wang Y., Lin J. Effect of financial contagion between real and financial sectors on asset bubbles: A two-layer network game approach // Managerial and Decision Economics. 2024. n/a (n/a). https://doi.org/https://doi.org/10.1002/mde.4381.
21. Feriansyah F., Achsani N.A., Irawan T., Anggraeni L. The Impact of Fiscal and Monetary Policies on the Real Sector under Globalization // Emerging Markets Finance and Trade. 2022. No. 58 (4). P. 1103–1124. https://doi.org/10.1080/1540496X.2021.1949281.
22. Ferraris L. E. O., Minetti R. Foreign Lenders and the Real Sector // Journal of Money, Credit and Banking. 2007. No. 39 (4). P. 945–964. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00052.x.
23. Liang S., Xue W., Yang D. Can government supervision alleviate the deviation of enterprises from the real economy to the financial sector: Evidence from China // Economics & Politics. 2024. No. 36 (2). P. 989–1019. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/ecpo.12279.
24. Raghutla C., Chittedi K. R. Financial development, real sector and economic growth: Evidence from emerging market economies // International Journal of Finance & Economics. 2021. No. 26 (4). P. 6156–6167. https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2114.
25. Silva T. C., Muniz F. J., Tabak B. M. Indirect and direct effects of the subprime crisis on the real sector: labor market migration // Empirical Economics. 2022. No. 62 (3). P. 1407–1438. https://doi.org/10.1007/s00181-021-02051-1.
26. Zhang Z., Ma C., Hu H., Li H. Will infectious disease outbreaks cause a decline in investment of real sector firms? Evidence from 2003 SARS outbreak in China // Applied Economics. 2021. No. 53 (59). P. 6820–6838. https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1949431.
27. Миронов В. В. Воздействие экономического кризиса на реальный сектор экономики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 3–4. С. 216–225.
28. Маевский В. И. Реальный сектор и банковская система // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2. С. 245–248.
29. Стародубровский В. Куда несет нас рок событий? Российская экономика в 2011 году (окончание) // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 127–172.
30. Экономика России в 2017–2019 годах: предпосылки для прорыва пока не созданы / А. А. Френкель, Я. В. Сергиенко, Б. И. Тихомиров, А. А. Сурков // Экономическая политика. 2018. Т. 13, № 5. С. 24–49. DOI 10.18288/1994-5124-2018-5-24-49.
31. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 42) / коллектив авторов; Институт Гайдара. М., 2021. 712 с.
32. Кувалин Д. Б., Моисеев А. К. Российские предприятия весной 2015 г.: реакция на валютный шок и деятельность в условиях экономического спада // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6 (153). С. 146–161.
33. Балаганский С. П. Реальный сектор экономики как объект экономического анализа // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1 (40). С. 9–12.
34. Гаджиев Ю. А. Реальный сектор экономики Севера: содержание и особенности функционирования // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера — 2022: Сборник статей Восьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Сыктывкар, 21–23 сентября 2022 года. В 2 ч. Иркутск: ООО «Максима», 2022. Ч. 2. С. 247–254.
35. Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы (Вып. 44). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2023. 556 с.

© Гаджиев Ю. А., 2025

References

1. Gadzhiev J. A. The Real Sector of the Economy of the Komi Republic in Modern Conditions. *Scientific research of the SCO countries: synergy and integration*, 2023, no. 64 (2). DOI: 10.34660/INF.2023.21.91.074.
2. Gadzhiev Yu. A. Rol' real'nogo sektora v ekonomike Respubliki Komi. Ustoichivyi Sever: obshchestvo, ekonomika, ekologiya, politika [The role of the real economy of the Komi Republic. Sustainable North: Society, economy, ecology, politics]. *Sbornik trudov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Yakutskoi ASSR* [Proceedings of the VII All-Russian Research-to-Practice Conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Yakut ASSR]. Yakutsk, 2022, pp. 284–291. (In Russ.).
3. Katkova M. A. Ustoichivost' institutsional'noi sistemy [Stability of the institutional system]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University], 2010, no. 1 (30), pp. 42–44. (In Russ.).
4. *Ekonomika* [Economics]. Bulatov A. S. (ed.). Moscow, 1999. (In Russ.).
5. Myuller V. K. *Anglo-russkii slovar'* [English-Russian dictionary]. Moscow, 1985. (In Russ.).
6. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986. (In Russ.).
7. Timushev Ye. N. Real'nyi sektor severnoi ekonomiki: otkaz ot diversifikatsii? [Real sector of the northern economy: Farewell to diversification?]. *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], 2022, no. 4, pp. 249–264. (In Russ.).
8. Suvorov N. V. Metody i rezul'taty makroekonomicheskogo analiza effektivnosti proizvodstva v real'nom sektore otechestvennoi ekonomiki [Macroeconomic analysis of production efficiency in the real sector of the national economy: Methods and results]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2008, no. 3 (108), pp. 3–16. (In Russ.).
9. Savchishina K. E., Sutyagin V. S. Sfera uslug v sovremennom vosproizvodstvennom protsesse v rossiiskoi ekonomike [The service sector and the economic reproduction of the Russian economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2009, no. 4, pp. 46–61. (In Russ.).
10. Kirdina S. G. Institutsional'nye modeli finansirovaniya real'nogo sektora [Institutional models for financing the real sector]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2013, no. 2 (18), pp. 129–155. (In Russ.).
11. *Finansovo-kreditnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Credit and finance: An encyclopedic dictionary]. A. G. Gryaznova (ed.). Moscow, Fin. i stat., 2002. (In Russ.).
12. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. *Sovremennyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow, 2007, 500 p. (In Russ.).
13. Zelenskii Yu. B. *Bankovskaya sistema Rossii i real'nyi sektor ekonomiki* [The banking system of Russia and the real economy]. Saratov, 2002, 340 p. (In Russ.).
14. Rodina I. B. *Kontseptual'nye osnovy razvitiya real'nogo sektora natsional'noi ekonomiki Rossii v usloviyakh global'noi konkurentsii: avtoref. dis. … d-ra ekon. nauk* [Conceptual foundations for the development of the real sector of the national economy of Russia in the context of global competition. Dr. Sc. (Economics) diss. abstract]. Moscow, 2007, 47 p. (In Russ.).
15. *Real'nyi sektor ekonomiki Rossii: strategii upravleniya, investitsii i innovatsii* [The real sector of the Russian economy: Management strategies, investments, and innovations]. Moscow, Pero, 2016, 215 p. (In Russ.).
16. Akinlo T. The causal relationship between financial development and real sector in sub-Saharan Africa (1986–2015). *Journal of Social and Economic Development*, 2019, no. 21 (1), pp. 116–142. https://doi.org/10.1007/s40847-019-00073-1.
17. Asamoah M. E., Alagidede I. P. Foreign direct investment, real sector growth and financial development. *International Journal of Finance & Economics*, 2023, no. 28 (1), pp. 626–643. https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2440.
18. Asamoah M. E., Alagidede I. P., Adu F. Private Capital Flows, Real Sector Growth and Institutional Quality in Africa. *Journal of International Development*, 2021, no. 33 (1), pp. 171–207. https://doi.org/https://doi.org/10.1002/jid.3518.
19. Égert B., Sutherland D. The Nature of Financial and Real Business Cycles: The Great Moderation and Banking Sector Pro-Cyclicality. *Scottish Journal of Political Economy*, 2014, no. 61 (1), pp. 98–117. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/sjpe.12036.
20. Fan R., Xie X., Wang Y., Lin J. Effect of financial contagion between real and financial sectors on asset bubbles: A two-layer network game approach. *Managerial and Decision Economics*, 2024, n/a (n/a). https://doi.org/https://doi.org/10.1002/mde.4381.
21. Feriansyah F., Achsani N. A., Irawan T., Anggraeni L. The Impact of Fiscal and Monetary Policies on the Real Sector under Globalization. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2022, no. 58 (4), pp. 1103–1124. https://doi.org/10.1080/1540496X.2021.1949281.

© Гаджиев Ю. А., 2025

22. Ferraris L. E. O., Minetti R. Foreign Lenders and the Real Sector. *Journal of Money, Credit and Banking*, 2007, no. 39 (4), pp. 945–964. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00052.x.
23. Liang S., Xue W., Yang D. Can government supervision alleviate the deviation of enterprises from the real economy to the financial sector: Evidence from China. *Economics & Politics*, 2024, no. 36 (2), pp. 989–1019. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/ecpo.12279.
24. Raghutla C., Chittedi K. R. Financial development, real sector and economic growth: Evidence from emerging market economies. *International Journal of Finance & Economics*, 2021, no. 26 (4), pp. 6156–6167. https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2114.
25. Silva T. C., Muniz F. J., Tabak B. M. Indirect and direct effects of the subprime crisis on the real sector: labor market migration. *Empirical Economics*, 2022, no. 62 (3), pp. 1407–1438. https://doi.org/10.1007/s00181-021-02051-1.
26. Zhang Z., Ma C., Hu H., Li H. Will infectious disease outbreaks cause a decline in investment of real sector firms? Evidence from 2003 SARS outbreak in China. *Applied Economics*, 2021, no. 53 (59), pp. 6820–6838. https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1949431.
27. Mironov V. V. Vozdeistvie ekonomicheskogo krizisa na real'nyi sektor ekonomiki Rossii [The impact of the economic crisis on the real sector of the Russian economy]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2009, no. 3–4, pp. 216–225. (In Russ.).
28. Maevskii V. I. Real'nyi sektor i bankovskaya sistema [The real sector and the banking system]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2009, no. 1–2, pp. 245–248. (In Russ.).
29. Starodubrovskii V. Kuda neset nas rok sobytii? Rossiiskaya ekonomika v 2011 godu (okonchanie) [Where are the current events taking us? The Russian economy in 2011]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2012, no. 3, pp. 127–172. (In Russ.).
30. Frenkel' A. A., Sergienko Ya. V., Tikhomirov B. I., Surkov A. A. Ekonomika Rossii v 2017–2019 godakh: predposylki dlya proryva poka ne sozdany [The Russian economy in 2017–2019: The prerequisites for a breakthrough have not yet been created]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2018, no. 13 (5), pp. 24–49. DOI 10.18288/1994-5124-2018-5-24-49. (In Russ.).
31. *Rossiiskaya ekonomika v 2020 godu. Tendentsii i perspektivy (Vypusk 42)* [The Russian economy in 2020. Trends and prospects (Issue 42)]. Moscow, Gaidar Institute, 2021, 712 p. (In Russ.).
32. Kuvalin D. B., Moiseev A. K. Rossiiskie predpriyatiya vesnoi 2015 g.: reaktsiya na valyutnyi shok i deyatel'nost' v usloviyakh ekonomicheskogo spada [Russian enterprises in the spring of 2015: Reaction to monetary shock and activities in the context of the recession]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development, 2015, no. 6 (153), pp. 146–161. (In Russ.).
33. Balaganskii S. P. Real'nyi sektor ekonomiki kak ob"ekt ekonomicheskogo analiza [The real economy as an object of economic analysis]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University], 2012, no. 1 (40), pp. 9–12. (In Russ.).
34. Gadzhiev Yu. A. Real'nyi sektor ekonomiki Severa: soderzhanie i osobennosti funktsionirovaniya [The real economy of the North: Structure and functioning]. *Aktual'nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa — 2022: Sbornik statei Vos'moi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Syktyvkar, 21–23 sentyabrya 2022 goda. V 2 ch. Ch. 2* [Current issues, directions and mechanisms for the development of productive forces of the North — 2022: Proceedings of the Eighth All-Russian Research-to-Practice Conference (with international participation). Syktyvkar, September 21-23, 2022. In 2 volumes. Volume 2]. Irkutsk, OOO “Maksima”, 2022, pp. 247–254. (In Russ.).
35. *Rossiiskaya ekonomika v 2022 godu. Tendentsii i perspektivy (Vyp. 44)* [The Russian economy in 2022. Trends and prospects (Issue 44)]. Moscow, Gaidar Institute, 2023, 556 p. (In Russ.).

Об авторе:
Ю. А. Гаджиев — канд. экон. наук, старший научный сотрудник.

About the author:
Yu. A. Gadzhiev — PhD (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 08 октября 2024 года.
Статья принята к публикации 22 ноября 2024 года.
The article was submitted on October 08, 2024.
Accepted for publication on November 22, 2024.

© Гаджиев Ю. А., 2025

Научная статья
УДК 338.24
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.005

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

Владимир Сергеевич Жаров[1, 2]
[1]Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, zharov_vs@mail.ru, ORCID 0000-0002-1877-9214
[2]Филиал Мурманского арктического университета в городе Апатиты, Апатиты, Россия

Аннотация. Показано, что устойчивое развитие промышленного производства в первую очередь необходимо обеспечивать в регионах Арктики, но для этого требуется эффективное управление этим процессом, что возможно путем его цифровизации на основе алгоритмизации. Соответственно, целью работы является обоснование и раскрытие этапов алгоритмизации процесса управления устойчивым развитием. Определено, что для эффективного управления устойчивым развитием производственных систем необходимо, во-первых, установление взаимосвязи между их технологическим развитием и уровнем устойчивости. Во-вторых, требуется количественное определение уровней устойчивости. Показано, что решение этих задач возможно при использовании методологии экономического анализа технологического обновления производства. Установлено, что процесс алгоритмизации должен включать четыре основных этапа. На первом этапе выполняется анализ деятельности промышленности арктических регионов за ретроспективный период не менее 15 лет для выявления тенденций изменения значений материалоотдачи, фондоотдачи и коэффициента уровня технологичности производства. На втором этапе на основе графической модели жизненного цикла технологического развития производства и метода балльной оценки за каждый год ретроспективного периода выполняется количественный анализ уровня устойчивости промышленности арктических регионов в целом и по отдельным видам промышленной деятельности. На третьем этапе разрабатывается имитационная динамическая модель аналитического типа для выполнения расчетов возможных уровней устойчивости развития промышленности в перспективе, исходя из инвестиционных ресурсов промышленного производства и вероятной финансовой поддержки самих регионов и государства. Представлена блок-схема такой имитационной модели и рассмотрена процедура выполнения расчетов. На четвертом этапе формируются три возможных сценария развития промышленности с достижением разного уровня устойчивости. В дальнейшем предполагается программная реализация разработанной автором имитационной модели и выполнение расчетов по каждому из трех сценариев развития промышленности арктических регионов.
Ключевые слова: регионы Арктики, промышленность, устойчивость развития, процесс управления, этапы цифровизации, сценарии развития, имитационная модель
Для цитирования: Жаров В. С. Цифровизация процесса управления устойчивым инновационно-технологическим развитием промышленности регионов Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 73–86. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.005.

Original article

DIGITALIZATION AS A TOOL FOR MANAGING INNOVATION-DRIVEN SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE ARCTIC INDUSTRIAL SECTOR

Vladimir S. Zharov[1, 2]
[1]Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, zharov_vs@mail.ru, ORCID 0000-0002-1877-9214
[2]Apatity Branch of Murmansk Arctic University, Apatity, Russia

Abstract. The sustainable development of industrial production is particularly critical in the Arctic regions. However, achieving this goal requires effective management, which can be improved through digitalization based on algorithmic processes. Accordingly, this study aims to substantiate and outline the key stages of algorithmizing the management of sustainable industrial development. The research identifies two essential conditions for effective management: first, establishing the relationship between technological advancement and sustainability levels; second, quantitatively determining sustainability levels. The study demonstrates that these objectives can be addressed using the methodology of economic analysis applied to technological renewal in production. The proposed algorithmization process consists of four stages. The first stage involves analyzing industrial activity in the Arctic regions over a retrospective period of at least 15 years to identify trends in material productivity, capital productivity, and technological development. The second stage employs a graphical life cycle model of

© Жаров В. С., 2025

technological development and a scoring method to perform a quantitative assessment of industrial sustainability, both overall and by specific sectors. The third stage involves developing an analytical simulation model to project future sustainability levels based on industrial investment capacity and potential financial support from regional and national governments. A block diagram of this simulation model is presented, along with an overview of the calculation procedure. Finally, the fourth stage formulates three potential industrial development scenarios, each achieving different levels of sustainability. Future research will focus on implementing the simulation model programmatically and conducting scenario-based calculations for the industrial sector in the Arctic.
Keywords: Arctic regions, industry, sustainable development, management process, digitalization stages, development scenarios, simulation model
For citation: Zharov V. S. Digitalization as a tool for managing innovation-driven sustainable development in the Arctic industrial sector. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 73–86. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.005.

Введение

Север России, особенно его арктическая часть, является в обозримой перспективе основной «кладовой» топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов [1]. Соответственно, для их освоения в этих регионах будет и далее наращиваться промышленное производство, связанное с добычей и первичной переработкой полезных ископаемых, которое, с одной стороны, уже в настоящее время позволяет обеспечивать в этих регионах преобладающую долю получения ВРП [2]. Однако, с другой стороны, такое производство является и основным загрязнителем окружающей природной среды, причем более уязвимой к выбросам загрязняющих веществ по сравнению с остальными регионами страны в связи с более низким уровнем ее ассимиляционной способности поглощать загрязнение [3; 4]. Следовательно, в этих регионах крайне необходимо обеспечение устойчивого развития промышленности, а это возможно лишь за счет ее технологического обновления, то есть использования в производственных процессах технологических инноваций [5; 6]. Именно они позволяют не только снижать объемы выбрасываемых в окружающую среду отходов, но и обеспечивать переработку уже накопленных твердых отходов, прежде всего отвалов забалансовых руд, хвостов обогащения и металлургических шлаков, по сути дела, представляющих собой техногенные месторождения полезных ископаемых.

Однако при общем понимании учеными и практиками важности внедрения в производство таких инноваций конкретных ответов на вопрос о количественных результатах их непосредственного влияния на устойчивое развитие промышленности до сих пор нет [7–10]. Соответственно, недостаточно изученной является и проблема управления устойчивым развитием, так как для обеспечения эффективности процесса управления прежде всего должна быть сформирована система целеполагания, то есть должны быть определены целевые показатели, значения которых должны достигаться в соответствующий перспективный период времени. Для этого, в свою очередь, необходимые управляющие действия должны быть сформулированы в определенной последовательности в виде соответствующих этапов. При этом в современный период развития информационных систем необходима цифровизация такого процесса управления, основой которого является его алгоритмизация [11–14]. Таким образом, целью работы является формирование этапов такой алгоритмизации, а раскрытие содержания отдельных этапов — ее основной задачей.

Материалы и методы

Теоретической основой исследования является разработанная нами ранее методология экономического анализа технологического обновления производства [15], в соответствии с которой были сформулированы критерии и индикаторы определения уровней устойчивости либо неустойчивости развития производственных систем: предприятий, отраслей производства, видов промышленной деятельности.

Сущность этой методологии заключается, во-первых, в установлении аналитической пропорциональной зависимости между фондоемкостью и материалоемкостью производства, в которой рост значений коэффициента пропорциональности, названный нами коэффициентом уровня технологичности производства, по сути дела, определяет темп технического прогресса в производственных системах. Во-вторых, было показано, что любая производственная система может развиваться устойчиво и неустойчиво, что отражает понятие «технологическая устойчивость», уровни которой графически отображаются в виде трех стадий устойчивости и трех стадий неустойчивости на графической модели жизненного цикла технологического развития производства (ЖЦТРП). Она теоретически показывает циклическое изменение значений материалоотдачи (МО), фондоотдачи (ФО) и коэффициента уровня технологичности производства (Кутп) в процессе его технологического развития. Соответственно, для роста значений этих показателей производственная система должна обеспечивать постоянное

© Жаров В. С., 2025

технологическое обновление процессов производства продукции. В работе [15] показано, что наивысший уровень устойчивости отражает лишь одна стадия из трех. Для ее достижения необходимо обеспечивать повышение значений всех трех вышеуказанных базовых показателей одновременно. Однако, как показывает практика анализа деятельности развития производственных систем различного уровня иерархии управления, поддерживать длительное время такое идеальное состояние устойчивости в любой системе невозможно, хотя к этому и нужно стремиться в процессе управления развитием. Дело в том, что на любую систему, в том числе и производственную, действуют различные внешние и внутренние факторы, выводящие ее из идеального устойчивого равновесия. Например, таким существенным фактором может являться недостаток у системы необходимого объема инвестиций для технологического обновления производства (объективный внешний фактор) либо отсутствие в системе требуемого уровня квалификации управленческого персонала (субъективный внутренний фактор).

В результате система может развиваться с разным уровнем устойчивости и, более того, переходить на разные стадии неустойчивости. Таким образом, основной задачей эффективного управления устойчивым развитием производственных систем является обеспечение максимального уровня устойчивости. При этом развитие производства, в соответствии с концепциями Индустрия 4.0 и 5.0, требует автоматизации процесса управления в виде его цифровизации и соответствующей алгоритмизации управленческих действий.

Результаты и обсуждение

Использование вышерассмотренной методологии для цифровизации процесса управления устойчивостью развития производственных систем позволило выделить следующие четыре этапа формирования алгоритма действий:

1) сбор и анализ данных о развитии промышленного производства в соответствующем регионе за ретроспективный период;

2) определение уровня устойчивости развития промышленности региона (в целом и отдельно по видам промышленной деятельности);

3) разработка имитационной модели для управления устойчивым промышленным развитием региона;

4) формирование возможных сценариев развития промышленного производства в регионе с соответствующими расчетами по имитационной модели.

На первом этапе должен быть выполнен ретроспективный анализ динамики значений базовых показателей, которые в процессе управления являются целеориентированными, то есть МО, ФО и Кутп. Соответственно, необходимо предварительно их рассчитать. Если рассматривать промышленность субъектов РФ в целом и по отдельным видам промышленной деятельности, то тогда можно использовать ежегодные статистические сборники Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели», где представлена необходимая информация по развитию регионов в сопоставимом виде начиная с 2005 г.

Так как одним из основных целевых показателей является МО, то для определения ее значений предварительно необходим расчет валовой добавленной стоимости (ВДС) отдельно по видам промышленной деятельности, а затем и в целом по промышленности. Далее на основе приведенных в статсборнике данных об объемах произведенной и отгруженной продукции в стоимостном выражении определяются значения промежуточного продукта, то есть использованных для производства продукции материальных ресурсов, также по видам промышленной деятельности и по промышленности в целом, что и позволяет затем рассчитать значения МО.

Для расчета ФО используются приведенные в статсборнике данные о стоимости основных фондов на конец каждого года по видам экономической деятельности, в том числе и по видам промышленной деятельности. Соответственно, после расчета МО и ФО определяются и значения Кутп как отношения между ними.

Затем рассматривается динамика изменения значений этих трех показателей, которая теоретически может быть повышательной, понижательной и волнообразной (колебательной). При этом желательно, чтобы значения МО повышались в большей степени, чем значения ФО, что в результате обеспечивает рост значений Кутп и, таким образом, достижение наивысшего уровня устойчивости развития. Однако в действительности ярко выраженных тенденций роста либо уменьшения значений МО и ФО, а следовательно, и Кутп не наблюдается по различным объективным и субъективным причинам, как указывалось выше.

На рисунках 1–9 для сравнения показаны реальные тенденции изменения значений трех показателей за период 2005–2021 гг. в промышленности Мурманской области и Ненецкого автономного округа (НАО), входящих в Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). При этом необходимо отметить, что Мурманская область является старопромышленным регионом, а НАО, наоборот, регионом нового промышленного освоения.

Приведенные данные на рис. 1–3 показывают, что, например, в НАО в добыче полезных ископаемых

© Жаров В. С., 2025

имеют место колебания значений МО. То же самое наблюдается и в Мурманской области. В то же время в этих регионах значения ФО имеют тенденцию снижения. За период 2005–2021 гг. она уменьшилась практически в два раза. В результате Кутп имеет тенденцию роста значений, однако эта тенденция не вполне благоприятна. В принципе это означает, что усложнение добычных работ приводит к увеличению объема основных фондов преимущественно пассивной части, а использование машин и оборудования не обеспечивает снижение удельного расхода материальных и энергетических ресурсов.

Колебательная динамика (рис. 4–6) значений МО наблюдается в обрабатывающем производстве НАО.

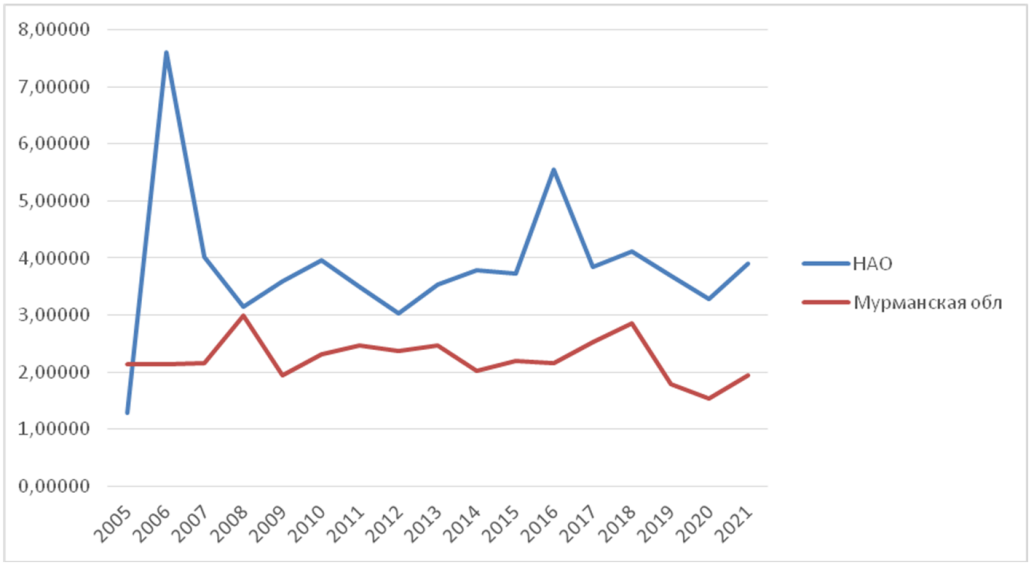


Рис. 1. Динамика материалоотдачи в добыче Мурманской области и НАО, руб./руб.

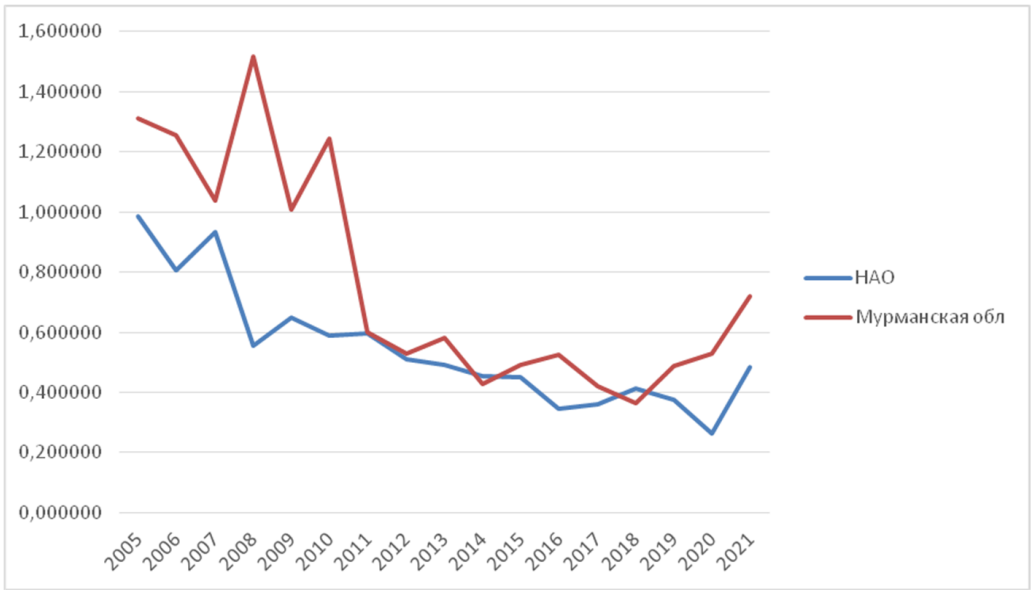


Рис. 2. Динамика фондоотдачи в добыче Мурманской области и НАО, руб./руб.

© Жаров В. С., 2025

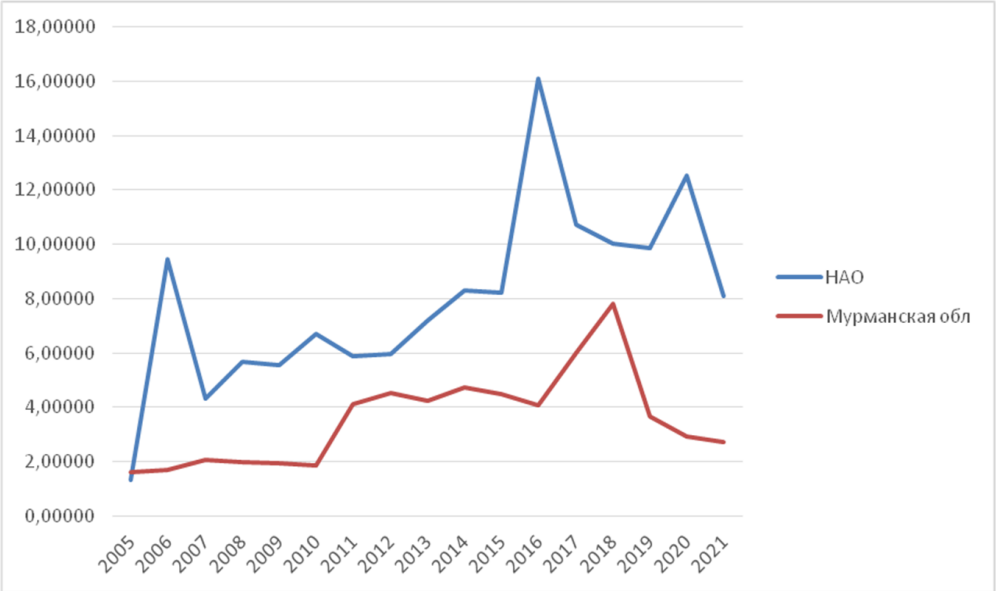


Рис. 3. Динамика Кутп в добыче Мурманской области и НАО, руб./руб.

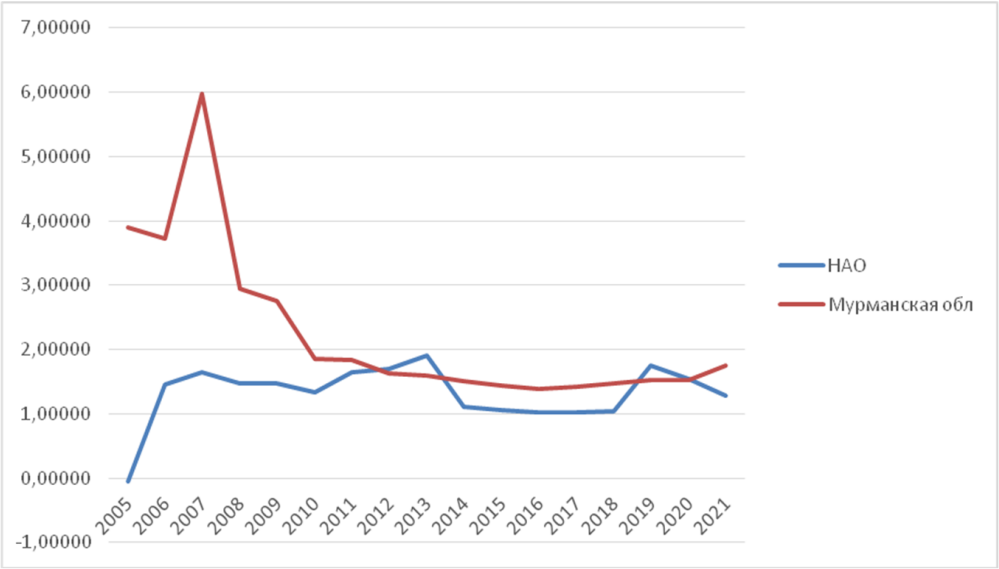


Рис. 4. Динамика материалоотдачи в обрабатывающих производствах Мурманской области и НАО, руб./руб.

© Жаров В. С., 2025

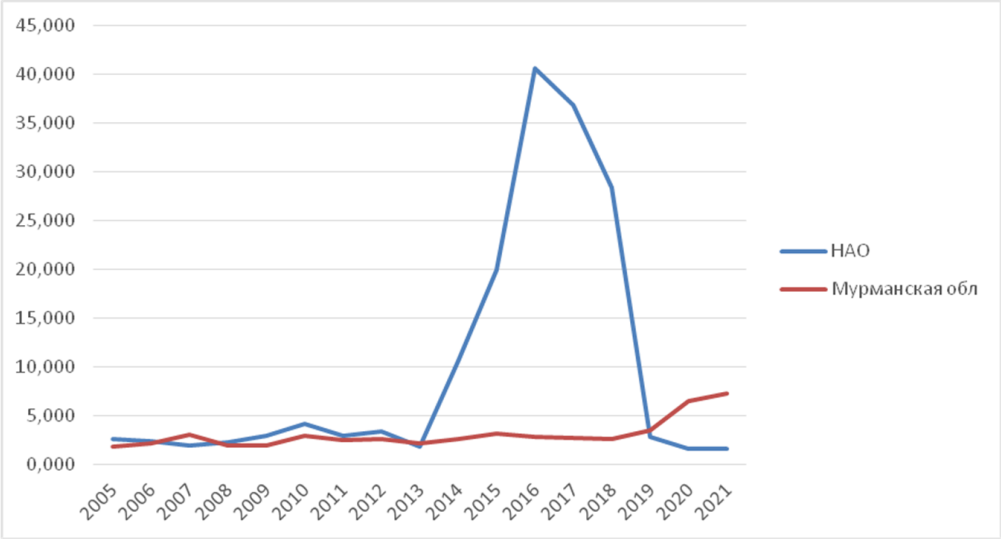


Рис. 5. Динамика фондоотдачи в обрабатывающих производствах Мурманской области и НАО, руб./руб.

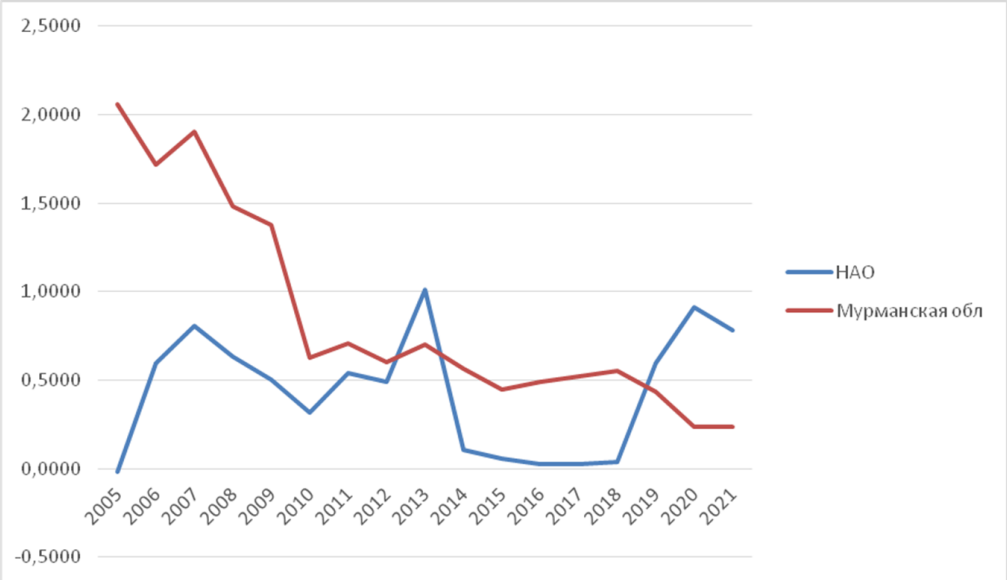


Рис. 6. Динамика Кутп в обрабатывающих производствах Мурманской области и НАО, руб./руб.

В результате за анализируемый период значение МО практически не изменилось, однако ее пиковое значение в 2013 г. более чем в полтора раза превысило значение в 2021 г. При этом в Мурманской области наблюдается устойчивая тенденция снижения МО до 2017 г., а далее уже — тенденция роста ее значений, однако даже в 2021 г. эти значения превысили лишь уровень 2012 г. ФО за рассматриваемый период в НАО резко возрастала в 2014–2018 гг., но к 2021 г. опустилась даже ниже уровня 2005 г. При этом в Мурманской области ФО имела незначительные колебания значений, но в последние три года начался ее существенный рост.

В действительности на увеличение значений МО и ФО в обрабатывающем производстве Мурманской области преобладающее влияние оказала модернизация производства на АО «Кольская горно-металлургическая компания».

В НАО колебались и значения Кутп. В результате их значения в конце анализируемого периода незначительно превышают данные 2006 г. В Мурманской области значения Кутп за этот период колебались значительно с преобладающей тенденцией снижения к 2021 г. почти в десять раз и лишь в 2016–2019 гг. был незначительный всплеск их роста.

© Жаров В. С., 2025

По промышленности в целом (см. рис. 7–9) в НАО за 15 лет МО снизилась (по отношению к 2006 г.) почти в два раза, а в Мурманской области — в полтора раза. Соответственно, ФО в НАО тоже снизилась в два раза, но в Мурманской области снижение наблюдалось только до 2015 г. в полтора раза, а затем начался рост до конца периода анализа в два раза. В результате общее увеличение ФО составило почти 40 %. При этом в НАО значения Кутп сильно колебались весь период с преобладающей тенденцией роста к концу периода в четыре раза. В Мурманской области колебания были незначительными с общей тенденцией уменьшения значений почти в два раза.

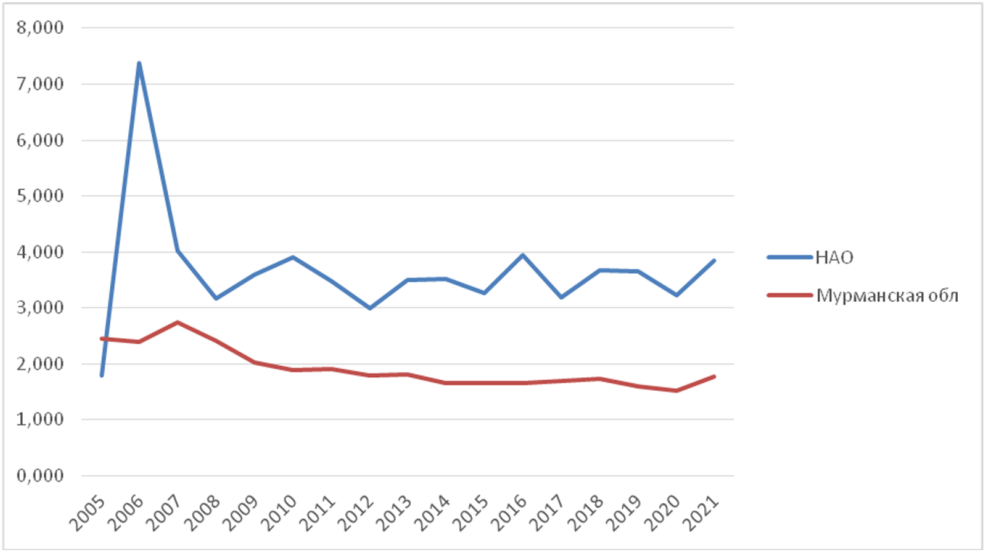


Рис. 7. Динамика материалоотдачи в целом по промышленности Мурманской области и НАО, руб./руб.

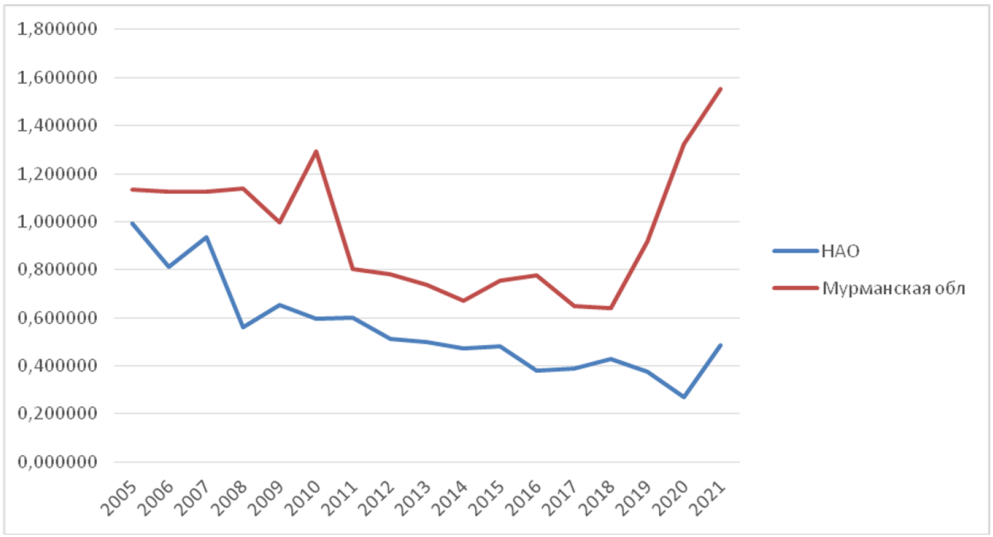


Рис. 8. Динамика фондоотдачи в целом по промышленности Мурманской области и НАО, руб./руб.

© Жаров В. С., 2025

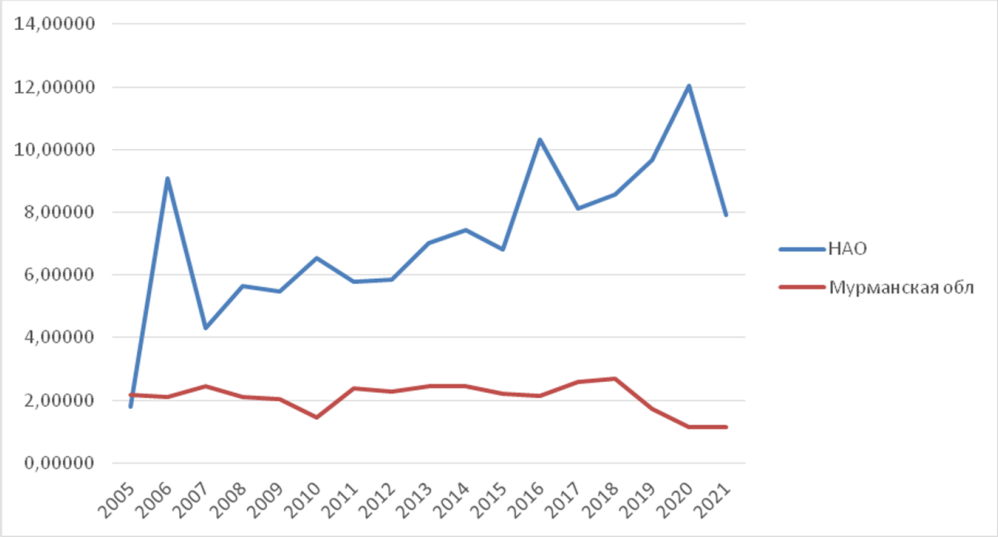


Рис. 9. Динамика Кутп в целом по промышленности Мурманской области и НАО, руб./руб.

Таким образом, выполненный анализ за период 2005–2021 гг. показал, что отсутствие технического прогресса в виде существенного использования новых машин, оборудования и технологий производства в промышленности двух арктических регионов не привело к увеличению значений МО и ФО (за исключением обрабатывающего производства в Мурманской области в последние годы), то есть, с одной стороны, к повышению эффективности производства, а с другой стороны, к возможности повышения уровня его устойчивости.

На втором этапе процесса алгоритмизации за анализируемый период определяется уровень устойчивости развития промышленности субъектов РФ в целом и по отдельным видам промышленной деятельности. Для этого, во-первых, используются данные ежегодных значений МО, ФО и Кутп, анализируемые на первом этапе, во-вторых, график ЖЦТРП для ежегодного определения номеров стадий такого жизненного цикла. Из шести возможных стадий три стадии с номерами 2, 1-1 и 1-2 соответствуют устойчивому развитию, а стадии с номерами 3, 4-1 и 4-2 — неустойчивому развитию. Однако такое определение устойчивости или неустойчивости не вполне показательно, так как не позволяет иллюстрировать динамику изменения уровней устойчивости-неустойчивости. При этом необходимо отметить, что проблема количественного измерения уровня устойчивости развития производственных систем в мировой науке и практике до сих пор однозначно не решена [16–19]. Для этого нами в работе [20] предложен балльный метод оценки этих уровней, где каждой стадии присвоен определенный балл, характеризующий соответствующий уровень. В этой работе трем уровням устойчивости присвоены баллы от 4 до 6, а уровням неустойчивости — от 1 до 3. В табл. 1–4 показаны оценки уровней устойчивости для промышленности Мурманской области и НАО в целом и по отдельным видам промышленной деятельности. Возможны и другие варианты оценки этих уровней, например: 1, 2, 3 — уровни устойчивости, а -1,-2, -3 — уровни неустойчивости. Главное, что такой подход к оценке устойчивости позволяет, во-первых, определять динамику уровней устойчивости-неустойчивости за любой анализируемый период, а во-вторых, количественно сравнивать уровень устойчивости различных производственных систем. Для этого за любой анализируемый период для сравниваемых систем рассчитывается индекс устойчивости в виде среднего арифметического.

Реализация второго этапа позволяет перейти непосредственно к управлению устойчивостью развития производства в перспективном периоде. Для этого на третьем этапе необходимо разработать имитационную динамическую модель (ИДМ) аналитического типа, в которой можно было бы рассчитать достижение определенного уровня устойчивости развития для каждого года прогнозируемого периода времени исходя из имеющегося у системы или возможного получения объема инвестиционных ресурсов.

Такие ИДМ разрабатывались нами ранее для предприятий и отраслей производства в субъектах РФ, но не для расчета возможного уровня устойчивости развития, а для целевого прогноза возможных темпов промышленного развития экономики регионов.

© Жаров В. С., 2025

Таблица 1

Динамика оценки уровня устойчивости по виду экономической деятельности «Добыча» Мурманской области и НАО

Год	Оценка уровня устойчивости	
	НАО	Мурманская область
2006	4	4
2007	3	4
2008	2	5
2009	5	1
2010	4	5
2011	3	4
2012	2	2
2013	4	5
2014	4	2
2015	1	5
2016	4	3
2017	3	4
2018	5	4
2019	1	3
2020	2	3
2021	5	5
Средняя оценка за период 2006–2021	3,25	3,7

Таблица 2

Динамика оценки уровня устойчивости по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Мурманской области и НАО

Год	Оценка уровня устойчивости	
	НАО	Мурманская область
2006	4	3
2007	4	6
2008	3	1
2009	5	3
2010	3	3
2011	5	2
2012	5	3
2013	4	2
2014	3	3
2015	3	3
2016	3	2
2017	4	4
2018	4	4
2019	4	5
2020	2	5
2021	1	6
Средняя оценка за период 2006–2021	3,6	3,4

Таблица 3

Динамика оценки уровня устойчивости по виду экономической деятельности «Обеспечение электроэнергией, газом и водой» Мурманской области и НАО

Год	Оценка уровня устойчивости	
	НАО	Мурманская область
2006	–	2
2007	–	2
2008	3	5
2009	4	5
2010	1	5
2011	1	2
2012	2	5
2013	6	4
2014	6	4
2015	4	4
2016	–	3
2017	4	3
2018	–	4
2019	–	6
2020	–	2
2021	5	3
Средняя оценка за период 2006–2021	3,6	3,7

Таблица 4

Динамика оценки уровня устойчивости промышленности Мурманской области и НАО

Год	Оценка уровня устойчивости	
	НАО	Мурманская область
2006	–	2
2007	–	2
2008	3	5
2009	4	5
2010	1	5
2011	1	2
2012	2	5
2013	6	4
2014	6	4
2015	4	4
2016	–	3
2017	4	3
2018	–	4
2019	–	6
2020	–	2
2021	5	3
Средняя оценка за период 2006–2021	3,6	3,7

© Жаров В. С., 2025

В каждой ИДМ на ее входе должны быть обозначены управляющие параметры, то есть показатели, изменение значений которых при расчетах по модели позволяет всякий раз получать разные результаты на ее выходе. Так как основным финансово-экономическим результатом деятельности предприятий и отраслей производства является получение прибыли, то основой ИДМ аналитического типа должна быть система уравнений, связывающих изменение значений управляющих параметров с расчетом ожидаемой прибыли. Соответственно, после расчета чистой прибыли и амортизационных отчислений как основных источников самофинансирования развития их объем сравнивается с объемом инвестиций, необходимым для достижения задаваемого уровня устойчивости. При этом инвестиции в основной капитал определяются исходя из необходимого объема прироста основных фондов (ОФ), который рассчитывается на основе разницы ФО в прогнозируемом году и предыдущем году, а также на основе необходимого объема восполнения ОФ за счет их выбытия из эксплуатации в прогнозируемом году. Условно предполагается, что прирост инвестиций в оборотный капитал будет обеспечиваться за счет увеличения краткосрочного кредита и кредиторской задолженности.

Основой формирования уравнений, связывающих значения управляющих параметров с расчетом ожидаемой чистой прибыли, является использование предложенного нами ранее метода «конструирования» элементов затрат по их видам, отражаемых в Российской системе бухгалтерского учета, то есть материальных затрат, амортизационных отчислений, заработной платы, отчислений от нее в государственные социальные фонды и прочих затрат. Поэтапный расчет значений этих элементов позволяет определить общий объем затрат и, соответственно, ожидаемую прибыль и чистую прибыль, так как объем стоимости отгруженной продукции определяется значениями управляющих параметров.

Блок-схема расчетов по рассматриваемой ИДМ приведена на рис. 10. Процесс расчета начинается с определения значений констант, используемых в модели, то есть показателей, значения которых не изменяются в процессе расчетов. Далее формируются интервалы значений управляющих параметров от минимально до максимально возможных уровней. При этом желательно, чтобы обеспечивался рост значений всех трех показателей, определяющих устойчивость развития, то есть МО, ФО и Кутп. Однако конкретные интервалы их изменения будут зависеть, во-первых, от их значений в ретроспективном периоде и, во-вторых, от стратегии дальнейшего обеспечения устойчивости развития, определяемой разработкой соответствующих сценариев развития, являющихся основой содержания четвертого этапа.

На четвертом этапе формируются три основных сценария развития промышленного производства в арктических регионах. Первый сценарий — пессимистический (инерционный), предполагающий продолжение на будущее тенденций ретроспективного периода в отношении изменения значений МО, ФО и Кутп. Таким образом, их изменение в прогнозируемом периоде будет определяться их проанализированной на первом этапе динамикой в ретроспективе. Соответственно, при росте либо снижении их значений ранее такая тенденция будет продолжаться в виде темпов прироста (спада) за весь проанализированный период. При волнообразной динамике в расчет принимается средний темп роста (спада) в последней волне на период второй половины продолжительности этой волны.

Второй сценарий — экологический — определяется возможным увеличением в регионах объемов природоохранных затрат, в том числе на совершенствование технологии производства. При этом будет обеспечиваться уменьшение объемов отходов в действующем производстве и, следовательно, будет повышаться его МО.

Третий сценарий — оптимистический (целевой), в отличие от первого (пессимистического), нацелен на существенную модернизацию действующего промышленного производства с внедрением технологических инноваций и организацией новых производств, в том числе для переработки накопленных объемов твердых отходов. По этому сценарию, в отличие от предыдущего, предполагается существенное увеличение значений МО и Кутп. Однако необходимо отметить, что реализация этого сценария будет возможна лишь при финансовой поддержке предприятий, планирующих значительное технологическое обновление производства, арктическими субъектами РФ, а также государством. При этом в настоящее время наиболее широко-используемым вариантом такой помощи предприятиям является частичное снижение налога на прибыль, поступающего в региональный и федеральный бюджеты, при заключении соответствующих специальных инвестиционных контрактов (СПИКов). Может быть использован и более «тонкий» механизм подобной финансовой поддержки в виде предлагаемой нами системы «квазисамофинансирования» инновационной деятельности, суть которой заключается в возврате предприятиям объема налогов на добавленную стоимость и прибыль с той части их увеличения, которая возникает у них в результате существенной технологической модернизации производства и соответствующего снижения его материалоемкости.

© Жаров В. С., 2025

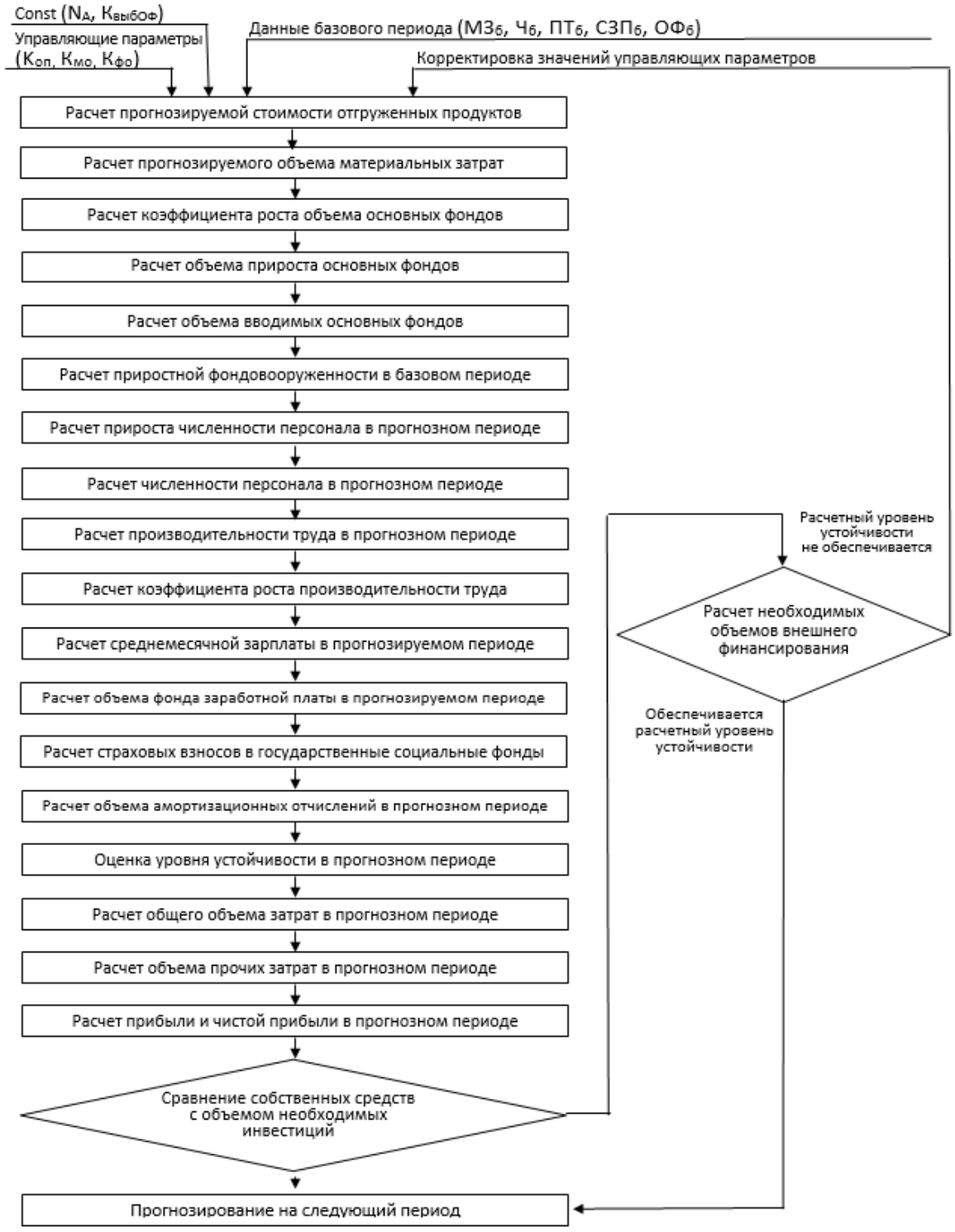


Рис. 10. Блок-схема имитационной динамической модели:
N_A — норма амортизационных отчислений; $К_{выбОФ}$ — коэффициент выбытия ОФ; $К_{оп}$ — коэффициент роста (спада) стоимости отгруженной продукции в прогнозируемом году; $К_{мо}$ и $К_{фо}$ — коэффициенты изменения значений соответственно материало- и фондоотдачи в прогнозируемом году; $МЗ_б$, $Ч_б$, $ПТ_б$, $СЗП_б$, $ОФ_б$ — значения в базовом году соответственно материальных затрат, численности работающих, производительности труда, среднемесячной заработной платы и стоимости основных фондов

© Жаров В. С., 2025

Заключение

Представленное исследование показало, что для эффективного управления устойчивым развитием промышленности регионов Арктики необходима цифровизация процесса управления и соответствующая ему алгоритмизация. Сформулированы и раскрыты четыре основных этапа процесса алгоритмизации.

Для реализации двух первых этапов необходимо использовать разработанную нами ранее методологию экономического анализа технологического обновления производства. Для третьего этапа разработана блок-схема имитационной динамической модели аналитического типа и предложена процедура выполнения расчетов по модели.

Для реализации четвертого этапа рассмотрены три основных сценария возможного развития промышленности арктических регионов с достижением различного уровня устойчивости: пессимистический (инерционный), с повышением эффективности природоохранной деятельности (экологический) и оптимистический (целевой) при осуществлении модернизации технологии производства.

В дальнейшем по трем сценариям развития предполагается проведение серии расчетов по разрабатываемой имитационной модели. Они должны показать возможное достижение в перспективе соответствующего уровня устойчивости промышленного производства при ограничениях на финансовые ресурсы, в том числе по источникам и объемам их получения.

Выполненная автором работа вносит вклад в развитие методологии управления устойчивым развитием производственных экономических систем.

Практическая значимость полученных результатов заключается в раскрытии направлений управления устойчивым развитием промышленности арктических регионов.

Список источников

1. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / под ред. акад. В. В. Ивантера. СПб.: Санкт-Петербург-й политехн. ун-т Петра Великого; Наука, 2016. 1016 с.
2. Комплексное развитие экономического пространства Арктической зоны Российской Федерации / А. В. Козлов и др. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 315 с.
3. Дружинин П. В., Шкиперова Г. Т., Поташева О. В. Оценка влияния экономики на окружающую среду (пространственные аспекты) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3 (54). С. 228–237.
4. Druzhinin, P. V., Shkiperova, G. T. Assessment of the interaction of economic and environmental processes // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2014. V. 2 (32). P. 213–224.
5. Горячевская Е. С. Теоретико-методологические основы оценки устойчивого инновационно-промышленного развития регионов // Друкеровский вестник. 2023. № 3. С. 242–252. DOI: 10.17213/2312–6469–2023–3–242–252.
6. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Влияние инновационной деятельности на социально-экономическое развитие арктических регионов // Друкеровский вестник. 2023. № 2. С. 176–184. DOI: 10.17213/2312–6469–2023–2–176–184.
7. Meshalkin V. P., Dovi' V. G., Marsanich A. Strategy of Chemical Supply Chain Management and Sustainable Development. M.: Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia, 2003. 542 p.
8. Kates R. W., Parris T. M., Leiserowitz A. A. What is sustainable development? Goals, indicators, values, and practice // Environ. Sci. Policy Sustain. Dev. 2005. No. 47. P. 8–21.
9. Strange T., Bayley A. Sustainable development: Linking economy, society, environment. Paris: OECD Insights, 2008.
10. Kuhlman T., Farrington J. What is Sustainability? // Sustainability. 2010. Vol. 2. P. 3436–3448.
11. Ghobakhloo M. Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability // Journal of Cleaner Production. 2020. P. 119869. https://doi: 10.1016/j.jclepro.2019.119869.
12. Zozulya D. M. Digitalization of the Russian economy and industry 4.0: challenges and prospects // Вопросы инновационной экономики 2018. № 8 (1). С. 1–14. https://doi: 10.18334/vinec.8.1.38856.
13. Доржиева В. В. Национальные приоритеты развития промышленного искусственного интеллекта в условиях новых технологических вызовов // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 12 (1). https://doi: 10.18334/vinec.12.1.114205.
14. Печаткин В. В., Вильданова Л. М. Уровень цифровизации видов экономической деятельности как фактор их конкурентоспособности в условиях пандемии // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 11 (1). С. 47–60. https://doi: 10.18334/vinec.11.1.111893.
15. Meshalkin V. P., Zharov V. S., Leontiev L. I., Nzioka A. M., Belozersky A. Y. Sustainable Environmental Impact Assessment Using Indicators for Sustainable Energy-Intensive Industrial Production // Energies. 2023. Vol. 16 (7). 3172. DOI: 10.3390/en16073172.
16. Dočekalová M. P., Kocmanová A. Composite indicator for measuring corporate sustainability // Ecol. Indic. 2016. No. 61. P. 612–623.

© Жаров В. С., 2025

17. Pazienza M., de Jong M., Schoenmaker D. Why Corporate Sustainability Is Not Yet Measured // Sustainability. 2023. No. 15. P. 6275. DOI: 10.3390/su15076275/.
18. Kocmanová A., Šimberová I. Determination of environmental, social and corporate governance indicators: Framework in the measurement of sustainable performance // J. Bus. Econ. Manag. 2014. No. 15. P. 1017–1033.
19. Nikolaou I. E., Tsalis T. A., Evangelinos K. I. A framework to measure corporate sustainability performance: A strong sustainability–based view of firm // Sustain. Prod. Consum. 2019. No. 18. P. 1–18.
20. Zharov V. S. Measuring the sustainability of technological development in production systems: A case study of Northern industries // Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. 2023. No. 4. P. 19–33. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2023.82.002.

References

1. *Arkticheskoe prostranstvo Rossii v XXI veke: faktory razvitiya, organizatsiya upravleniya* [The Russian Arctic in the XXI century: Development factors and territorial management]. Saint Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Nauka, 2016, 1016 p. (In Russ.).
2. Kozlov A. V., Fedoseev S. V., Cherepovitsyn A. E., Gutman S. S., Zaichenko I. M., Marinina O. A., Rytova E. V., Tsvetkov P. S., Tochilo M. S. *Kompleksnoe razvitie ekonomicheskogo prostranstva Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii* [Integrated development of the economy of the Russian Arctic]. Saint Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2016, 315 p. (In Russ.).
3. Druzhinin P. V., Shkiperova G. T., Potasheva O. V. Otsenka vliyaniya ekonomiki na okruzhayushchuyu sredu (prostranstvennye aspekty) [Assessment of the impact of the economy on the environment (spatial aspects)]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and The Market: Forming the Economic Order], 2017, Vol. 54, No. 3, pp. 228–237. (In Russ.).
4. Druzhinin P. V., Shkiperova G. T. Assessment of the interaction of economic and environmental processes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2014, Vol. 2 (32), pp. 213–224.
5. Goryachevskaya E. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy otsenki ustoichivogo innovatsionno-promyshlennogo razvitiya regionov [Theoretical and methodological foundations for assessing sustainable innovative and industrial development of regions]. *Drukerovskii vestnik* [Drucker's Bulletin], 2023, No. 3, pp. 242–252. DOI: 10.17213/2312-6469-2023-3-242-252. (In Russ.).
6. Tsukerman V. A., Goryachevskaya E. S. Vliyanie innovatsionnoi deyatel'nosti na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie arkticheskikh regionov [The impact of innovation on the socio–economic development of the Arctic regions]. *Drukerovskii vestnik* [Drucker's Bulletin], 2023, No. 2, pp. 176–184. DOI: 10.17213/2312-6469-2023-2-176-184. (In Russ.).
7. Meshalkin V. P., Dovi' V. G., Marsanich A. *Strategy of Chemical Supply Chain Management and Sustainable Development*. Moscow, Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia, 2003, 542 p.
8. Kates R. W., Parris T. M., Leiserowitz A. A. What is sustainable development? Goals, indicators, values, and practice. *Environ. Sci. Policy Sustain. Dev*., 2005, No. 47, pp. 8–21.
9. Strange T., Bayley A. *Sustainable development: Linking economy, society, environment*. Paris, OECD Insights, 2008.
10. Kuhlman T., Farrington J. What is Sustainability? *Sustainability*, 2010, Vol. 2, pp. 3436–3448.
11. Ghobakhloo M. Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability. *Journal of Cleaner Production*, 2020, p. 119869. https://doi: 10.1016/j.jclepro.2019.119869.
12. Zozulya D. M. Digitalization of the Russian economy and industry 4.0: challenges and prospects. *Issues of the Innovative Economy*, 2018, Vol. 8 (1), pp. 1–14. https://doi: 10.18334/vinec.8.1.38856.
13. Dorzhieva V. V. Natsional'nye prioritety razvitiya promyshlennogo iskusstvennogo intellekta v usloviyakh novykh tekhnologicheskikh vyzovov [National priorities for the development of industrial artificial intelligence amidst new technological challenges]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics], 2022, Vol. 12 (1). https://doi: 10.18334/venec.12.1.114205. (In Russ.).
14. Pechatkin V. V., Vildanova L. M. Uroven' tsifrovizatsii vidov ekonomicheskoi deyatel'nosti kak faktor ikh konkurentosposobnosti v usloviyakh pandemii [The level of economic activities digitalization as a competitiveness factor amidst the pandemic]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics], 2021, No. 11 (1), pp. 47–60. https://doi: 10.18334/vinec.11.1.111893. (In Russ.).
15. Meshalkin V. P., Zharov V. S., Leontiev L. I., Nzioka A. M., Belozersky A. Y. Sustainable Environmental Impact Assessment Using Indicators for Sustainable Energy–Intensive Industrial Production. *Energies*, 2023, Vol. 16 (7), p. 3172. DOI: 10.3390/en16073172.
16. Dočekalová M. P., Kocmanová A. Composite indicator for measuring corporate sustainability. *Ecol. Indic.*, 2016, No. 61, pp. 612–623.

© Жаров В. С., 2025

17. Pazienza M., de Jong M., Schoenmaker D. Why Corporate Sustainability Is Not Yet Measured. *Sustainability*, 2023, No. 15, p. 6275. DOI: 10.3390/su15076275/.
18. Kocmanová A., Šimberová I. Determination of environmental, social and corporate governance indicators: Framework in the measurement of sustainable performance. *J. Bus. Econ. Manag*., 2014, No. 15, pp. 1017–1033.
19. Nikolaou I. E., Tsalis T. A., Evangelinos K. I. A framework to measure corporate sustainability performance: A strong sustainability-based view of firm. *Sustain. Prod. Consum*., 2019, No. 18, pp. 1–18.
20. Zharov V. S. Measuring the sustainability of technological development in production systems: A case study of Northern industries. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2023, No. 4, pp. 19–33. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2023.82.002. (In Russ.).

Об авторе:
В. С. Жаров — докт. экон. наук, главный научный сотрудник.

About the author:
V. S. Zharov — DSc (Economics), Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2024 года.
Статья принята к публикации 15 декабря 2024 года.
The article was submitted on September 13, 2024.
Accepted for publication on December 15, 2024.

© Жаров В. С., 2025

Обзорная статья
УДК 338.2(470.21)
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.006

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ

Александр Анатольевич Биев
Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, biyev@mail.ru, ORCID 0000-0002-0076-5906

Аннотация. Рассмотрен современный этап формирования региональных теплоэнергетических подсистем арктических территорий России. Основной акцент сделан на изучении практических аспектов их функционирования, проблемах обеспечения притока социального инвестирования, участия государственных органов власти, корпораций и частных компаний в развитии местного коммунального хозяйства. В этой связи определена актуальность задач комплексного решения вопросов теплоснабжения социально значимых потребителей арктических регионов — населения и домашних хозяйств — путем нахождения оптимального баланса как между различными источниками проектного финансирования, так и в определении приоритетности исполнения существующих планов территориального развития. Предметом исследования является совокупность объектов территориальной инфраструктуры теплоснабжения. Цель — проанализировать процессы становления теплоэнергетических подсистем в четырех субъектах Арктической зоны Российской Федерации. Для ее достижения автором используется методология системного анализа, территориального и отраслевого подходов. В результате проведенного исследования актуализированы направления формирования региональных подсистем, обеспечивающих теплоснабжение коммунальных потребителей. Выделены группы взаимосвязанных факторов — социально-экономических (инфраструктурных, инвестиционных, демографических), а также климатических изменений, в значительной мере определяющих текущие трансформации локальных рынков тепловой энергии. Установлено, что решение части территориальных проблем, связанных с развитием распределенной и возобновляемой энергетики, пока не в полной мере обеспечено созданием достаточных институциональных условий. Фиксируется замедление темпов ввода в эксплуатацию новых тепловых источников, нарастание тарифных диспропорций, сокращение совокупного производства и отпуска тепловой энергии, рост потерь, удельного расхода топлива на объектах теплоснабжения, снижение их эффективности. Сделаны выводы о сохранении общей технологической отсталости производственной базы локальных теплоэнергетических объектов. Определена необходимость опережающего роста инвестиционных расходов, направляемых на технологическое обновление теплоснабжающих предприятий, сетевой инфраструктуры, обуславливающих дальнейший ускоренный рост тарифов и усиление тарифной нагрузки на коммунальных потребителей.
Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, инфраструктура, подсистема теплоснабжения, коммунальная энергетика
Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» в части проведения научно-исследовательской работы Института экономических проблем имени Г. П. Лузина по теме «Трансформация социально-экономического пространства российского Севера и Арктики: фундаментальные закономерности, новые вызовы, обеспечение развития» (гос. рег. № 123012500057-0).
Для цитирования: Биев А. А. Современное состояние, проблемы и перспективы развития территориальных подсистем теплоснабжения в Арктической зоне России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 87–101. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.006.

Review paper

REGIONAL HEATING INFRASTRUCTURE IN THE RUSSIAN ARCTIC: CURRENT STATUS, CHALLENGES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Aleksandr A. Biev
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, biyev@mail.ru, ORCID 0000-0002-0076-5906

Abstract. This paper examines the current state of regional heating infrastructure in Russia's Arctic territories, with a particular focus on its functioning, challenges in attracting social investment, and the roles of government, corporations, and private enterprises in developing local utilities. The study highlights the pressing need for comprehensive solutions to ensure reliable heat supply to socially significant consumers, particularly households, by optimizing both the financing structure of projects and the prioritization of territorial development plans. The research focuses on regional

© Биев А. А., 2025

heating infrastructure as a key component of territorial utility systems. Its objective is to analyze the formation and development of heating and power subsystems across four Arctic regions in Russia. To achieve this, the study employs a systems analysis methodology, as well as territorial and sectoral approaches. As a result of the research, key directions for the development of regional heating infrastructure serving households have been identified. The study highlights interrelated factors — socio-economic (investment and demographic) and climatic — that play a significant role in shaping the ongoing transformations of local energy markets. It has been determined that some territorial challenges related to distributed and renewable energy projects remain unresolved due to the lack of adequate institutional support. Additionally, the research identifies several critical challenges, including delays in commissioning new heat sources, declining heat production and supply, increasing energy losses, rising specific fuel consumption at heating facilities, and decreasing operational efficiency. The paper concludes that local heating and power facilities suffer from significant technological obsolescence. Addressing these issues requires accelerated investment in the modernization of heat supply facilities and network infrastructure. However, this, in turn, is expected to drive further tariff increases and intensify the financial burden on utility consumers.
Keywords: Russian Arctic, infrastructure, regional heating, public energy utilities
Acknowledgments: This article was prepared using research findings from the project “Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian North and Arctic: Fundamental Patterns, New Challenges, and Development Strategies” (Project No. 123012500057-0), conducted at the Luzin Institute for Economic Studies.
For citation: Biev A. A. Regional heating infrastructure in the Russian Arctic: Current status, challenges, and development prospects. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 87–101. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.006.

Введение

Поиск решения проблем территориального энергоснабжения является особо важной задачей обеспечения социально-экономического роста, улучшения качества жизни местного населения в Арктике. Развитие локальной энергетики, сдерживание темпов роста коммунальных тарифов признаются экспертным сообществом стратегически значимой зоной ответственности региональных органов власти [1]. В научной литературе, посвященной вопросам обеспечения энергетической безопасности арктических территорий, часто встречается общепризнанный тезис о том, что состояние инфраструктуры регионального топливно-энергетического комплекса прямо обусловливает степень устойчивости функционирования всей региональной социально-экономической системы [2; 3]. В этой трактовке следует с ним согласиться. Однако нуждаются в уточнении вопросы о том, почему, каким образом и насколько изменяется инфраструктура регионального энергетического комплекса на современном этапе «переосвоения» российской Арктики. В соответствии с идеей их исследования выстроены задачи основных разделов статьи. В первом — вводном — разделе поставлена задача определить факторы формирования территориальной энергетической инфраструктуры в субъектах Арктической зоны РФ (АЗРФ), оценить институциональные условия и практические аспекты их оптимизации региональными и государственными органами власти. Таким образом, здесь описываются особенности объекта исследования и предпосылки идущих в нем преобразований. Во втором разделе — в результирующей части статьи — детализирована динамика инфраструктурных изменений. Основное внимание уделено четырем арктическим субъектам РФ, территории которых полностью включены в состав ее Арктической зоны. Дополнительно установлены задачи межрегионального сравнения характеристик инфраструктурной оснащенности четырех арктических субъектов с сопоставимыми показателями субъектов Крайнего Севера по нижеследующим направлениям:

1) обеспеченность подсистемами централизованного теплоснабжения — отопления и горячего водоснабжения;

2) темпы обновления теплоэнергетической инфраструктуры — ввода в строй новых источников, реконструкции тепловых сетей;

3) эффективность работы подсистем теплоснабжения — топливной и передачи тепловой энергии.

Выполнение указанных задач легло в русло достижения главной цели исследования — определить современные тенденции формирования региональных подсистем теплоснабжения в Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах, Мурманской области.

Основные факторы и практические аспекты формирования региональных подсистем теплоснабжения в АЗРФ

Развитие социально значимой инфраструктуры — энергетической, транспортной, коммунальной, наряду с повышением занятости, — это ключевые факторы сдерживания оттока и закрепления населения в подавляющей части регионов АЗРФ [4]. Наиболее красноречиво об этом говорят данные, приводимые в работах, оценивающих сложившуюся здесь социально-демографическую ситуацию [5]. На процессы становления критической инфраструктуры российской Арктики особое влияние оказывают несколько групп факторов, среди которых необходимо выделить комплексный фактор особых

© Биев А. А., 2025

социально-экономических условий, обуславливающих в целом недостаточную инфраструктурную освоенность территорий, рост связанных с ней территориальных энергетических издержек, развитие неблагоприятной демографической обстановки. Фактор миграционного оттока, снижения численности населения воздействует на основные характеристики регионального развития, формирование энергетического спроса [6]. С влиянием другого немаловажного фактора — климатического — связывают объективно существующие сдвиги среднегодовых температур, обуславливающих изменения эксплуатационных режимов местных энергетических предприятий [7]. Усиление климатических и демографических угроз способствуют продолжению спада производства в секторе коммунального теплоснабжения, понижению удельной нагрузки тепловых источников, последовательному сокращению части инфраструктуры жизнеобеспечения — котельных и тепловых сетей. Наряду с указанными угрозами, появляются и новые возможности построения более сбалансированной модели территориального теплоснабжения. В ее основе на современном этапе может быть заложен гораздо больший потенциал развития малой распределенной и альтернативной энергетики — безусловно, в первую очередь там, где подобные проекты будут экономически оправданы. Необходимость реализации этих направлений отражена в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации[1] (далее Стратегия). В ее третьем разделе предусмотрено оказание мер государственной поддержки проектов возобновляемой энергетики и более широкого вовлечения в хозяйственный оборот местных видов топливных ресурсов на изолированных и труднодоступных территориях АЗРФ (п. 13, пп. «с»). Согласимся с мнениями, что их исполнение пока носит несистемный, фрагментарный характер. Тем не менее, абсолютные показатели развития возобновляемой энергетики растут. По данным Отчета Минэнерго РФ, количество тепловых источников, работающих на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ, в том числе биокотельных) в период 2015–2021 гг. увеличилось с 2 060 до 3 848 единиц[2]. О наращивании потенциала возобновляемой энергетики свидетельствует положительная динамика ввода генерирующих объектов ВИЭ в разрезе отдельных федеральных округов. Мощности ВИЭ в субъектах Северо-Западного (СЗФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов в период 2013–2023 гг. увеличились более чем в четыре раза, а совокупная мощность объектов ВИЭ, расположенных в Северо-Западном, Дальневосточном, Сибирском (СФО) и Уральском (УФО) федеральных округах выросла за это время пятикратно[3].

Таким образом, одно из перспективных направлений инновационного развития АЗРФ, вероятно, следует связывать с ростом числа объектов альтернативной и возобновляемой энергетики в субъектах СЗФО и ДФО. Действительно, в Стратегии упоминаются арктические субъекты РФ в составе СЗФО, в частности Архангельская и Мурманская области, Республика Карелия, в отдельных районах которых предусмотрено проведение работ по замене оборудования мазутных и угольных котельных оборудованием, использующим альтернативные виды энергетических ресурсов, организации производства биотоплива (из отходов лесопереработки, добычи торфа местных месторождений). Осуществление этих проектов выполняется в соответствии с действующими требованиями к схемам теплоснабжения, порядку их разработки и утверждения[4]. Особо подчеркнем, что Стратегия предполагает не замещение объектов традиционной энергетики ВИЭ, а лишь их дополнение там, где это экономически целесообразно. О практических аспектах этой работы и созданных институциональных условиях речь пойдет чуть ниже.

Спад территориального потребления тепловой энергии в целом определяет ухудшение инвестиционной привлекательности сферы арктического коммунального комплекса, приводит к вынужденным корректировкам перспективных планов строительства транспортно-энергетических систем, внедрения новых

[1] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс]: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645. С изменениями и дополнениями от 12 ноября 2021 г., 27 февраля 2023 г. // Интернет-сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/hcTiEHnCdn6TqRm5A677n5iE3yXLi93E.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

[2] Отчет о состоянии теплоэнергетики и централизованного теплоснабжения в Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс]: составлен Минэнерго РФ по поручению Правительства Российской Федерации от 15.11.2012 г. № АД-П9-107пр. С. 17. URL: https://minenergo.gov.ru/upload/iblock/166/Doklad_po_teplu_za_2021_god.pdf?ysclid=m28o32t63a535775302 (дата обращения: 20.10.2024).

[3] Рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43891 (дата обращения: 20.09.2024).

[4] Постановление Правительства РФ от 23.03.2016 № 229 «О внесении изменений в требования к схемам теплоснабжения, порядку их разработки и утверждения» устанавливает обязательные требования по разработке предложений по вводу новых и реконструкции существующих источников тепловой энергии с использованием возобновляемых источников энергии, а также местных видов топлива. URL: https://docs.cntd.ru/document/420343423?ysclid=m2d0q87h9548260994 (дата обращения: 09.10.2024).

© Биев А. А., 2025

энергоемких проектов. Замедление темпов прироста проектного финансирования стало причиной задержек ввода в строй новых тепловых источников. Проявляется целый ряд других отрицательных социально-экономических эффектов [8]. Один из наиболее острых — усиление зависимости финансового состояния теплоэнергетических предприятий от бюджетного дотирования. Показателен пример Мурманской области, где за последние два года сумма предоставленных финансовых компенсаций за счет средств областного бюджета теплоснабжающим организациям, осуществляющим реализацию тепловой энергии потребителям по регулируемым тарифам, увеличилась почти в четыре раза и составила около 3 млрд рублей. По оценке губернатора Мурманской области А. В. Чибиса, сумма финансовой дотации из федерального бюджета, которую необходимо выделить на основании поручения Президента РФ[5] для компенсации роста расходов, понесенных региональными объектами теплоснабжения в период подготовки к отопительному сезону 2023–2024 гг., должна составить более 11 млрд рублей. Для сравнения: это в четыре раза больше, чем объем распределенных субсидий поставщикам тепловой энергии из регионального бюджета Ямало-Ненецкого АО, выделенных в 2021 г.[6], и в два раза больше среднегодового объема субсидий, направленных ресурсоснабжающим организациям из окружного бюджета Чукотского АО в период 2013–2018 гг. (около 4,9 млрд рублей).

Высокая зависимость от бюджетного финансирования, неспособность коммунальных предприятий самостоятельно справиться с финансовыми трудностями, оперативно адаптироваться, реагировать на изменение социально-экономической ситуации и характеристик энергетического спроса — важные социально-экономические факторы и одновременно специфические черты муниципальной энергетики субъектов АЗРФ. Предприятия, получающие компенсации из региональных бюджетов, не имеют действенных стимулов к росту энергетической эффективности. Часть экспертов полагает, что такое их положение отчасти отражает недостаточную эффективность инструментов государственного планирования территориального энергетического производства [9]. По мнению И. А. Башмакова, одно из характерных проявлений низкой эффективности отраслевого планирования — растущий разрыв между стагнирующим потреблением тепловой энергии и остающимся избыточным производственным потенциалом в централизованном теплоснабжении — уже давно приобрело черты системной проблемы [10]. Ее последствия на Крайнем Севере, в частности в дальневосточной части АЗРФ, достаточно очевидны — средний коэффициент использования установленной мощности электростанций в ДФО составляет 38,6 %, тепловой мощности котельных — менее 20 % [6]. Необходимость несения дополнительных операционных затрат, направляемых на поддержание в функциональном состоянии резервов энергетической мощности, является одним из факторов нарастания тарифных диспропорций в северных районах Дальнего Востока [11]. В западной и центральной частях АЗРФ — Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) и Мурманской области — возможности генерации тепловой энергии также существенно превышают сложившийся уровень потребления. Так, например, в 2019 г. в Мурманской области при суммарной установленной мощности источников теплоснабжения 5 349 Гкал/ч подключенная нагрузка составляла 56,4 % (3 019 Гкал/ч) [12]. В этих условиях реализуются административно-организационные и инвестиционные решения, предусматривающие оптимизацию возможностей локального энергетического производства и сокращение темпов прироста территориальных издержек энергоснабжения. В рамках их поэтапного исполнения источники, использующие устаревшие технологии, замещаются на новые, менее производительные, но экономически более эффективные.

Как уже говорилось выше, практическими путями модернизации коммунальной энергетики в изолированных, труднодоступных районах с их малой плотностью населения, покрытия сетевой инфраструктурой способны стать планы апробирования технологий альтернативной и возобновляемой энергии (ВИЭ). Появление пилотных проектов строительства гибридных энергетических установок, электрических и биотопливных котельных, размещение в Арктике нового поколения модульных АЭС малой мощности символизируют попытки технологического обновления отрасли [13; 14]. Примером инновационного решения территориальных энергетических проблем, который мог бы стать типовым в прибрежной зоне арктических субъектов Дальнего Востока, является проект создания и ввода в долгосрочную эксплуатацию плавучей атомной теплоэлектростанции (ПАТЭС) малой мощности

[5] Перечень поручений Президента РФ по итогам совещания с членами Правительства РФ, состоявшегося 16 августа 2023 г. Пр-2005, п. 1 а)-2. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/72436 (дата обращения: 10.10.2024).

[6] Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 23 декабря 2021 года № 1191-П «О внесении изменения в распределение субсидий из окружного бюджета на компенсацию выпадающих доходов ресурсоснабжающим организациям на 2021 год». URL: https://docs.cntd.ru/document/578018222?ysclid=lo8s4neuko650710191 (дата обращения: 20.10.2024).

© Биев А. А., 2025

«Академик Ломоносов». ПАТЭС установлена в акватории морского порта г. Певека Чукотского АО и с 2020 г. включена в систему муниципального теплоснабжения, что позволило приступить к подготовке перевода в резерв старейшей на Чукотке угольной Чаунской ТЭЦ [15]. При этом использование ПАТЭС параллельно с источниками на ископаемом топливе остается базовым сценарием развития тепловой энергетики Чукотского АО. Накопленный опыт других арктических субъектов подтверждает целесообразность следования концепции избирательного применения технологий нетрадиционной энергетики. Наиболее доступными и распространенными инвестиционными решениями в удаленных районах западной части АЗРФ, на севере Архангельской области, стали мероприятия по реконструкции котельных для использования природного газа и местных топливных ресурсов — торфа, отходов деревообработки. В Мурманской области с 2010 г. действует уникальный проект подачи пара с мусоросжигательного завода (АО «Завод ТО ТБО») на Восточную котельную АО «Мурманская ТЭЦ».

Создание институциональных условий для увеличения масштабов энергетической реновации является предметом активного научного обсуждения и представляет большой пласт исследований национального энергетического комплекса. Рассматривая практические аспекты развития технологий ВИЭ в АЗРФ, необходимо признать, что их потенциал все еще недостаточно оценен. На региональном уровне пока не сложилось единого представления об оптимальном соотношении традиционной и нетрадиционной энергетики в зонах централизованного и локального энергоснабжения. Продолжаются дискуссии о том, каким образом они должны встраиваться в энергетические подсистемы российского Крайнего Севера и Арктики [16; 17]. Межрегиональное сопряжение соответствующих планов территориального развития затруднено тем, что в абсолютном большинстве арктических субъектов отдельные региональные целевые программы использования ВИЭ не разработаны [18; 19]. Важным пробелом федерального регулирования следует считать задержку принятия государственной программы по развитию распределенной энергетики в удаленных и изолированных районах Арктики и Дальнего Востока [20], то есть отсутствует ключевой государственный институт отраслевого развития. Отметим, что рамки данного исследования не позволяют охватить весь спектр практических вопросов внедрения ВИЭ в АЗРФ. Укажем лишь, что экспертные позиции о возможности преодоления большей их части доминируют [21]. Планы дальнейшего распространения ВИЭ, после внесения соответствующих изменений в законодательную практику федеральных и региональных органов власти, определения соответствующих источников финансирования, имеют хорошие перспективы. По мнению автора, одним из практических шагов к комплексному решению проблем стимулирования инвестиционной активности в коммунальной энергетике АЗРФ могло бы стать упрощение процедур предоставления местным энергетическим компаниям статуса резидента АЗРФ. Это позволило бы им развивать новые направления своей деятельности, связанные с альтернативной и возобновляемой энергетикой, используя дополнительные налоговые преференции и административную поддержку со стороны региональных органов власти. Для этого целесообразно включить пункт 35 «Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха» раздела D Общероссийского классификатора видов экономической деятельности[7] в Перечень видов экономической деятельности, предусмотренных Федеральным законом «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» для целей определения объема капитальных вложений. По состоянию на начало 2024 г. из 715 резидентов АЗРФ пока только 15 осуществляли основной вид деятельности, связанный с производством, передачей и распределением пара и горячей воды (тепловой энергии).

Таким образом, определены современные тенденции формирования региональных подсистем теплоснабжения в субъектах АЗРФ. Обобщение практических подходов, применяемых федеральными и региональными органами власти при формировании территориальных подсистем теплоснабжения, позволило актуализировать основные направления государственной поддержки реновации топливно-энергетического комплекса. К ним необходимо отнести:

— оптимизацию пространственного размещения и избыточного производственно-энергетического потенциала территориальных подсистем теплоснабжения на основе корректировки региональных программ энергосбережения, диверсификации видов используемых топливно-энергетических ресурсов, строительства новых биотопливных, электрических и газовых модульных котельных, реконструкции части действующих мазутных и угольных источников

[7] ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 28.06.2024 г.).

© Биев А. А., 2025

в Мурманской и Архангельской областях, северных районах Республики Карелия с возможностью их последующего перевода на природный газ;

— возведение малых атомных теплоэлектростанций и иных объектов энергоснабжения промышленных кластеров в центральных и северных районах (Усть-Янский и Верхоянский) Республики Саха (Якутия), Красноярского края и северо-восточной части (Иультинский район) Чукотского АО. Государственным концерном «Росэнергоатом» ведется создание соответствующей инфраструктуры обеспечения их безопасной работы — стационарных и мобильных платформ размещения оборудования реакторных блоков, средств технического обслуживания, транспортировки и хранения ядерного топлива, утилизации радиоактивных отходов;

— изменение действующего в отношении энергетических предприятий налогового режима, совершенствование системы преференций и государственных гарантий финансовой поддержки со стороны региональных органов власти, разработка новых механизмов стимулирования инвестиционной активности теплоэнергетических предприятий, их участия в региональных программах энергосбережения.

Методы

В рамках системного подхода территориальные подсистемы теплоснабжения рассматриваются как составные элементы единой региональной энергетической системы, то есть ее структурные звенья более низкого иерархического порядка. Соответственно, методически правильно использовать применяемый в статье и предложенный в ее названии термин «подсистема территориального теплоснабжения», который тождественен традиционным понятиям «система теплоснабжения» и «система централизованного теплоснабжения» по критериям подчиненности, наличия тесных взаимосвязей, вхождения в общую систему территориального энергоснабжения (территориальный энергетический комплекс), региональную энергетическую систему. При этом, безусловно, следует учитывать функциональные различия подсистем снабжения электрической и тепловой энергией. В большинстве случаев последние функционируют в границах конкретного муниципального образования (поселения или городского округа).

Сравнительный анализ изменений инфраструктурной обеспеченности подсистемами теплоснабжения проведен для четырех субъектов РФ, территории которых полностью включены в АЗРФ[8]. Для этого применяются широко используемые в экономических исследованиях системный и территориально-отраслевой подходы. Предметом межрегионального сравнения выступают сопоставимые показатели четырех субъектов АЗРФ и 13 субъектов Крайнего Севера. Сравнение показателей развития теплоэнергетического комплекса Крайнего Севера и Арктики представляется корректным и вытекает из логики исследования. Арктические субъекты РФ являются неотъемлемой частью макрорегиона Крайнего Севера, имеют схожие особенности регионального развития, которые отражены в общности пространственно-территориальных, частично экономико-географических, экологических, климатических, инфраструктурных факторов, определяющих специфику формирования региональных энергетических систем. При постановке вопроса о том, допустимо ли сравнивать отдельные показатели развития энергетической инфраструктуры арктических и северных субъектов РФ между собой, приведем примеры опубликованных научных работ, где такое сравнение проводится [22; 23]. В качестве макрорегиона Крайнего Севера рассматривается перечень субъектов РФ, согласно Постановлению Правительства РФ от 16.11.2021 года № 1946[9]. В основу методологии анализа региональной теплоэнергетической инфраструктуры приняты показатели, доступные в системе ЕМИСС:

1) удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной системами централизованного отопления и горячего водоснабжения;

2) ввод источников теплоснабжения;

3) фактический удельный расход условного топлива на отпуск тепловой энергии электростанциями;

4) динамика производства и потерь тепловой энергии;

5) протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, нуждающихся в замене;

6) финансирование затрат на мероприятия по энергосбережению в организациях коммунального комплекса.

Результаты и обсуждение

Обеспеченность подсистемами централизованного теплоснабжения

Для арктических субъектов характерна крайняя неравномерность распределения зон централизованного энергоснабжения, урбанизация, сосредоточение основных центров расселения преимущественно в городских агломерациях, что определяет

[8] На основании Указа Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в ред. от 27.06.2017 г. № 287, от 13.05.2019 г. № 220, от 05.03.2020 г. № 164).

[9] В рамках данного исследования рассматривается перечень из 13 субъектов РФ, территории которых полностью или частично отнесены действующим законодательством к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: Магаданская, Мурманская, Архангельская, Сахалинская области, республики Коми, Тыва, Карелия, Саха (Якутия), Камчатский край, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа.

© Биев А. А., 2025

специфику формирования территориальных систем жизнеобеспечения. Муниципальные образования АЗРФ демонстрируют высокую степень оснащенности жилищного фонда системами отопления и горячего водоснабжения, составляющую в среднем более 97 и 85 % соответственно. В двух арктических субъектах (Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах) средняя обеспеченность многоквартирных домов и жилых помещений данным видом коммунальных благ наивысшая — 98,3–99,3 %, что значительно превышает не только национальный показатель, но и аналогичные значения во всех северных и арктических регионах (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной системами централизованного отопления, в субъектах Арктической зоны и Крайнего Севера РФ, в среднем, % к общей площади жилищного фонда (детализация региональных данных для расчетов)

Субъекты АЗРФ и Крайнего Севера	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Ямало-Ненецкий АО	99,3	98,9	99,0	99,3
Чукотский АО	99,7	99,1	98,6	98,1
Ненецкий АО	80,4	94,4	96,3	96,8
Мурманская область	98,1	96,2	95,8	95,5
АЗРФ, городские населенные пункты, в среднем	–	*99,1*	*99,0*	*98,8*
АЗРФ, сельские поселения, в среднем	–	*90,2*	*90,7*	*90,8*
АЗРФ, в среднем	**94,4**	**97,2**	**97,4**	**97,4**
Крайний Север, включая АЗРФ, в среднем	**85,9**	**87,1**	**88,8**	**88,2**
РФ, справочно	*83,1*	*85,4*	*83,3*	*88,9*

Примечание. Источник: рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/40463.do.

Оснащенность системами отопления сельских населенных пунктов четырех рассматриваемых субъектов АЗРФ также достаточно высока: в 2023 г. достигает от 84 % (Мурманская область) до 96 % (Чукотский АО), а в среднем — 90,8 %. Наименьшее общее среднее значение показателя в 2023 г. (95,5 %) имеет Мурманская область. Прирост среднего уровня оснащенности в четырех субъектах АЗРФ в период с 2010 по 2023 г. составил более 3 п. п. Можно утверждать, что акцентирование на приоритетности планов развития централизованного теплоснабжения в генеральных планах муниципальных образований является отличительной территориальной особенностью АЗРФ. Для сравнения: в 5 субъектах Крайнего Севера — республиках Тыва, Коми, Карелия, Саха (Якутия), Архангельской области — степень оснащенности жилищного фонда системами централизованного отопления не превысила порога 85 %. Минимальное значение Архангельской области (без учета Ненецкого АО) составляет всего 64,5 % (22,2 % в сельских поселениях). Оснащенность сельских поселений Крайнего Севера системами отопления в среднем гораздо ниже, чем в сельских населенных пунктах АЗРФ (70,3 %).

Таким образом, установлено, что в 2023 г. уровень инфраструктурной обеспеченности жилого фонда системами централизованного отопления в четырех рассматриваемых субъектах АЗРФ достиг наивысших средних значений по сравнению с показателями субъектов Крайнего Севера. При этом общий уровень Крайнего Севера в среднем стал ниже, чем базовый показатель РФ. На современном этапе пространственного освоения АЗРФ развитие централизованного теплоснабжения как основы территориального жизнеобеспечения обусловлено необходимостью концентрации ограниченных инвестиционных ресурсов для большей оперативности решения проблем инфраструктурного развития. Однако в масштабе всего макрорегиона Крайнего Севера РФ дальнейшее акцентирование на приоритетности выстраивания высокоцентрализованных энергосистем уже не полностью соответствует сложившимся социально-экономическим условиям, что, прежде всего, касается сельских поселений, а также муниципальных образований, расположенных в районах с ограниченной транспортной доступностью. Вследствие устойчивого сокращения территориального спроса на тепловую энергию часть энергетической инфраструктуры субъектов АЗРФ и Крайнего Севера (тепловых сетей, котельных и ТЭЦ) активно выводится из эксплуатации. В свою очередь, складываются предпосылки к увеличению доли жилого фонда, оборудованного индивидуальными тепловыми пунктами, встроенными, придомовыми котельными, автономными приборами отопления.

Темпы обновления теплоэнергетической инфраструктуры

В период 2000–2023 гг. общее количество источников теплоснабжения в четырех рассматриваемых субъектах АЗРФ уменьшилось на 12,8 % (для сравнения: на Крайнем Севере — на 24,9 %), а национальный показатель, напротив, за то же время

© Биев А. А., 2025

вырос на 9,5 %. В АЗРФ поэтапно выводится из эксплуатации либо реконструируется оборудование предприятий, использующих устаревшие технологии производства тепловой энергии. В 2022 г. прекратила свою деятельность одна из старейших угольных ТЭЦ страны — Воркутинская ТЭЦ-1. Еще два источника (Чаунская ТЭЦ, Эгвекинотская ГРЭС) планируются к выводу в резерв в ближайшие несколько лет. Доля новых тепловых источников в общем объеме вводимых в строй при этом остается невысокой. Показатель ввода тепловых мощностей в АЗРФ имеет явно выраженный тренд к снижению (табл. 2). Наиболее заметный прирост наблюдался в период 2011–2016 гг., что было связано с прохождением пика закупок импортного генерирующего оборудования для арктических проектов в рамках договоров о предоставлении мощности, которые предполагали строительство новых блоков парогазовых энергетических установок на основе высокоэффективных зарубежных решений. К 2020–2023 гг. зафиксировано заметное снижение динамики показателя как свидетельство постепенного угасания процессов активной реновации территориальной энергетической инфраструктуры с использованием поставок ключевых компонентов энергетического оборудования из западных стран. В настоящее время в качестве временного решения на ряде объектов стали применяться энергоустановки меньшей мощности отечественного производства, что несколько ухудшило их производственные показатели.

Таблица 2

Ввод в эксплуатацию источников теплоснабжения в субъектах АЗРФ и Крайнего Севера в период 2010–2023 гг., ед. (детализация региональных данных для расчетов)

Субъекты АЗРФ и Крайнего Севера	2010–2023, всего*	2010–2012	2013–2015	2016–2018	2019–2023
Мурманская область	355	184	158	3	10
Ямало-Ненецкий АО	133	9	97	22	5
Ненецкий АО	105	15	21	63	6
Чукотский АО	23	4	18	0	1
АЗРФ, всего	**616**	**212**	**294**	**88**	**32**
Крайний Север, включая АЗРФ, всего	**3 661**	**767**	**1 719**	**1 348**	**453**
РФ, справочно	*65 212*	*17 291*	*22 322*	*18 931*	*6 668*

Примечание. Источник: рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33577; https://www.fedstat.ru/indicator/60015; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kom_t%D0%B5p_2023.xls.

* До 2019 г. рассчитано с учетом источников, принятых от других организаций.

В период с 2010 по 2023 г. в четырех субъектах АЗРФ было введено в эксплуатацию 616 тепловых источников. Более половины из этого числа — в Мурманской области. На рис. 1 показаны относительные значения показателей арктических субъектов, позволяющие соотнести их долю с общими значениями Крайнего Севера. Заметим, что в общих масштабах макрорегиона Крайнего Севера соответствующего замедления темпов ввода, которое было отмечено в субъектах АЗРФ, не произошло. Наивысшая доля объектов теплоснабжения, вводимых в эксплуатацию на Крайнем Севере, была достигнута в 2013–2016 гг. (8,4 %) и к 2023 г. значительно не изменилась (составляет более 7,8 %). За это время (2015–2023 гг.) здесь было введено в строй 2 528 тепловых источников различной мощности и ведомственной принадлежности (в том числе 185 источников в четырех субъектах АЗРФ).

Таким образом, темпы отраслевого воспроизводства в коммунальной энергетике субъектов АЗРФ и Крайнего Севера отличаются. По сравнению с периодом 2010–2015 гг. современные показатели АЗРФ заметно снизились. При этом в общем масштабе субъектов Крайнего Севера, Арктики и Дальнего Востока обновление местной теплоэнергетической инфраструктуры продолжает идти достаточно активно. Наивысшие показатели ввода источников теплоснабжения в строй среди четырех субъектов АЗРФ наблюдаются в Мурманской области и Ямало-Ненецком АО.

В период 2000–2023 гг. протяженность тепловых и паровых сетей, нуждающихся в замене, в субъектах АЗРФ выросла более чем вдвое (табл. 3). По мере сокращения общей протяженности тепловых коммуникаций удельная доля изношенных сетей выросла в 2,6 раза, достигнув в субъектах АЗРФ 23,9 %. Единственным субъектом АЗРФ, где, по достаточно противоречивым данным официальной статистики, протяженность таких сетей, напротив, сократилась, является Ненецкий АО (при этом доля ветхих здесь также увеличивается[10]). Наибольшая протяженность изношенных сетей в АЗРФ по состоянию на 2023 г. наблюдается в коммунальных системах Ямало-Ненецкого АО и Мурманской области.

[10] Ветхие сети — сети, имеющие износ по данным технической инвентаризации свыше 60 %. Источник: пункт 14 Указаний по заполнению формы федерального статистического наблюдения. Приказ Росстата № 548 от 04.09.2014 г.

© Биев А. А., 2025

Рис. 1. Доля вводимых в эксплуатацию источников теплоснабжения в субъектах АЗРФ и Крайнего Севера в общем показателе ввода в строй тепловых источников в РФ, %. *Источник:* рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33577; https://www.fedstat.ru/indicator/60015; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kom_t%D0%B5p_2023.xls

Таблица 3

Протяженность тепловых и паровых сетей, нуждающихся в замене, в двухтрубном исчислении в субъектах АЗРФ и Крайнего Севера, км (детализация региональных данных для расчетов)

Субъекты АЗРФ и Крайнего Севера	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Ямало-Ненецкий АО	155,6	383,3	482,0	458,7	503,2	488,4
Мурманская область	150,0	239,0	206,3	124,3	214,2	263,3
Чукотский АО	44,8	26,6	3,9	23,8	64,8	66,9
Ненецкий АО	14,3	17,1	9,8	3,4	0,4	4,3
АЗРФ, всего	**364,4**	**666,1**	**701,9**	**610,2**	**782,6**	**822,8**
Из них ветхих	–	–	–	–	**676,2**	**608,0**
Крайний Север, включая АЗРФ, всего	**2 979,1**	**4 201,1**	**4 805,3**	**4 764,6**	**4 749,7**	**4 533,8**
Из них ветхих	–	–	–	–	**4 164,9**	**3 781,4**
РФ, справочно	*30 273,1*	*44 669,3*	*47 998,9*	*49 852,6*	51 506,4	*51 388,6*
Удельный вес сетей, нуждающихся в замене, в общей протяженности тепловых сетей, %						
Ненецкий АО	14,3	19,2	13,8	4,2	0,4	4,1
Мурманская область	5,0	17,2	18,9	11,6	17,8	22,9
Чукотский АО	15,3	11,6	1,3	8,2	23,2	24,0
Ямало-Ненецкий АО	6,9	18,9	23,7	23,1	25,4	25,5
АЗРФ, всего %	**9,1**	**17,8**	**20,0**	**17,8**	**22,0**	**23,9**
Крайний Север, включая АЗРФ, %	**14,5**	**21,2**	**26,0**	**26,1**	**25,1**	**24,6**
РФ, справочно, %	*16,2*	*25,2*	*28,0*	*29,0*	*30,7*	*30,6*
Удельная доля замененных сетей относительно нуждающихся в замене, %						
Мурманская область	–	16,8	13,2	11,3	6,9	11,0
Ненецкий АО	–	37,4	64,3	88,2	632,4	6,8
Ямало-Ненецкий АО	–	18,2	7,4	6,3	6,0	6,0
Чукотский АО	–	16,5	130,8	16,8	4,8	5,9
АЗРФ, всего %	–	**18,1**	**10,5**	**8,2**	**6,4**	**7,6**
Крайний Север, включая АЗРФ, %	–	**14,3**	**9,4**	**9,7**	**8,2**	**7,8**
РФ, справочно, %	–	*13,2*	*9,98*	*6,8*	*6,5*	*6,3*

Примечание. Источник: рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33899; https://www.fedstat.ru/indicator/61006; https://www.fedstat.ru/indicator/33898.

Отметим, что прирост финансирования региональных программ энергосбережения положительно сказывается на состоянии инфраструктуры теплоснабжения в АЗРФ. Доля замененных сетей относительно нуждающихся в замене к 2023 г. увеличилась до 7,6 % по сравнению с 6,4 % в 2020 г. На рис. 2 показано, что в краткосрочном периоде (2020–2023 гг.) доля ветхих тепловых коммуникаций в субъектах АЗРФ суммарно сократилась на 1,36 п. п. (с 19,02 до 17,66 %), что

© Биев А. А., 2025

связано с приростом объемов перекладки тепловых коммуникаций, прежде всего, в Мурманской области. Здесь темпы работ по замене сетей увеличились по сравнению с 2020 г. почти двукратно — в суммарном выражении до 29 км тепловых и паровых сетей в год. Это привело к сокращению протяженности ветхих тепловых сетей в Мурманской области в 2023 г. до 162,4 км (на 35,7 км по сравнению с 198,1 км в 2020 г.). В АЗРФ Мурманская область и ЯНАО характеризуются наиболее высокими показателями ремонтно-восстановительных работ. Исходя из данных табл. 3, протяженность ветхих сетей в арктических субъектах за три последних года уменьшилась на 68,2 км (в субъектах Крайнего Севера, включая АЗРФ, — на 383,5 км). Однако, несмотря на некоторый прирост темпов их перекладки, потребность в увеличении масштабов восстановительных работ в АЗРФ продолжает нарастать.

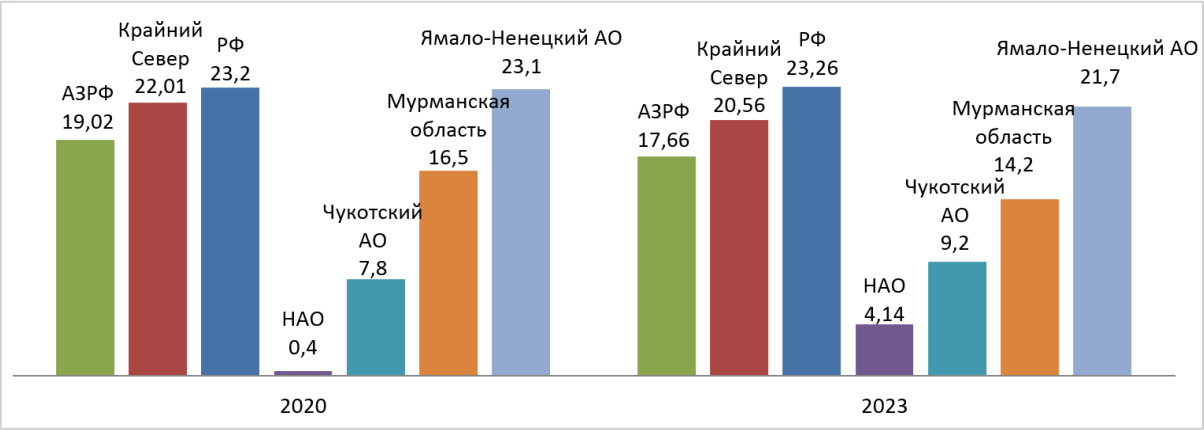


Рис. 2. Доля ветхих тепловых сетей, подлежащих замене, в субъектах Арктической зоны и Крайнего Севера РФ, % от общей протяженности тепловых и паровых сетей. *Источник:* рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/61006; https://www.fedstat.ru/indicator/33898

Эффективность территориальных подсистем теплоснабжения

Эффективность инфраструктуры регионального теплоснабжения определяется комплексными условиями, создаваемыми для рационального использования ограниченных энергетических ресурсов — топлива, тепловой и электрической энергии, а также применяемыми технологиями энергетического производства. В табл. 4 приводятся данные об эффективности использования топливных ресурсов тепловыми электростанциями в субъектах АЗРФ.

Таблица 4

Фактический удельный расход условного топлива на отпуск тепловой энергии тепловыми электростанциями по пропорциональному методу в субъектах АЗРФ и Крайнего Севера (детализация региональных данных для расчетов)

Субъекты АЗРФ и Крайнего Севера	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Ямало-Ненецкий АО	105,8	109,8	114,1	116,7
Мурманская область	157,9	157,5	155,4	158,5
Чукотский АО	191,7	191,0	188,1	183,5
Ненецкий АО	–	–	–	–
АЗРФ, в среднем*	**151,8**	**152,8**	**152,5**	**152,9**
Крайний Север, включая АЗРФ, в среднем*	**148,2**	**151,2**	**150,7**	**153,7**
РФ, справочно	*147,5*	*147,8*	*147,1*	*148,5*

Примечание. Источник: рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62002?ysclid=m2mzhoc3ym917577940.

* Рассчитано без учета данных расхода условного топлива на отпуск тепловой энергии тепловыми электростанциями в Ненецком АО.

© Биев А. А., 2025

Наибольшей топливной эффективностью характеризуются парогазовые ТЭС в Ямало-Ненецком АО, часть которых функционируют в наиболее эффективном когенерационном режиме. Их технико-экономические показатели могут значительно отличаться от характеристик удельного расхода отопительных котельных. Так, например, заявленный в схеме теплоснабжения одного из крупнейших населенных пунктов АЗРФ — города Ноябрьска (Ямало-Ненецкий АО)[11] — удельный расход условного топлива котельными варьируется от 151,59 кг у. т./Гкал (газовые котельные АО «Энерго-Газ-Ноябрьск») до 161,81 кг у. т./Гкал (газовые котельные АО «ВТВК»). В то же время намного более высокую топливную эффективность демонстрирует Ноябрьская парогазовая электростанция (ООО «Ноябрьская ПГЭ»), введенная в эксплуатацию в 2010 г. и участвующая с 2016 г. в энергоснабжении коммунальных потребителей в когенерационном режиме. Ее удельный расход на отпуск тепловой энергии составляет 96,28 кг у. т./Гкал. Аналогично следует учитывать значительные различия удельных расходов отопительных котельных и ТЭЦ в других арктических субъектах. В частности, удельный расход условного топлива (УРУТ) Анадырской ТЭЦ, Анадырской ГМТЭЦ, Чаунской ТЭЦ[12], вырабатывающих большую часть производимой на территории Чукотского АО тепловой энергии, в 2020–2022 гг. составлял 152,8–176,2 кг у. т./Гкал[13]. УРУТ окружными котельными находился в диапазоне от 144 кг у. т./Гкал (МП «ЧРКХ», участок Рыткучи городского округа города Певека) до 272,3 кг у. т./Гкал (котельная № 19 «Центральная» Провиденского городского округа). УРУТ газовых котельных административного центра Ненецкого АО г. Нарьян-Мара в 2020 г. составлял от 151,85 до 172,43 кг у. т./Гкал[14]. Так как в системе ЕМИСС отсутствует статистическая информация об удельном расходе топлива тепловыми источниками в Ненецком АО, итоговые строки табл. 4 рассчитаны без учета этих данных.

Таким образом, установлено, что краткосрочная динамика изменения среднего удельного расхода условного топлива тепловыми электростанциями в АЗРФ негативная — их экономические показатели продолжают ухудшаться. Фактические показатели ТЭС в АЗРФ и субъектах Крайнего Севера заметно превышают базовый уровень РФ. Наблюдается единый тренд — рост среднего удельного расхода (снижение эффективности), который в АЗРФ в среднем за четыре года составил 0,7 %. В субъектах Крайнего Севера — 3,7 %. Ухудшение эффективности производства тепловой энергии на ТЭС, расположенных в АЗРФ, отмечается на фоне долгосрочных тенденций снижения совокупного производства тепловой энергии и сохранения высокого уровня тепловых потерь.

В таблице 5 показано, что размер потерь тепловой энергии в теплоэнергетических системах четырех субъектов АЗРФ в период 2021–2023 гг. находился на уровне базового 2000 г. Их удельный вес в общей структуре национального показателя по сравнению с 2000 г. несколько снизился и к 2015–2023 гг. составил около 1,7–1,8 %. В рассматриваемых субъектах АЗРФ теряется до 14,4 % от всей произведенной тепловой энергии. Для сравнения: в субъектах Крайнего Севера потери также велики — до 16,5 %. Наивысший уровень совокупных потерь (до 21,9 % от территориального производства) фиксируется в подсистемах теплоснабжения Ямало-Ненецкого АО.

Вследствие того, что большая часть потерь происходит при передаче теплоносителя потребителям по тепловым сетям, особо актуальными вопросами обеспечения эффективности локальных теплоэнергетических подсистем АЗРФ являются разработка и реализация проектов энергосбережения, привлечение дополнительного финансирования в соответствующие региональные целевые программы. Детализация динамики показателей их финансового обеспечения показывает, что за последний пятилетний период (2017–2023 гг.) приток финансовых ресурсов для реализации основных мероприятий в четырех субъектах АЗРФ увеличился почти втрое, а за десять лет (2014–2023 гг.) вырос более чем в 5 раз — со 197,5 млн до 1,01 млрд рублей. Доля субъектов АЗРФ в структуре соответствующих национальных трат в 2020 г. составила 4,1 %, однако уже в 2023 г. снизилась до 2,8 %. Общая доля субъектов Крайнего Севера, напротив, выросла с 7,4 до 9,5 %[15]. Исходя из разнонаправленной в целом динамики показателей развития подсистем теплоснабжения АЗРФ, принятых к рассмотрению

[11] Схема теплоснабжения городского округа города Ноябрьск на 2024–2041 годы: утверждена Постановлением Администрации города Ноябрьска от 31 июля 2024 года № 1398-П. URL: https://base.garant.ru/409458397 (дата обращения: 23.10.2024).

[12] В настоящее время находится в горячем резерве Чаун-Билибинского энергоузла. Планируется вывод из эксплуатации после завершения строительства новой ТЭЦ мощностью 50 МВт, начало возведения которой предварительно запланировано на 2026 г.

[13] Схема теплоснабжения городского округа города Анадырь на период с 2023 по 2037 годы: утверждена Постановлением Администрации городского округа города Анадырь от 11.12.2023 г. № 966. URL: https://base.garant.ru/408247075 (дата обращения: 23.10.2024).

[14] Актуализация схемы теплоснабжения города Нарьян-Мар Ненецкого автономного округа на 2022 год и на перспективу до 2028 года: утверждена Постановлением Администрации муниципального образования городского округа город Нарьян-Мар от 12.11.2021 г. № 1399. URL: https://adm-nmar.ru/images/GKH/Shema_teplosnabgenia.zip (дата обращения: 23.10.2024).

[15] Рассчитано с использованием показателя «Затраты на мероприятия по энергосбережению в организациях коммунального комплекса, осуществляющих снабжение населения и бюджетофинансируемых организаций тепловой энергией» в системе ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/34125.

© Биев А. А., 2025

в рамках выбранной методологии исследования, следует считать достигнутые темпы прироста финансирования программ энергосбережения недостаточными для планомерного обновления основных фондов локальной теплоэнергетической инфраструктуры. Об этом свидетельствует отсутствие выраженной положительной динамики ключевых показателей топливной эффективности, доли замененных сетей, протяженности тепловых и паровых сетей, нуждающихся в замене. В АЗРФ отмечается стабильно высокий уровень потерь тепловой энергии, рост удельного расхода топлива на объектах генерации, а также замедление темпов ввода в строй новых источников и, как следствие, иных процессов технологического обновления отрасли.

Таблица 5

Потери и их соотношение к общему объему произведенной тепловой энергии в субъектах АЗРФ, тыс. Гкал (детализация региональных данных для расчетов)

Субъекты АЗРФ и Крайнего Севера	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2021 г.	2023 г.
Ямало-Ненецкий АО	1 160	1 129	995	1 065	1 514	1 306
Мурманская область	1 016	928	779	740	772	719
Чукотский АО	89	111	97	98	178	140
Ненецкий АО	49	69	61	50	62	39
АЗРФ, всего	**2 314**	**2 237**	**1 932**	**1 953**	**2 526**	**2 204**
Крайний Север, включая АЗРФ, всего	**9 579**	**10 283**	**10 514**	**12 566**	**14 459**	**12 863**
РФ, справочно	*98 083*	*115 978*	*126 544*	*116 769*	*141 714*	*130 002*
Доля АЗРФ в общих потерях РФ, %	2,4	1,9	1,5	1,7	1,8	1,7
Соотношение потерь к производству тепловой энергии в субъектах АЗРФ, %						
Мурманская область	9,8	9,5	8,1	9,3	8,2	8,0
Ненецкий АО	12,7	18,2	14,9	13,6	17,8	11,8
Чукотский АО	9,2	10,0	9,9	9,7	18,0	15,8
Ямало-Ненецкий АО	11,4	13,2	12,0	15,0	21,9	21,0
АЗРФ, %	**10,6**	**11,3**	**10,0**	**11,9**	**14,4**	**13,5**
Крайний Север, включая АЗРФ, %	**9,0**	**9,8**	**11,2**	**15,1**	**16,5**	**15,6**
РФ, справочно	*9,8*	*12,2*	*14,5*	*14,7*	*16,2*	*15,8*

Примечание. Источник: рассчитано автором на основе данных ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33926; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kom_t%D0%B5p_2023.xls; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kom_t%D0%B5p_21.xls.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлено нижеследующее.

1. Анализ основных факторов формирования региональных подсистем теплоснабжения в АЗРФ позволил определить, что процессы трансформации локальных энергетических рынков характеризуются изменениями, непосредственно связанными с влиянием климатических и социально-экономических факторов, обуславливающих сокращение производства тепловой энергии, ликвидацию части социально значимой энергетической инфраструктуры — тепловых сетей и источников теплоснабжения. Показано усиление зависимости финансового состояния теплоэнергетических предприятий от бюджетного дотирования. Установлено, что решение части территориальных проблем, связанных с реализацией проектов распределенной и возобновляемой энергетики в зонах децентрализованного энергоснабжения, пока не в полной мере обеспечено созданием достаточных институциональных условий.

2. Показана специфика территориальных подсистем теплоснабжения в четырех рассматриваемых субъектах АЗРФ: обеспеченность жилищного фонда городских населенных пунктов системами централизованного отопления в среднем достигает 98,8 %, сельских поселений — 90,8 %. В коммунальной энергетике субъектов АЗРФ установлены признаки технологического застоя. Сохраняются высокий уровень потерь тепловой энергии, удельных расходов топлива на отопительных котельных и ТЭС, рост протяженности сетей, нуждающихся в замене, замедление темпов ввода в строй новых источников теплоснабжения.

3. Определены направления модернизации систем территориального энергоснабжения, установленные рамками Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации, региональными целевыми программами, а также схемами теплоснабжения муниципальных образований четырех субъектов АЗРФ. Общий размер финансирования программ энергосбережения за десять лет (с 2014 по 2023 г.) увеличился более чем в 5 раз — со 197,5 млн

© Биев А. А., 2025

до 1,01 млрд рублей. Отслеживаются попытки решения вопросов диверсификации территориальных энергетических систем на новом технологическом уровне. Наукоемкие, инновационные направления совершенствования систем энергоснабжения в АЗРФ представлены пилотными проектами возведения малых атомных теплоэлектростанций и иных объектов энергоснабжения промышленных кластеров в центральных и северных районах (Усть-Янский и Верхоянский) Республики Саха (Якутия), Красноярского края и северо-восточной части (Иультинский район) Чукотского АО.

Список источников

1. Лапшина К. М. Роль региональных властей в обеспечении энергетической безопасности субъектов РФ // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 4. С. 607–628. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-4-607-628.
2. Реев С. Н. Энергетическая безопасность Арктических территорий России // Региональная энергетика и энергосбережение. 2019. № 1. С. 25.
3. Региональные системы жизнеобеспечения населения / А. Н. Столярова, Д. С. Петросян, Л. С. Боташева [и др.] [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 4 (68). URL: https://eee-region.ru/article/6809. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-468-9 (дата обращения: 20.04.2024).
4. Куценко С. Ю., Павленко В. И., Платэ А. Н., Лексин А. Б. Особенности состояния жилищно-бытовых условий населения Арктической зоны Российской Федерации как одного из важнейших факторов устойчивого развития макрорегиона [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2020. № 1. URL: https://esj.today/PDF/79ECVN120.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
5. Смирнов А. В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270.
6. Демина О. В. Особенности развития региональных систем электро- и теплоснабжения // Регионалистика. 2017. Т. 4, № 5. С. 35–49. DOI: 10.14530/reg.2017.5.
7. Нефедова Л. В. Адаптация энергокомплекса к изменениям климата в Арктике // Энергетическая политика. 2020. № 9 (151). С. 92–103. DOI 10.46920/2409-5516_2020_9151_92.
8. Biev A., Serova N. Features of the organization of fuel supplies to the Arctic regions of Russia: assessment of transport conditions // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020. 539. 012017. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012017.
9. Терентьева А. С. Анализ основных проблем централизованного теплоснабжения в России на современном этапе // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 253–273. DOI 10.47711/2076-318-2020-253-273.
10. Башмаков И. А. Анализ основных тенденций развития систем теплоснабжения России // Энергетическая политика. 2009. № 2. С. 10–25.
11. Иванов А. В., Складчиков А. А., Хренников А. Ю. Развитие электроэнергетики арктических регионов Российской Федерации с учетом использования возобновляемых источников энергии // Российская Арктика. 2021. № 13. С. 62–80. DOI: 10.24412/2658-4255-2021-2-62-80.
12. Минин В. А. Характеристики источников теплоснабжения городов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 5–18. С. 5–19. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.5.5-19.
13. Хвостова М. С. Экологические проблемы эксплуатации плавучей атомной теплоэлектростанции в Арктическом регионе // Российская Арктика. 2018. № 1. С. 11–29.
14. Merkulov V. Analysis of advanced nuclear technologies applicable in the Russian Arctic // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018. 180. 012020. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012020.
15. Merkulov V., Didenko N., Skripnuk D., Kulik S. Analysis of small modular reactor technologies and socio-economic aspects of their application in the Russian Arctic in the era of digital transformation // E3S Web of Conferences. 2023. 402. DOI: 10.1051/e3sconf/202340210011.
16. Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства / И. М. Потравный, Н. Н. Яшалова, Д. С. Бороухин, М. П. Толстоухова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 144–159. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.8.
17. de Witt M., Stefansson H., Valfells A., Larsen J. N. Energy resources and electricity generation in Arctic areas // Renewable Energy. 2021. Vol. 169. P. 144–156. DOI: 10.1016/j.renene.2021.01.025.
18. Antonenkov D. V., Kiushkina V. R. Specifics of assessing energy security of isolated energy service areas in territories with harsh climatic conditions // International Journal of Energy Technology and Policy. 2019. Vol. 15, no. 2/3. P. 236–253. DOI: 10.1504/IJETP.2019.10019660.

© Биев А. А., 2025

19. Samarina V., Skufina T., Samarin A., Ushakov D. Alternative Energy Sources: Opportunities, Experience and Prospects of the Russian Regions in the Context of Global Trends // International Journal of Energy Economics and Policy. 2018. Vol. 8, Issue 2. P. 140–147. URL: https://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/viewFile/6273/3612 (accessed 20.04.2024).
20. Селезнев В., Губанов М., Потемкин В. Развитие распределенной генерации на Дальнем Востоке и в Арктике // Энергетическая политика. 2022. № 7 (173). С. 58–69. DOI 10.46920/2409-5516_2022_7173_58.
21. Elyakov A. L. Economic and Legal Mechanism for the Development of Renewable Energy Sources in the Arctic Zone of the Russian Federation // International Journal Civil Engineering and Technology. 2018. No. 10 (10). P. 1072–1083. URL: http://www.iaeme.com/IJCIET/issues.asp?JTypeIJCIET&VType=6&IType=7 (accessed 18.06.2024).
22. Змиева К. А. Проблемы энергоснабжения арктических регионов // Российская Арктика. 2020. № 8. С. 5–14. DOI:10.24411/2658-4255-2020-00001.
23. Биев А. А. Формирование территориальных систем теплоснабжения в северных и арктических субъектах России // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 28–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.28.

References

1. Lapshina K. M. Rol' regional'nykh vlastei v obespechenii energeticheskoi bezopasnosti sub"ektov RF [The Role of Regional Authorities in Ensuring Energy Security of RF Subjects]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (Art of Management)], 2017, vol. 9, no. 4, pp. 607–628. doi: 10.17072/2218-9173-2017-4-607-628. (In Russ.).
2. Reev S. N. Energeticheskaya bezopasnost' Arkticheskikh territorii Rossii [Energy security of the Arctic territories of Russia]. *Regional'naya energetika i energosberezhenie* [Regional Energy and Energy Conservation], 2019, no. 1, p. 25. (In Russ.).
3. Stolyarova A. N., Petrosyan D. S., Botasheva L. S., Oberemenko L. G., Petrosyan A. D. Regional'nye sistemy zhizneobespecheniya naseleniya [Regional life support systems]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie* [Regional Economy and Management], 2021, no. 4 (68), Art. #6809. (In Russ.). Available at: https://eee-region.ru/article/6809 (accessed 20.04.2024).
4. Kutsenko S. Yu., Pavlenko V. I., Plate A. N., Lexin A. B. Osobennosti sostoyaniya zhilishchno-bytovykh uslovii naseleniya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii kak odnogo iz vazhneishikh faktorov ustoichivogo razvitiya makroregiona [Features of housing and living conditions of the population of the Arctic zone of the Russian Federation as one of the most important factors of sustainable development]. *Vestnik Evraziiskoi nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2020, 1 (12). (In Russ.). Available at: https://esj.today/PDF/79ECVN120.pdf (accessed 20.04.2024).
5. Smirnov A. V. Naselenie mirovoi Arktiki: dinamika chislennosti i tsentry rasseleniya [The Arctic Population: Dynamics and Centers of the Settlement System]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270. (In Russ.).
6. Dyomina O. V. Osobennosti razvitiya regional'nykh sistem elektro- i teplosnabzheniya [The Specific Features of Development of the Regional Energy Systems and District Heating Systems]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2017, Vol. 4, no. 5, pp. 35–49. DOI: 10.14530/reg.2017.5. (In Russ.).
7. Nefedova L. V. Adaptatsiya energokompleksa k izmeneniyam klimata v Arktike [About Possible Impacts of Climate Change on the Energy Complex of the Arctic and Adaptation Measures]. *Energeticheskaya politika* [Energy Policy], 2020, no. 9 (151), pp. 92–103. DOI 10.46920/2409-5516_2020_9151_92. (In Russ.).
8. Biev A., Serova N. Features of the organization of fuel supplies to the Arctic regions of Russia: assessment of transport conditions. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science,* 2020, 539, 012017. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012017.
9. Terentyeva A. S. Analiz osnovnykh problem tsentralizovannogo teplosnabzheniya v Rossii na sovremennom etape [The Analysis of the Main District Heating Issues in Russia at the Present Stage]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Articles — Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences], 2020, no. 18, pp. 253–273. DOI 10.47711/2076-318-2020-253-273. (In Russ.).
10. Bashmakov I. A. Analiz osnovnykh tendentsii razvitiya sistem teplosnabzheniya Rossii [The Analysis of Key Trends in Heating Infrastructure Development]. *Energeticheskaya politika* [Energy Policy], 2009, no. 2, pp. 10–25. (In Russ.).
11. Ivanov A. V., Skladchikov A. A., Khrennikov A. Yu. Razvitie elektroenergetiki arkticheskikh regionov Rossiiskoi Federatsii s uchetom ispol'zovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov energii [Development of Electric Power Industry in the Arctic Regions of the Russian Federation, Considering the Use of Renewable Energy Sources]. *Rossiiskaya Arktika* [Russian Arctic], 2021, no. 13, pp. 62–80. DOI: 10.24412/2658-4255-2021-2-62-80. (In Russ.).

© Биев А. А., 2025

12. Minin V. A. Kharakteristiki istochnikov teplosnabzheniya gorodov Murmanskoi oblasti [Characteristics of Heat Supply in the Murmansk Region Towns]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Science Centre], 2019, vol. 10, no. 5–18, pp. 5–19. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.5.5-19. (In Russ.).
13. Khvostova M. S. Ekologicheskie problemy ekspluatatsii plavuchei atomnoi teploelektrostantsii v Arkticheskom regione [Environmental Problems of Operation of Floating Nuclear Power Plant in the Arctic Region]. *Rossiiskaya Arktika* [Russian Arctic], 2018, no. 1, pp. 11–29. (In Russ.).
14. Merkulov V. Analysis of advanced nuclear technologies applicable in the Russian Arctic. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2018, 180, 012020. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012020.
15. Merkulov V., Didenko N., Skripnuk D., Kulik S. Analysis of small modular reactor technologies and socio-economic aspects of their application in the Russian Arctic in the era of digital transformation. *E3S Web of Conferences*, 2023, 402. DOI: 10.1051/e3sconf/202340210011.
16. Potravnyi I. M., Yashalova N. N., Boroukhin D. S., Tolstoukhova M. P. Ispol'zovanie vozobnovlyaemykh istochnikov energii v Arktike: rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [The Usage of Renewable Energy Sources in the Arctic: The Role of Public-Private Partnership]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 144–159. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.8. (In Russ.).
17. de Witt M., Stefansson H., Valfells A., Larsen J. N. Energy resources and electricity generation in Arctic areas. *Renewable Energy*, 2021, vol. 169, pp. 144–156. DOI: 10.1016/j.renene.2021.01.025.
18. Antonenkov D. V., Kiushkina V. R. Specifics of assessing energy security of isolated energy service areas in territories with harsh climatic conditions. *International Journal of Energy Technology and Policy*, 2019, vol. 15, no. 2/3, pp. 236–253. DOI: 10.1504/IJETP.2019.10019660.
19. Samarina V., Skufina T., Samarin A., Ushakov D. Alternative Energy Sources: Opportunities, Experience and Prospects of the Russian Regions in the Context of Global Trends. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2018, vol. 8, Issue 2, pp. 140–147. Available at: https://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/viewFile/6273/3612 (accessed 20.04.2024).
20. Seleznev V., Gubanov M., Potemkin V. Razvitie raspredelennoi generatsii na Dal'nem Vostoke i v Arktike [Development of Distributed Generation in the Far East and the Arctic]. *Rossijskaya Arktika* [Russian Arctic], 2022, no. 7 (173), pp. 58–69. DOI 10.46920/2409-5516_2022_7173_58. (In Russ.).
21. Elyakov A. L. Economic and Legal Mechanism for the Development of Renewable Energy Sources in the Arctic Zone of the Russian Federation. *International Journal Civil Engineering and Technology*, 2018, no. 10 (10), pp. 1072–1083. Available at: http://www.iaeme.com/IJCIET/issues.asp?JTypeIJCIET&VType=6&IType=7 (accessed 18.06.2024).
22. Zmieva K. A Problemy energosnabzheniya arkticheskikh regionov [Problems of Energy Supply in the Arctic Regions]. *Rossiiskaya Arktika* [Russian Arctic], 2020, no. 8, pp. 5–14. DOI 10.24411/2658-4255-2020-10086. (In Russ.).
23. Biev A. A. Formirovanie territorial'nykh sistem teplosnabzheniya v severnykh i arkticheskikh sub"ektakh Rossii [Formation of Territorial Heat Supply Systems in the Northern and Arctic Regions of Russia]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, pp. 28–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.28. (In Russ.).

Об авторе:
А. А. Биев — канд. экон. наук, старший научный сотрудник.

About the author:
A. A. Biev — PhD (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 08 июля 2024 года.
Статья принята к публикации 15 ноября 2024 года.
The article was submitted on July 08, 2024.
Accepted for publication on November 15, 2024.

© Биев А. А., 2025

Научная статья
УДК 330.322.1
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.007

ИССЛЕДОВАНИЕ ЕМКОСТИ РЫНКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕСУРСОВ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дмитрий Сергеевич Крапивин
Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, krapivin_dmitry@mail.ru, ORCID 0000-0003-2703-9119

Аннотация. Данная статья является частью исследования, глобальная цель которого состоит в разработке инструментов привлечения дополнительных финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого развития арктического региона в современных геополитических условиях. Прежде чем приступать непосредственно к разработке или модификации инструментов и механизмов, необходимо решить ряд задач, некоторым из которых посвящена данная статья. Проведено изучение инвестиционных потоков в основной капитал по источникам финансирования и отраслевому признаку в Мурманской области. Определено, что финансирование проектов осуществляется в основном за счет привлеченных средств. В исследуемом периоде наблюдается увеличение их доли в соотношении с собственными средствами. Большую часть привлеченного финансирования составляют средства федерального бюджета. В то же время другие источники, к которым относятся, например, свободные средства населения или ресурсы кредитной сферы, практически не задействованы. Установлено, что хозяйствующие субъекты и региональные власти в первую очередь направляют инвестиции на поддержание основных видов своей деятельности, что позволяет сохранять стабильность экономики Мурманской области и удовлетворяет базовые потребности населения в государственных услугах, но в минимальной степени ускоряет социально-экономическое развитие. Показано, что в Мурманской области, как и во многих других регионах, знают об этой проблеме и пытаются ее решать через создание региональных корпораций развития. Была изучена деятельность такого учреждения, выявлено, что ключевые шаги по активизации инвестиционной деятельности проработаны, ряд инвестиционных проектов уже был осуществлен, ряд находится в стадии реализации или подготовки к реализации. Таким образом, сделан вывод о том, что Мурманская область обладает большим инвестиционным потенциалом, а главным препятствием для его реализации является нехватка инвестиционных ресурсов, которая частично может быть восполнена за счет использования новых или модифицированных механизмов привлечения финансовых ресурсов.
Ключевые слова: арктический регион РФ, региональная экономика, инвестиции, финансовые инструменты, финансовый рынок, финансовое регулирование
Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда 24-28-20154 «Разработка инструментов привлечения дополнительных финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого развития арктического региона в современных геополитических условиях».
Для цитирования: Крапивин Д. С. Исследование емкости рынка инвестиционных ресурсов арктического региона (на материалах Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 102–115. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.007.

Original article

EVALUATION OF INVESTMENT MARKET SIZE IN THE ARCTIC: A CASE STUDY OF THE MURMANSK REGION

Dmitriy S. Krapivin
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, krapivin_dmitry@mail.ru, ORCID 0000-0003-2703-9119

Abstract. This article forms part of a broader study focused on developing financial instruments to attract additional investment for the sustainable development of the Arctic amid evolving geopolitical challenges. Before new financial mechanisms can be designed or existing ones refined, several foundational issues must first be addressed—some of which are explored in this study. The research examines investment flows into fixed assets in the Murmansk region, analyzing funding sources and sectoral distribution. Findings indicate that project financing relies predominantly on external sources, with their share increasing relative to internally generated funds over the study period. The federal budget serves as the primary source of external investment, while alternative channels—such as household savings and credit

© Крапивин Д. С., 2025

sector resources — remain largely untapped. Furthermore, the study reveals that businesses and regional authorities primarily direct investments toward maintaining core operations to ensure economic stability and meet essential public service needs. However, this approach does little to drive long-term socio-economic growth. Recognizing this limitation, the Murmansk region — like many others — has attempted to address the issue through regional development corporations. An assessment of these institutions indicates that key steps have been taken to stimulate investment, with several projects already completed and others in progress or under preparation. Ultimately, the study concludes that while the Murmansk region holds substantial investment potential, its development is constrained by a lack of financial resources. This shortfall could be partially alleviated through the implementation of innovative or adapted financial mechanisms.
Keywords: Russian Arctic, regional economy, investments, financial instruments, financial market, financial regulation
Acknowledgments: This research was supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 24-28-20154, "Development of Tools for Attracting Additional Financial Resources to Ensure the Sustainable Development of the Arctic Region in Modern Geopolitical Conditions."
For citation: Krapivin D. S. Evaluation of investment market size in the Arctic: A case study of the Murmansk region. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 102–115. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.007.

Введение

Устойчивое развитие любой экономической единицы[1] находится в зависимости от уровня инвестиционной активности, выявления и реализации имеющегося инвестиционного потенциала [1]. В Российской Федерации особенно сильно данная зависимость проявляется на региональном уровне. Во-первых, из-за сильной дифференциации в имеющемся потенциале, возможностях и условиях, присущих каждому из 89 регионов, включая четыре новых, вошедших в состав РФ в 2022 г.[2]. Во-вторых, из-за того, что порядка 70 % регионов имеют статус реципиента [2], то есть они получают дополнительную финансовую помощь из федерального бюджета для покрытия собственных расходов. Таким образом, от успешности того или иного инвестиционного проекта зависит, понадобятся ли региону дополнительные средства, в каком размере, целесообразно ли их выделять в дальнейшем.

Современные геополитические условия повышают значимость усилий региональных властей в области инвестиционной деятельности. Обострившееся противостояние Российской Федерации со странами Запада привело к серьезному ухудшению международных отношений и введению санкций [3], причем это происходит на фоне постпандемийного периода трансформации всей мировой экономической системы [4]. Ученые-экономисты по-разному оценивают влияние санкционных ограничений на экономику Российской Федерации [5–7], но так или иначе санкции оказали существенное влияние на поведение как иностранных контрагентов [8], так и управляющих органов власти России на всех трех уровнях [9]. Соответственно, некоторые изменения в подходе к управлению инвестициями должны быть сделаны и на региональном уровне. Кроме того, одной из основных проблем для федеральных властей сейчас является обеспечение достаточным количеством ресурсов, как финансовых, так и материальных, проводящейся сейчас специальной военной операции (СВО) [10], а по ее завершению значительные инвестиции потребуются для восстановления пострадавших регионов, особенно четырех новых, вошедших в состав РФ в 2022 г. [11]. В такой ситуации для поддержания достойного уровня жизни населения и стабильного социально-экономического роста региональные органы власти должны в полной мере использовать все инвестиционные возможности. Это касается и привлечения различных источников финансирования, и наличия продуманного плана их эффективного использования.

[1] Экономической единицей, или экономическим агентом, в системе национальных счетов считается юридическое или физическое лицо, которое совершает какую-либо экономическую операцию. Экономической единицей может считаться один человек, домохозяйство, коллектив, предприятие, учреждение, организация, экономический регион, отрасль и сектор экономики, государство. Особой экономической единицей является заграница, то есть «остальной мир». System of National Accounts. URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sna2008.asp (дата обращения: 15.03.2024).

[2] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (дата обращения: 18.03.2024); Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ (дата обращения: 18.03.2024); Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428185/ (дата обращения: 15.03.2024); Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428186/ (дата обращения: 18.03.2024).

© Крапивин Д. С., 2025

Таким образом, основной целью данного исследования можно обозначить изучение инвестиционного рынка арктического региона (Мурманской области), в том числе в разрезе основных источников финансирования инвестиционной деятельности, для определения возможности использования новых для данной территории финансовых инструментов и механизмов. Научная новизна исследования заключается в его необходимости для определения перечня наиболее перспективных именно для арктического региона (Мурманской области) инструментов и механизмов привлечения необходимых ресурсов для активизации инвестиционной деятельности, успешно применяемых в российской и зарубежной практике.

Материалы и методы

Глобальная задача исследования состоит в разработке инструментов привлечения дополнительных финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого развития арктического региона (Мурманской области) в современных геополитических условиях. Для решения поставленной цели сначала было необходимо решить ряд частных задач: во-первых, проанализировать основные источники финансирования инвестиционной деятельности в Мурманской области; во-вторых, изучить и систематизировать перечень наиболее перспективных отраслевых ниш реализации инвестиционных проектов в Мурманской области; в-третьих, оценить возможности реализации инвестиционных проектов за счет использования мало задействованных в Мурманской области финансовых инструментов и механизмов; в-четвертых, приблизительно рассчитать инвестиционную потребность региона в финансовых ресурсах на ближайшие десять лет. Исследование проводилось с применением методов системного и статистического анализов, а также экономического прогнозирования, табличного и графического методов представления статистических данных, методов классификации, анализа, обобщения, сравнения и аналогии. Основными источниками информации послужили официальные интернет-ресурсы. Для поиска актуальной нормативно-правовой документации использовалась база портала «ГАРАНТ.RU» (https://base.garant.ru/). Статистическая информации взята из сборников Федеральной службы государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/) и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) (https://www.fedstat.ru/). Для поиска информации об инвестиционных проектах в Мурманской области использовались сайты акционерного общества «Корпорация развития Мурманской области» (https://invest-murman.ru/) и Инвестиционного портала Мурманской области (https://invest.nashsever51.ru/).

Результаты и обсуждение

Важным элементом инвестиционной деятельности являются финансовые ресурсы. Каким бы высоким не был инвестиционный потенциал и как бы подробно не были прописаны инвестиционные планы, без достаточного финансирования невозможно осуществить ни одного проекта. Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования в Мурманской области представлены в табл. 1.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования в Мурманской области, значение показателя за год по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства [12]

Источник финансирования	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Российская Федерация					
Собственные средства, %	53,0	55,0	55,2	56,0	52,8
Привлеченные средства, %	47,0	45,0	44,8	44,0	47,2
Из них бюджетные	15,3	16,2	19,1	18,3	20,4
в том числе из федерального бюджета	7,6	7,6	8,7	8,1	9,8
бюджетов субъектов РФ	6,6	7,4	9,2	9,0	9,3
Мурманская область					
Собственные средства, %	46,5	44,8	41,9	38,8	37,4
Привлеченные средства, %	53,5	55,2	58,0	61,2	60,0
Из них бюджетные	31,0	32,2	29,1	19,3	22,7
в том числе из федерального бюджета	29,1	29,5	26,8	17,2	18,3
бюджетов субъектов РФ	1,1	1,8	1,4	1,5	3,3
Всего, млн рублей	141 456,4	161 652,4	192 151,4	252 771,2	253 102,2

© Крапивин Д. С., 2025

Как видно из табл. 1, основными источниками финансирования инвестиционных проектов выступают либо собственные, либо привлеченные средства. В среднем по Российской Федерации собственные средства преобладают над привлеченными, это говорит о том, что Мурманская область находится в зависимости от способности привлекать инвестиционные ресурсы. Это же подтверждается более значительным разрывом между данными источниками, чем в среднем по РФ. Для хозяйствующих субъектов собственными средствами для инвестиционной деятельности является нераспределенная прибыль предприятия после уплаты всех налогов и покрытия всех издержек собственной деятельности [13]. По данным табл. 1, за исследуемый период происходило постепенное снижение доли данного источника финансирования инвестиционной деятельности, которое к 2022 г. составило 9,1 процентный пункт (п. п.), что можно назвать серьезным изменением. Объяснить это можно тем фактом, что в абсолютном выражении не происходит приращения от этого источника при общем росте инвестиций. Кроме того, собственные средства предприятий расходуются не только на инвестиционную деятельность. Чаще всего предприятия предпочитают выплачивать премии и дивиденды, чем совершать инвестиции, сопряженные с различными рисками. И если начало исследуемого периода (2018 г.) можно охарактеризовать как достаточно экономически стабильное для осуществления инвестиционных проектов, то, чем ближе мы к настоящему времени, тем более турбулентными становятся как мировая экономическая система в целом, так и экономика Российской Федерации в частности. Кроме того, средства из нераспределенной прибыли могут быть направлены на инвестиции, но не обязательно в тот же регион, в котором ведется деятельность предприятия, особенно это характерно для вертикально интегрированных производственных структур, имеющих управляющую компанию.

Отдельно следует отметить, что наиболее заинтересованным лицом в инвестициях является именно регион в лице управляющих органов власти, и логично, что они должны являться самым крупным инвестором. Но табл. 1 составлена исключительно по данным организаций, и главным инвестором является именно реальный сектор экономики региона. Причина этого в том, что регионы Российской Федерации в большинстве своем крайне ограничены в свободных финансовых ресурсах. Собственными средствами на региональном уровне, в соответствии с главой 8 Бюджетного кодекса РФ[3], могут быть налоговые и неналоговые (прибыль от использования, сдачи в аренду или продажи имущества субъекта; штрафы, пени и прочие разовые или периодические платежи) доходы субъекта. Таким образом, значимость приобретают именно привлеченные средства. Средства, выделяемые на инвестиционную деятельность, представлены в табл. 1 как привлеченные средства бюджетов субъектов РФ, и по значениям видно, что это относительно небольшие суммы. Проблема в том, что федеральные власти уже некоторое время предпочитают максимально концентрировать финансовые ресурсы в собственных руках, а уже потом их распределять, исходя из собственных представлений. Этим же можно объяснить снижение на 8,3 п. п. привлеченных средств из бюджета, в том числе на целых 10,8 п. п. средств федерального бюджета. Мурманская область на сегодняшний день не является приоритетным регионом для федеральных властей, поэтому средства на осуществление инвестиционных проектов перенаправляются в более перспективные субъекты, например в Ямало-Ненецкий автономный округ [14]. Необходимо уточнить, что Ямало-Ненецкий автономный округ на сегодняшний день можно назвать регионом-лидером среди территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Для сравнения стоит привести некоторые дополнительные показатели, связанные с инвестиционной деятельностью (табл. 2).

С каждым годом финансирование инвестиционных проектов в Мурманской области увеличивается, а также растет доля привлеченных средств, как и в среднем по Российской Федерации и на наиболее привлекательной территории АЗРФ — в Ямало-Ненецком автономном округе. В относительных значениях можно наблюдать, что, по сравнению с Ямало-Ненецким автономным округом и средними значениями по стране, Мурманская область является лидером по темпам прироста, за исключением значительного падения в 2022 г. Это может говорить о том, что Мурманская область является инвестиционно-привлекательной и инвесторы готовы приходить в регион, но в большей степени они нацелены на средние проекты, о чем свидетельствует в несколько раз меньшее число инвестиционных средств по сравнению с ЯНАО. Кроме того, резкое падение прироста в 2022 г., который по праву можно назвать исключительно сложным для экономики РФ, подтверждает выдвинутый ранее тезис о не высоком приоритете

[3] Бюджетный кодекс Российской Федерации (БК РФ) от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26.02.2024) URL: https://base.garant.ru/12112604/ (дата обращения: 19.03.2024)

© Крапивин Д. С., 2025

Мурманской области в планах развития федеральных властей, что влияет и на поведение инвесторов. Фактически такого количества финансовых ресурсов недостаточно для того, чтобы говорить о стабильном и ускоренном социально-экономическом развитии Мурманской области за счет инвестиций, а поток прямых инвесторов не может увеличиваться бесконечно. Поэтому важным моментом является постепенный поиск других способов привлечения средств. На сегодняшний день они даже не представлены в официальной статистике в перечне источников по той причине, что составляют незначительную часть, даже если подняться на уровень Российской Федерации, и не всегда корректно поддаются статистическому учету. К таким источникам привлеченных средств относятся: кредиты банков, в том числе иностранных; заемные средства других организаций, инвестиции из-за рубежа; средства местных бюджетов (входят в бюджетные); средства государственных внебюджетных фондов, средства организаций и населения на долевое строительство (с 2021 г. статистическое наблюдение не ведется) и прочие, в том числе средства вышестоящих организаций, средства от выпуска корпоративных облигаций, средства от эмиссии акций. Наиболее перспективными для анализа в рамках текущего исследования, по мнению автора, являются зарубежные инвестиции, включая прямые и кредитные источники, а также средства, входящие в раздел «Прочее».

Таблица 2

Некоторые показатели инвестиционной деятельности [12]

Показатель	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Российская Федерация						
Объем инвестиций, млн руб.	3 611 109	9 152 096	13 897 188	20 393 742	23 239 504	27 865 234
Темп цепного прироста, %	68	61	34	32	12	17
Темп базисного прироста к 2000 г., %	210	685	1 093	1 650	1 894	2 291
Коэффициент отдачи	4,99	4,12	4,73	4,63	5,26	5,05
Ямало-Ненецкий автономный округ (инвестиционная привлекательность: место 4, ИС2[1], А-1[2])						
Объем инвестиций, млн руб.	141 234	387 696	779 406	991 794	1 147 020	1 414 674
Темп цепного прироста, %	42	64	50	21	14	19
Темп базисного прироста к 2000 г., %	71	370	845	1 103	1 291	1 616
Коэффициент отдачи	3,13	2,02	2,30	2,79	3,68	3,78
Мурманская область (инвестиционная привлекательность: место 15, ИС3[1], Б-1[2])						
Объем инвестиций, млн руб.	20 017	38 611	100 418	192 151,4	252 771,2	253 102,2
Темп цепного прироста, %	64	48	62	48	24	0,13
Темп базисного прироста к 2000 г., %	178	437	1 297	2 572	3 416	3 420
Коэффициент отдачи	6,64	6,05	4,00	4,16	4,38	4,54

[1] Инвестиционная привлекательность регионов России 2023 // Научная лаборатория «Управление устойчивым развитием и ESG-трансформация». URL: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=102269&p=attachment&ysclid=luv3vtf8dq506510481 (дата обращения: 11.04.2024).

[2] Инвестиционная привлекательность регионов // Сайт Кредитного рейтингового агентства «Эксперт РА». URL: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2023/?ysclid=luv3yndw4764413679 (дата обращения: 11.04.2024).

Зарубежные инвестиции из Европы и прочих стран Запада, которые раньше считались приоритетными экономическим партнерами, по описанным ранее причинам (из-за обострившихся отношений и введения санкций) теперь фактически недоступны. Федеральные власти ведут активную политику по переориентированию на страны Азии, в первую очередь на Китай [15]. Но, в отличие от стран Запада, которые активно участвовали в экономических процессах в Российской Федерации путем строительства новых предприятий и передачи технологий, экономическая стратегия развития Китая имеет несколько другую направленность. На данный момент Российская Федерация является важным рынком сбыта для китайской продукции, но они не заинтересованы в активном развитии российской экономики [16]. Кроме того, западные санкции также оказывают некоторый тормозящий эффект. Поэтому привлечение прямых инвестиций с этого направления сопряжено с серьезными трудностями,

© Крапивин Д. С., 2025

для преодоления которых необходимо проведение серьезной работы как хозяйствующими субъектами, так и региональными властями. Особенно это касается Мурманской области, которая территориально находится далеко от Китая, и китайские инвесторы проявляют слабую заинтересованность. В то же время привлечение инвестиций в Мурманскую область на основе средств от выпуска корпоративных облигаций и средств от эмиссии акций не зависит от внешнего давления и влияния личных интересов контрагентов и является крайне актуальным и перспективным. Таким образом можно быстро повысить эффективность региональной инвестиционной политики в Мурманской области; обеспечить реализацию ее внутреннего финансового потенциала; привлечь ранее не полностью задействованные источники финансирования инвестиционной деятельности в регионе, среди которых сбережения населения и потенциал региональной банковской системы; снизить зависимость инвестиционной активности от предоставляемых средств из федерального бюджета; повысить общую инвестиционную привлекательность региона и в конечном итоге создать условия для устойчивого развития и укрепления экономической безопасности Мурманской области.

Направление расходования средств является не менее важной частью инвестиционной деятельности, чем источники финансирования. Наличие средств не гарантирует эффективность реализуемого проекта, что выражается в выгоде как для региона в виде обеспечения социально-экономического развития, так и для инвестора, который стремится приумножить свой капитал за счет вложений. При невыполнении одного из этих условий нельзя говорить о стабильном социально-экономическом развитии за счет инвестиций и благоприятном инвестиционном климате в регионе. Основные направления расходования инвестиционных средств в Мурманской области в отраслевом разрезе представлены в табл. 3.

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал в Мурманской области по источникам финансирования и отраслевым направлениям* расходования, значение показателя за год по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства

Раздел	2018, %	2019, %	2020, %	2021, %	2022	
					%	млн рублей
1	2	3	4	5	6	7
Всего						
Группа 1 — Отрасли экономической направленности					81,647	206 649,2
A	6,004	3,895	3,284	7,083	3,434	8 692,1
B	16,856	21,610	20,551	14,955	19,900	50 366,2
C	16,360	24,661	28,707	36,290	30,051	76 059,3
H	35,167	25,565	24,326	20,117	24,989	63 247,9
L	0,652	1,129	1,529	3,907	3,273	8 283,7
Группа 2 — Отрасли социальной направленности					8,383	21 216,1
I	0,071	0,081	0,035	0,398	0,629	1 592,1
O	9,323	8,691	9,034	3,832	4,279	10 830,0
P	0,532	0,726	1,089	1,017	1,322	3 346,9
Q	0,654	1,775	1,525	0,966	1,389	3 515,2
R	0,884	0,911	1,260	0,781	0,644	1 629,1
S	0,021	0,066	0,151	0,099	0,120	302,8
Группа 3 — Отрасли смешанной направленности					9,970	25 237
D	7,445	6,934	4,226	5,585	5,279	13 361,3
E	1,953	0,582	0,400	0,474	1,377	3 486,4
F	1,679	0,705	0,892	1,073	0,852	2 155,8
G	0,934	0,587	0,610	0,941	0,576	1 458,3
J	0,677	0,679	0,839	0,444	0,761	1 927,1
K	0,270	0,244	0,135	0,144	0,090	228,8
M	0,419	1,092	1,328	1,821	0,932	2 359,0
N	0,099	0,068	0,081	0,072	0,103	260,3
Итого	100	100	100	100	100	253 102,2

© Крапивин Д. С., 2025

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
Собственные средства						
Группа 1 — Отрасли экономической направленности					30,897	78 200,2
A	3,889	3,620	2,670	5,688	2,169	5 490,5
B	16,674	21,558	20,532	14,907	17,369	43 961,6
C	11,153	7,062	5,452	5,040	7,166	18 136,9
H	4,974	4,854	6,647	5,535	4,141	10 480,9
L	0,512	0,146	0,052	0,069	0,052	130,3
Группа 2 — Отрасли социальной направленности					0,837	2 119,4
I	0,070	0,078	0,033	0,392	0,628	1 589,1
O	0,022	0,023	0,049	0,021	0,012	31,4
P	0,000	0,003	0,008	0,015	0,007	17,6
Q	0,103	0,076	0,160	0,031	0,048	122,6
R	0,053	0,109	0,216	0,067	0,129	325,6
S	0,001	0,003	0,008	0,018	0,013	33,1
Группа 3 — Отрасли смешанной направленности					5,690	14 403,8
D	6,307	4,816	2,396	2,691	3,009	7 617,1
E	0,097	0,094	0,232	0,271	0,226	572,0
F	0,559	0,483	0,874	1,071	0,725	1 835,5
G	0,926	0,586	0,516	0,926	0,571	1 446,3
J	0,542	0,461	0,699	0,257	0,411	1 039,3
K	0,270	0,230	0,131	0,140	0,086	216,5
M	0,301	0,540	1,245	1,631	0,659	1 668,6
N	0,056	0,038	0,016	0,018	0,003	8,5
Итого	46,508	44,781	41,936	38,787	37,425	94 723,3
Привлеченные средства						
Группа 1 — Отрасли экономической направленности					48,219	122 044,4
A	2,116	0,274	0,614	1,395	1,265	3 201,6
B	0,181	–	0,019	0,048	–	–
C	5,207	17,599	23,255	31,249	22,885	57 922,5
H	30,192	20,711	17,679	14,582	20,848	52 767,0
L	0,141	0,984	1,476	3,838	3,221	8 153,3
Группа 2 — Отрасли социальной направленности					7,545	19 096,7
I	0,001	0,003	0,002	0,006	0,001	2,9
O	9,301	8,668	8,985	3,811	4,267	10 798,7
P	0,532	0,722	1,081	1,002	1,315	3 329,3
Q	0,551	1,699	1,365	0,935	1,340	3 392,5
R	0,831	0,802	1,044	0,714	0,515	1 303,6
S	0,020	0,063	0,143	0,081	0,107	269,7
Группа 3 — Отрасли смешанной направленности					4,277	10 821,4
D	1,138	2,117	1,830	2,894	2,270	5 744,2
E	1,856	0,488	0,168	0,203	1,151	2 914,4
F	1,120	0,222	–	–	0,127	320,3
G	–	–	–	0,016	–	–
J	0,135	0,218	0,139	0,187	0,351	887,8
K	–	0,014	0,004	0,004	0,005	12,3
M	0,118	0,552	0,083	0,189	0,273	690,5
N	0,043	0,030	0,065	0,055	0,100	251,9
Итого	53,483	55,165	57,952	61,210	60,040	151 962,3

Примечания. Составлено и рассчитано автором на основе: Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования (по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58991 (дата обращения: 13.03.2024).

Для справки:
Группа 1 — Отрасли экономической направленности

© Крапивин Д. С., 2025

Раздел A — Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
Раздел B — Добыча полезных ископаемых
Раздел C — Обрабатывающие производства
Раздел H — Транспортировка и хранение
Раздел L — Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
Группа 2 — Отрасли социальной направленности
Раздел I — Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
Раздел O — Государственное управление и обеспечение военной безопасности; Социальное обеспечение
Раздел P — Образование.
Раздел Q — Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
Раздел R — Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
Раздел S — Предоставление прочих видов услуг
Группа 3 — Отрасли смешанной направленности
Раздел D — Обеспечение электрической энергией, газом и паром; Кондиционирование воздуха
Раздел E — Водоснабжение; Водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Раздел F — Строительство
Раздел G — Торговля оптовая и розничная; Ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
Раздел J — Деятельность в области информации и связи
Раздел K — Деятельность финансовая и страховая
Раздел M — Деятельность профессиональная, научная и техническая
Раздел N — Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги

* Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) // Информационно-правовая система «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70650726/ (дата обращения: 13.03.2024).

Следует отметить, что табл. 3 составлена на основе открытых статистических данных, которые не лишены недостатков, поэтому имеется ряд несовершенств в расчетах, но они не являются критическими, находятся в пределах статистической погрешности и не искажают полученные далее выводы. Также для целей анализа отрасли были разделены в соответствии с авторской методикой [17].

Доминирующим по объему вкладываемых средств ожидаемо являются отрасли экономической направленности, которые генерируют валовый региональный продукт (ВРП). Это связано с традиционно сложившейся политикой максимизации прибыли предприятий и доходов бюджетов [18]. Такой подход хоть и во многом оправдан, но для социально-экономического развития Мурманской области является замедляющим фактором. Поскольку регион имеет все признаки старопромышленного, успех его развития зависит от уровня диверсификации экономики [19]. Расходование средств в размере 81,6 % на традиционные для Мурманской области отрасли свидетельствует о слабой диверсификации, но, в то же время, это говорит о наличии неиспользованного в данном направлении потенциала. Как видно из табл. 2, собственные средства предприятий преимущественно направляются в отрасли добывающей и обрабатывающих промышленностей (Разделы B и C), то есть коммерческие предприятия Мурманской области вкладываются в свой основной вид деятельности. Причем по обрабатывающим производствам происходит снижение, что может говорить о том, что основными целями являются максимизация получения первичного продукта в виде полезных ископаемых и реализация его на внешних рынках, пока мировые цены на эти ресурсы являются высокими. С другой стороны, инвестиции за счет привлеченных средств в этой отрасли, наоборот, растут, что говорит о заинтересованности внешних инвесторов в создании продукта с высокой добавленной стоимостью. Также за счет привлеченных средств активно финансируются вложения в отрасль транспортировки и хранения (Раздел H). Поскольку большинство таких проектов являются инфраструктурными, выгодны коммерческим предприятиям и способствуют социально-экономическому развитию региона, неудивительно, что власти активно взаимодействуют с хозяйствующими субъектами по финансированию данной отрасли. Следует отметить довольно хорошее финансирование инвестиционной деятельности по отраслям «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» (Раздел O) и «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; Кондиционирование воздуха» (Раздел D). Поскольку табл. 2 составлена на основании данных по всем предприятиям вне зависимости от формы собственности, сюда попали все предприятия, находящиеся как в частной, так и в государственной собственности, а также в собственности общественных организаций [20]. Для предприятий последних двух типов предоставление различных государственных и бытовых услуг обществу является первичной функцией и попадает в эти разделы.

Таким образом, можно говорить о том, что инвестиционная деятельность в Мурманской области

© Крапивин Д. С., 2025

характеризуется в основном поддержанием имеющегося уровня социально-экономического развития с применением «традиционного» финансирования в виде собственных и привлеченных преимущественно из федерального бюджета средств. При этом Мурманская область обладает большим финансово-инвестиционным потенциалом [21] и достаточным количеством свободных инвестиционных площадок. Главным препятствием ускоренному развитию является нехватка инвестиционных средств для непрофильных для региона отраслей. Необходимое финансирование может быть реализовано в том числе и за счет применения новых или мало задействованных в Мурманской области финансовых инструментов и механизмов.

Инвестиционными проектами в регионе занимается акционерное общество «Корпорация развития Мурманской области»[4]. Подобные корпорации в мире появились давно, зарекомендовав себя с положительной стороны в формировании благоприятного инвестиционного климата в регионах своей деятельности. В Российской Федерации подобные структуры начали создаваться сравнительно недавно (с 2006 г.), и, несмотря на международный опыт, не обошлось без некоторых проблем, связанных с индивидуальными особенностями регионов Российской Федерации. На сегодняшний день корпорации развития существуют в большинстве субъектов [22]. За десять лет своей деятельности Корпорацией развития Мурманской области были определены основные точки роста и сформирован широкий перечень наиболее перспективных инвестиционных проектов, которые могут быть реализованы за счет использования новых для Мурманской области финансовых инструментов и механизмов. Для удобства инвесторов существует Инвестиционный портал[5], где можно найти подробную информацию об инвестиционных проектах, уже осуществляемых и планируемых к осуществлению в Мурманской области, узнать о реализуемых мерах поддержки, изучить различные прогнозы, прочитать последние новости об инвестиционной деятельности, получить онлайн-консультацию по возникшим вопросам и пр.

На сегодняшний день на Инвестиционном портале Мурманской области выделяется 14 потенциальных точек роста, или инвестиционных ниш[6], которые для целей исследования можно разделить по уже использованным при составлении табл. 3 отраслям ОКВЭД-2 и авторской методике [17]:

Группа 1 — Отрасли экономической направленности
- Рыболовство и рыбоводство (Раздел A)
  - Развитие аквакультуры
- Добыча полезных ископаемых (Раздел B)
  - Освоение перспективных месторождений твердых полезных ископаемых
- Судостроение и судоремонт (Раздел C)
  - Развитие судоремонта и судостроения
- Транспорт и логистика (Раздел H)
  - Придорожный сервис
  - Развитие порта Мурманск

Группа 2 — Отрасли социальной направленности
- Культура, спорт и досуг (Раздел R)
  - Спортивные клубы рядом с домом

Группа 3 — Отрасли смешанной направленности
- ЖКХ и Энергетика (Разделы D и E)
  - Комплексная модернизация системы теплоснабжения
- Образование, наука и технологии (Раздел M)
  - Центр опережающей профессиональной подготовки
  - Современные мастерские на базе средних специальных учебных заведений
- Туризм (Раздел N)
  - Туристско-рекреационный кластер «Беломорье»
  - Туристско-рекреационный кластер «Хибины»
  - Туристско-рекреационный кластер «Печенгский»
  - Туристско-рекреационный кластер «Териберка»
  - Спа-комплексы в Арктике

Подробная информация о каждой нише представлена на портале. Важно отметить, что представленные ниши охватывают как традиционные для Мурманской области отрасли, в которых сосредоточены основные хозяйствующие субъекты региона, так и ранее слабо задействованные в экономике. Это говорит о том, что регион в лице управляющих органов власти крайне заинтересован в диверсификации собственной экономики для обеспечения устойчивого и быстрого социально-экономического развития. Они хорошо знают о сильных и слабых сторонах Мурманской области и готовы предоставлять различную помощь, начиная с оформления заявок и прочих документов и заканчивая частичным участием в финансировании проектов и предоставлением других мер государственной поддержки. При этом они не

[4] Специализированный институт, созданный в 2013 г. Правительством Мурманской области для комплексного сопровождения инвестиционных проектов на всех этапах их реализации, снижения административных барьеров, создания комфортных условий для развития бизнеса на территории региона // Официальный сайт Корпорации развития Мурманской области. URL: https://invest-murman.ru/ (дата обращения: 22.03.2024).

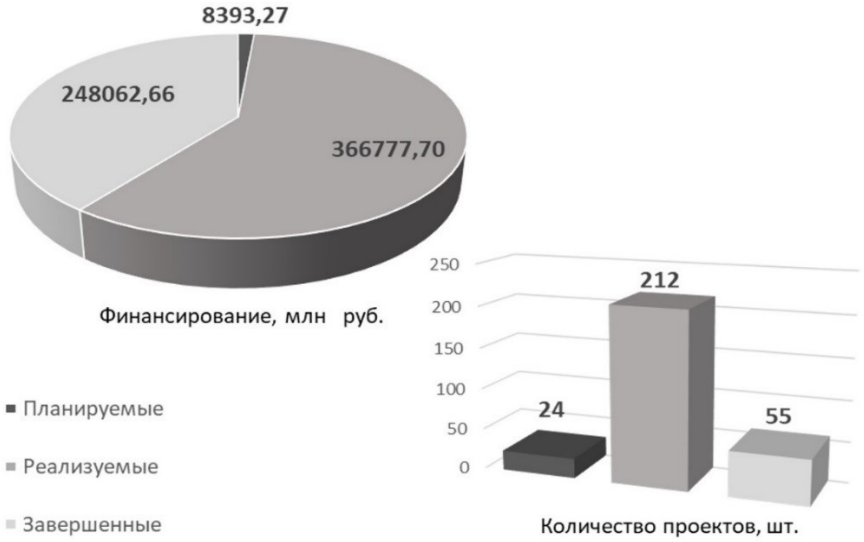
[5] Инвестиционный портал «Мурманская область». URL: https://invest.nashsever51.ru/ (дата обращения: 25.03.2024).

[6] Инвестиционные ниши. URL: https://invest.nashsever51.ru/list/tochki-rosta-ru (дата обращения: 25.03.2024).

© Крапивин Д. С., 2025

забывают и о качестве жизни населения, а также поощряют инфраструктурные проекты с невысокой экономической значимостью. Таким образом, главной проблемой является нахождение инвестора или иного способа финансирования различных проектов по представленным направлениям.

Подсчитать примерную потребность Мурманской области в инвестиционных финансовых ресурсах можно на основании списка реализованных, реализуемых и планируемых к реализации проектов, который также можно найти на Инвестиционном портале Мурманской области[7]. Эти проекты и площадки можно считать наиболее перспективными, поскольку интерес к их реализации был подтвержден региональными властями в лице Корпорации развития. Но это не означает, что другие проекты, осуществляемые инвесторами самостоятельно, имеют меньшую значимость. В современных геополитических условиях для ускорения социально-экономического развития Мурманская область нуждается в как можно большем количестве проектов (рисунок).



Инвестиционные проекты в Мурманской области с 2013 г. Составлено автором

На сегодняшний день при непосредственном участии Корпорации развития Мурманской области инициирован 291 инвестиционный проект, 55 проектов реализовано (медианная стоимость проекта 33 млн рублей), 212 находятся на стадии осуществления (медианная стоимость 31,75 млн руб.) и еще 24 планируются к реализации либо находятся на стадии поиска инвестора (или подходящего финансирования). Помимо этого, существует 161 свободная площадка различного размера и 34 объекта, рассчитанных на малых и средних предпринимателей, на базе которых могут быть реализованы инвестиционные проекты. Даже имея данные по финансированию проектов, достаточно сложно рассчитать точную потребность региона в инвестициях, поскольку проекты сильно дифференцируются по времени реализации, хотя большинство из них должно закончиться в краткосрочной перспективе. Но стоит учесть, что реализованные проекты стартовали минимум в 2013 г., поэтому малое количество планируемых к реализации проектов, возможно, связано с тем, что Корпорация развития ориентируется на Стратегию социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года[8] и ограничена краткосрочным планированием реализации проектов из-за срока действия документа. Исходя из этого, можно подсчитать, что минимальная потребность в инвестиционных ресурсах возросла в 1,51 раза за 11 лет ((реализуемые + планируемые)/реализованные). Таким образом, при условии сохранения такого же темпа прироста инвестиционных проектов, к 2035 г. потребность Мурманской области в финансовых ресурсах на осуществление инвестиционных проектов составит примерно 550 млрд рублей.

[7] Инвестиционные проекты в Мурманской области. URL: https://invest.nashsever51.ru/registry/investment-projects (дата обращения: 26.03.2024).

[8] Постановление Правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 г. № 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовая система «Гарант». URL: https://base.garant.ru/16989070/ (дата обращения: 26.03.2024).

© Крапивин Д. С., 2025

Но ориентироваться стоит на значительно большую сумму, так как Мурманская область, что видно из табл. 2, уступает среднероссийскому уровню по отдаче от инвестиций, причем это не компенсируется значительными объемами финансирования проектов и их длительностью, как в Ямало-Ненецком автономном округе, где отдача будет иметь временную задержку. Чтобы только сравняться со средним уровнем Российской Федерации в 2022 г. Мурманской области были необходимы дополнительные 28 млрд рублей, что составляет 11 % от всех средств, инвестированных в этом году в регионе. Новые или мало задействованные на текущий момент механизмы и инструменты привлечения финансовых средств могут в значительной степени помочь в достижении необходимого уровня финансирования для стабильного и ускоренного социально-экономического развития региона.

Заключение и дискуссия

На сегодняшний день основой инвестиционной деятельности в Мурманской области является поддержание существующего уровня производительности ключевых, «традиционных» для области отраслей, позволяющих максимизировать получаемый ВРП и удовлетворить базовые потребности современного общества в государственных и общественных услугах. Такой подход к управлению является эффективным с экономической точки зрения, но развитие социальной составляющей оказывается замедленным. Кроме того, в условиях мировой геополитической нестабильности возникают новые угрозы экономической безопасности региона, которые требуют принятия соответствующих мер. Мурманская область обладает достаточным потенциалом для того, чтобы сформировать современную социально-экономическую систему, способную выдержать все вызовы. Для того чтобы увеличить возможности региона при реализации как можно большего количества инвестиционных проектов в различных отраслях, являющихся точками роста, необходимо обеспечение достаточного уровня финансирования. Решением может стать создание и активное использование современного инструментария и механизмов финансирования инвестиционных проектов, в первую очередь с помощью мало задействованных или не задействованных в принципе, уже имеющихся инструментов, таких как средства населения и ресурсы кредитной сферы. Применение данного подхода позволит в значительной степени ускорить социально-экономическое развитие Мурманской области и переориентировать инвестиционную деятельность на создание в регионе диверсифицированной, быстро развивающейся региональной экономической системы, обеспечивающей высокое качество жизни населения. С учетом имеющегося в Мурманской области опыта в сфере инвестиционной деятельности, наличия множества различных инвестиционных ниш и при сохранении текущего темпа развития инвестиционной деятельности на ее территории, в следующие десять лет региону потребуется минимум в 1,5 раза больше финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов. С точки зрения прикладной и экономической науки данное исследование показывает высокую актуальность создания новых и адаптации уже успешно применяемых в российской и зарубежной практике финансовых инструментов и механизмов привлечения необходимых ресурсов для активизации инвестиционной деятельности в арктическом регионе (Мурманской области). Дальнейшие исследования предполагают разработку основных параметров, нормативного обеспечения, форм организации и принципов практической реализации конкретных финансовых инструментов и механизмов привлечения инвестиционных ресурсов, наиболее подходящих Мурманской области.

Список источников

1. Финансово-инвестиционный потенциал регионов Крайнего Севера и Арктики Российской Федерации: методология оценки и управление / Г. В. Кобылинская, С. В. Федосеев, Т. И. Барашева [и др.]. Апатиты: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук», 2024. 193 с. DOI 10.37614/978.5.91137.507.2. EDN LPJKOM.
2. Асриянц К. Г., Юсупова П. Н., Рамазанова А. К. Проблемы экономического развития дотационных регионов // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2, № 11. С. 144–148. DOI 10.47576/2712-7516_2022_11_2_144. EDN FVFVTA.
3. Vaganova O. V. Russia and sanctions // Research Result. Economic Research. 2022. Vol. 8, No. 1. P. 4–11. DOI 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1. EDN OWPZWW.
4. Skufina T., Baranov S. The impact of the COVID-19 crisis on the economies of the Russian Arctic regions // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Arkhangelsk, Virtual, 10–11 сентября 2020 года. Arkhangelsk, Virtual, 2021. P. 012045. DOI 10.1088/1755-1315/678/1/012045. EDN FRDTNF.

© Крапивин Д. С., 2025

5. Belikov E. O. Economic sanctions and their dual impact on Russia's economy // Innovation & Investment. 2023. No. 3. P. 28–31. EDN NKGNNH.
6. Larin S. N., Lazareva L. Yu., Stebenyaeva T. V. Changing the concept of competitiveness under the impact of sanctions // Economy and Business: Theory and Practice. 2022. No. 10–2 (92). P. 38–44. DOI 10.24412/2411-0450-2022-10-2-38-44. EDN LAPCZT.
7. Плотников В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 15–21. EDN RWCNRH.
8. Arapova E. Ya., Balakhonova S. I. Foreign Companies' Behavior in the Russian Market under Sanctions: Speculation and Reality // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21, No. 4 (84). P. 47–64. DOI 10.31278/1810-6374-2023-21-4-47-64. EDN DXRYKY.
9. Казанцев С. В. Стратегические подходы к обеспечению устойчивого развития экономики в условиях множественных санкций // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22, № 2. С. 5–22. DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-2-5-22. EDN XJSZON.
10. Гладких А. С., Филиппова И. А. Экономика России в условиях специальной военной операции // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2023. № 2 (102). С. 66–70. EDN LLPTBO.
11. Лапыгин Ю. Н., Мурлейкин Н. С. Инвестиционные программы после завершения специальной военной операции // Россия: тенденции и перспективы развития, 2023. Т. 18–1. С. 632–633.
12. Инвестиции в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 229 с.
13. Baumol W. J., Blinder A. S. Microeconomics: Principles and Policy. 13 ed. Cengage Learning, 2015 p. 489. ISBN 1305534042.
14. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Ресурсный потенциал инновационного развития промышленности российской Арктики: оценка и значимость // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 66–78. DOI 10.37482/issn2221-2698.2022.46.66. EDN MODSLZ.15.
15. Li X., Yao W. Influence of Global Value Chain Evolution on China-Russian Strategic Cooperation and China's Countermeasures // Russian and Chinese Studies. 2023. Vol. 7, No. 1. P. 49–68. DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(1).49-68. EDN RJHWGJ.
16. Lukonin S. Russia-China Relations: An Asymmetrical Partnership? // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16, No. 2. P. 65–86. DOI 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86. EDN BFEPWL.
17. Крапивин Д. С. Анализ видов экономической деятельности для формирования методологии использования регионального потенциала на основе фондоотдачи // Фундаментальные исследования. 2020. № 11. С. 114–118. DOI 10.17513/fr.42883. EDN MRHXVI.
18. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / В. А. Крюков, Я. В. Крюков, С. В. Кузнецов [и др.]. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2020. 245 с. ISBN 978-5-91137-416-7. DOI 10.37614/978.5.91137.416.7. EDN NKAJQM.
19. Сорокина Н. Ю. Отраслевые аспекты развития старопромышленных регионов Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24, № 1. С. 43–54. DOI 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.5. EDN NPRNIJ.
20. Экономика общественного сектора: Учебник / Л. И. Якобсон, М. Г. Колосницына, Н. В. Голованова [и др.]. 3-е изд., пер. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2016. 558 с. ISBN 978-5-9916-4829-5. EDN VTWOBH.
21. Бадылевич Р. В., Вербиненко Е. А. Подходы к построению системы финансового регулирования развития регионов Севера на основе оценки финансового потенциала. Апатиты: Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, 2019. 144 с. ISBN 978-5-91137-414-3. DOI 10.37614/978.5.91137.414.3. EDN CGORXV.
22. Кузин В. Ю. Региональные корпорации развития в России — проблемы функционирования // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2 (46). С. 3–13.DOI 10.37490/S221979310013949-6. EDN ROAHRP.

References

1. Kobylinskaya G. V., Fedoseev S. V., Barasheva T. I. *Finansovo-investitsionnyi potentsial regionov Krainego Severa i Arktiki Rossiiskoi Federatsii: metodologiya otsenki i upravlenie* [Financial and investment potential of the High North and Arctic regions of the Russian Federation: Assessment methodology and management]. Apatity, KSC RAS, 2024, 193 p. (In Russ.). DOI 10.37614/978.5.91137.507.2. EDN LPJKOM.
2. Asriyants K. G., Yusupova P. N., Ramazanova A. K. Problemy ekonomicheskogo razvitiya dotatsionnykh regionov. [Problems of economic development of supplied regions]. *Zhurnal prikladnykh issledovanii* [Journal of Applied Research], 2022, Vol. 2, No. 11, pp. 144–148. (In Russ.). DOI 10.47576/2712-7516_2022_11_2_144. EDN FVFVTA.

© Крапивин Д. С., 2025

3. Vaganova O. V. Russia and sanctions. Research Result. *Economic Research*, 2022, Vol. 8, No. 1, pp. 4–11. (In Russ.). DOI 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1. EDN OWPZWW.
4. Skufina T., Baranov S. The impact of the COVID-19 crisis on the economies of the Russian Arctic regions. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, Arkhangelsk, Virtual, 10–11 sentyabrya 2020 goda. Arkhangelsk, Virtual, 2021, p. 012045. DOI 10.1088/1755-1315/678/1/012045. EDN FRDTNF.
5. Belikov E. O. Economic sanctions and their dual impact on Russia's economy. *Innovation & Investment*, 2023, No. 3, pp. 28–31. EDN NKGNNH.
6. Larin S. N., Lazareva L. Yu., Stebenyaeva T. V. Changing the concept of competitiveness under the impact of sanctions. Economy and Business: *Theory and Practice*, 2022, No. 10–2 (92), pp. 38–44. DOI 10.24412/2411-0450-2022-10-2-38-44. EDN LAPCZT.
7. Plotnikov V. A. Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya v usloviyakh postnormal'nosti [Prospects for economic development under postnormal conditions]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics], 2022, No. 6 (138), pp. 15–21. (In Russ.). EDN RWCNRH.
8. Arapova E. Ya., Balakhonova S. I. Foreign Companies' Behavior in the Russian Market under Sanctions: Speculation and Reality. *Russia in Global Affairs*, 2023, Vol. 21, No. 4 (84), pp. 47–64. DOI 10.31278/1810-6374-2023-21-4-47-64. EDN DXRYKY.
9. Kazantsev S. V. Strategicheskie podkhody k obespecheniyu ustoichivogo razvitiya ekonomiki v usloviyakh mnozhestvennykh sanktsii [Strategic approaches to sustainable development economies under multiple sanctions]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], 2022, Vol. 22, No. 2, pp. 5–22. (In Russ.). DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-2-5-22. EDN XJSZON.
10. Gladkikh A. S., Filippova I. A. Ekonomika Rossii v usloviyakh spetsial'noi voennoi operatsii [Russian economy in a special military operation]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2023, No. 2 (102), pp. 66–70. (In Russ.). EDN LLPTBO.
11. Lapygin Yu. N., Murleikin N. S. Investitsionnye programmy posle zaversheniya spetsial'noi voennoi operatsii. [Investment programs after the completion of the special military operation]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya,* [Russia: Trends and Prospects of Development], 2023, Vol. 18–1, pp. 632–633. (In Russ.).
12. *Investitsii v Rossii. 2023: Stat. sb.* [Investments in Russia. 2023: A statistical review]. Rosstat. Moscow, 2023, 229 p. (In Russ.).
13. Baumol W. J., Blinder A. S. *Microeconomics: Principles and Policy* (13 ed.). Cengage Learning, 2015, p. 489. ISBN 1305534042.
14. Cukerman V. A., Goryachevskaya E. S. Resursnyi potentsial innovatsionnogo razvitiya promyshlennosti rossiiskoi Arktiki: otsenka i znachimost' [Resource potential for innovation development of the Russian Arctic industry: Assessment and significance]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, No. 46, pp. 66–78. (In Russ.). DOI 10.37482/issn2221-2698.2022.46.66. EDN MODSLZ.15.
15. Li X., Yao W. Influence of Global Value Chain Evolution on China-Russian Strategic Cooperation and China's Countermeasures. *Russian and Chinese Studies*, 2023, Vol. 7, No. 1, pp. 49–68. DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(1).49-68. EDN RJHWGJ.
16. Lukonin S. Russia-China Relations: An Asymmetrical Partnership? *MGIMO Review of International Relations*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 65–86. (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86. EDN BFEPWL.
17. Krapivin D. S. Analiz vidov ekonomicheskoi deyatel'nosti dlya formirovaniya metodologii ispol'zovaniya regional'nogo potentsiala na osnove fondootdachi [Analysis of types of economic activities for the formation of a methodology for using regional potential based on capital productivity]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2020, No. 11, pp. 114–118. (In Russ.). DOI 10.17513/fr.42883. EDN MRHXVI.
18. *Ekonomika sovremennoi Arktiki: v osnove uspeshnosti effektivnoe vzaimodeistvie i upravlenie integral'nymi riskami* [The modern Arctic economy: Success through effective interaction and integrated risk management]. Apatity, KSC RAS, 2020, 245 p. (In Russ). ISBN 978-5-91137-416-7. DOI 10.37614/978.5.91137.416.7. EDN NKAJQM.19.
19. Sorokina N. Yu. Otraslevye aspekty razvitiya staropromyshlennykh regionov Rossiiskoi Federatsii [Sectoral aspects of the development of old industrial regions of the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of the Volgograd State University. Economy], 2022, Vol. 24, No. 1, pp. 43–54. (In Russ.). DOI 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.5. EDN NPRNIJ.
20. Yakobson L. I., Kolosnitsyna M. G., Golovanova N. V. *Ekonomika obshchestvennogo sektora* [Economics of the public sector]. Moscow, Yurait, 2016, 558 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9916-4829-5. EDN VTWOBH.

© Крапивин Д. С., 2025

21. Badylevich R. V., Verbinenko E. A. *Podkhody k postroeniyu sistemy finansovogo regulirovaniya razvitiya regionov Severa na osnove otsenki finansovogo potentsiala* [Developing a financial regulation system for northern regions: An approach based on financial potential assessment]. Apatity, KSC RAS, 2019, 144 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91137-414-3. DOI 10.37614/978.5.91137.414.3. EDN CGORXV.
22. Kuzin V. Yu. Regional'nye korporatsii razvitiya v Rossii — problemy funktsionirovaniya [Regional development corporations in Russia — the problem of functioning]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2021, No. 2 (46), pp. 3–13. (In Russ). DOI 10.37490/S221979310013949-6. EDN ROAHRP.

Об авторе:
Д. С. Крапивин — канд. экон. наук, научный сотрудник.

About the author:
D. S. Krapivin — PhD (Economics), Research Associate.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2024 года.
Статья принята к публикации 06 ноября 2024 года.
The article was submitted on September 16, 2024.
Accepted for publication on November 06, 2024.

© Крапивин Д. С., 2025

Научная статья
УДК 338.48
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.008

ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКИХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Анастасия Владимировна Васильева[1], Светлана Викторовна Кондратьева[2], Валентина Владимировна Каргинова-Губинова[3], Марина Валерьевна Морошкина[4], Арсений Аркадьевич Морозов[5]
[1–5]Институт экономики — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия
[1]vasnask@gmail.com, ORCID 0000-0002-6019-819X
[2]svkorka@mail.ru, ORCID 0000-0001-8832-9182
[3]vkarginowa@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8630-3621
[4]maribel74@mail.ru, ORCID 0000-0001-6520-4248
[5]morozov589@gmail.com, ORCID 0000-0003-0873-5071

Аннотация. Несмотря на увеличение из-за роста туристского потока числа научных исследований, посвященных изучению арктического туризма, комплексное представление о закономерностях развития туристских систем российской Арктики не сформировано. В связи с этим целью данного исследования стало определение пространственных закономерностей формирования и специфики развития туристских систем российской Арктики. Методология работы предполагала проведение типологизации арктических туристских систем России на основе иерархического кластерного анализа, также было осуществлено ранжирование выделенных типологических групп. Использовались показатели, характеризующие туристский потенциал и инфраструктуру, транспортно-логистическую доступность, климатические и экологические особенности, в муниципальном разрезе. Анализ развития туризма в российской Арктике на основе широкого перечня показателей по отдельным муниципалитетам определяет новизну данного исследования. Было установлено, что существует значительная диспропорция туристского потенциала и уровня развития туристских систем российской Арктики, а также восприятия туризма в Арктике и его текущих возможностей. Выделены восемь типологических групп арктических туристских систем и ключевые особенности их развития. Осуществлено ранжирование сформированных групп по уровню развития туристских систем. Сделан вывод о необходимости возвращения к практике составления туристских паспортов арктических территорий как на региональном, так и на муниципальном уровнях. Полученные результаты могут стать основой научно-практического инструментария и информационной базы для принятия управленческих решений и обеспечения пространственного развития арктических туристских систем. Данную работу целесообразно продолжить исследованием арктических туристских систем в разрезе отдельных видов туризма.
Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00092, https://rscf.ru/project/24-28-00092/.
Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, арктические регионы, арктические туристские системы, кластерный анализ, развитие туризма, муниципалитет
Для цитирования: Тенденции и специфика развития туристских систем российской Арктики / А. В. Васильева [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 116–131. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.008.

Original article

TRENDS AND CHARACTERISTICS OF TOURISM SYSTEM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN ARCTIC

Anastasia V. Vasilieva[1], Svetlana V. Kondrateva[2], Valentina V. Karginova-Gubinova[3], Marina V. Moroshkina[4], Arseny A. Morozov[5]
[1–5]Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia
[1]vasnask@gmail.com, ORCID 0000-0002-6019-819X
[2]svkorka@mail.ru, ORCID 0000-0001-8832-9182
[3]vkarginowa@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8630-3621
[4]maribel74@mail.ru, ORCID 0000-0001-6520-4248
[5]morozov589@gmail.com, ORCID 0000-0003-0873-5071

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

Abstract. Despite the increasing influx of tourists to the Arctic and the growing body of scientific research on tourism in the region, existing studies fail to provide a comprehensive understanding of the patterns shaping the development of tourism systems in the Russian Arctic. This study seeks to identify the spatial dynamics of tourism system formation and the key factors influencing their development. The research methodology employs hierarchical cluster analysis to classify Arctic tourism systems in Russia, followed by a ranking of the identified typological groups. The analysis incorporates municipal-level indicators that assess tourism potential and infrastructure, transport and logistical accessibility, as well as climatic and environmental conditions. The study's novelty lies in its extensive use of municipal-level data to evaluate tourism development across the Russian Arctic. The findings reveal considerable disparities in tourism potential, development levels, and perceptions of Arctic tourism and its existing opportunities. Eight typological groups of Arctic tourism systems were identified, each characterized by distinct factors shaping tourism growth. The study further ranks these groups based on their level of tourism system development. The results underscore the need to reinstate the practice of compiling tourism inventories for Arctic regions at both regional and municipal levels. The insights gained from this study provide a scientific and practical foundation for developing management tools and policy strategies to support the spatial development of Arctic tourism systems. Future research should focus on examining Arctic tourism systems in the context of specific tourism sectors.
Acknowledgments: This study was supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 24-28-00092, https://rscf.ru/project/24-28-00092/.
Keywords: Russian Arctic, Arctic regions, Arctic tourism, Arctic tourism systems, cluster analysis, tourism development, municipality
For citation: Vasilieva A. V., Kondrateva S. V., Karginova-Gubinova V. V., Moroshkina M. V., Morozov A. A. Trends and characteristics of tourism system development in the Russian Arctic. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 116–131. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.008.

Введение

Подходы к разграничению арктических территорий могут быть геодезическими, климатическими и т. д. В нашем исследовании будет использован административно-территориальный принцип, который очерчивает территории нашего интереса в рамках Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). В работе будет рассматриваться специфика развития территориальных туристских систем российской Арктики. По данным всемирной туристской организации, за последние десятилетия численность туристов и объемы туристских услуг на арктических территориях росли, хотя темпы этого роста у всех государств, имеющих арктические территории (России, Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Канады, США, Исландии), были различны[1]. Таким образом, можно говорить о появлении нового международного туристского тренда — арктический туризм. При этом у каждой арктической территории есть особенности, влияющие на процессы развития туризма. Существует своя специфика и у российской Арктики. В плане социально-экономического и пространственного развития российскую Арктику можно охарактеризовать как территорию с низкой плотностью населения и значительной разреженностью населенных пунктов, большую часть которых составляют малые города. Причем даже небольшие населенные пункты играют роль ключевых транспортных узлов и формируют предпосылки для развития хозяйственной деятельности в своем ареале. Кроме этого, значительная часть арктических территорий характеризуется суженной транспортной связностью, то есть определенные виды транспорта недоступны или их использование зависит от фактора сезонности. На некоторых территориях существует лишь один вид транспорта без какой-либо альтернативы.

Одновременно с этим российская Арктика является стратегической территорией страны. Приоритеты развития Арктики закреплены на национальном уровне в двух основных документах: Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года[2] и федеральном законе «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»[3]. В контексте данного исследования необходимо упомянуть, что в этих документах обосновывается значимость нивелирования рисков, связанных с низкими показателями качества жизни местного населения. Следовательно, следует обеспечить доступность туристско-рекреационных услуг как одного из способов восстановления сил и отдыха граждан, что, в свою очередь, может значительно влиять на формирование человеческого капитала и миграционные мотивы населения.

[1] URL: https://www.pame.is/projects-new/arctic-shipping/pame-shipping-highlights/415-arctic-marine-tourism. Исключение составляет показатель объема платных туристских услуг на арктических территориях для России, где он снизился после кризиса 2014 г.

[2] Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/74810556/.

[3] Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/74370528/.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

С другой стороны, преференциальный экономический режим Арктической зоны обеспечивает государственную поддержку субъектов бизнеса, в том числе и в сфере туризма.

При этом территориальные туристские системы в Арктике обладают спецификой формирования и развития. Типичные для арктических территорий социально-экономические, инфраструктурные и экологические проблемы значительным образом влияют на интенсивность развития территориальных туристских систем. Сами арктические туристские системы характеризуются существенной дифференциацией и фрагментацией в пространстве. Таким образом, возникает объективная необходимость разработки научно-практического инструментария управления пространственным развитием арктических туристских систем, учитывающего вышеперечисленную специфику. При этом под арктической туристской системой в работе понимается совокупность экономических факторов и ресурсов, упорядоченных и взаимодействующих в целях удовлетворения потребностей, связанных с туристско-рекреационными целями потребителей, локализованых на территории Арктики.

С середины XX в., особенно в последние десятилетия, наблюдался устойчивый рост интереса к посещению Арктики в туристских целях [1–3]. Повышается число туристов, приезжающих в этот регион, особенно в зимний период. Во многом указанную тенденцию можно связать с происходящими климатическими изменениями, а именно с увеличением средней температуры воздуха, сокращением площади снежного покрова и морского льда. Уместно привести результаты исследования группы ученых из Китая, которые пришли к выводу, что климатические изменения способствуют увеличению числа дней с комфортными условиями климата, а следовательно, расширению пространственного диапазона территорий для развития туризма [4]. Климатические изменения, в свою очередь, в определенном смысле способствовали доступности арктического туризма, в частности, привели к появлению новых круизных маршрутов и нашли активное применение в маркетинге (граждан стали призывать не упустить «последний шанс» увидеть арктические природные объекты) [5]. Сформировались арктические туристские программы, соответствующие так называемой концепции «экологического горя». Основным мотивом таких путешествий «последнего шанса» выступает осознание, что возможности увидеть арктический ландшафт и природу ускользают от нас каждый день [6; 7]. Одновременно возникает парадокс. Туристы, для того чтобы увидеть хрупкую исчезающую природу Арктики, используют энергоемкие виды транспорта, что негативно влияет на экосистемы и климат. Таким образом, можно говорить, что модели туристского потребления не меняются кардинально, несмотря на растущую осведомленность о проблеме изменения климата и его последствиях [8].

Холод, снег, лед, вечная мерзлота, северное сияние, особый полярный дух выступают в качестве природных явлений, формирующих новые туристские концепты [9–12], которые становятся основой развития новых направлений экономической деятельности в туризме для арктических систем [13]. Меняются и ценности граждан — многих уже не удовлетворяет массовый пляжный и урбанистический туризм [14]. Туристов привлекает нетронутая и уникальная природа Арктики, находящиеся там рукотворные объекты, в том числе исследовательские станции [1]. При этом существенную роль в формировании мотивации к арктическому туризму играют социальные сети. Для россиян в качестве дополнительного фактора, который способствует посещению территорий Арктики, допустимо назвать текущую труднодоступность ряда ранее популярных туристских дестинаций в силу санкционного давления и экономических факторов [15]. С другой стороны, высокая уязвимость природных экосистем требует особого внимания при планировании развития туризма на арктических территориях [16–18].

Заинтересованность органов власти и местного сообщества в развитии туризма в Арктике связана с возможностью его использования в качестве одной из моделей развития территорий [5; 19–21], особенно с учетом критической оценки целесообразности освоения их минерально-сырьевых ресурсов как единственного доминирующего направления в арктической экономике [22]. Российская Арктика представляет собой экономическую систему территорий Северной Евразии, в рамках которой сосредоточено уникальное природное и культурно-историческое наследие [23]. Однако, наряду с наличием уникального туристско-рекреационного потенциала и существенной поддержкой региональных властей, развитие туристского сектора осложняется инфраструктурными вызовами, проблемами логистического характера, что проявляется в высокой стоимости туристского продукта [24; 25]. В ряде зарубежных и отечественных исследований рассматривается влияние уровня развития туристских территориальных систем на специфику развития арктического туризма. При этом в качестве наиболее значимых выделяются различные характеристики. Например, в работе группы исследователей из Университета Умео изучалась роль государственного финансирования для арктических территорий Швеции и Финляндии.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

В результате сопоставлений данных за более чем десятилетний период исследователи пришли к выводу, что инструменты государственной поддержки играют ключевую роль при создании структурных условий развития туризма на наиболее малонаселенных арктических территориях с присущими для них проблемами формирования транспортно-логистических структур [26]. Профессор Северного (Арктического) федерального университета Ю. Ф. Лукин, исследуя особенности развития туризма в Арктике, заключил, что основными особенностями арктических туристских систем можно считать географические параметры и имеющуюся транспортную инфраструктуру. Климатические и логистические характеристики критическим образом влияют на ценообразование, а в конечном счете на фактическую популярность и посещаемость арктических территорий [3]. В работе З. Ю. Желниной и И. А. Сезовой специфика арктических туристских систем определена рядом факторов, среди которых как инфраструктурные ограничения, так и недостаточная информационная и маркетинговая обеспеченность. Кроме этого, авторы выявили низкую заинтересованность представителей турбизнеса в развитии новых нестандартных турпродуктов, что в конечном итоге приводит к ограниченности продуктового диапазона на туристском рынке [27]. При этом арктический туризм рассматривается как приоритетный драйвер развития для арктических территорий [28]. Результаты исследования международной группы ученых из Нидерландов и Франции подтверждают, что специфика развития арктических туристских систем состоит в значительной, большей, чем для других территорий, зависимости от брендинга и системы мер маркетинговых мероприятий. Причем авторы кроме экономического эффекта подчеркивают роль маркетинговых организаций дестинаций в преодолении разрыва между местной идентичностью, ожиданиями посетителей и устойчивым развитием туризма [29].

В фокусе настоящего исследования значимы работы по изучению пространственного развития туризма в российской Арктике, направленные на выявление общих тенденций и специфики функционирования арктических туристских систем. Так, авторы подчеркивают значительную неоднородность социально-экономического и инфраструктурного развития арктических регионов России [30; 31], что неизбежно приводит к диспропорциям, порой значительным, в развитии туристских систем. С методической точки зрения пространственные аспекты развития арктического туризма исследуются в разрезе отдельных его видов [12; 32; 33], для конкретных арктических регионов [34], реже — на муниципальном уровне субъекта РФ [35; 36]. Таким образом, имеющиеся научные наработки не позволяют сформировать комплексное представление о пространственных закономерностях развития туризма в АЗРФ. Устранению имеющегося научного пробела посвящено настоящее исследование, целью которого является определение тенденций и специфики развития туристских систем российской Арктики.

Материалы и методы

С методической точки зрения в рамках настоящего исследования для выявления пространственных закономерностей развития туризма на арктических территориях предлагается провести их типологизацию на основе результатов применения иерархического кластерного анализа. Такой подход получил широкое распространение в научном сообществе, в том числе и среди исследователей-экономистов, специализирующихся на различных тематиках, что можно объяснить, с одной стороны, возможностью конструирования адекватной целям и задачам исследования системы показателей, характеризующих процессы, протекающие в изучаемых объектах, с другой — относительной простотой применения [37–41]. Особенностью предложенного подхода в рамках настоящего исследования можно считать анализ на муниципальном уровне. В этом случае при его обосновании авторы руководствовались тем обстоятельством, что не все регионы АЗРФ входят в Арктическую зону полностью. Кроме этого, площадь арктических муниципалитетов в среднем в 9 раз превышает площадь муниципалитетов в РФ, что стало дополнительным аргументом в пользу решения о применении показателей муниципального уровня. При подборе показателей авторы исходили из соображений достаточности для описания процессов в системе и соответствия задачам исследования.

Методика оценки развития туристских систем арктических регионов РФ включает в себя десять основных этапов.

1. Разработка критериев оценки развития туристских систем арктических регионов России с учетом требований неистощительного природопользования, интересов локальных сообществ, в том числе возможности рекреации и отдыха местного населения.

2. Создание системы показателей, позволяющей в полной мере оценить развитие туристских систем арктических регионов, принимая во внимание инфраструктуру туризма, экологические, транспортно-логистические и иные аспекты.

3. Сбор выбранных показателей в муниципальном разрезе, а именно учитывая:

а) специфику развития следующих видов туризма:

— культурно-познавательного: количество объектов культурного наследия федерального и регионального значения (ед.), доля коренных малочисленных народов (%);

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

— активного: количество дайвинг-центров (ед.), яхт-клубов (ед.), горнолыжных трасс (ед.);

— экологического: количество особо охраняемых природных территорий (ООПТ) федерального уровня (ед.);

— событийного: события и фестивали туристской направленности (ед.);

— круизного: наличие морских и/или речных круизных маршрутов;

— различных видов туризма: количество объектов (природного и антропогенного генезиса), включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (ед.), количество национальных туристских маршрутов, согласно приказу Федерального агентства по туризму от 22.08.2022 г. (ед.);

b) уровень развития туристской инфраструктуры: число мест размещения (ед.), число объектов питания (ед.), количество туроператоров, входящих в федеральный реестр туроператоров РФ и зарегистрированных в арктических муниципалитетах, предоставляющих услуги внутреннего и международного туризма (ед.);

c) транспортно-логистическую доступность: плотность автомобильных дорог (км / 1 тыс. кв. км), наличие портов (ед.), наличие аэродромов (ед.);

d) комфортность пребывания туристов и посетителей на основе оценки благоприятности климата (условные зоны по комфортности пребывания туристов: первая (наименее комфортная) — климатический пояс IA («особый»), вторая — пояса IБ (IV) и IA («особый»), третья — пояс IБ (IV), четвертая – пояса II (III) и IБ (IV), пятая (наиболее комфортная) — пояс II (III)). Деление произведено на основании Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 019/2011 «О безопасности средств индивидуальной защиты».

4. Стандартизация данных программой Statistica.

5. Иерархическая кластеризация показателей, учитывающих специфику развития различных видов туризма и уровень развития туристской инфраструктуры, методом Варда (Ward’s method) с использованием метрики евклидова расстояния (программа Statistica).

6. Типологизация туристских систем арктических регионов Российской Федерации в муниципальном разрезе на основе результатов иерархического кластерного анализа.

7. Расчет медианных значений рассматриваемых показателей для каждой выделенной типологической группы.

8. Ранжирование выделенных типологических групп арктических систем по уровню развития туристских систем.

9. Определение специфики развития туристских систем выделенных типологических групп в зависимости от их транспортно-логистической доступности и комфортности пребывания туристов на основе оценки благоприятности климата.

10.Выявление тенденций развития туристских систем выделенных типологических групп.

По результатам выполнения этих операций из анализа были исключены закрытые автономные территориальные образования Мурманской области. Информационную базу исследования составляют муниципальная статистика Росстата, ведомственные данные Минприроды, Федерального агентства морского и речного транспорта, Федерального агентства воздушного транспорта, а также информация с сайтов администраций исследуемых муниципалитетов и пр.

Институциональные особенности развития туризма в Арктике

Развитие туризма на арктических территориях определяется такими стратегическими документами, как Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г., Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г. (в части увеличения экспорта туристских услуг, организации и проведения маркетинговых кампаний, направленных на популяризацию национального туристского продукта), Стратегия развития государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (в части организации и проведения культурных мероприятий, создания объектов культуры, сохранения культурного наследия и пр., использования культурного потенциала в развитии туризма) и др.

Кроме того, приоритеты развития АЗРФ закреплены в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, а особый преференциальный режим для этих территорий формируется на основании указа «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

Также Российская Федерация первой из всех стран, имеющих арктические территории, приняла государственные стандарты, направленные на обеспечение высокого качества туристских услуг и безопасности туристов в Арктике. Серия государственных стандартов ГОСТ Р 59850 «Арктический туризм» была введена 30 июня 2022 г. и включает шесть частей:

1. Туристские и экскурсионные услуги в Арктической зоне Российской Федерации. Основные положения.

2. Требования по обеспечению безопасности туристов в Арктической зоне Российской Федерации.

3. Безопасность активных видов туризма в Арктической зоне Российской Федерации. Общие положения.

4. Требования к туристской инфраструктуре в Арктической зоне Российской Федерации.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

5. Информационные знаки системы навигации в сфере туризма в Арктической зоне Российской Федерации. Общие требования.

6. Предотвращение конфликтных ситуаций между туристами и белым медведем. Требования.

Данные стандарты учитывают природно-климатические особенности арктических территорий, их историю и устанавливают требования к обслуживающему туристов персоналу, используемой инфраструктуре, системам коммуникации, навигации и т. д.

В частности, согласно пункту 4.9. ГОСТ Р 59850.1–2021, реализация туристского продукта включает страхование туристов, проведение инструктажей и получение разрешений на пребывание на территории ООПТ. В соответствии с пунктом 6.2. ГОСТ Р 59850.4–2021, туристская инфраструктура в Арктике для обеспечения бесперебойности ее работы должна выдерживать длительные низкие температуры, интенсивные ветра, динамические нагрузки; позволять обеспечить защиту от хищных животных; быть энергетически эффективной и обладать запасами ресурсов, поскольку возможность их подвоза может быть ограничена. Пункт 9.2 этого же документа регламентирует, что требуется обеспечение минимально возможного воздействия туристской инфраструктуры на окружающую среду при соблюдении установленных показателей ее живучести и автономности. ГОСТ Р 59850.5–2021 устанавливает пять групп информационным знаков для организации навигации: предупреждающие, запрещающие, предписывающие, эвакуационные и указательные (примером первых являются «Осторожно. Белые медведи» и «Осторожно. Ледник»).

Эти стандарты корреспондируются с основными принципами арктического туризма, сформулированными Фондом охраны дикой природы и предусматривающими сохранение дикой природы и биоразнообразия, неистощительное природопользование, уважение к культуре местных сообществ и вовлечение их в туристскую деятельность, а также важность соблюдения техники безопасности[4].

В упомянутой выше Стратегии развития АЗРФ для каждого арктического региона обозначены направления ее реализации в сфере развития туризма, предполагающие разнообразные его формы. Таким образом, вся российская Арктика рассматривается как перспективная территория для развития туризма.

Результаты и обсуждение

Имеющиеся негативные особенности (социально-экономические, инфраструктурные) проявляются в арктическом пространстве неоднородно, что, в свою очередь, влияет на характер развития и степень дифференциации территориальных туристских систем. Кроме того, природно-климатические параметры также, или даже в большей степени, влияют на исследуемые системы, совокупно формируя пространственные закономерности развития арктических туристских систем. Объединение исследуемых объектов в типологические группы позволяет выявить объективные предпосылки к построению адекватных проблемно ориентированных систем управления территориальными экономическими системами.

Иерархическая кластеризация с использованием программы Statistica выполнялась по набору выбранных показателей по всем обследуемым муниципалитетам. Отбор показателей осуществлялся с учетом специфики развития различных видов туризма и уровня развития туристской инфраструктуры, что, в свою очередь, позволило выделить несколько типологических групп туристских систем российской Арктики (рис. 1).

Интерпретация полученных результатов иерархического кластерного анализа позволила выделить восемь типологических групп, демонстрирующих общие черты объединяемых объектов (табл. 1). При этом, принимая во внимание высокий уровень развития двух групп и схожесть значений показателей развития туристских систем, в состав которых вошли городские округа Кировск, Мурманск и Архангельск, авторами было принято решение об объединении их в одну типологическую группу (четвертый кластер).

Анализ выделенных типологических групп позволяет провести ранжирование туристских систем арктических регионов Российской Федерации по уровню их развития (табл. 2).

Пространственная организация выделенных типологических групп по уровню и специфике развития туристских систем российской Арктики схематически представлена на рис. 2.

В первую группу вошли муниципальные образования, относящиеся к Мурманской области, Республике Карелия и Ямало-Ненецкому автономному округу (см. табл. 1). Для этих муниципалитетов характерны средние показатели обеспеченности предприятиями питания и размещения туристов. В большей части этих муниципалитетов работают локализованные на их территории туроператоры. Отличительной особенностью этой группы можно считать наличие во всех муниципалитетах дайвинг-центров и яхт-клубов, что объясняется приморским положением (Печенгский, Лоухский, Кольский районы) либо возможностью выхода к судоходным рекам. Муниципальные образования группы характеризуются значительным разбросом показателя благоприятности климата и низкими показателями обеспеченности транспортной инфраструктурой.

[4] URL: https://wwfeu.awsassets.panda.org/downloads/10principlesforarctictourism(eng)_f6l2.pdf.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

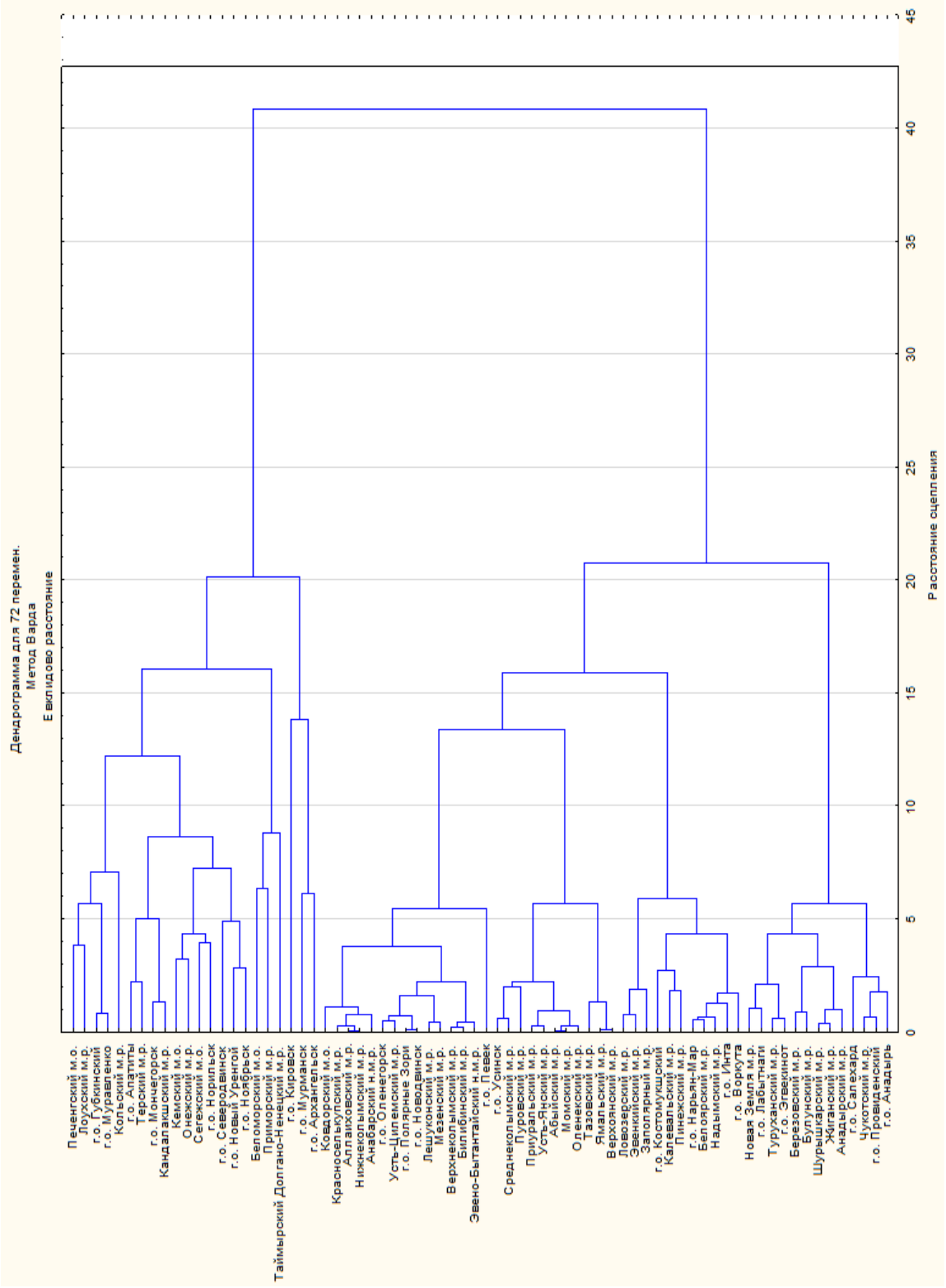


Рис. 1. Дендрограмма, полученная в результате проведения процедуры иерархической кластеризации методом Варда (Ward's method) с использованием метрики евклидова расстояния (программа Statistica)

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

Таблица 1

Результаты типологизации арктических муниципалитетов по особенностям развития туристских систем

№	Муниципальные образования АЗРФ	Ранг	Медианы показателей выделенных кластеров											
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Печенгский м. о. (МО), Лоухский м. р. (РК), г. о. Тубинский (ЯНАО), г. о. Муравленко (ЯНАО), Кольский м. р. (МО)	2	1,3	2	519	2	0	1	1	12	1	0	12	0	0
2	Г. о. Апатиты (МО), Терский м. р. (МО), г. о. Мончегорск (МО), Кандалакшский м. р. (МО), Кемский м. о. (РК), Онежский м. р. (АО), Сегежский м. о. (РК), г. о. Норильск (КК), г. о. Северодвинск (АО), г. о. Новый Уренгой (ЯНАО), г. о. Ноябрьск (ЯНАО)	3	1,9	2	681	0	0	0	0	43	0	0	10	0	0
3	Беломорский м. о. (РК), Приморский м. р. (АО), Таймырский Долгано-Ненецкий м. р. (КК)	4	9,3	1	376	3	1	0	0	7	0	0	349	0	1
4	Г. о. Кировск (МО)	1	1,2	5	1684	3	0	0	0	41	2	27	6	2	0
	Г. о. Мурманск (МО), г. о. Архангельск АО)	1	4,6	27	2702	1	0	1	0,5	349	2	0	95	1,5	1
5	Ковдорский м. о. (МО), Красноселькупский м. р. (ЯНАО), Аллаиховский м. р. (РС), Нижнеколымский м. р. (РС), г. о. Оленегорск (МО), Усть-Цилемский м. р. (Коми), г. о. Полярные Зори (МО), г. о. Новодвинск (АО), Лешуконский м. р. (АО), Мезенский м. р. (АО), Верхнеколымский м. р. (РС), Билибинский м. р. (ЧАО), Эвено-Бытантайский н. м. р. (РС), г. о. Певек (ЧАО)	8	14,2	0	68	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0
6	Г. о. Усинск (Коми), Среднеколымский м. р. (РС), Пуровский м. р. (ЯНАО), Приуральский м. р. (ЯНАО), Усть-Янский м. р. (РС), Абыйский м. р. (РС), Момский м. р. (РС), Оленекский м. р. (РС), Тазовский м. р. (ЯНАО), Ямальский м. р. (ЯНАО), Верхоянский м. р. (РС)	7	53,0	0	39	0	0	0	0	1	0	0	5	0	0
7	Ловозерский м. р. (МО), Эвенкийский м. р. (КК), Заполярный м. р. (НАО), г. о. Костомукшский (РК), Калевальский м. р. (РК), Пинежский м. р. (АО), г. о. Нарьян-Мар (НАО), Белоярский м. р. (ХМАО), Надымский м. р. (ЯНАО), г. о. Инта (Коми), г. о. Воркута (Коми)	5	26,9	0	177	1	0	0	0	8	1	0	6	0	0
8	Новая Земля м. р. (АО), г. о. Лабытнаги (ЯНАО), Туруханский м. р. (КК), г. о Эвенкинот (ЧАО), Березовский м. р. (ХМАО), Булунский м. р. (РС), Шурышкарский м. р. (ЯНАО), Жиганский м. р. (РС), Анадырский м. р. (ЧАО), г. о. Салехард (ЯНАО), Чукотский м. р. (ЧАО), г. о. Провиденский (ЧАО), г. о. Анадырь (ЧАО)	6	21,3	1	82	1	0	0	0	1	0	0	4	0	1

Примечания. Источник: составлено авторами.

Сокращения: МО — Мурманская область; РК — Республика Карелия; Коми — Республика Коми; АО — Архангельская область (без автономного округа); НАО — Ненецкий автономный округ; ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ; КК — Красноярский край; РС — Республика Саха (Якутия); ЧАО — Чукотский автономный округ.

Показатели: 1 — доля коренных малочисленных народов; 2 — количество туроператоров, входящих в федеральный реестр туроператоров РФ и зарегистрированных в арктических муниципалитетах, предоставляющих услуги внутреннего и международного туризма (ед.); 3 — число мест размещения (ед.); 4 — количество особо охраняемых природных территорий федерального уровня (ед.); 5 — количество объектов (природного и антропогенного генезиса), включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (ед.); 6 — количество дайвинг-центров (ед.); 7 — количество яхт-клубов (ед.); 8 — число объектов питания (ед.); 9 — события и фестивали туристской направленности (ед.); 10 — количество горнолыжных трасс (ед.); 11 — количество объектов культурного наследия федерального и регионального значения (ед.); 12 — количество национальных туристских маршрутов, согласно приказу Федерального агентства по туризму от 22.08.2022 г. (ед.); 13 — количество морских и/или речных круизных маршрутов.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

Таблица 2

Ранжирование туристских систем российской Арктики по уровню их развития

№	Муниципальные образования АЗРФ	Ранг
	Высокий уровень развития	
4	Г. о. Кировск (МО), г. о. Мурманск (МО), г. о. Архангельск АО)	1
1	Печенгский м. о. (МО), Лоухский м. р. (РК), г. о. Губкинский (ЯНАО), г. о. Муравленко (ЯНАО), Кольский м. р. (МО)	2
2	Г. о. Апатиты (МО), Терский м. р. (МО), г. о. Мончегорск (МО), Кандалакшский м. р. (МО), Кемский м. о. (РК), Онежский м. р. (АО), Сегежский м. о. (РК), г. о. Норильск (КК), г. о. Северодвинск (АО), г. о. Новый Уренгой (ЯНАО), г. о. Ноябрьск (ЯНАО)	3
	Средний уровень развития	
3	Беломорский м. о. (РК), Приморский м. р. (АО), Таймырский Долгано-Ненецкий м. р. (КК)	4
7	Ловозерский м. р. (МО), Эвенкийский м. р. (КК), Заполярный м. р. (НАО), г. о. Костомукшский (РК), Калевальский м. р. (РК), Пинежский м. р. (АО), г. о. Нарьян-Мар (НАО), Белоярский м. р. (ХМАО), Надымский м. р. (ЯНАО), г. о. Инта (Коми), г. о. Воркута (Коми)	5
8	Новая Земля м. р. (АО), г. о. Лабытнаги (ЯНАО), Туруханский м. р. (КК), г. о. Эгвекинот (ЧАО), Березовский м. р. (ХМАО), Булунский м. р. (РС), Шурышкарский м. р. (ЯНАО), Жиганский м. р. (РС), Анадырский м. р. (ЧАО), г. о. Салехард (ЯНАО), Чукотский м. р. (ЧАО), г. о. Провиденский (ЧАО), г. о. Анадырь (ЧАО)	6
	Низкий уровень развития	
6	Г. о. Усинск (Коми), Среднеколымский м. р. (РС), Пуровский м. р. (ЯНАО), Приуральский м. р. (ЯНАО), Усть-Янский м. р. (РС), Абыйский м. р. (РС), Момский м. р. (РС), Оленекский м. р. (РС), Тазовский м. р. (ЯНАО), Ямальский м. р. (ЯНАО), Верхоянский м. р. (РС)	7
5	Ковдорский м. о. (МО), Красноселькупский м. р. (ЯНАО), Аллаиховский м. р. (РС), Нижнеколымский м. р. (РС), Анабарский национальный н. м. р. (РС), г. о. Оленегорск (МО), Усть-Цилемский м. р. (Коми), г. о. Полярные Зори (МО), г. о. Новодвинск (АО), Лешуконский м. р. (АО), Мезенский м. р. (АО), Верхнеколымский м. р. (РС), Билибинский м. р. (ЧАО), Эвено-Бытантайский н. м. р. (РС), г. о. Певек (ЧАО)	8

Примечание. Источник: составлено авторами.

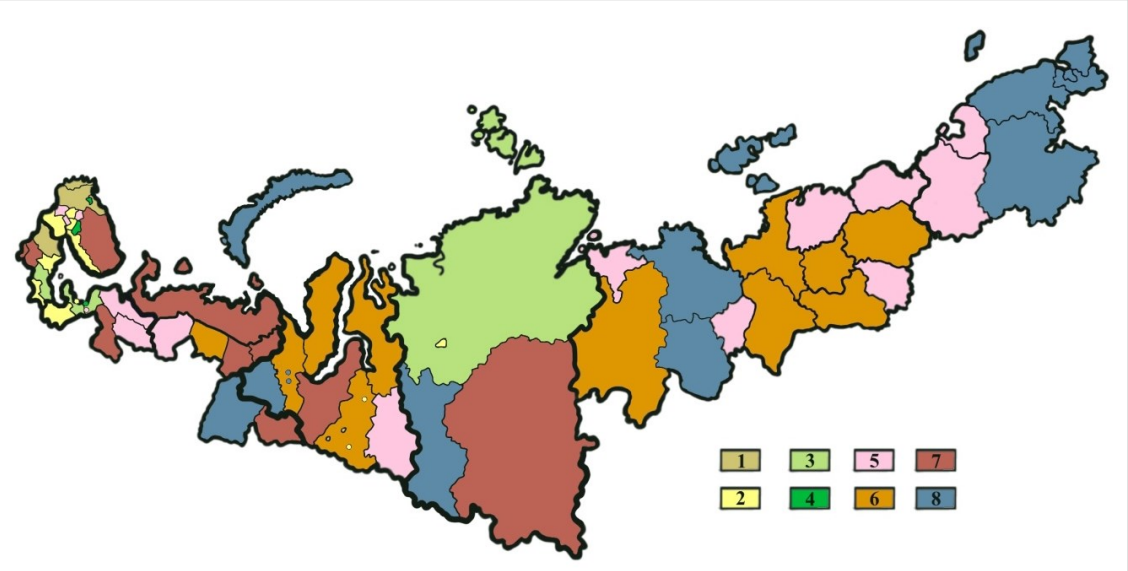


Рис. 2. Карта-схема типологических групп арктических муниципалитетов по уровню и особенностям развития туристских систем. Цифра соответствует номеру группы типологии

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

Вторая группа состоит из 11 муниципальных образований, большая часть которых относится к Мурманской области, а также к Карелии, Архангельской области, Красноярскому краю и Ямало-Ненецкому автономному округу. Для этой группы характерной чертой можно считать показатели обеспеченности средствами размещения и предприятиями питания, которые выше среднего по выделенным группам. Однако здесь стоит отметить, что наиболее высокие показатели фиксируются для промышленных городов (Норильск, Северодвинск, Новый Уренгой и Ноябрьск). В настоящий момент эти города не являются значимыми туристскими центрами, что в том числе связано с неблагоприятными климатическими условиями и их транспортной удаленностью. Отдельные муниципальные образования этой группы (Кемский и Онежский районы) можно рассматривать как перспективные в плане развития туризма в связи с высокой концентрацией объектов культурного наследия, относительно благоприятным климатом и хорошим географическим положением. Однако показатели туристской инфраструктуры (предприятия питания и размещения, количество туроператоров) демонстрируют нереализованность этого потенциала.

Следующая группа сформировалась их трех муниципальных образований (Беломорский муниципальный округ, Приморский и Таймырский Долгано-Ненецкий районы), для которых можно зафиксировать средние и высокие (в Приморском районе) показатели обеспеченности предприятиями гостеприимства и наличия туроператора в каждом муниципалитете. Доминантным для формирования этой группы стал показатель наличия объектов, включенных в списки культурного и природного наследия ЮНЕСКО: петроглифы Белого моря (Беломорский муниципальный округ, Республика Карелия), историко-культурный комплекс Соловецких островов (Приморский район, Архангельская область) и плато Путорана (Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Красноярский край). При этом муниципалитеты третьей группы характеризуются как относительно благоприятными, так и суровыми климатическими условиями.

Для четверной группы, в которую вошли три городских округа Мурманской и Архангельской областей (Кировск, Мурманск и Архангельск), характерна высокая обеспеченность такой инфраструктурой, как гостиницы, предприятия питания, туроператоры, что подтверждает сформировавшийся туристский интерес, который, кроме этого, основывается на достаточно высокой концентрации объектов культурного наследия регионального и федерального уровней. Также муниципальные образования этой группы охвачены национальными и круизными маршрутами. Особенностью города Кировска с туристской точки зрения можно считать наличие популярного горнолыжного курорта «Большой Вудъявр», который привлекает значительное количество туристов.

Пятая группа оказалась самой представительной по количеству вошедших в нее муниципалитетов, которые относятся к пяти арктическим регионам: Мурманской и Архангельской областям, Республике Саха (Якутия), Ямало-Ненецкому и Чукотскому автономным округам. Этой группе свойственны низкие значения показателей, характеризующих инфраструктуру туризма, обеспеченность объектами культурного наследия, объектами из списков ЮНЕСКО, относительно других групп, а также отсутствие включенности в национальные, морские и речные круизные маршруты. Можно говорить о том, что в настоящий момент на территориях данных муниципалитетов туристские системы не сформировались или имеют значительные структурные недостатки. При этом для большей части муниципалитетов характерен суровый климат, географическая отдаленность и низкая транспортная связность с другими территориями страны.

В состав шестой группы вошли муниципальные образования Ямало-Ненецкого автономного округа, республик Коми и Саха (Якутия). Как и в пятой группе, отмечается низкий уровень обеспеченности предприятиями гостеприимства и питания (за исключением города Усинска и Пуровского района с высокой концентрацией предприятий гостиничного сектора). Отличительной чертой этих муниципалитетов в рамках выполненного кластерного анализа можно считать высокую долю представителей коренных малочисленных народов среди местного населения (в среднем по группе выше 60 %). Однако и количество туроператоров (один на всю группу), и отсутствие мероприятий типа фестивалей показывают, что этнокультурный потенциал этих территорий не реализован в туристском продукте. Это может быть в том числе связанно с суровым климатом и слабо развитой транспортной инфраструктурой.

Муниципалитеты седьмой группы локализуются в Мурманской и Архангельской областях, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах, Республике Карелия и Красноярском крае. Для группы характерны низкая концентрация предприятий питания, средняя обеспеченность предприятиями гостеприимства, отсутствие объектов из списков ЮНЕСКО, дайвинг-центров, яхт-клубов, горнолыжных трасс, невключенность в национальные и круизные маршруты. Для группы фиксируется высокая доля представителей коренных малочисленных народов среди местного населения. Однако, в отличие от шестой группы, можно говорить, что этнокультурный потенциал реализован, что

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

подтверждается проведением на регулярной основе этнокультурных фестивалей в каждом муниципальном образовании группы.

Восьмая группа типологии состоит из 13 муниципалитетов, которые локализованы в Архангельской области, Красноярском крае, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах, Республике Саха (Якутия). Для этой группы характерны средние и ниже среднего показатели обеспеченности предприятиями гостеприимства, низкие показатели количества предприятий питания, в некоторых муниципальных образованиях они отсутствуют, как и туроператоры и другие элементы рассматриваемой в исследовании туристской инфраструктуры. Отличительной чертой этой группы можно считать включенность всех анализируемых территорий в круизные морские и речные маршруты. При этом большая часть муниципалитетов относится к местностям с неблагоприятным климатом и транспортной удаленностью.

Выводы

Впервые на основе кластерного анализа проанализировано развитие туристских систем арктических регионов Российской Федерации в муниципальном разрезе по широкому кругу показателей, влияющих на развитие туристских систем. Выявлен ряд общих тенденций и специфика развития туристских систем российской Арктики. Среди общих тенденций можно выделить следующие:

— наблюдается значительный уровень диспропорции туристско-рекреационного потенциала и развития туристских систем российской Арктики;

— существующая туристская инфраструктура и туристские ресурсы в сочетании с формирующимися в настоящий момент трендами развития туризма в стране позволяют предполагать, что Арктика может выступать в качестве перспективной территории для развития туризма;

— экономическая специализация и уровень развития инфраструктуры, особенно транспортной, влияет на развитие туризма.

К числу специфических черт развития туристских систем российской Арктики следует отнести:

— восемь типологических групп туристских систем российской Арктики с ключевыми характеристиками развития туризма, транспортной доступности, комфортности климата и пр.;

— несколько уровней развития туристских систем арктических регионов РФ (высокий, средний и низкий). Эффективные направления, меры и стимулы развития туристской деятельности необходимо определять с учетом характеристик выделенных групп и уровней развития;

— суровый арктический климат и транспортная доступность не являются критическими для развития туризма в российской Арктике;

— с точки зрения пространственной организации развитие туристских систем на территории российской Арктики фрагментарно;

— на значительных арктических территориях не сформировались туристские системы, способные обеспечить туристское обслуживание потенциальных потребителей.

На сегодняшний день наиболее высокий уровень развития арктических систем наблюдается в городах с наибольшей численностью населения, а именно в Архангельске и Мурманске. При этом арктический туризм зачастую позиционируется как природный, граждан призывают увидеть необычные и первозданные природные объекты. В будущем, по всей видимости, данное диалектическое противоречие будет постепенно стираться: станет развиваться туристский потенциал меньших населенных пунктов при трансформации вследствие климатических и антропогенных факторов ряда природных объектов.

Теоретическая значимость работы связана с разработкой научного подхода к определению специфики и закономерностей развития туристских систем российской Арктики. Это, в свою очередь, на практике может выступать научно обоснованной базой для построения систем управления и разработки программ развития, в том числе с учетом выявленной специфики. В этой связи авторы считают необходимым продолжить исследование арктических туристских систем в разрезе отдельных видов туризма (согласно Стратегии развития АЗРФ) и потенциальных направлений туристско-рекреационного развития территорий российской Арктики. В целях формирования аналитической базы рекомендуем проводить работу по совершенствованию сбора показателей, характеризующих развитие арктических туристских систем, как в органах Росстата, так и в органах власти муниципалитетов арктических территорий. Целесообразными представляются применение единого методического подхода и возвращение к практике составления туристских паспортов арктических территорий как на региональном, так и на муниципальном уровнях.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

Список источников

1. Wilkońska A., Maciejowski W., Damaszke M., Jerzak B., Łabno R., Matuszczak B., Palikot E., Pińkowska K. Tourist Profile in Polar Regions on the Example of Visitors to the Henryk Arctowski Polish Antarctic Station // Folia Turistica. 2020. Vol. 55. P. 167–182. https: //doi: 10.5604/01.3001.0014.2423.
2. Müller D., Lundmark L., Lemelin R. H. New issues in polar tourism: Communities, environments, politics. Springer Nature. 2013. P. 1–17. https://doi: 10.1007/978-94-007-5884-1.
3. Лукин Ю. Ф. Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 96–123.
4. Huang Y., Zhang X., Zhang D., Zhang L., Zhang W., Ren C., Pan T., Chu Z., Chen Y. Spatial-Temporal Characteristics of Arctic Summer Climate Comfort Level in the Context of Regional Tourism Resources from 1979 to 2019 // Sustainability. 2021. Vol. 13. P. 13056. https://doi:10.3390/su132313056.
5. Runge C. A., Daigle R. M., Hausner V. H., Tang W. Quantifying tourism booms and the increasing footprint in the Arctic with social media data // Plos One. 2020. Vol. 15, no. 1. P. 1–4. https: //doi: 10.1371/journal.pone.0227189.
6. Chakraborty A. Emplacing Ecological Grief in Last Chance Tourism: Cryospheric Change and Travel in the Arctic // Tour. Hosp. 2024. Vol. 5. P. 506–520. https://doi.org/10.3390/tourhosp5020031.
7. Miller L. B., Hallo J. C., Dvorak R. G., Fefer J. P., Peterson B. A., Brownlee M. T. J. On the edge of the world: examining pro-environmental outcomes of last chance tourism in Kaktovik, Alaska // Journal of Sustainable Tourism. 2020. Vol. 28 (11). P. 1703–1722. https://doi:10.1080/09669582.2020.1720696.
8. D'Souza J., Dawson, J., Groulx M. Last chance tourism: a decade review of a case study on Churchill, Manitoba's polar bear viewing industry // Journal of Sustainable Tourism. 2021. Vol. 31 (1). P. 14–31. https://doi:10.1080/09669582.2021.1910828.
9. Varnajot A., Saarinen J. "After glaciers?" Towards post-Arctic tourism // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 91. P. 103205. https://doi:10.1016/j.annals.2021.103205.
10. Xu L. The "awkward" geopolitics of tourism in China's "Arctic" village // Tourism Geographies. 2023. Vol. 26 (5). P. 796–813. https://doi:10.1080/14616688.2023.2286304.
11. Лукин Ю. Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск, 2017. 250 с. ISBN 978-5-261-01243-6. EDN XSGLBQ.
12. Арктический туризм в России / отв. редактор Ю. Ф. Лукин; [составитель туристского справочника по регионам Н. К. Харлампьева]. Архангельск: САФУ, 2016. 256 с.
13. Белевских Т. В., Иванова М. В. Креативная экономика арктических территорий: испытание холодом // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 1 (57). С. 140–150. https://doi: 10.25702/KSC.2220-802X-1-2018-57-140-150.
14. Taylor A. R., Barðadóttir P., Auffret S., Bombosch A., Cusick A.L., Falk E., Lynnes A. Arctic expedition cruise tourism and citizen science: a vision for the future of polar tourism // Journal of Tourism Futures. 2020. Vol. 6, no. 1. P. 102–111. https://doi:10.1108/jtf-06-2019-0051.
15. Aldao C., Mihalic T. A. New Frontiers in Travel Motivation and Social Media: The Case of Longyearbyen, the High Arctic // Sustainability. 2020. Vol. 12. P. 1–19. https://doi:10.3390/su12155905.
16. Морошкина М. В., Васильева А. В., Кондратьева С. В. Методический подход к изучению туристских систем северных и арктических регионов Российской Федерации (на примере Европейского Севера) // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 3. С. 403–413. https://doi:10.25283/2223-4594-2022-3-376-386.
17. Боровичев Е. А., Кожин М. Н., Белкина О. А. Химич Ю. Р., Петров В. Н., Шулина М. В. Как совместить охрану природы и рекреационную деятельность в Арктике: пример природного парка «Териберка» (Мурманская область) // Арктика: экология и экономика. 2023. Т. 13, № 3. С. 461–472. https://doi:10.25283/2223-4594-2023-3-461-472.
18. Tervo-Kankare K., Kaján E., Saarinen J. Costs and benefits of environmental change: tourism industry's responses in Arctic Finland // Tourism Geographies. 2017. Vol. 20 (2). P. 202–223. https://doi:10.1080/14616688.2017.1375973.
19. Кропинова Е. Г., Смирнова Е. Модель развития арктического туризма // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». 2023. Т. 16, № 2. С. 51–58.
20. Ren C., Jóhannesson J. T., Ásgeirsson M. H., Woodall S, Reigner N. Rethinking connectivity in Arctic tourism development // Annals of Tourism Research. 2024. Vol. 105. P. 103705. https://doi:10.1016/j.annals.2023.103705.
21. Князева Г. А., Поротникова Н. А., Антипов В. В., Макуха В. В. Арктический туризм как драйвер устойчивого развития территории: исследование заинтересованности местных стейкхолдеров Республики Коми // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 180–198. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2023.52.180.
22. Дмитриева Д. М., Чанышева А. Ф. Вклад добывающих компаний в устойчивое развитие минерально-сырьевой базы Арктического региона: новый подход к оценке и взаимодействию ключевых акторов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 2. С. 71–87. https://doi:10.37614/2220-802X.2.2024.84.006.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

23. Sevastyanov D. V. Arctic Tourism in the Barents Sea Region: Current Situation and Boundaries of the Possible // Arctic and North. 2020. No 39. P. 26–36. https://doi:10.37482/issn2221- 2698.2020.39.26.
24. Kikkas K., Sosnina M., Rubtsova A. Arctic tourism development: comparative study of Murmansk region and Norway // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. no. 625. https://doi:10.1088/1755-1315/625/1/012002.
25. Shimshek S. F. Features of managing the development of tourism in the Arctic zone of Russia (Arctic tourism in the paradigm of modern regional policy). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 200 p.
26. Bohn D., Carson D. A., Demiroglu O. C., Lundmark L. Public funding and destination evolution in sparsely populated Arctic regions // Tourism GeoGraphies. 2023. Vol. 25, no. 8. P. 1833–1855. https://doi:10.1080/14616688.2023.2193947.
27. Желнина З. Ю., Сизова И. А. Развитие арктического туризма и креативных индустрий как драйверов преобразования арктических городов и территорий: опыт проекта «Зеркальные лаборатории» // Россия: общество, политика, история. 2024. № 1 (10). С. 91–118. https://doi:10.56654/ROPI-2024-1(10)-91-118.
28. Желнина З. Ю. Арктический туризм: Учебное пособие. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. 317 с. ISBN 978-5-98620-631-8.
29. Bruin R., Cooper E., Lamers M., Blair B. Sustaining the brand and branding sustainability: landscape as homeland in Greenland's visual marketing // Journal of Sustainable Tourism. 2024. Sept. P. 1–20. https://doi:10.1080/09669582.2024.2400572.
30. Ноева Е. Е. Современное состояние и перспективы развития арктического туризма // ВЕСТНИК СВФУ. Серия: Экономика, социология и культурология. 2022. № 4 (28). С. 91–99. https://doi:10.25587/SVFU.2022.87.14.011.
31. Меньшикова Т. Н. Пространственный анализ развития туризма в регионах Арктической зоны Российской Федерации на основе кластерного подхода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 2. С. 94–100. https://doi:10.18384/2310-7189-2019-2-94-100.
32. Кунников А. В. Перспективы развития арктического круизного туризма в западном секторе российской Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 4 (40). С. 130–138. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-130-138.
33. Zhilenko V. Yu. Sea cruise tourism in specially protected natural areas of Arctic // Service and Tourism: Current Challenges. 2021. Vol. 15, no. 3. P. 149–156. https://doi:10.24412/1995-0411-2021-3-149-156.
34. Дорофеева Л. А., Шишацкий Н. Г. Формирование перспективных пространственных направлений развития туристского комплекса региона (на примере Красноярского края) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 1 (69). Номер статьи: 6909. URL: https://eee-region.ru/article/6909/.
35. Kondrateva S. V. The Tourism Vector for the Karelian Arctic Development // Arctic and North. 2022. no. 49. P. 174 https://doi:192. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2022.49.174.
36. Тотонова Е. Е., Слепцов С. Ю. Современные особенности пространственного развития арктических районов Республики Саха (Якутия) // Экономика и управление. 2014. № 2 (100). С. 19–23.
37. Шаклеина М. В., Мидов А. З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 39–54.
38. Mattera R., Franses F. H. Are African business cycles synchronized? Evidence from spatio-temporal modeling // Economic Modelling. 2023. Vol. 128. P. 106485. https://doi:10.1016/j.econmod.2023.106485.
39. Brauksa L. Use of Cluster Analysis in Exploring Economic Indicator Differences among Regions: The Case of Latvia // Journal of Economics, Business and Management. 2013. Vol. 1, no. 1. P. 42–45. https://doi:10.7763/JOEBM.2013.V1.10.
40. Peters D. J. Place-Based Income Inequality Clusters in the Rural North Central Region, 1979–2009 // Applied Economic Perspectives and Policy. 2011. Vol. 33, no. 2. P. 222–240.
41. Popov E., Vlasov M. Cluster analysis of the relationship between traditional and innovation economies // Montenegrin Journal of Economics. 2019. Vol. 3 (15). P. 125–135. https://doi:10.14254/1800-5845/2019.15-3.9.

References

1. Wilkońska A., Maciejowski W., Damaszke M., Jerzak B., Łabno R., Matuszczak B., Palikot E., Pińkowska K. Tourist Profile in Polar Regions on the Example of Visitors to the Henryk Arctowski Polish Antarctic Station. *Folia Turistica*, 2020, Vol. 55, pp. 167–182. https://doi: 10.5604/01.3001.0014.2423.
2. Müller D., Lundmark L., Lemelin R. H. New issues in polar tourism: Communities, environments, politics. *Springer Nature*, 2013, pp. 1–17. https://doi: 10.1007/978-94-007-5884-1.
3. Lukin U. F. Arkticheskii turizm: reiting regionov, vozmozhnosti i ugrozy [Arctic tourism: The rating of regions, the opportunities and threats]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no 23, pp. 96–123. (In Russ.).
4. Huang Y., Zhang X., Zhang D., Zhang L., Zhang W., Ren C., Pan T., Chu Z., Chen Y. Spatial-Temporal Characteristics of Arctic Summer Climate Comfort Level in the Context of Regional Tourism Resources from 1979 to 2019. *Sustainability*, 2021, Vol. 13, pp. 13056. https://doi:10.3390/su132313056.
5. Runge C. A., Daigle R. M., Hausner V. H., Tang W. Quantifying tourism booms and the increasing footprint in the Arctic with social media data. *Plos One*, 2020, Vol. 15, no. 1, pp. 1–4. https://doi: 10.1371/journal.pone.0227189.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

6. Chakraborty A. Emplacing Ecological Grief in Last Chance Tourism: Cryospheric Change and Travel in the Arctic. *Tour. Hosp*, 2024, Vol. 5, pp. 506–520. https://doi.org/10.3390/tourhosp5020031.
7. Miller L. B., Hallo J. C., Dvorak R. G., Fefer J. P., Peterson B. A., Brownlee M. T. J. On the edge of the world: Examining pro-environmental outcomes of last chance tourism in Kaktovik, Alaska. *Journal of Sustainable Tourism*, 2020, Vol. 28 (11), pp. 1703–1722. https://doi:10.1080/09669582.2020.1720696.
8. D'Souza J., Dawson, J., Groulx M. Last chance tourism: a decade review of a case study on Churchill, Manitoba's polar bear viewing industry. *Journal of Sustainable Tourism*, 2021, Vol. 31 (1), pp. 14–31. https://doi:10.1080/09669582.2021.1910828.
9. Varnajot A., Saarinen J. "After glaciers?" Towards post-Arctic tourism. *Annals of Tourism Research*, 2021, Vol. 91, pp. 103205. https://doi:10.1016/j.annals.2021.103205.
10. Xu L. The "awkward" geopolitics of tourism in China's "Arctic" village. *Tourism Geographies*, 2023, Vol. 26 (5), pp. 796–813. https://doi:10.1080/14616688.2023.2286304.
11. Lukin U. F. *Mnogomernost' prostranstva Arktiki* [Multidimensionality of the Arctic]. Arkhangelsk, 2017, 250 p. ISBN 978-5-261-01243-6. EDN XSGLBQ. (In Russ.).
12. *Arkticheskii turizm v Rossii* [Arctic tourism in Russia]. Ed. by Yu. F. Lukin; travel guide by N. K. Kharlampyeva. Arkhangelsk, 2016, 256 p. (In Russ.).
13. Belevskikh T. V., Ivanova M. V. Kreativnaya ekonomika arkticheskikh territorii: ispytanie holodom [Creative economy of the Arctic territories: The test of cold]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2018, no. 1 (57), pp. 140–150. https://doi: 10.25702/KSC.2220-802X-1-2018-57-140-150. (In Russ.).
14. Taylor A. R., Barðadóttir P., Auffret S., Bombosch A., Cusick A. L., Falk E., Lynnes A. Arctic expedition cruise tourism and citizen science: a vision for the future of polar tourism. *Journal of Tourism Futures*, 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 102–111. https://doi:10.1108/jtf-06-2019-0051.
15. Aldao C., Mihalic T. A. New Frontiers in Travel Motivation and Social Media: The Case of Longyearbyen, the High Arctic. *Sustainability*, 2020, Vol. 12, pp. 1–19. https://doi:10.3390/su12155905.
16. Moroshkina M. V., Vasilieva A. V., Kondrateva S. V. Metodicheskii podkhod k izucheniyu turistskikh sistem severnykh i arkticheskikh regionov Rossiiskoi Federatsii (na primere Evropeiskogo Severa) [Methodological approach to the study of tourism systems in the Northern and Arctic regions on the Russian Federation (on the example of the European North]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2022, Vol. 12, no. 3, pp. 376–386. https://doi:10.25283/2223- 4594-2022-3-376-386. (In Russ.).
17. Borovichev E. A., Kozhin M. N., Belkina O. A., Khimich Yu. R., Petrov V. N., Shulina M. V. Kak sovmestit' okhranu prirody i rekreatsionnuyu deyatel'nost' v Arktike: primer prirodnogo parka "Teriberka" (Murmanskaya oblast') [The ways of combining nature conservation and recreation activities in the Arctic: The Teriberka Nature Park example (Murmansk Region)]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2023, Vol. 13, no. 3, pp. 461–472. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-3-461-472. (In Russ.).
18. Tervo-Kankare K., Kaján E., Saarinen J. Costs and benefits of environmental change: tourism industry's responses in Arctic Finland. *Tourism Geographies*, 2017, Vol. 20 (2), pp. 202–223. https://doi:10.1080/14616688.2017.1375973.
19. Kropinova E. G., Smirnova E. Model' razvitiya arkticheskogo turizma [Model of Arctic tourism development]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fizikomatematicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series "Natural and physical-mathematical sciences"], 2023, Vol. 16, no. 2, pp. 51–58. (In Russ.).
20. Ren C., Jóhannesson J. T., Ásgeirsson M. H., Woodall S, Reigner N. Rethinking connectivity in Arctic tourism development. *Annals of Tourism Research*, 2024, Vol. 105, pp. 103705. https://doi:10.1016/j.annals.2023.103705.
21. Knyazeva G. A., Porotnikova N. A., Antipov V. V., Makukha V. V. Arkticheskii turizm kak draiver ustoichivogo razvitiya territorii: issledovanie zainteresovannosti mestnykh steikkholderov Respubliki Komi [Arctic Tourism as a Driver of Sustainable Development of the Territory: Research of the Interest of Local Stakeholders in the Komi Republic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 52, pp. 180–198. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2023.52.180. (In Russ.).
22. Dmitrieva D. M., Chanysheva A. F. Vklad dobyvayushchikh kompanii v ustoichivoe razvitie mineral'no-syr'evoi bazy Arkticheskogo regiona: novyi podkhod k otsenke i vzaimodeistviyu klyuchevykh aktorov [The contribution of mining companies to the sustainable development of the mineral resource base of the Arctic region: A new approach to the assessment and interaction of key actors]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [North and Market: Formation of Economic Order], 2024, no. 2, pp. 71–87. https://doi:10.37614/2220-802X.2.2024.84.006 (In Russ.).
23. Sevastyanov D. V. Arctic Tourism in the Barents Sea Region: Current Situation and Boundaries of the Possible. *Arctic and North*, 2020, no. 39, pp. 26–36. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2020.39.26.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

24. Kikkas K., Sosnina M., Rubtsova A. Arctic tourism development: comparative study of Murmansk region and Norway. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2021, no. 625, https://doi:10.1088/1755-1315/625/1/012002.
25. Shimshek S. F. Features of managing the development of tourism in the Arctic zone of Russia (Arctic tourism in the paradigm of modern regional policy). *LAP LAMBERT Academic Publishing*, 2017, 200 p.
26. Bohn D., Carson D. A., Demiroglu O. C., Lundmark L. Public funding and destination evolution in sparsely populated Arctic regions. *Tourism GeoGraphies*, 2023, Vol. 25, no. 8, pp. 1833–1855. https://doi:10.1080/14616688.2023.2193947.
27. Zhelnina Z. Yu., Sizova I. A. Razvitie arkticheskogo turizma i kreativnykh industrii kak draiverov preobrazovaniya arkticheskikh gorodov i territorii: opyt proekta “Zerkal'nye laboratorii” [Development of Arctic tourism and creative industries as drivers of transformation of Arctic cities and territories: Experience of the Mirror Laboratories project]. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya* [Russia: Society, Politics, History], 2024, Vol. 1 (10), pp. 91–118. https://doi:10.56654/ROPI-2024-1(10)-91-118. (In Russ.).
28. Zhelnina Z. Yu. *Arkticheskii turizm* [Arctic tourism]. Saint Petersburg, Skifia-print, 2022, 317 p. ISBN 978-5-98620-631-8. (In Russ.).
29. Bruin R., Cooper E., Lamers M., Blair B. Sustaining the brand and branding sustainability: landscape as homeland in Greenland’s visual marketing. *Journal of Sustainable Tourism*, 2024, Sept., pp. 1–20. https://doi:10.1080/09669582.2024.2400572.
30. Noeva E. E. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya arkticheskogo turizma [Current Status and Development Prospects of Arctic Tourism]. *VESTNIK SVFU. Seriya: Ekonomika, sociologiya i kul'turologia* [Bulletin of North-Eastern Federal University. Series: Economics, Sociology and Cultural Studies], 2022, no. 4 (28), pp. 91–99. https://doi: 10.25587/SVFU.2022.87.14.011. (In Russ.).
31. Menshikova T. Prostranstvennyi analiz razvitiya turizma v regionakh Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii na osnove klasternogo podkhoda [Spatial analysis of tourism development in the Arctic regions of Russia on the basis of the cluster approach]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University, Series: Natural Sciences], 2019, no. 2, pp. 94–100. https://doi: 10.18384/2310-7189-2019-2-94-100. (In Russ.).
32. Kunnikov A. V. Perspektivy razvitiya arkticheskogo kruiznogo turizma v zapadnom sektore rossiiskoi Arktiki [Prospects for the development of the Arctic cruise tourism in the western sector of the Russian Arctic]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2020, no. 4 (40), pp. 130–138. https://doi:10.25283/2223-4594-2020-4-130-138. (In Russ.).
33. Zhilenko V. Yu. Sea cruise tourism in specially protected natural areas of Arctic. *Service and Tourism: Current Challenges*, 2021, Vol. 15, no. 3, pp. 149–156. https://doi:10.24412/1995-0411-2021-3-149-156.
34. Dorofeyeva L. A., Shishatskiy N. G. Formirovanie perspektivnykh prostranstvennykh napravlenii razvitiya turistskogo kompleksa regiona (na primere Krasnoyarskogo kraya) [Formation of promising spatial directions for the development of the tourist complex of the region (on the example of the Krasnoyarsk territory)]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Regional economy and management: Electronic scientific journal], 2022, no. 1 (69), article no. 6909. https://eeeregion.ru/article/6909/. (In Russ.).
35. Kondrateva S. V. The Tourism Vector for the Karelian Arctic Development. *Arctic and North*, 2022, no. 49, pp. 174–192. https://doi:10.37482/issn2221-2698.2022.49.174.
36. Totonova E. E., Sleptsov S. Yu. Sovremennye osobennosti prostranstvennogo razvitiya arkticheskikh raionov Respubliki Sakha (Yakutiya) [The Russian Federation: Spatial Development of Its Arctic Regions Including the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Ekonomika i upravlenie* [Economy and Management], 2014, no. 2 (100), pp. 19–23. (In Russ.).
37. Shakleina M. V., Midov A. Z. Strategicheskaya tipologizatsiya regionov po urovnyu finansovoi samostoyatel'nosti [Strategic classification of regions according to the level of financial self-sufficiency]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, Vol. 12, no. 3, pp. 39–54. (In Russ.).
38. Mattera R., Franses F. H. Are African business cycles synchronized? Evidence from spatio-temporal modeling. *Economic Modelling*, 2023, Vol. 128, pp. 106485.
39. Brauksa L. Use of Cluster Analysis in Exploring Economic Indicator Differences among Regions: The Case of Latvia. *Journal of Economics, Business and Management*, 2013, Vol. 1, no. 1, pp. 42–45. https://doi:10.7763/JOEBM.2013.V1.10.
40. Peters D. J. Place-Based Income Inequality Clusters in the Rural North Central Region, 1979–2009. *Applied Economic Perspectives and Policy*, 2011, Vol. 33, no. 2, pp. 222–240.
41. Popov E., Vlasov M. Cluster analysis of the relationship between traditional and innovation economies. *Montenegrin Journal of Economics*, 2019, Vol. 3 (15), pp. 125–135. https://doi:10.14254/1800-5845/2019.15-3.9.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

Об авторах:
А. В. Васильева — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
С. В. Кондратьева — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
В. В. Каргинова-Губинова — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
М. В. Морошкина — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
А. А. Морозов — младший научный сотрудник.

About the authors:
A. V. Vasilieva — PhD (Economics), Senior Researcher;
S. V. Kondrateva — PhD (Economics), Senior Researcher;
V. V. Karginova-Gubinova — PhD (Economics), Senior Researcher;
M. V. Moroshkina — PhD (Economics), Senior Researcher;
A. A. Morozov — Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2024 года.
Статья принята к публикации 12 ноября 2024 года.
The article was submitted on September 13, 2024.
Accepted for publication on November 12, 2024.

© Васильева А. В., Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., Морозов А. А., 2025

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ

Научная статья
УДК 336.1
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.009

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ СЕВЕРА

Кристина Алексеевна Захарова[1], Наталья Алексеевна Бабурина[2]
[1, 2]Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт, Тюмень, Россия
[1]kr.a.zakharova@utmn.ru, ORCID 0000-0002-3603-2659
[2]n.a.baburina@utmn.ru, ORCID 0000-0002-6970-0449

Аннотация. Особенности социально-экономических, климатических, географических условий регионов Севера определяют тенденции и ограничения развития субъектов малого и среднего предпринимательства, интенсификация деятельности и повышение роли которых в экономике северных территорий невозможны без реализации системной государственной финансовой поддержки. Целью исследования выступило выявление значимости государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на фоне особенностей их развития в регионах Севера. Малое и среднее предпринимательство северных территорий характеризуется неравномерностью развития и высокой степенью дифференциации вклада в формирование валового регионального продукта (ВРП). Проведенный кластерный анализ методами иерархической и неиерархической кластеризации позволил определить шесть кластеров регионов Севера по уровню развития малого и среднего предпринимательства. Наиболее высокий уровень развития предпринимательства относительно других регионов Севера наблюдается в Магаданской и Сахалинской областях, наименьший — в Республике Тыва. Выявлено, что ключевые барьеры развития малого и среднего предпринимательства регионов Севера формируются в условиях негативного влияния климатических, инфраструктурных, институциональных ограничений и неблагоприятной внешней среды функционирования на фоне пандемии COVID-19 и санкционного давления. Ключевой детерминантой развития малого и среднего предпринимательства в сложившихся условиях выступает государственная финансовая поддержка, которая в регионах Севера отличается нестабильностью объемов предоставления, за исключением поступательного наращения в Республике Коми, Сахалинской области, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах. Проведенный эконометрический анализ подтвердил значимость государственной финансовой поддержки для развития субъектов малого и среднего предпринимательства наряду с улучшением инвестиционного климата, снижением безработицы, стимулированием потребительского спроса путем кредитования населения. При этом более существенным оказалось не увеличение среднего размера финансовой поддержки, а расширение количества ее получателей. Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку влияния различных форм государственной финансовой поддержки на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах Севера.
Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, малый и средний бизнес, государственная финансовая поддержка, регионы Севера России, кластерный анализ
Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01690, https://rscf.ru/project/23-28-01690/.
Для цитирования: Захарова К. А., Бабурина Н. А. Государственная финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в регионах Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 132–148. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.009.

GROWTH OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN NORTHERN REGIONS

Original article

GOVERNMENT FINANCIAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN NORTHERN REGIONS

Kristina A. Zakharova[1], Natalya A. Baburina[2]
[1, 2]University of Tyumen, Institute of Finance and Economics, Tyumen, Russia
[1]kr.a.zakharova@utmn.ru, ORCID 0000-0002-3603-2659
[2]n.a.baburina@utmn.ru, ORCID 0000-0002-6970-0449

Abstract. The socio-economic, climatic, and geographical conditions of northern regions shape both the opportunities and constraints for the development of small and medium-sized enterprises (SMEs). Strengthening their role in these regional economies requires an effective system of government financial support. This study examines the significance of such support

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

in the context of the unique challenges faced by SMEs in northern regions. SMEs in these areas demonstrate uneven growth and substantial variations in their economic contributions in terms of gross regional product formation. A cluster analysis, applying both hierarchical and non-hierarchical clustering methods, identified six distinct groups of northern regions based on SME development levels. Among these, Magadan and Sakhalin exhibited the highest levels of SME activity, while the Republic of Tyva ranked the lowest. The primary barriers to SME growth in northern regions stem from harsh climatic conditions, inadequate infrastructure, and institutional constraints. These challenges have been further exacerbated by external factors such as the COVID-19 pandemic and economic sanctions. Government financial support plays a critical role in fostering SME development under these conditions. However, funding levels remain inconsistent across regions, with the exception of the Komi Republic, Sakhalin Region, and the Yamalo-Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs, where financial support has shown a steady increase. Econometric analysis highlights the importance of government financial support in SME development, alongside factors such as improvements in the investment climate, reductions in unemployment, and the stimulation of consumer demand through lending. Notably, expanding financial support to a broader range of recipients proved more effective than merely increasing the average funding per business. Future research should focus on evaluating the impact of different forms of government financial support on SME development in northern regions.
Keywords: small and medium-sized enterprises (SMEs), small and medium-sized businesses (SMBs), government financial support, Russian North, cluster analysis
Acknowledgments: This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Grant No. 23-28-01690, https://rscf.ru/project/23-28-01690/).
For citation: Zakharova K. A., Baburina N. A. Government financial support for small and medium-sized enterprises in northern regions. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 132–148. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.009.

Введение

Мнения ученых-исследователей относительно роли и значения малого и среднего предпринимательства (МСП) в современной экономике расходятся. Одни отдают ему приоритетную роль, называя неотъемлемой частью современного экономического мира [1]. Другие полагают, что государство и крупные корпорации в экономическом плане должны прокладывать путь малым формам, так как последние не в состоянии самостоятельно создать развитое экономическое пространство [2]. Опыт развитых стран, делающих ставку на предпринимательство, показывает, что малый и средний бизнес является лидером в производственном секторе. Его доля в ВВП в этих государствах превышает 50 %, в результате именно МСП определяет экономический рост [3].

В России МСП отводится значительная роль, однако в большинстве регионов страны выявляется сильная дифференциация субъектов по социально-экономическому развитию [4]. Для регионов Севера России, в которых жизнедеятельность проходит в сложных природно-климатических условиях [5], разнообразие факторов, определяющих особенности развития МСП, связано со спецификой таких территорий, которая характеризуется еще более заметной степенью социально-экономической дифференциации. Данная специфика обусловлена инфраструктурными ограничениями, транспортной недоступностью, повышенной ресурсоемкостью, северным удорожанием и высокими издержками при невысокой конкурентной позиции товаров местных производителей, экстремальными условиями проживания, очаговым характером расселения и малочисленностью населения на территории данных регионов, а также высокой степенью миграции населения в другие, более развитые регионы. Все это формирует вызовы и угрозы развитию МСП: нарушаются логистические цепочки поставки товаров, возникает ограниченность локальных рынков, нехватка высококвалифицированных кадров и т. д.

Развитие МСП позволит решить часть этих проблем, прежде всего связанные с развитием территории. Понимание значимости малого и среднего бизнеса для экономического развития определило разработку и принятие федеральных и региональных государственных мер с целью стимулирования предпринимательской активности. Так, с 2019 г. реализуются программы национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Однако данный проект неоднократно подвергался критике из-за его низкой адаптированности к специфике регионов Севера.

Еще одна особенность развития северных территорий — доминирование крупных компаний, преимущественно добывающего сектора. На 2022 г. доля добычи полезных ископаемых в общей структуре ВРП составила: Республика Коми — 47,6 %, Ханты-Мансийский автономный округ — 76,8 %, Ямало-Ненецкий автономный округ — 71,8%, Республика Саха (Якутия) — 59,6 %, Магаданская область — 49,6 %, Сахалинская область — 64,6 %.

Крупные компании выступают драйвером развития предпринимательства: поставка комплектующих, логистика, ремонтные работы и т. д. Все это способствует созданию условий для функционирования МСП. Крупный бизнес закупает сырье и комплектующие, что также позволяет субъектам МСП обеспечивать и поддерживать рабочие места. Важно отметить,

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

что не стоит однозначно говорить о необходимости развивать либо малые и средние, либо только крупные хозяйствующие субъекты. Они взаимодополняемы: как субъекты МСП не смогут развиваться без поддержки государства и крупного бизнеса, так и государственные структуры, а также крупные предприятия нуждаются в услугах субъектов МСП. То есть все три структуры (государственный сектор, крупный бизнес (корпорации) и сектор МСП) должны органично взаимодополнять друг друга. При этом важно учитывать, что экономика северных территорий преимущественно моноотраслевая, ввиду отсутствия необходимых рычагов модели развития рыночной экономики, которая не может оперативно отвечать современным вызовам и реалиям.

Исходя из актуальности исследования, его целью стало выявление значимости государственной финансовой поддержки субъектов МСП на фоне особенностей их развития в регионах Севера. Задачи исследования: дать оценку состояния развития МСП в северных регионах страны; обозначить тенденции государственной финансовой поддержки субъектов МСП в регионах Севера; определить влияние государственной финансовой поддержки, наряду с макроэкономическими факторами, на развитие МСП в регионах Севера.

Основной проблемой развития МСП является нахождение оптимального уровня прямого государственного стимулирования. Именно оптимальный объем государственного финансирования может выступать драйвером развития субъектов МПС на северных территориях.

Спорность вопроса о влиянии прямой государственной поддержки на развитие МСП определила выбор темы исследования, его теоретическую и практическую значимость.

Обзор литературы по проблематике исследования

Феномен государственной финансовой поддержки предпринимательства в тех или иных видах присущ всем экономикам. Тем не менее трактовка данного экономического явления в разных странах будет различна в зависимости от нормативно-правового поля. Ученые западного пула исследований уделяют особое внимание справедливости предоставления такой поддержки, ее важности и необходимости, а также вопросам контроля объемов и сроков ее предоставления [3; 6–12]. Однако на сегодняшний день в западных странах отсутствует такая обширная и системная государственная поддержка субъектов МСП, как в России. В основном в этих странах имеет место точечная поддержка конкретной системообразующей отрасли для конкретного государства и преимущественно в виде субсидий или грантов. Так, анализ зарубежной литературы последних лет показал, что, к примеру, большое количество исследований посвящено анализу влияния субсидирования китайских компаний на нефтяную отрасль [13], инновационную деятельность [14] и иные сферы, на поведение потребителей в условиях современных вызовов и угроз, в частности пандемии COVID-19 [15]. В представленных работах сделан акцент на неэффективности бесконтрольного предоставления субсидий, отмечается необходимость регулярного мониторинга и внесения изменений как в объем субсидирования, так и в сроки предоставления данной формы государственной финансовой поддержки. Авторы проводят оценку влияния внешнего регулирования на государственные субсидии и подчеркивают важность надзора для корректировки действий местных органов власти, что позволяет своевременно вносить изменения в политику предоставления субсидирования. Все чаще встречается использование эконометрического анализа и выявление с помощью него влияния разного рода субсидий на финансовые показатели компании [16; 17], реже представлен анализ малоиспользуемых микроданных о прямых государственных субсидиях, предоставляемых компаниям [18]. Исследователями также проводится оценка влияния государственных бюджетных субсидий и механизма налогового стимулирования на выдачу зеленых патентов предприятиями [19], на НИОКР компании [20; 21]. Рассматривается привлечение зарубежных корпораций к социальной ответственности и конкурентной нейтральности государственных субсидий [22]. В Германии [23], например, гранты выдаются на открытие бизнеса.

В российском поле исследований особый акцент делается на эффективности отдельных форм и методов государственной финансовой поддержки субъектов МСП. Так, часть авторов считает, что для развития МСП достаточно будет предоставления налоговых льгот и преференций, другие ученые считают, что должны быть адресные субсидии для определенных категорий МСП, часть исследователей предлагают применять индивидуальные меры государственной финансовой поддержки для конкретных областей (Мурманская, Вологодская области, зона Арктики и т. д.).

Объединяющим фактором данных исследований является то, что подавляющее большинство ученых определяет значимость государственной поддержки, считая, что без нее не произойдут рост и расширение возможностей субъектов бизнеса, так как МСП в настоящее время является неотъемлемой частью рыночной экономики России и ее регионов. Все это подтверждается при рассмотрении специфики бюджетного механизма распределения

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

в сложноустроенных субъектах Российской Федерации [24]. Важное значение для России имеет наращивание потенциала ее северных территорий. Созданы и реализуются приоритетные национальные проекты для саморазвития территориальных сообществ Крайнего Севера и Арктики как важнейшего элемента системного пространственного регионального развития [25].

На сегодняшний день большинство исследований, посвященных развитию северных территорий, определяют недостаточную разработанность эффективных механизмов государственного стимулирования МСП. Так, с 2019 по 2024 г. действует национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», однако ведущие отечественные исследователи акцентируют внимание на необходимости его совершенствования [26] с учетом северной специфики, отмечая, что состояние МСП на Севере России заметно хуже, чем в остальных регионах страны, а ресурсы органов власти крайне ограничены.

Это подтверждается тем, что большая часть научных работ, рассматривающих проблемы развития МСП и интенсификацию их деятельности путем предоставления государственной финансовой поддержки в рамках реализации государственных программ, не учитывает природно-климатические и географические условия арктических территорий, северной транспортной недоступности и холодовой дискомфортности. При этом в Российской Федерации значимой части территории свойственны именно такие условия. Тем не менее, часть авторов уделяют особое внимание проблемам развития государственного управления на северных территориях [27], описывая особенности сложноустроенных субъектов РФ, специфику экстремальных условий проживания населения, предлагая иные механизмы поддержки, адаптированные под северную специфику [28]. Но на сегодняшний день все еще не представлен анализ системных мер комплексной государственной финансовой поддержки субъектов МСП по всем северным территориям.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы методы сравнительного и динамического анализа для выявления тенденций развития предпринимательства и ключевых особенностей государственной финансовой поддержки субъектов МСП. Для группировки и типологизации регионов Севера по уровню развития МСП были выбраны методы иерархической (average) и неиерархической (PAM) кластеризации. Кластеризация проводилась с применением среды для статистических вычислений и графики R. В целях выявления значимости государственной финансовой поддержки наряду с влиянием ключевых экономических детерминант на развитие субъектов МСП был использован корреляционно-регрессионный анализ. В частности, были построены три модели панельных данных: объединенная модель МНК (методом наименьших квадратов), модель фиксированных и модель случайных эффектов. На основании тестов Вальда, Бройша — Пагана и Хаусмана была определена наиболее адекватная модель, которой выступила модель фиксированных эффектов. Эконометрическое моделирование и тестирование моделей проводилось в статистической программе Gretl.

В исследовании использованы данные Федеральной службы государственной статистики по 13 регионам Севера, характеризующие социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации[1] и развитие малого и среднего предпринимательства в России[2] за период с 2019 по 2022 г. По государственной финансовой поддержке субъектов МСП в регионах Севера были использованы открытые данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки[3].

Результаты

Номинальная валовая добавленная стоимость субъектов МСП регионов Севера России выросла с 2019 по 2022 г. на 34,88 %. При этом реальная валовая добавленная стоимость субъектов МСП с корректировкой на инфляцию в целом на рассматриваемых территориях сократилась на 11,32 %. В разрезе отдельных территорий в 10 из 13 регионов наблюдалось снижение, за исключением Ненецкого, Чукотского, Ханты-Мансийского автономных округов, которым удалось в рассматриваемый период сохранить положительную динамику.

Среди регионов Севера наибольшую добавленную стоимость производят субъекты МСП Ханты-Мансийского автономного округа, а наименьшую — субъекты МСП Ненецкого автономного округа (рис. 1).

[1] Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2024).
[2] Малое и среднее предпринимательство в России. Статистические сборники // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223 (дата обращения: 20.03.2024).
[3] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки // Федеральная налоговая служба: сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-rsmppp/.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

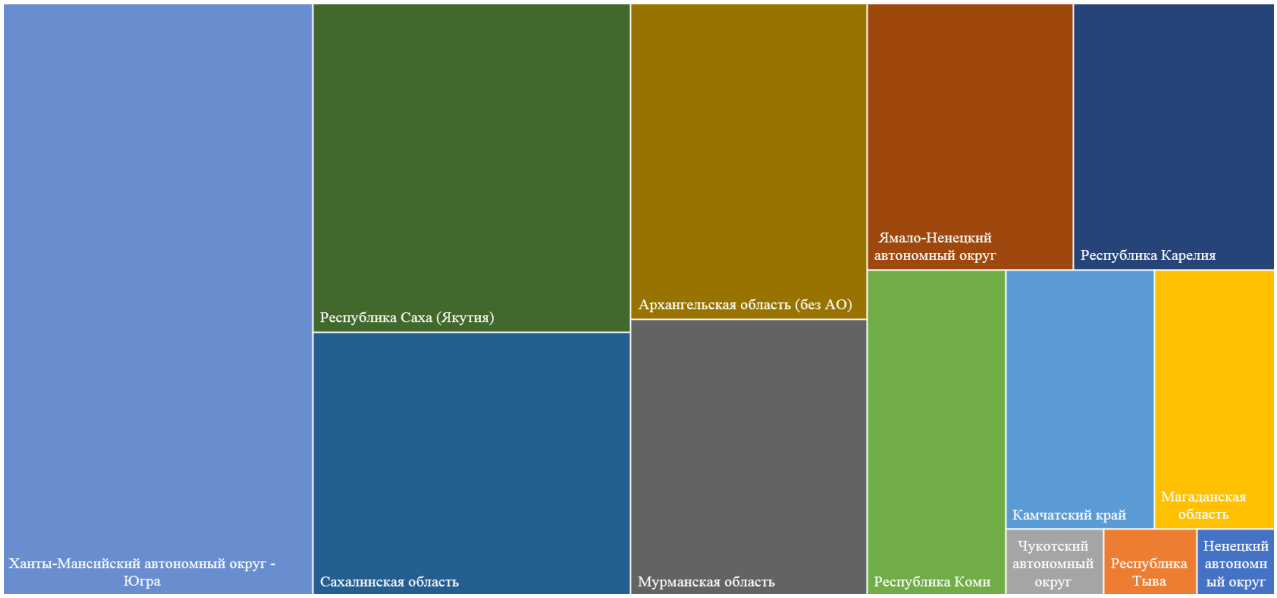


Рис. 1. Валовая добавленная стоимость регионов Севера

Лидеры несколько меняются при корректировке показателей на валовый региональный продукт регионов Севера для обеспечения сопоставимости индикаторов и определения роли МСП в экономике региона. Вклад МСП в экономику северных субъектов России неоднозначен и характеризуется существенным разбросом значений (табл. 1). Наибольшую роль в экономическом развитии территорий играют МСП Республики Карелия, Камчатского края, Архангельской (без АО) и Магаданской областей, наименьший вклад в формирование валового регионального продукта вносят субъекты МСП Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов в силу более значимого вклада отрасли добычи полезных ископаемых, в основном углеводородного сырья, в формирование валового регионального продукта (86 и 74 % на 2021 г. соответственно).

Таблица 1

Доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте регионов Севера в 2019–2022 гг.

Регион	2019	2020	2021	2022	График
Республика Карелия	23,6	23,8	20,1	27,4	
Республика Коми	10,3	11,1	9,7	9,2	
Ненецкий автономный округ	1,5	2,4	2,1	2,2	
Архангельская область (без АО)	21,5	21,7	21,4	21,3	
Мурманская область	15,2	13,1	10,6	11,4	
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	5,8	8,6	5,6	5,4	
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,5	3,3	2,3	2,1	
Республика Тыва	12,9	12,0	13,0	11,5	
Республика Саха (Якутия)	12,9	13,4	11,4	10,3	
Камчатский край	21,1	21,7	24,7	21,5	
Магаданская область	22,8	17,6	16,5	19,8	
Сахалинская область	10,2	11,5	10,5	10,9	
Чукотский автономный округ	8,0	7,0	8,8	9,3	

Показатели в большинстве регионов Севера не достигли предкризисного значения 2019 г. вследствие влияния негативного изменения внешней среды функционирования МСП на фоне пандемии COVID-19 и санкционного давления. Тем не менее существенного снижения вклада субъектов МСП в экономику регионов Севера не наблюдалось благодаря высокой адаптивности МСП, инициативной деловой позиции предпринимателей, активной и системной государственной финансовой поддержке. Это позволило своевременно стабилизировать работу субъектов МСП, обеспечить исполнение социальных и налоговых обязательств.

Наряду с высокой степенью дифференциации роли МСП в экономическом развитии регионов Севера происходит увеличение разрыва между

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

регионом с наименьшей и регионом с наибольшей долей МСП в ВРП, таким образом прослеживается тенденция дивергенции (рис. 2).

В регионах, частично расположенных в зоне Севера, МСП играет более значимую роль в региональном экономическом развитии в силу большей отраслевой диверсификации экономики, более благоприятных климатических, транспортных и иных условий. При этом по данным регионам, наоборот, наблюдается тенденция конвергенции между регионами с наименьшей и наибольшей долей МСП в ВРП.

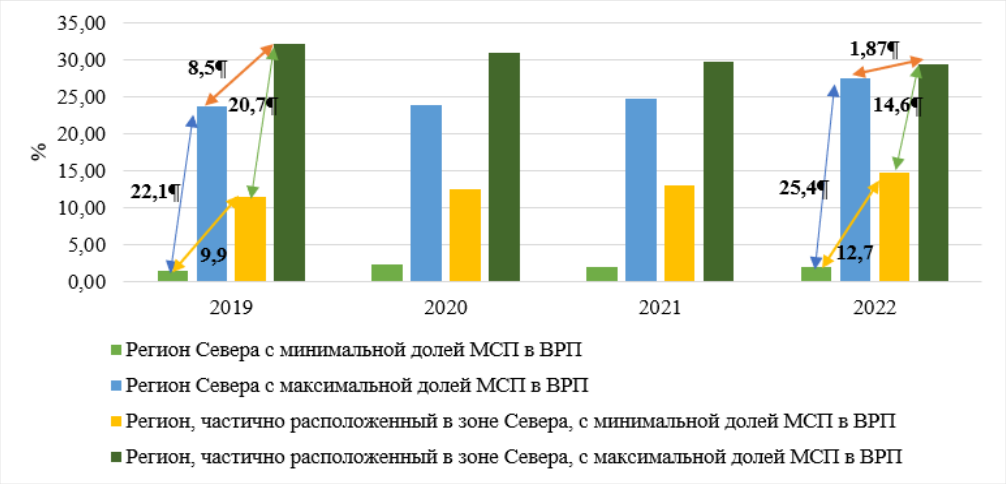


Рис. 2. Разрыв в доле МСП в ВРП северных субъектов РФ, %

Развитие предпринимательства невозможно оценивать только через показатели валовой добавленной стоимости и ее доли в ВРП региона. Сравнение по первому показателю некорректно без масштабирования, второй же показатель в основном дает представление о значении предпринимательства в формировании валового регионального продукта и в меньшей степени характеризует финансово-экономические аспекты деятельности субъектов МСП. В частности, некорректно утверждать, что незначительная доля МСП в ВРП региона свидетельствует о низкой степени его развитости, в особенности в регионах со спецификой отраслевой структуры, преобладанием промышленного сектора экономики, к которым и относится большинство регионов Севера.

Уровень развития субъектов МСП необходимо оценивать по совокупности показателей, описывающих их деятельность, применяя методы многомерного анализа, который позволяет учесть большое количество характеристик для оценки уровня развития субъектов малого и среднего предпринимательства. Принятая за основу многомерного статистического анализа кластеризация позволила на основе множества разнородных данных, в совокупности характеризующих развитие как организаций МСП, так и индивидуального предпринимательства, упорядочить в однородные группы регионы Севера по уровню развития малого и среднего бизнеса.

Для кластеризации были выбраны следующие показатели, характеризующие развитие субъектов МСП: оборот малых и средних предприятий на душу населения (руб.); удельный вес МСП в общем объеме оборота розничной торговли (%); численность работников МСП на душу населения; сальдированный финансовый результат МСП на работника (руб.); оборот розничной торговли индивидуальных предпринимателей на душу населения (руб.); удельный вес индивидуальных предпринимателей в общем объеме оборота розничной торговли (%); занятые в сфере индивидуального предпринимательства на душу населения (%); объем выручки индивидуальных предпринимателей на работника (руб.).

В основу были положены методы как иерархической, так и неиерархической кластеризации. Графически результаты представлены на рис. 3 и 4.

Первый кластер, представленный Магаданской и Сахалинской областями, характеризуется высоким уровнем развития организаций МСП и индивидуального предпринимательства относительно других регионов Севера. Основными факторами стимулирования предпринимательства в данных регионах выступает не только развитая промышленность (нефтегазовая и угольная на Сахалине, горнодобывающая на Магадане), но и передовой энергетический и транспортный комплекс, круглогодичная навигация морского торгового порта, развитое рыболовство, наличие рыбного порта и судов промыслового флота в Магаданской области, а также сформированные рыбное хозяйство, лесопереработка, стройиндустрия, агропромышленный комплекс, формирующиеся марикультура и туристический комплекс в Сахалинской области. Все это, наряду с активной государственной поддержкой в данных регионах, способствует укреплению субъектов МСП.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

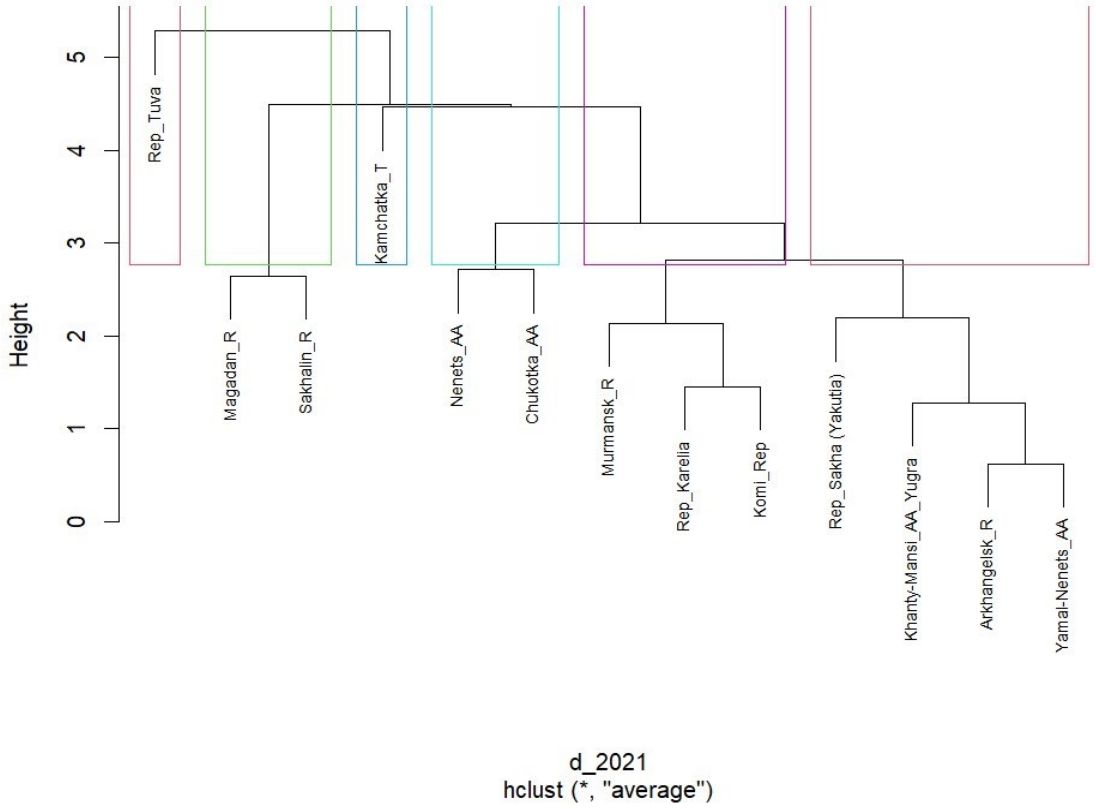


Рис. 3. Дендограмма кластеров регионов Севера по уровню развития организаций МСП и индивидуального предпринимательства на 2021 г.

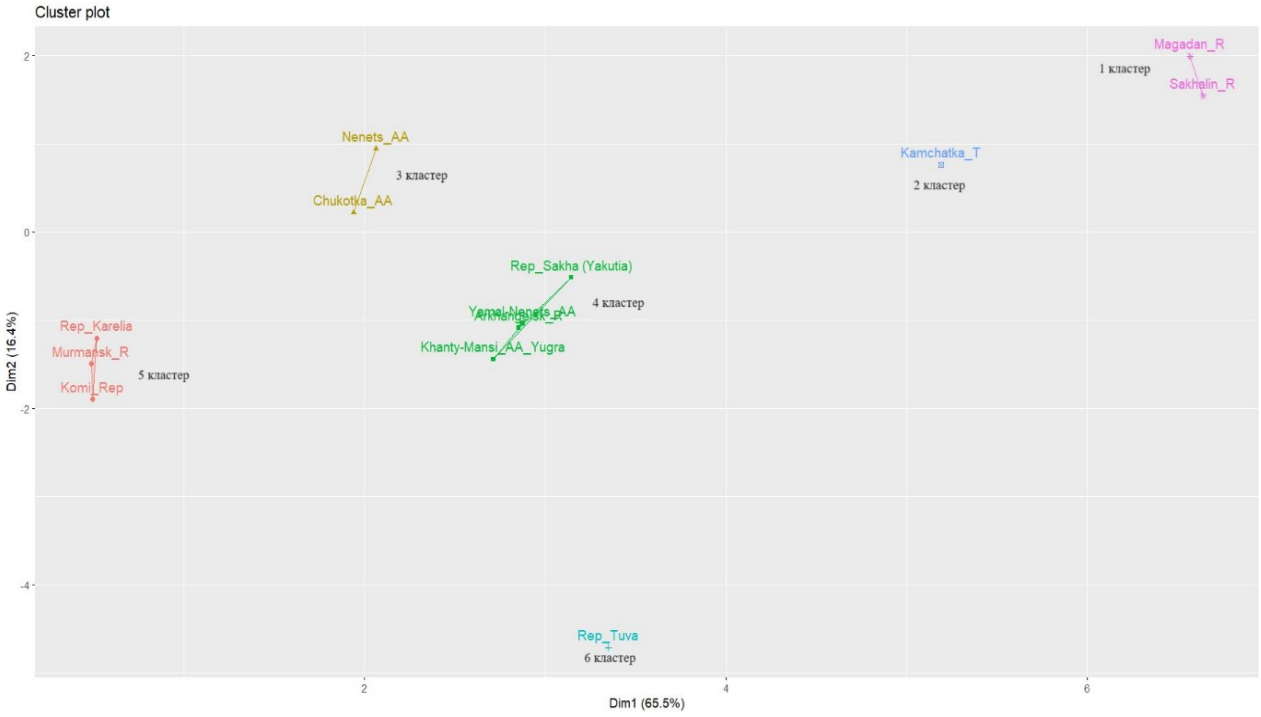


Рис. 4. Кластеры регионов Севера по уровню развития организаций МСП и индивидуального предпринимательства, выделенные с помощью неиерархической кластеризации методом PAM на 2021 г.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

Второй кластер, характеризующийся высоким для регионов Севера уровнем развития организаций МСП при среднем уровне развития индивидуального предпринимательства, которое при этом обеспечивает более высокий уровень занятости, представлен Камчатским краем. Детерминантой роста экономики региона, а также движущей силой расширения возможностей организаций МСП выступают рыбоводство и рыболовство, а также рыбо-перерабатывающая промышленность, наличие судоремонтных, логистических, сервисных и бункеровочных мощностей, природно-рекреационный потенциал территории, способствующий активизации туристической отрасли. Всё это выступает ключевыми детерминантами развития малого и среднего предпринимательства и способствует росту занятости в данной сфере.

Третий кластер, в который входят Ненецкий и Чукотский автономные округа, отмечается средним для регионов Севера уровнем развития организаций МСП на фоне высоких оборотов на душу населения при среднем уровне развития индивидуального предпринимательства. В частности, Ненецкий автономный округ отличается значительными запасами углеводородного сырья, добывающая промышленность преобладает в структуре ВРП. Именно она выступает драйвером роста оборотов организаций МСП, в основном средних, занятых в обслуживании потребностей нефтегазового сектора. Микро- и малые предприятия развиваются в области переработки сельского хозяйства, рыболовства и рыбоводства, оленеводства. Более интенсивному развитию малого и индивидуального предпринимательства в Ненецком автономном округе препятствуют транспортная изолированность и недостаток инфраструктуры. В Чукотском автономном округе локомотивной отраслью выступает золотодобывающая промышленность, также развита добыча угля. В силу особых климатических условий, низкой плотности населения, высокой стоимости бизнеса в основном развивается предпринимательство по обслуживанию потребностей развитых отраслей, а также традиционное для региона оленеводство. Индивидуальное предпринимательство в Чукотском автономном округе характеризуется существенно худшими показателями по сравнению с Ненецким автономным округом в части генерирования выручки.

Четвертый кластер, наиболее многочисленный, представлен Архангельской областью, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, Республикой Саха. Данный кластер характеризуется уровнем развития организаций МСП несколько ниже среднего по регионам Севера и уровнем развития индивидуального предпринимательства несколько выше среднего.

В Архангельской области (без АО), благодаря географическому положению, природным ресурсам, наличию двух промышленных кластеров (судостроительного и лесоперерабатывающего), развитию традиционного для региона молочного скотоводства, формируется благоприятная среда развития субъектов МСП. Тем не менее полноценному использованию имеющегося потенциала мешает низкая плотность населения, его концентрация в крупнейших городах, которые отдалены друг от друга, что препятствует формированию агломерационных систем расселения, благоприятных для развития бизнеса в силу эффекта масштаба.

Экономика Ханты-Мансийского автономного округа основывается на нефтегазовой отрасли. Округ является крупнейшим нефтедобывающим регионом. Но потенциал присутствия крупнейших нефтяных компаний с высоким платежеспособным спросом используется недостаточно для развития предпринимательства и передачи ему непрофильных видов деятельности. Это сдерживает показатели развития организаций МСП. Большую часть оборота и выручки обеспечивают субъекты МСП — представители торговой сферы, активны и предприниматели в сфере транспорта и связи, а также операций с недвижимым имуществом.

Ямало-Ненецкий автономный округ является лидером по добыче природного газа и производству СПГ. В регионе крупный платежеспособный бизнес, реализуются значимые инфраструктурные проекты и проекты в сфере ТЭК, что формирует существенный потенциал развития субъектов МСП, особенно в части сервисного обслуживания. Тем не менее субъекты МСП ЯНАО ориентированы преимущественно на обслуживание рынка потребительских услуг, развитие торгового, строительного и транспортно-логистического комплексов и в основном представлены индивидуальным предпринимательством, малыми и микроорганизациями. В регионе также развиты оленеводство, сбор ягод, грибов, лекарственных растений, заготовка варений.

Несмотря на высокий уровень благосостояния населения ХМАО и ЯНАО, что потенциально может выступить драйвером роста МСП, развитие предпринимательства в целом находится на среднем для регионов Севера уровне и сдерживается неразвитостью потребительского рынка и склонностью населения вывозить деньги за пределы региона в отпускной период.

Республика Саха — основной алмазодобывающий регион, также богатый иными природными ресурсами (нефть, газ, олово, угль и пр.), что формирует особые

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

условия развития МСП. Оборот средних предприятий в основном формируется в торговом секторе, в сфере ремонта и сервиса, добыче полезных ископаемых, обрабатывающих производств и строительства. В то же время более активно в регионе развиваются организации малого бизнеса и индивидуальные предприниматели, концентрирующие выручку в основном в сфере торговли и строительства. Республика Саха в своем кластере отличается более значимыми оборотами индивидуальных предпринимателей и их долей в общем объеме оборота розничной торговли.

Пятый кластер представлен республиками Карелия, Коми и Мурманской областью и отличается уровнем развития организаций МСП по регионам Севера несколько ниже среднего при низком уровне развития индивидуального предпринимательства.

Республика Карелия обладает выгодным транзитным положением между крупными промышленными центрами и портами Мурманской, Вологодской и Ленинградской областей, которое укрепляется наличием магистральных объектов железнодорожного, автомобильного и внутреннего водного транспорта. Это способствует развитию торговли, туристической отрасли, трансферту технологий. Горнопромышленный, лесопромышленный и рыбохозяйственный комплексы потенциально выступают детерминантой развития организаций МСП. Аграрная промышленность (животноводство и растениеводство) и рыбное хозяйство формируют экономический, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий. Также МСП развивается в пищевой промышленности Карелии.

Экономика Республики Коми базируется на значительном природно-ресурсном потенциале, представленном нефтью, газом, углем, рудой, торфом, древесиной и пр. В то же время регион характеризуется низкой степенью диверсификации экономики, что также является сдерживающим фактором развития МСП наряду с низкой долей предпринимательства в реальном секторе и наличием территориальных диспропорций, обусловленных труднодоступностью отдельных территорий, удаленностью населенных пунктов и неравномерной плотностью населения.

Мурманская область имеет также выгодное географическое положение и богатую природно-ресурсную базу, включающую, прежде всего, запасы рудных полезных ископаемых и водные биологические ресурсы. В структуре ВРП преобладает добывающая и обрабатывающая промышленность, предприятия которой за счет вертикальной интеграции могут детерминировать развитие МСП. Также значимый вклад в формирование ВРП области вносят рыболовство и рыбоводство, строительство, транспортировка и хранение, чему также способствует наличие в регионе круглогодично функционирующего международного морского порта, способного обслуживать крупнотоннажные суда. Данные секторы несут в себе потенциал развития организаций МСП, но в целом моноструктурный характер экономики, недостаточная развитость сферы услуг и сервиса становятся препятствием интенсивного развития индивидуального предпринимательства.

Шестой кластер представлен Республикой Тыва и имеет низкий уровень развития организаций МСП и индивидуального предпринимательства при высокой доле оборота ИП в общем обороте розничной торговли. Низкая транспортно-коммуникационная освоенность районов не позволяет в полной мере использовать имеющийся экономический потенциал развития МСП, обусловленный богатой минерально-сырьевой базой, запасами лесного фонда, туристско-рекреационными особенностями и благоприятным с позиции организации транзита географическим положением.

Субъекты МСП большей части регионов Севера характеризуются средним уровнем развития или уровнем ниже среднего. В условиях климатических, инфраструктурных, институциональных ограничений северных территорий, влияние которых усугубляется нестабильной экономической средой функционирования и санкционным давлением, интенсификация расширения предпринимательства возможна при грамотно выстроенной и стабильно растущей государственной финансовой поддержке. Однако в регионах Севера наблюдается неоднозначная динамика объемов предоставленной субъектам МСП финансовой помощи (рис. 5).

В то же время есть регионы, поступательно наращивающие объемы государственной финансовой поддержки предпринимательства (Республика Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область и Чукотский автономный округ). Безусловным лидером выступает Ханты-Мансийский автономный округ, который активно реализует программу поддержки МСП и в 2022 г. существенно нарастил объемы предоставляемых финансовых ресурсов. Далее следуют Сахалинская область и Ямало-Ненецкий автономный округ. Республика Саха (Якутия) в 2022 г. сдала свои позиции и снизила объем предоставленной МСП финансовой поддержки (рис. 6).

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

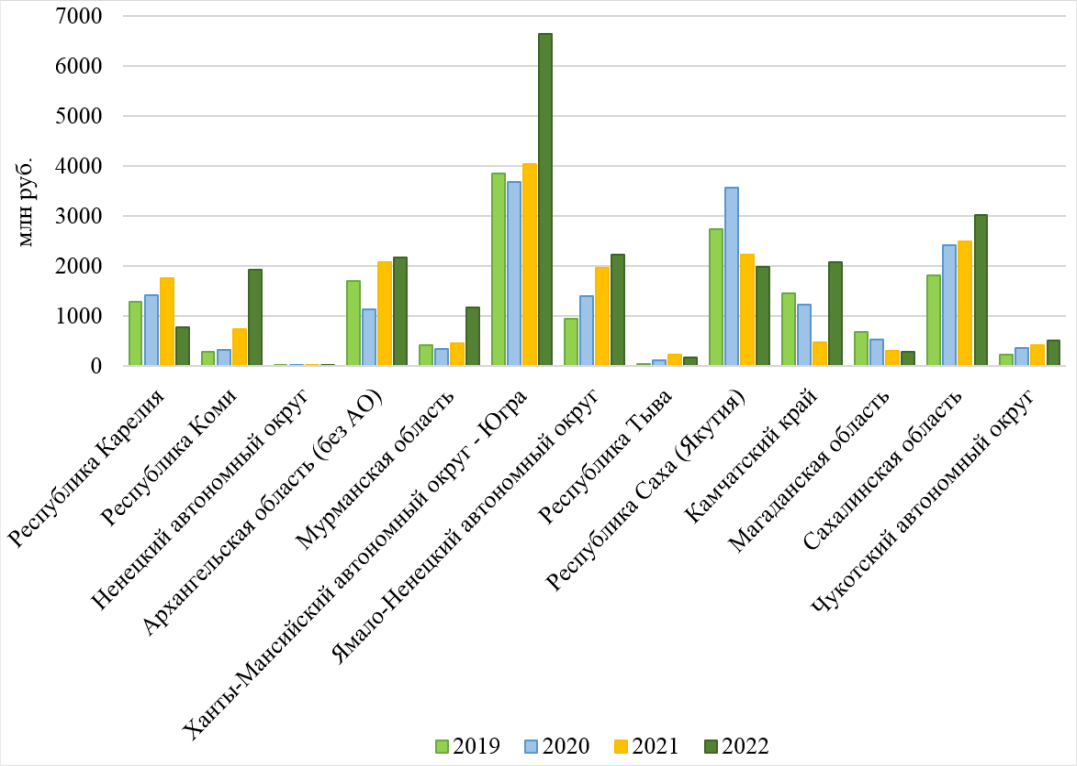


Рис. 5. Динамика государственной финансовой поддержки, предоставленной субъектам МСП в регионах Севера

Рис. 6. Размер государственной финансовой поддержки субъектов МСП на одного получателя, руб.

В 2020 г. резко возросло количество получателей государственной финансовой поддержки, что привело к снижению средней суммы поддержки на одного получателя. В 2022 г. существенно увеличили размер средней финансовой поддержки Мурманская область и Республика Коми. Стабильно наименьший размер государственной финансовой поддержки на одного субъекта МСП предоставляется в Ненецком автономном округе.

В Архангельской и Мурманской областях, в Республике Карелия приоритет при государственной финансовой поддержке отдается организациям МСП

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

как в количестве получателей, так и в объемах предоставляемых средств. В то же время в Магаданской области и Ненецком автономном округе предпочтение отдается индивидуальным предпринимателям и физическим лицам без образования юридического лица.

Для оценки влияния государственной финансовой поддержки на развитие МСП в регионах Севера был использован корреляционно-регрессионный анализ и построены три модели панельных данных: объединенная модель МНК, модели фиксированных и случайных эффектов. Использованные для моделирования данные в стоимостном выражении были очищены от влияния цен. Для выбора наилучшей модели, учитывающей особенности данных и снижающей вероятность искажения результатов из-за неправильной спецификации, были проведены тесты Вальда, Хаусмана и Бройша — Пагана, позволившие выбрать оптимальную для анализа данных модель, которой выступила модель фиксированных эффектов. Она учитывает уникальные, но неизменные во времени характеристики каждого региона, исключает смещение оценок из-за пропущенных переменных, снижает эффект эндогенности. Результаты оценки модели фиксированных эффектов приведены в табл. 2.

Таблица 2

Модель фиксированных эффектов для зависимой переменной «Доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте субъекта РФ, %» с использованием робастных стандартных ошибок

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение	
const	−3,28213	6,25662	−0,5246	0,6094	
ВРП на душу населения, руб.	5,50304e-08	2,59940e-07	0,2117	0,8359	
Отношение объема инвестиций в основной капитал к валовому региональному продукту, %	0,0925020	0,0309102	2,993	0,0112	**
Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума	1,09066	1,86828	0,5838	0,5702	
Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	0,542234	0,166810	3,251	0,0069	***
Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет, %	−0,301541	0,142977	−2,109	0,0566	*
Объем кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам, в ВРП, %	0,267812	0,0990531	2,704	0,0192	**
Кредиты, предоставленные субъектам МСП, в ВРП, %	0,122670	0,230909	0,5312	0,6049	
Средний размер предоставленной финансовой поддержки субъекту МСП, руб.	7,21938e-07	6,53147e-07	1,105	0,2907	
Количество получателей государственной финансовой поддержки, % от общего количества МСП	0,0838697	0,0307310	2,729	0,0183	**

Среднее зависимых переменных	12,58258	Стандартное отклонение зависимой переменной	7,100375
Сумма квадратов остатков	61,10486	Стандартная ошибка модели	1,427175
LSDV R-квадрат	0,976235	В пределах R-квадрат	0,344553
Логарифмическое правдоподобие	−77,97984	Критерий Акаике	199,9597
Критерий Шварца	242,8870	Критерий Хеннана — Куинна	216,4170
Параметр rho	−0,544529	Статистика Дарбина — Уотсона	2,194724
Количество наблюдений			52
Количество пространственных объектов			13
Длина временного ряда			4

* Значимо на 10 %-м уровне.
** Значимо на 5 %-м уровне.
*** Значимо на 1 %-м уровне.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

Рост инвестиций в основной капитал в ВРП регионов Севера положительно влияет на роль МСП в экономике данных регионов прежде всего на фоне роста производственных мощностей, замены изношенного оборудования, модернизации экономики. При увеличении инвестиций в основной капитал в ВРП на 1 процентный пункт (п. п.) доля МСП в ВРП в среднем увеличится на 0,09 п. п. (при прочих равных условиях). Инвестиции в основной капитал способствуют экономическому развитию и улучшению социально-экономического положения региона. Уровень бедности, как детерминанта влияния, находится в прямой связи с долей МСП в ВРП региона. Увеличение уровня бедности на 1 п. п., при прочих равных условиях, приводит к увеличению доли МСП в ВРП в среднем на 0,54 п. п. С одной стороны, рост бедности влияет на сокращение платежеспособного спроса, что в целом должно отрицательно сказываться на развитии МСП. С другой стороны, на фоне снижения доходов и повышения доли лиц с доходами ниже величины прожиточного минимума и отсутствия альтернативных источников занятости в отдельных регионах может расти доля вынужденных предпринимателей и тем самым повышаться роль предпринимательства в экономике. Уровень безработицы населения отрицательно сказывается на развитии МСП, его повышение на 1 п. п., при прочих равных условиях, влечет к уменьшению доли МСП в ВРП в среднем на 0,30 п. п. Невозможность трудоустроиться и получать оплату за труд приводит к снижению уровня доходов населения, сжатию спроса на товары и услуги в целом и МСП в частности, уменьшению доходов предпринимателей и сокращению их оборота и прибыли. Корреляционный анализ также показал, что немаловажное значение для развития МСП имеет стимулирование активности покупателей на рынке путем расширения их возможностей по приобретению товаров и услуг. Уровень проникновения потребительского кредитования в экономике напрямую влияет на МСП, изменение на 1 п. п. объема предоставленных кредитными организациями кредитов населению в ВРП, при прочих равных условиях, приводит к увеличению доли МСП в ВРП в среднем на 0,27 п. п.

Наряду с макроэкономическими показателями, характеризующими среду функционирования МСП и стимулирование платежеспособного спроса потребителей через кредитные инструменты, значимую роль в развитии предпринимательства на Севере играет государственная финансовая поддержка. Причем, как показал анализ, не столько увеличение размера предоставляемой субъекту МСП поддержки, сколько именно расширение круга получателей государственной финансовой поддержки имеет существенное значение и напрямую оказывает влияние на развитие субъектов МСП в экономике регионов Севера. Изменение количества получателей поддержки в общем количестве субъектов МСП на 1 п. п. приводит к увеличению доли МСП в ВРП в среднем на 0,08 п. п. (при прочих равных условиях). Государственная финансовая поддержка большего количества представителей малого и среднего бизнеса способствует созданию более сбалансированной и устойчивой предпринимательской среды в северных регионах, позволяет стимулировать экономическую активность субъектов МСП, которая сдерживается неблагоприятными экономическими условиями и ограниченной транспортной доступностью. Предоставление финансовой помощи большему числу субъектов МСП способствует формированию динамичной и конкурентоспособной деловой среды, позволяет диверсифицировать получателей и охватить более широкий спектр видов бизнеса, поддерживает экономическое развитие территорий и благоприятно влияет на занятость.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о существенной неоднородности развития субъектов МСП в регионах Севера в силу высокой дисперсии ключевых индикаторов функционирования предпринимательства. Роль МСП в экономике северных территорий также неоднозначна и менее значительна в тех регионах, где в формировании ВРП доминирует добывающая промышленность, в частности нефтегазовая, вносящая более значимый вклад в экономическое развитие. При этом была выявлена дивергенция, характеризующаяся нарастанием разрыва за анализируемый период между регионом с наименьшей и регионом с наибольшей долей МСП в ВРП регионов Севера.

Проведенный кластерный анализ методами иерархической и неиерархической кластеризации позволил определить группы территорий Севера, однородных по уровню развития субъектов МСП. Первый кластер (Магаданская и Сахалинская области) характеризуется высоким уровнем развития организаций МСП и индивидуального предпринимательства относительно других регионов Севера. Второй кластер (Камчатский край) отличается высоким для регионов Севера уровнем развития организаций МСП при среднем уровне развития индивидуального предпринимательства, которое при этом обеспечивает более высокий уровень занятости. Третий кластер (Ненецкий и Чукотский автономные округа) отмечается средним для регионов Севера уровнем развития организаций МСП на фоне высоких оборотов на душу населения при среднем уровне развития индивидуального предпринимательства.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

Четвертый кластер (Архангельская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха) характеризуется уровнем развития организаций МСП по регионам Севера несколько ниже среднего при уровне развития индивидуального предпринимательства несколько выше среднего. Пятый кластер (республики Карелия, Коми и Мурманская область) отличается уровнем развития организаций МСП для регионов Севера несколько ниже среднего при низком уровне развития индивидуального предпринимательства. Шестой кластер (Республика Тыва) характеризуется низким уровнем развития организаций МСП и индивидуального предпринимательства, но высокой долей оборота ИП в общем обороте розничной торговли. Выявлено, что в целом субъекты МСП развиваются в условиях комплексного воздействия климатических (экстремальные природно-климатические условия), инфраструктурных (невысокая транспортно-коммуникационная освоенность районов, удаленность населенных пунктов, низкая плотность населения) и институциональных ограничений.

Имеющиеся барьеры развития МСП в регионах Севера осложняются нестабильной экономической средой функционирования, дестабилизируемой последствиями пандемии COVID-19 и санкционным давлением в анализируемый период. В сложившихся условиях именно грамотно выстроенная и стабильно возрастающая государственная финансовая поддержка может выступить ключевой детерминантой и рычагом развития МСП. В то же время в регионах Севера наблюдается неоднозначная динамика объемов предоставленной финансовой поддержки субъектам МСП несмотря на то, что во всех северных субъектах приоритетом в стратегиях социально-экономического развития территорий является расширение возможностей МСП, созданы и активно функционируют система и инфраструктура финансовой поддержки предпринимательства, предоставляются всесторонние формы и действуют региональные программы его поддержки.

Применение эконометрического моделирования для оценки влияния государственной финансовой поддержки на развитие МСП в регионах Севера позволило определить значимость государственного стимулирования развития предпринимательства наряду с рядом макроэкономических факторов. Было выявлено, что качественная динамика развития МСП невозможна без улучшения инвестиционного климата, снижения безработицы, стимулирования потребительского спроса путем кредитования населения, а также расширения количества получателей государственной финансовой поддержки.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теоретической науки через обоснование необходимости активизации деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства и повышения их роли в экономике регионов Севера на основе реализации системной государственной финансовой поддержки. Практическая значимость исследования заключается в том, что посредством кластеризации регионов Севера по уровню развития МСП и анализа социально-экономических условий были выявлены барьеры развития субъектов малого и среднего бизнеса, а также путем эконометрического моделирования установлено влияние государственной финансовой поддержки и макроэкономических факторов на развитие МСП северных регионов. Полученные результаты могут быть использованы для принятия управленческих решений органами власти и управления при разработке региональных мер финансовой поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, а также в образовательном процессе. Возможные направления дальнейших исследований могут включать анализ влияния различных механизмов и форм государственной финансовой поддержки на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах Севера. Особое внимание может быть уделено результативности налоговых мер, субсидий, гарантий и иных финансово-кредитных инструментов государственной поддержки МСП в контексте социально-экономических, климатических, географических особенностей развития северных территорий.

Список источников

1. Курило А. Е., Морошкина М. В. Развитие малого предпринимательства: сравнительный анализ северных и российских регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 3. С. 146–147. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.145-154.
2. Тюкавкин Н. М. Перспективы развития крупного бизнеса // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 10 (111). С. 100–101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-krupnogo-biznesa (дата обращения: 16.05.2024).
3. Терентьева М. А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском Севере // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 108–124. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.6.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

4. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7.
5. Корчак А. Д., Корчак Е. А. Основные характеристики рынка труда северных регионов РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. С. 36–37.
6. Заболоцкая В. В. Сингапур: государственная поддержка малого и среднего предпринимательства // Азия и Африка сегодня. 2020. № 2. С. 43–49. DOI: 10.31857/S032150750008472-1.
7. Баяндурян Г. Л., Гонежук М. К. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства за рубежом и возможности ее реализации в российских регионах // Вестник Академии знаний. 2019. № 35 (6). С. 63–67. DOI: 10.24411/2304-6139-2019-00012.
8. Гайнанов Д. А., Алтуфьева Т. Ю., Иванов П. А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства и развитие территорий // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 6. С. 104–120. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.7.
9. Дворак Л. Д. Система государственного регулирования малого и среднего предпринимательства: теоретический аспект // Экономика, моделирование, прогнозирование. 2021. № 15. С. 79–86.
10. Иванченко Л. А., Каптюк Е. В. Совершенствование инструментов поддержки малого и среднего предпринимательства в Красноярском крае // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–2. С. 192–197. DOI: 10.17513/vaael.1935.
11. Кармакулова А. В., Проворова А. А., Воронина Л. В. Предпринимательская активность населения северных моногородов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 90–97. DOI:10.14515/monitoring.2014.6.06.
12. Бородкина В. В., Кожина А. В., Рыжкова О. В., Улас Ю. В. Законодательство о мерах поддержки развития малого и среднего предпринимательства в северных территориях Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10–2 (63). С. 1056–1062. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24817950.
13. Dawei Xue, Jiayin Feng, Zhihong Zhu. Governmental subsidies, corporate environmental investments and firm performance: Evidence based on oil & petroleum industry // Finance Research Letters. 2023. V. 56. 104019. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104019.
14. Ronghua Xu, Yuxin Shen, Meng Liu, Lu Li, Xuehua Xia, Kaixin Luo. Can government subsidies improve innovation performance? Evidence from Chinese listed companies // Economic Modelling. 2023. V. 120. 106151. DOI: 10.1016/j.econmod.2022.106151.
15. Danni Xu, Fan Wang, Xiaopo Zhuo, Yaoqi Liu. The performance of government subsidy schemes in a competitive vaccine market considering consumers' free-riding behavior // International Journal of Production Economics. 2024. V. 268. 109122. DOI:10.1016/j.ijpe.2023.109122.
16. Feifei Yu, Hongyan Du, Xiaotong Li, Jiayu Cao. Enterprise digitalization, business strategy and subsidy allocation: Evidence of the signaling effect // Technological Forecasting and Social Change. 2023. V. 190. 122472. DOI:10.1016/j.techfore.2023.122472.
17. Li Luo, Renbang Shan, Jie Xiang. The government intervention effectiveness in promoting remanufacturing: Subsidy or remanufacturing target? // Socio-Economic Planning Sciences. 2024. V. 92. 101829. DOI:10.1016/j.seps.2024.101829.
18. Lee G. Branstetter, Guangwei Li, Mengjia Ren. Picking winners? Government subsidies and firm productivity in China // Journal of Comparative Economics. 2023. V. 51 (4). P. 1186–1199. DOI:10.1016/j.jce.2023.06.004.
19. Lin Zhao, Kim Mee Chong, Leong-Mow Gooi, Luqing Yan. Research on the impact of government fiscal subsidies and tax incentive mechanism on the output of green patents in enterprises // Finance Research Letters. 2024. V. 61. 104997. DOI:10.1016/j.frl.2024.104997.
20. Giovanni Cerulli, Bianca Potì. Evaluating the robustness of the effect of public subsidies on firms' R & D: an application to Italy // Journal of Applied Economics. 2012. V. 15 (2). P. 287–320. DOI:10.1016/S1514-0326(12)60013-0.
21. Cristiano Antonelli, Francesco Crespi. The “Matthew effect” in R & D public subsidies: The Italian evidence // Technological Forecasting and Social Change. 2013. V. 80 (8). P. 1523–1534. DOI:10.1016/j.techfore.2013.03.008.
22. Ziqiao Yan, Wanli Li, Xiaobo Tang, Hua Wang. Overseas corporate social responsibility engagement and competitive neutrality of government subsidies: Evidence from multinational enterprises in emerging markets // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2022. V. 80. 101625. DOI:10.1016/j.intfin.2022.101625.
23. Christoph E. Mueller. Startup grants and the development of academic startup projects during funding: Quasi-experimental evidence from the German ‘EXIST — Business startup grant’ // Journal of Business Venturing Insights. 2023. V. 20. e00408. DOI:10.1016/j.jbvi.2023.e00408.
24. Гамукин В. В. Особенности перераспределения финансовых ресурсов между бюджетами Тюменской области, Ямала и Югры // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 1. С. 121–136. DOI:10.37614/2220-802X.1.2024.83.009.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

25. Кондратович Д. Л. Реализация национальных проектов как фактор обеспечения благоприятных условий для саморазвития территориальных сообществ Крайнего Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. Т. 24, № 4 (74). С. 188–197. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2021.74.014.
26. Тимушев Е. Н., Терентьева М. А. Малое и среднее предпринимательство на Севере России: проблемы и политика поддержки со стороны регионов // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 3. С. 400–415. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-3-400-415.
27. Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А. Механизмы эффективного государственного управления депрессивными территориями региона для обеспечения их социально-экономического развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 3. С. 41–53. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36400320_86651284.pdf.
28. Костарева Т. А. Проблема реализации нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в условиях Севера // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 11. С. 12–16. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41479419.

References

1. Kurilo A. E., Moroshkina M. V. Razvitiye malogo predprinimatel'stva: sravnitel'nyy analiz severnykh i rossiyskikh regionov [Development of small entrepreneurship: Comparative analysis of northern and Russian regions]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2018, no. 3, pp. 146–147. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.145-154. (In Russ.).
2. Tyukavkin N. M. Perspektivy razvitiya krupnogo biznesa [Prospects of development of big business]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2013, no. 10 (111), pp. 100–101. (In Russ.). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-krupnogo-biznesa (accessed 16.10.2024).
3. Terentyeva M. A. Rol malogo predprinimatel'stva v obespechenii zanyatosti na Rossiyskom Severe [Role of small business in providing employment in the Russian North]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 108–124. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.6. (In Russ.).
4. Zubarevich N. V. Neravenstvo regionov i krupnykh gorodov Rossii: chto izmenilos' v 2010-ye gody [Inequality of regions and large cities of Russia: What was changed in the 2010s?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2019, no. 4, pp. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7. (In Russ.).
5. Korchak A. D., Korchak E. A. Osnovnyye kharakteristiki rynka truda severnykh regionov RF [Key features of the labor market in the northern regions of the Russian Federation]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2013, no. 6, pp. 36–37. (In Russ.).
6. Zabolotskaya V. V. Singapur: gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva [Singapore: State support for small and medium business] *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2020, no. 2, pp. 43–49. DOI: 10.31857/S032150750008472-1. (In Russ.).
7. Bayanduryan G. L., Gonezhuk M. K. Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva za rubezhom i vozmozhnosti ee realizatsii v rossiyskikh regionakh [State support for small and medium-sized entrepreneurship and opportunities of its implementation in the Russian regions]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2019, no. 35 (6), pp. 63–67. DOI: 10.24411/2304-6139-2019-00012. (In Russ.).
8. Gainanov D. A., Altuf'yeva T. Yu., Ivanov P. A. Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva i razvitiye territoriy [State support for small and medium-sized enterprises and territories' development]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2023, vol. 27, no. 6, pp. 104–120. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.7. (In Russ.).
9. Dvorak L. D. Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya malogo i srednego predprinimatel'stva: teoreticheskiy aspekt [The system of state regulation of small and medium-sized businesses: Theoretical aspect]. *Ekonomika, modelirovaniye, prognozirovaniye* [Economics, Modeling, Forecasting], 2021, no. 15, pp. 79–86. (In Russ.). Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=47084913.
10. Ivanchenko L. A., Kaptyuk E. V. Sovershenstvovaniye instrumentov podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v Krasnoyarskom kraye [Improvement of the tools to support small and medium-sized businesses in the Krasnoyarsk region]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2021, no. 11–2, pp. 192–197. DOI: 10.17513/vaael.1935. (In Russ.).

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

11. Karmakulova A. V., Provorova A. A., Voronina L. V. Predprinimatel'skaya aktivnost' naseleniya severnykh monogorodov [Entrepreneurial activity of the population in the northern monotowns]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2014, no. 6 (124), pp. 90–97. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.06. (In Russ.).
12. Borodkina V. V., Kozhina A. V., Ryzhkova O. V., Ulas Yu. V. Zakonodatel'stvo o merakh podderzhki razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v severnykh territoriyakh Rossiyskoy Federatsii [Legislation on measures to support the development of small and medium-sized businesses in the northern territories of the Russian Federation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2015, no. 10–2 (63), pp. 1056–1062. (In Russ.). Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=24817950.
13. Dawei Xue, Jiayin Feng, Zhihong zhu. Governmental subsidies, corporate environmental investments and firm performance: Evidence based on oil & petroleum industry. *Finance Research Letters*, 2023, Vol. 56, 104019. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104019.
14. Ronghua Xu, Yuxin Shen, Meng Liu, Lu Li, Xuehua Xia, Kaixin Luo. Can government subsidies improve innovation performance? Evidence from Chinese listed companies. *Economic Modelling*, 2023, Vol. 120, 106151. DOI: 10.1016/j.econmod.2022.106151.
15. Danni Xu, Fan Wang, Xiaopo Zhuo, Yaoqi Liu. The performance of government subsidy schemes in a competitive vaccine market considering consumers' free-riding behavior. *International Journal of Production Economics*, 2024, Vol. 268, 109122. DOI: 10.1016/j.ijpe.2023.109122.
16. Feifei Yu, Hongyan Du, Xiaotong Li, Jiayu Cao. Enterprise digitalization, business strategy and subsidy allocation: Evidence of the signaling effect. *Technological Forecasting and Social Change*, 2023, Vol. 190, 122472. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122472.
17. Li Luo, Renbang Shan, Jie Xiang. The government intervention effectiveness in promoting remanufacturing: Subsidy or remanufacturing target? *Socio-Economic Planning Sciences*, 2024, Vol. 92, 101829. DOI: 10.1016/j.seps.2024.101829.
18. Lee G. Branstetter, Guangwei Li, Mengjia Ren. Picking winners? Government subsidies and firm productivity in China. *Journal of Comparative Economics,* 2023, Vol. 51 (4), pp. 1186–1199. DOI: 10.1016/j.jce.2023.06.004.
19. Lin Zhao, Kim Mee Chong, Leong-Mow Gooi, Luqing Yan. Research on the impact of government fiscal subsidies and tax incentive mechanism on the output of green patents in enterprises. *Finance Research Letters*, 2024, Vol. 61, 104997. DOI: 10.1016/j.frl.2024.104997.
20. Giovanni Cerulli, Bianca Potì. Evaluating the robustness of the effect of public subsidies on firms' R & D: an application to Italy. *Journal of Applied Economics*, 2012, Vol. 15 (2), pp. 287–320. DOI:10.1016/S1514-0326(12)60013-0.
21. Cristiano Antonelli, Francesco Crespi. The “Matthew effect” in R & D public subsidies: The Italian evidence. *Technological Forecasting and Social Change*, 2013, Vol. 80 (8), pp. 1523–1534. DOI: 10.1016/j.techfore.2013.03.008.
22. Ziqiao Yan, Wanli Li, Xiaobo Tang, Hua Wang. Overseas corporate social responsibility engagement and competitive neutrality of government subsidies: Evidence from multinational enterprises in emerging markets. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money,* 2022, Vol. 80, 101625. DOI: 10.1016/j.intfin.2022.101625.
23. Christoph E. Mueller. Startup grants and the development of academic startup projects during funding: Quasi-experimental evidence from the German ‘EXIST — Business startup grant’. *Journal of Business Venturing Insights*, 2023, Vol. 20, e00408. DOI: 10.1016/j.jbvi.2023.e00408.
24. Gamukin V. V. Osobennosti pereraspredeleniya finansovykh resursov mezhdu byudzhetami Tyumenskoy oblasti, Yamala i Yugry [Financial redistribution among the budgets of Tyumen, Yamal, and Yugra: Distinctive aspects]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2024, no. 1, pp. 121–136. DOI:10.37614/2220-802X.1.2024.83.009. (In Russ.).
25. Kondratovich D. L. Realizatsiya natsional'nykh proyektov kak faktor obespecheniya blagopriyatnykh usloviy dlya samorazvitiya territorial'nykh soobshchestv Kraynego Severa i Arktiki [Implementation of national projects as a factor of providing favorable conditions for self-development of territorial communities of the Far North and the Arctic]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2021, vol. 24, no. 4 (74), pp. 188–197. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2021.74.014. EDN BJKRKS. (In Russ.).
26. Timushev E. N., Terentyeva M. A. Maloye i sredneye predprinimatel'stvo na Severe Rossii: problemy i politika podderzhki so storony regionov [Small and medium enterprises in the North of Russia: Problems and support policies from the regions]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economics], 2022, vol. 12, no. 3, pp. 400–415. DOI 10.25283/2223-4594-2022-3-400-415. EDN XQIGEZ. (In Russ.).

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2024

27. Shihverdiev A. P., Vishnyakov A. A., Oganezova N. A. Mekhanizmy effektivnogo gosudarstvennogo upravleniya depressivnymi territoriyami regiona dlya obespecheniya ikh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Mechanisms of effective state management of depressed territories of the region to ensure their socio-economic development]. *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2018, no. 3, pp. 41–53. (In Russ.). Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36400320_86651284.pdf.
28. Kostareva T. A. Problema realizatsii natsproyekta “Maloye i sredneye predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noy predprinimatel'skoy initsiativy” v usloviyakh Severa [The problem of implementation of the national project “Small and medium-sized entrepreneurship and support of the individual business initiatives” in northern conditions]. *Ustoychivoye razvitiye nauki i obrazovaniya* [Sustainable Development of Science and Education], 2019, no. 11, pp. 12–16. EDN HCVTOQ. (In Russ.). Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=41479419.

Об авторах:
К. А. Захарова — канд. экон. наук, доц., заведующая кафедрой экономики и финансов;
Н. А. Бабурина — канд. экон. наук, доц., заместитель директора Финансово-экономического института.

About the authors:
K. A. Zakharova — PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance;
N. A. Baburina — PhD (Economics), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Finance and Economics.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2024 года.
Статья принята к публикации 20 января 2025 года.
The article was submitted on October 18, 2024.
Accepted for publication on January 20, 2025.

© Захарова К. А., Бабурина Н. А., 2025

Научная статья
УДК 332.12
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.010

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРЕ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Ариф Пирвелиевич Шихвердиев[1], Андрей Анатольевич Вишняков[2], Нина Александровна Оганезова[3]
[1, 2, 3]Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
[1]shikverdiev@yandex.ru, ORCID 0000-0002-2969-3053
[2]aavishnyakov@mail.ru, ORCID 0000-0003-1532-1010
[3]ninok0112@rambler.ru, ORCID 0000-0001-6189-6021

Аннотация. В современных условиях следует обеспечить развитие северных и арктических территорий России по инновационно ориентированному сценарию, что обуславливает и необходимость повышения инновационной активности малого и среднего предпринимательства. В этом ключевую роль должно играть государство и его меры поддержки. Целью представленного в статье исследования является выявление причин недостаточного инновационного развития малого и среднего предпринимательства в условиях Севера и Арктики (на примере Республики Коми) с позиции представителей малого и среднего бизнеса, разработка рекомендаций, направленных на решение выявленных проблем, в том числе на основе повышения эффективности мер государственной поддержки, а также обоснование необходимости разработки и внедрения элементов новой, более эффективной системы корпоративного управления, адаптированной для малого и среднего предпринимательства. По результатам проведенного исследования определены причины неиспользования инновационного потенциала, оценена эффективность существующего механизма поддержки малого и среднего предпринимательства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми), разработаны элементы механизмов государственной поддержки повышения инновационной активности малого и среднего предпринимательства. Научная новизна заключается в разработке комплекса мер, предлагаемых к внедрению в практику государственной поддержки инновационного малого и среднего предпринимательства, в создании и обосновании элементов системы корпоративного управления как более совершенной организационной структуры, отвечающей на вызовы и риски, влияющие на экосистему инновационного малого и среднего предпринимательства на Севере и в Арктике. Полученные результаты могут стать основой для разработки дополнительных мер регионального уровня, направленных на повышение инновационной активности малого и среднего предпринимательства в условиях Севера и Арктики, а также для дальнейших исследований роли малого и среднего предпринимательства в обеспечении экономической безопасности региона и снижении оттока населения, для определения направлений совершенствования системы корпоративного управления предпринимательской экосистемы.
Ключевые слова: инновационная активность, корпоративное управление, малое и среднее предпринимательство, Север, Арктика
Для цитирования: Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А. Инновационная активность малого и среднего предпринимательства на Севере и арктических территориях: опыт Республики Коми // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 149–162. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.010.

Original article

INNOVATION-DRIVEN ACTIVITIES OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE NORTH AND THE ARCTIC: INSIGHTS FROM THE KOMI REPUBLIC

Arif P. Shikhverdiev[1], Andrey A. Vishnyakov[2], Nina A. Oganezova[3]
[1, 2, 3]Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
[1]shikverdiev@yandex.ru, ORCID 0000-0002-2969-3053
[2]aavishnyakov@mail.ru, ORCID 0000-0003-1532-1010
[3]ninok0112@rambler.ru, ORCID 0000-0001-6189-6021

Abstract. In the contemporary context, fostering the development of Russia's northern and Arctic territories through an innovation-oriented approach is essential. This necessitates boosting the innovation-driven activities of small and medium-sized enterprises (SMEs), with government support playing a key role. Using the Komi Republic as a case study, this article aims to identify the factors hindering the innovation-driven development of SMEs in the North and the Arctic from

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

the perspective of SME stakeholders. It also seeks to propose recommendations to address these challenges, including improving the effectiveness of government support measures and advocating for the development and implementation of a more efficient corporate governance system tailored to SMEs. The study identifies key barriers preventing the full utilization of innovative potential, evaluates the effectiveness of existing government support mechanisms for SMEs in northern and Arctic regions (with a focus on the Komi Republic), and proposes measures to foster innovation-driven activities among SMEs. The scientific contribution of this research lies in formulating a set of policy recommendations to strengthen government support for innovative SMEs and in developing and substantiating elements of a corporate governance framework as a more advanced organizational model. This model is designed to address the challenges and risks impacting the ecosystem of innovative SMEs in the North and Arctic. The findings of this study provide a foundation for the development of additional regional policy measures aimed at fostering innovation among SMEs in these regions. Moreover, they contribute to further research on the role of SMEs in ensuring regional economic security and mitigating population outflow, as well as guiding improvements in the corporate governance structure within the entrepreneurial ecosystem.
Keywords: innovation-driven activity, corporate governance, small and medium-sized enterprises, the North, the Arctic
For citation: Shikhverdiev A. P., Vishnyakov A. A., Oganezova N. A. Innovation-driven activities of small and medium-sized enterprises in the North and the Arctic: Insights from the Komi Republic. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 149–162. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.010.

Введение

Важным этапом регионального стратегического планирования являются анализ и оценка уровня развития малого и среднего предпринимательства (далее — МСП). Предпринимательство играет ключевую роль в обществе, выполняя ряд важных функций: оно способствует ускорению внедрения научных достижений, стимулирует экономический рост, поддерживает инновационную и социальную деятельность, обеспечивает занятость населения и предлагает высококачественные товары и услуги [1], создавая общие условия для развития по инновационному сценарию. Тем самым обеспечивается сдвиг кривой трансформации. Это, в свою очередь, обеспечивает технологический суверенитет, перспективность развития, экономическую безопасность, прорывное развитие страны и ее регионов.

Почему нужно повышать инновационную активность МСП? МСП обеспечивает рост валового и регионального внутреннего продукта, сокращение доли безработных в общем объеме трудоспособного населения, снижение миграционного оттока населения и др. При росте активности МСП реализуются основные позитивные факторы экономической безопасности, а развитие инновационного МСП оказывает непосредственное положительное влияние на инновационные показатели экономической безопасности [2–4].

Необходимо отметить, что инновации и МСП играют значительную роль в процессе внедрения современных инновационных технологий, обеспечивающих рациональное использование природных ресурсов, энерго- и ресурсосбережение [5]. Особенно важным является развитие инновационного МСП, учитывая значимость следующих особенностей, которые характерны для такого типа малого и среднего предпринимательства:

— инновационное МСП обладает более высокой экономической эффективностью;

— малые и средние инновационные предприятия осуществляют внедрение наукоемкой продукции в различные отрасли;

— инновационное МСП способствует росту эффективности и конкурентоспособности отдельных производств в условиях Севера и Арктики;

— такого рода предприятия обеспечивают расширение взаимосвязей между наукой, производством и потребителями;

— инновационность является эффективным механизмом взаимодействия между крупным и малым бизнесом (что особенно сильно проявляется в топливно-энергетическом комплексе и лесной отрасли);

— малые и средние инновационные предприятия могут встраиваться в технологические процессы, производить комплектующие для крупного бизнеса;

— инновационное МСП оперативно учитывает требования по социальной, экологической ответственности и устойчивому развитию;

— такого рода предприятия обеспечивают рост инновационной составляющей в валовом региональном продукте, что важно с точки зрения развития территорий и обеспечения экономической безопасности регионов.

Также необходимо сказать и о других преимуществах малого и среднего инновационного предпринимательства: а) инновационное МСП обладает способностью быстро адаптироваться под требования потребителей, внешних вызовов и рынка в целом; б) малое и среднее инновационное предпринимательство характеризуется большей эффективностью учредителей и гибкостью в управлении, что создает возможности оперативно и эффективно реализовывать принятые решения; в) такой тип предпринимательства обладает

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

достаточно высокими возможностями в реализации творческого подхода при выполнении инновационных проектов.

Говоря о развитии малых и средних инновационных предприятий на Севере и в Арктике, необходимо учитывать основные проблемы их становления и развития, связанные со специфическими особенностями этих территорий [6–8]. К основным специфическим особенностям Севера и Арктики можно отнести:

— суровые климатические условия и стратегические риски ведения бизнеса;

— значительная удаленность территорий Севера и Арктики (например, Республики Коми) от экономических и культурных центров Российской Федерации (однако здесь следует отметить, что для инновационной продукции отсутствуют критерии удаленности, в этом важность и нужность инновационных предприятий на Севере и в Арктике);

— наличие высокой доли коренного населения и необходимость учета их интересов, защищаемых законодательно;

— высокая экологическая нагрузка на окружающую среду;

— миграционный отток населения из регионов Севера и Арктики;

— недостаточно высокий уровень предпринимательской активности населения по причине неуверенности в будущем бизнеса и слабой развитости инновационной инфраструктуры;

— низкий уровень квалификации местных кадров и необходимость привлечения кадров из неарктических регионов;

— недостаточность компетенций управленческих работников в части ведения бизнеса в условиях Севера и Арктики;

— существующая инновационная инфраструктура не обеспечивает инновационное развитие бизнеса;

— отсутствие в регионе экосистемы венчурной индустрии как фактора развития инноваций.

В связи со все возрастающей в последние годы стратегической необходимостью освоения северных и арктических регионов Российской Федерации внимание государственных органов, институтов развития и научного сообщества все чаще приковывают вопросы реализации стратегических, государственных, социально-экономических и программных механизмов развития этих территорий. Однако, несмотря на такое повышенное внимание, создание фондов, разработку механизмов поддержки, доля МСП в валовом региональном продукте не растет, количество реализованных стартапов мало́, а активность МСП в разработке новых стартапов и в модернизации уже функционирующих компаний недостаточна.

Реакцией на сложившуюся ситуацию стало принятие ряда важнейших нормативных документов: «Стратегии развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на период до 2035 года»[1], «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»[2], государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [5]. Эти документы, помимо постулирования приоритетов государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), закрепили в качестве целей развитие социально-экономического потенциала АЗРФ и повышение качества жизни населения российской Арктики. Сложившаяся в сфере развития МСП ситуация послужила также одной из причин принятия Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»[3] и утверждения Перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) арктических территорий РФ, в том числе выполняющих функции обеспечения национальной безопасности и (или) баз развития минерально-сырьевых центров, объектов экономики и (или) инфраструктуры в арктической зоне РФ[4].

Исследования, посвященные развитию МСП, в том числе в АЗРФ, показали важность стратегических и программных механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства. Они определяют долгосрочные цели и методы поддержки, формируют устойчивые внутренние связи в системе МСП, стимулируют развитие инновационных проектов, определяют стратегию и приоритеты развития региона с учетом интересов МСП [9–11].

[1] Указ Президента РФ от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.05.2024).

[2] Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.05.2024).

[3] Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/45677 (дата обращения: 05.10.2024).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2023 № 3377-р (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции обеспечения национальной безопасности и (или) баз развития минерально-сырьевых центров, объектов экономики и (или) инфраструктуры в Арктической зоне РФ» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/swH5WxRwFOGjLhqUigoDpo4NAIqmMfJe.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

Ученые отмечают, что при планировании и принятии решений в соответствии с национальным законодательством и институциональными ограничениями национальной экономике необходимо также учитывать отличие арктических регионов от других территорий России. Однако представленные исследования рассматривают развитие МСП в условиях АЗРФ только применительно к отдельным объектам, а не в целом, а также без учета угроз и рисков по всем видам арктической деятельности.

Научные публикации других исследователей, занимающихся проблематикой развития малого и среднего предпринимательства (см., например, работы [12–14]), позволили оценить влияние государственной социально-экономической политики на предпринимательскую деятельность на северных территориях, выявили особенности и роль механизмов государственной поддержки МСП в различных регионах страны. Так, в работе [12] рассмотрены теоретико-методологические положения и представлен разработанный методический инструментарий оценки социально-экономической результативности государственной политики в сфере предпринимательства в северных регионах России. Результаты исследования особенностей реализации мер государственной поддержки субъектов МСП в условиях становления цифровой экономики систематизированы в работе [13]. Отличительные особенности общегосударственной поддержки МСП представлены в работе [14]. Хотя указанные научные работы дают ценную информацию о роли государственной социально-экономической политики и механизмах поддержки МСП, они не всегда учитывают специфику северных и арктических регионов, где условия ведения бизнеса могут существенно отличаться от более южных территорий России. Важно проводить более глубокие исследования и разрабатывать специализированные подходы к поддержке МСП на Севере и в Арктике, учитывая уникальные экономические, социальные и природные факторы этих территорий.

В свою очередь, авторы данной статьи в своей предыдущей работе [15], посвященной исследованию экосистем предпринимательской деятельности в условиях Севера и Арктики, выявили факторы, влияющие на эффективность государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, определили особенности реализации государственной поддержки с учетом специфики Севера и Арктики. Также авторами ранее были исследованы система и структура механизма государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, были выделены важнейшие составляющие — организационно-правовая, программно-целевая и функционально-ресурсная. Таким образом, авторами раскрывается комплексный подход к рассмотрению механизмов государственной поддержки.

По результатам обзора зарубежных и российских исследований, в том числе и тех, которые были проведены авторами данной статьи ранее (см., например, работы [5; 15] и ряд других), можно сделать вывод, что развитие северных и арктических территорий имеет лучшие перспективы с внедрением инновационного подхода (для экономического роста и устойчивого развития), а наиболее приоритетным направлением для инновационного развития в условиях Севера и Арктики является финансовая поддержка. Следует отметить, что в существующем научном дискурсе практически отсутствуют исследования роли системы корпоративного управления как внутренней основы обеспечения инновационной активности и развития МСП. Также в проанализированных трудах ряда авторов не рассматривается роль организационной структуры малого и среднего предпринимательства (совета директоров и других компонентов, помогающих развитию). Однако, по нашему мнению, именно организационная структура МСП может являться стержнем, привлекающим инвесторов, оказывать существенное влияние на реализацию инновационных проектов, снижать риски, повышать репутацию и в конечном итоге обеспечивать конкурентоспособность и выживаемость инновационных предприятий на Севере и в Арктике.

Исходя из вышесказанного, для развития северных и арктических территорий России по инновационно ориентированному сценарию и повышения инновационной активности МСП в современных условиях следует усилить роль как крупных компаний, так и государства (включая его меры поддержки) [16–20]. При этом необходим постоянный анализ инновационной активности малых и средних предприятий, осуществляющих свою деятельность в условиях Севера и Арктики, а также анализ влияния крупных компаний и государства на МСП. Требуется разработать и внедрить эффективные механизмы государственной поддержки повышения инновационной активности МСП для развития северных и арктических территорий, устранить причины неиспользования инновационного потенциала МСП. В составе разработанных механизмов необходимо сделать упор на расширение возможностей инновационных МСП с большим товарооборотом и внедрение элементов венчурной индустрии в совершенствовании инновационной экосистемы.

Учитывая, что предыдущие исследования авторов позволили определить в качестве основной проблемы развития этой сферы на Севере и в Арктике России недостаточную инновационную активность

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

малого и среднего предпринимательства, авторами поставлена следующая цель данного исследования — выявление причин недостаточного инновационного развития малого и среднего предпринимательства в условиях Севера и Арктики (на примере Республики Коми) с точки зрения самих представителей малого и среднего бизнеса, разработка рекомендаций, направленных на решение выявленных проблем, в том числе на основе повышения эффективности мер государственной поддержки, а также обоснование необходимости разработки и внедрения элементов новой, более эффективной системы корпоративного управления, адаптированной для малого и среднего предпринимательства. Научная новизна заключается в разработке комплекса мер, предлагаемых к внедрению в практику государственной поддержки инновационного малого и среднего предпринимательства, в создании и обосновании элементов системы корпоративного управления как более совершенной организационной структуры, отвечающей на вызовы и риски, влияющие на экосистему инновационного малого и среднего предпринимательства на Севере и в Арктике.

Материалы и методы

Авторами статьи в 2023 г., в рамках деятельности Научно-образовательного центра «Инновации в экономике» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, было проведено исследование по проблемам развития МСП в условиях Севера и Арктики в 15 муниципалитетах, в том числе на арктических территориях Республики Коми. Акцент был сделан на инновационное развитие, на проблемы, связанные с модернизацией, созданием высокоинтеллектуальных и инновационных производств, а также на оценку существующей государственной поддержки МСП. Результаты этого исследования послужили базисом для подготовки данной статьи. Некоторые результаты также были апробированы на XIII Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее» (декабрь 2023 г., г. Санкт-Петербург).

Методами настоящего изыскания стали: анкетирование, экспертный опрос, наблюдение, анализ, синтез, аналогия, сравнение, экспертная оценка, графический метод, анализ статистических данных. В основу положены результаты анкетирования и экспертного опроса предпринимателей, относящихся к МСП, осуществляющих свою деятельность в 15 муниципалитетах Республики Коми, в том числе в 4 арктических муниципальных образованиях. В работе также были использованы нормативные и научные материалы. Основными направлениями анализа проблем инновационного развития МСП в условиях Севера и Арктики являлись: внутренние и внешние факторы деятельности бизнеса, сдерживающие его развитие и повышение конкурентоспособности; отношение бизнеса к инновациям; факторы, сдерживающие модернизацию экономики; факторы, влияющие на возможность создания в регионе высокоинтеллектуальных и высокотехнологичных производств; меры, стимулирующие процессы создания инновационных производств.

Обсуждение результатов

Исследование, включающее анкетирование и экспертный опрос действующих предпринимателей, проведенное авторами данной статьи в 2023 г. в 15 муниципалитетах Республики Коми (в том числе в 4 арктических), позволило выявить основные проблемы развития малого и среднего предпринимательства в этом регионе. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, было определено, что основными проблемами модернизации, с точки зрения представителей самого малого и среднего предпринимательства, являются (рис. 1): отсутствие четкого механизма реализации модернизации и нежелание бизнеса ее проводить (суммарно 34 % респондентов обозначили эти две проблемы в качестве основных факторов, сдерживающих модернизацию экономики).

Можно предположить, что все перечисленные респондентами проблемы взаимосвязаны и взаимозависимы, но их появлению способствуют и другие негативные факторы, к которым можно отнести: 1) недостаточно высокий уровень системы управления на данных предприятиях; 2) слабую проектную ориентированность данных предприятий; 3) отсутствие четкой стратегии развития компаний; 4) сформированные системы управления, не стимулирующие создание условий для творчества; 5) отсутствие региональной инфраструктуры для развития инноваций.

Во-вторых, среди факторов, влияющих на создание в Республике Коми высокотехнологичных производств (рис. 2), по мнению опрошенных предпринимателей, можно выделить два таких проблемных блока, как «Интеллектуальный потенциал» (88 %) и «Возможность реализации индивидуальных устремлений» (75 %). Думается, что в целях активизации инновационного потенциала важным является создание на предприятиях условий для поддержания творческих целей и реализации индивидуальных устремлений работников.

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

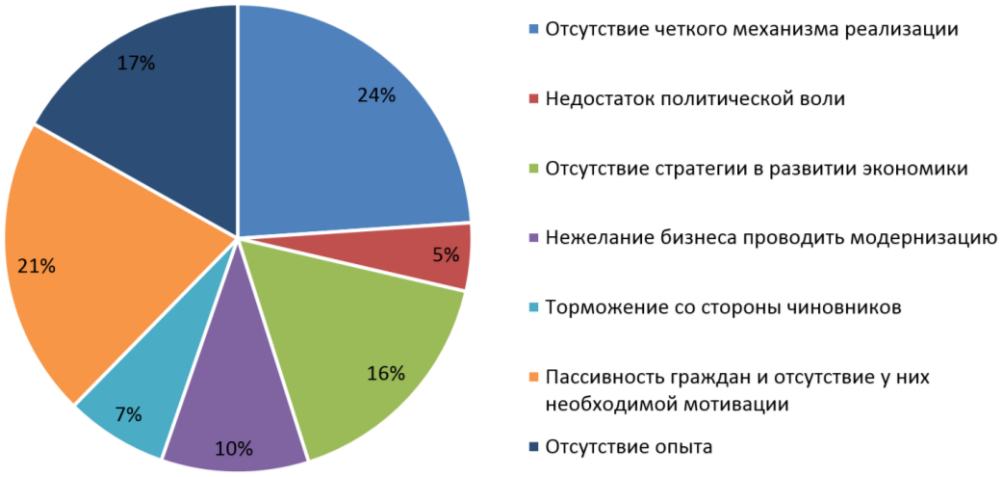


Рис. 1. Факторы, сдерживающие модернизацию экономики, %. *Источник:* составлено авторами

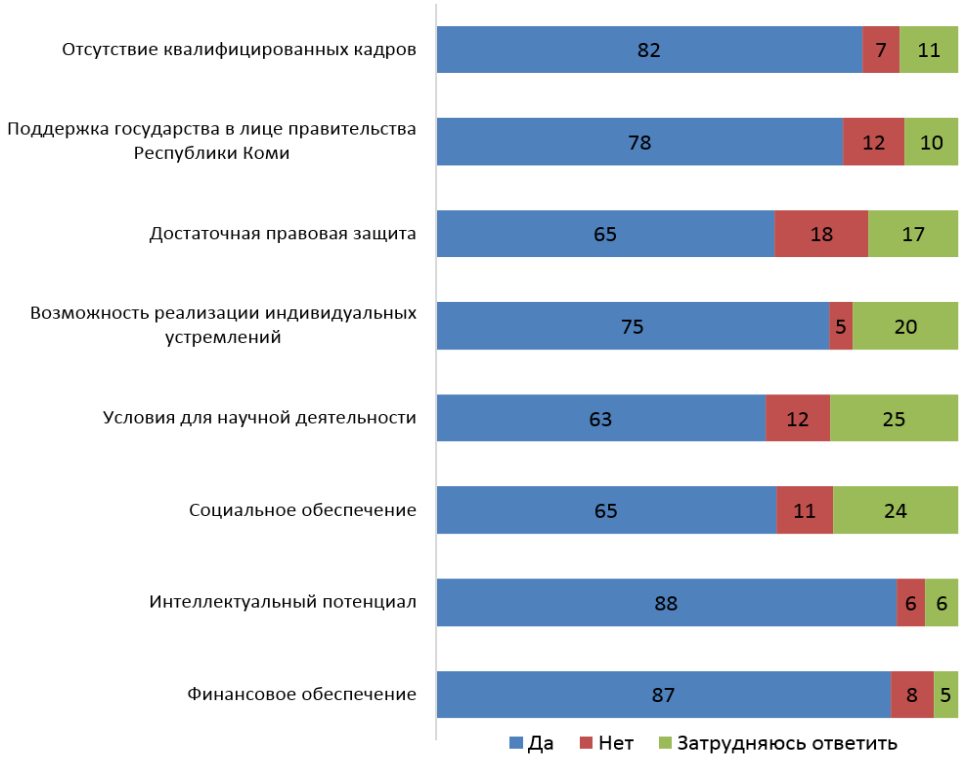


Рис. 2. Факторы, влияющие на возможность создания в Республике Коми высокоинтеллектуальных, высокотехнологичных производств, %. *Источник:* составлено авторами

Отдельно необходимо отметить проблему финансового обеспечения инноваций (87 %). В целях нивелирования данной проблемы необходима государственная поддержка, создание рынка ценных бумаг и экосистемы венчурной индустрии.

На особом месте — отсутствие высококвалифицированных кадров (82 %). Конечно, без эффективных учредителей, без профессионализма ни модернизации, ни инноваций не будет.

Следует отметить важность создания наукоемких высокоинтеллектуальных компаний, для чего представляется необходимым активизировать механизмы стимулирования инновационного развития путем повышения качества подготовки кадров, взаимодействия с передовыми инновационными центрами, совершенствования государственной поддержки, развития информационных технологий и повышения результативности институтов развития предпринимательства.

В-третьих, с точки зрения представителей МСП,

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

существующие механизмы их поддержки недостаточно эффективны. Важно отметить, что более 60 % респондентов оценили эффективность механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства как очень слабую, слабую или среднюю. Это показывает, что при имеющемся недостаточно эффективном уровне действующего в настоящее время механизма государственной поддержки предприятия малого и среднего бизнеса в условиях Севера и Арктики могут только выживать, но не модернизироваться и не развиваться инновационно. Скорее всего, инновационные предприятия смогут развиваться (тем более в условиях Севера и Арктики), если все механизмы государственной поддержки работают на «хорошо» и «очень хорошо». Но анализ результатов проведенного авторами опроса МСП показывает, что позитивную оценку дают менее четверти респондентов, а негативную — подавляющее большинство (рис. 3).

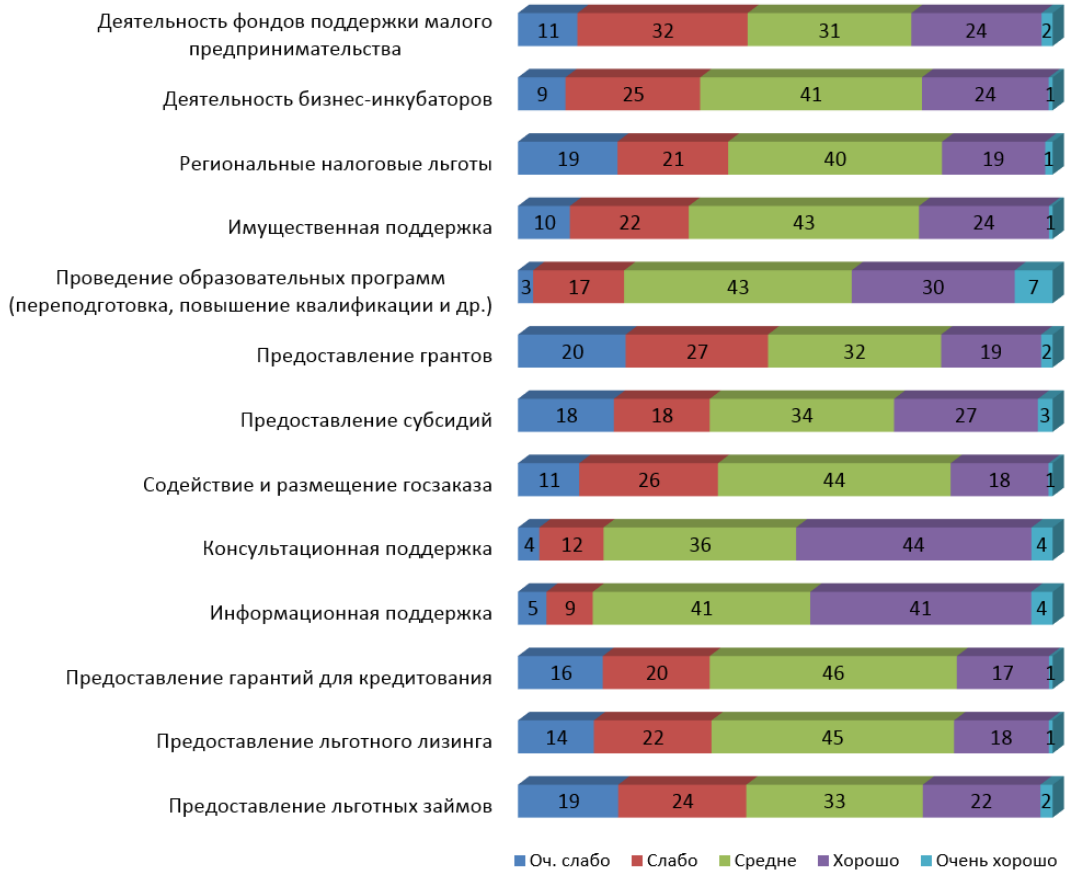


Рис. 3. Оценка эффективности существующего механизма поддержки малого и среднего бизнеса в Республике Коми, %. *Источник:* составлено авторами

Проведенный нами анализ показал, что система корпоративного управления на малых и средних предприятиях в условиях Севера и Арктики находится на недостаточно высоком уровне (при этом мотором модернизации и инновационного развития является как раз эффективное корпоративное управление, включающее эффективный совет директоров и эффективных менеджеров).

Таким образом, представленный выше анализ проблем развития малого и среднего предпринимательства в Республике Коми с позиции самих представителей МСП позволил выявить основные причины неиспользования инновационного потенциала и дать оценку эффективности существующего механизма поддержки малого и среднего предпринимательства северных и арктических территорий. В целях нивелирования выявленных проблем и факторов, негативно влияющих на развитие инновационного МСП в регионах Севера и Арктики России, авторами разработаны элементы механизмов государственной поддержки повышения инновационной активности малого и среднего предпринимательства на северных и арктических территориях нашей страны, представленные ниже.

В целях стимулирования и развития

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

инновационного малого и среднего предпринимательства всем субъектам корпоративного управления, в том числе учредителям компании и менеджерам, необходимо поддерживать творческую активность работников, поскольку творческая деятельность — это производство новых идей в целях повышения эффективности и производительности в компании, а в широком смысле — это обеспечение расширенного воспроизводства, т. е. то, без чего существование и развитие МСП в условиях Севера и Арктики невозможно.

Важной ролью совета директоров в системе корпоративного управления малого и среднего предпринимательства является создание условий и инфраструктуры для направления творческой энергии работников компании на выпуск инновационной продукции, которая в итоге обеспечивает конкурентоспособность предприятий. В противном случае идеи творческих работников, направленные на решение корпоративных проблем, удовлетворение потребностей самой компании, расширение ее возможностей на рынке с новым инновационным продуктом, могут остаться просто процессом, а не конечным результатом.

Для развития творческой деятельности и инноваций руководителям (совету директоров) компаний, по мнению авторов, необходимо:

— согласовывать приоритетные направления развития творческой деятельности работников компании с целями и задачами корпоративной стратегии, а также с новыми потребностями рынка и внешними вызовами;

— создать систему признания и поддержки проведения работниками компании исследований и экспериментов в целях производства новых идей;

— создать систему поощрения работников, включающую разнообразные механизмы и инструменты стимулирования, позволяющие через различные экономические и неэкономические стимулы направить творческого работника на поиск новых инновационных идей;

— организовывать более эффективные внутренние коммуникации (отсутствие контактов внутри самой компании порождает существенные ограничения координации инновационных идей, возникающих у творческих работников, и зачастую невозможность их реализации).

Помимо этого, в целях обеспечения инновационного развития предприятий совету директоров необходимо:

— поддерживать креативные идеи, поощрять любознательность, исследовательскую работу и эксперименты;

— внедрять различные стимулирующие механизмы в целях появления у работников инновационных идей;

— создавать инструменты (механизмы), обеспечивающие кросс-функциональное сотрудничество в части формирования временных рабочих групп для реализации приоритетных задач.

Все малые и средние инновационные предприятия, независимо от организационно-правовой формы, в своей организационной структуре должны иметь совет директоров, членами которого должны являться представители как государства, так и институтов развития предпринимательства в регионе. Советы директоров должны являться гарантами в привлечении инвестиций для реализации инновационных проектов и освоения рынка, проводником идеологии развития инноваций и управления рисками, связанными с инновационным продуктом.

Респонденты в ходе исследования отметили большую роль Торгово-промышленной палаты (ТПП) как института развития в поддержке предпринимательства и обеспечении инновационной активности МСП. На наш взгляд, ТПП имеет потенциал расширения выполняемых ею функций в сфере развития малого и среднего инновационно активного предпринимательства. В качестве таких новых функций и направлений деятельности ТПП можно выделить:

— проведение мониторинга состояния северного и арктического предпринимательства и анализ факторов, определяющих его развитие;

— создание единой информационной базы по северному и арктическому предпринимательству;

— создание на базе ТПП единой площадки по взаимодействию и обмену опытом субъектов северного и арктического МСП, инвесторов, представителей общественности, власти и крупного бизнеса.

Помимо этого, по мнению авторов, ТПП необходимо:

— инициировать создание и развитие инвестиционно-венчурного фонда Севера и Арктики, проводить северные и арктические венчурные ярмарки, форумы и т. д.;

— выявлять необоснованные ограничения и барьеры, разрабатывать предложения и оказывать содействие в решении проблем в сфере малого и среднего инновационно активного северного и арктического предпринимательства;

— проводить регулярный правовой мониторинг законодательных актов в сфере северного и арктического предпринимательства.

Также, по нашему мнению, все инновационные малые и средние предприятия должны в обязательном порядке быть членами ТПП, которая будет играть роль и трансфера технологий, и информационной базы, и помощника при реализации готовой продукции.

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

В рамках такого подхода можно предложить следующие основные направления деятельности ТПП в части развития инновационно активного северного и арктического предпринимательства:

— разработка концептуальных основ и конкретных мероприятий по развитию северных и арктических территорий;

— модернизация действующей и формируемой нормативно—правовой базы развития МСП регионов Севера и Арктики России;

— развитие инфраструктуры северного и арктического предпринимательства;

— поддержка инноваций и стимулирование северной и арктической венчурной индустрии;

— активизация использования инструментов государственно-частного партнерства как эффективного механизма инвестирования инновационного предпринимательства;

— совершенствование корпоративного управления и регулирование стратегических рисков как основы экосистемы северного и арктического инновационного предпринимательства;

— обеспечение надлежащего уровня ответственности северного и арктического инновационного предпринимательства в социальной и экологической сфере;

— содействие подготовки в регионе управленческих кадров, знающих специфику предпринимательства в условиях Севера и Арктики;

— укрепление взаимоотношений между резидентами Севера и Арктики и коренными малочисленными народами.

В целом для развития инновационного МСП на Севере и в Арктике, по мнению авторов, необходимо:

1) активизировать результативное взаимодействие власти и бизнеса для повышения инновационной активности в условиях Арктики;

2) развивать фондовый рынок как эффективный механизм привлечения инвестиций для реализации инвестиционных проектов в регионе;

3) способствовать построению качественной инфраструктуры для развития МСП в Арктике по инновационному сценарию;

4) стимулировать индустрию венчурного предпринимательства РФ на освоение арктических территорий. Представляется необходимым построение модели «Арктический венчур» в качестве высокотехнологичного инструмента развития инноваций;

5) создать региональный венчурный фонд в структуре «Мой бизнес» региона, организационно взаимодействующий с Российским фондом прямых инвестиций и АО «Российская венчурная компания»;

6) законодательно закрепить ответственность резидентов Арктической зоны при взаимодействии с коренными народами;

7) распространить предусмотренные Федеральным законом «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» льготы по налогам, возмещению части расходов по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и установленные иные меры поддержки резидентов Арктической зоны на всех малых и средних предпринимателей Арктической зоны, не являющихся резидентами;

8) обеспечить рост эффективности принимаемых решений со стороны органов государственной власти и институтов развития. В этих целях следует выделить проблематику обеспечения экономической безопасности арктических территорий (в частности, требуется разработка количественных и качественных параметров состояния экономики арктических территорий, выход за пределы которых вызывает угрозу экономической безопасности).

Главным, по мнению авторов, является повышение инновационности факторов экосистемы предпринимательской деятельности, так как ее составляющие в совокупности являются инфраструктурой для инновационного предпринимательства. На наш взгляд, основными факторами экосистемы предпринимательской деятельности для развития инновационности является система корпоративного управления, которая должна подталкивать предприятия к инновациям, а государство должно разрабатывать эффективные механизмы поддержки инноваций.

Помимо этого, необходимо создание системы стимулирования, разработки и реализации стартап-проектов, а также создание трансфера технологий (в том числе с участием крупных предприятий в регионе).

Учитывая стоящие перед Российским фондом прямых инвестиций задачи (обеспечить приток инвестиций, способствовать модернизации российской экономики, привлечь мировые технологии и кадры в Россию), нужно усилить деятельность этого фонда в сфере решения проблем модернизации и развития инновационных предприятий в условиях Севера и Арктики, расширить его участие в инициировании стартап-проектов. Также следует активизировать подготовку стартапов для различных отраслей и создать систему трансфера технологий с участием государственных структур, крупных компаний и вузов, в связи с чем необходима подготовка управленческих кадров по особой программе, учитывающей целесообразность формирования управленческих компетенций, связанных с особенностями Севера и Арктики.

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

В целях развития инновационного предпринимательства в условиях Севера и Арктики, изменения структуры валового регионального продукта в пользу инновационного продукта, на наш взгляд, требуются разработка и реализация в регионе Концепции инновационного развития, предусматривающей все направления, обеспечивающие рост инновационной активности предпринимательства. Такими составляющими должны быть:

— инструменты стимулирования инновационного предпринимательства, в том числе с участием крупного бизнеса;

— возможности создания стартапов и трансфер технологий;

— создание эффективной инфраструктуры поддержки инноваций;

— система мер ответственности.

Учитывая позитивный опыт ряда регионов, Концепция инновационного развития региона может включать 12 шагов построения креативной индустрии, разработанных Агентством стратегических инициатив (АСИ)[5].

В целях повышения эффективности государственной поддержки создания и развития инновационно активного МСП в условиях Севера и Арктики целесообразным является разработка и внедрение Плана обеспечения экономической безопасности региона в соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года[6]. Также важным является определение пороговых значений основных факторов обеспечения экономической безопасности региона, например, таких, как рост валового регионального продукта, доля в его структуре МСП и инновационных продуктов. При этом государственные институты, включая институты развития, при поддержке МСП, в том числе инновационного, должны работать на конечный результат — выполнение пороговых значений.

В результате проведенного исследования также был сделан вывод о том, что в условиях Севера и Арктики для инновационного развития предпринимательской экосистемы крайне важным является стимулирование государством крупных компаний к сотрудничеству с малыми и средними инновационными предприятиями. Так как основой промышленности Севера и Арктики является добыча природных ресурсов крупными предприятиями, именно они могут обеспечить поддержку и клиентскую базу для инновационно ориентированных малых и средних предприятий.

Заключение

Исследование, представленное в данной статье, позволило выявить основные проблемы, характерные для малого и среднего предпринимательства, в первую очередь те проблемы, которые были определены как наиболее важные с точки зрения самих представителей малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в Республике Коми — одном из северо-арктических регионов России. Наиболее важными проблемами МСП на Севере и в Арктике в настоящее время являются:

1) низкий уровень конкурентоспособности;

2) недостаточная инвестиционная привлекательность;

3) нехватка высокотехнологичных финансовых инструментов для развития МСП в условиях Севера и Арктики по инновационному сценарию и, соответственно, низкая инновационная активность предпринимательства;

4) неразвитость рынка ценных бумаг и экосистемы венчурной индустрии в целом;

5) отсутствие высококвалифицированных кадров и низкое качество подготовки кадров;

6) необходимость совершенствования государственной поддержки в части развития информационных технологий и повышения результативности институтов развития предпринимательства;

7) отсутствие возможности реализации интеллектуального потенциала и связанные с этим проблемы развития индивидуальных творческих устремлений.

В целях нивелирования выявленных проблем и инновационного развития малого и среднего предпринимательства на Севере и в Арктике России авторами разработаны элементы механизмов государственной поддержки повышения инновационной активности МСП, включающие: 1) создание советом директоров условий, которые помогут направить творческие усилия работников на разработку инновационных продуктов, что укрепит конкурентоспособность предприятия; 2) разработку и внедрение Плана обеспечения экономической безопасности региона в соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года; 3) построение качественной инфраструктуры по инновационному сценарию; 4) повышение инновационности факторов экосистемы предпринимательской деятельности; 5) включение малого и среднего предпринимательства в состав Торгово-промышленной палаты, которая будет выполнять функции передачи

[5] Региональный стандарт развития креативных индустрий. URL: Regionalnyy_standart_razvitiya_kreativnykh_industriy.pdf (kultura-to.ru) (дата обращения: 10.05.2024).

[6] Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.05.2024).

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

технологий, информационного центра и помощника в вопросах сбыта готовой продукции и др.

Представленные в данной статье выводы позволили обосновать необходимость и предложить основные направления развития системы корпоративного управления на основе создания более совершенной организационной структуры, отвечающей на вызовы и риски, для экосистемы инновационного малого и среднего предпринимательства на Севере и в Арктике, что ранее не делалось.

Проведенное исследование существенно расширяет и дополняет полученные ранее результаты при анализе факторов развития малого и среднего предпринимательства в Арктике, а также экосистем предпринимательства на арктических территориях.

Научная значимость полученных результатов заключается в изучении проблем развития инновационного малого и среднего предпринимательства в условиях Севера и Арктики с позиций комплексного подхода к исследованию МСП, базирующегося не только на рассмотрении этой сферы как объекта социально-экономического и пространственного развития (с учетом территориальных особенностей северных и арктических регионов), но и на оценке проблем и перспектив развития МСП, данной представителями малого и среднего предпринимательства одного из северо-арктических регионов России — Республики Коми. Новизна исследования заключается также в разработке комплекса мер, предлагаемых к внедрению в практику государственной поддержки инновационного малого и среднего предпринимательства, создании и обосновании элементов системы корпоративного управления как более совершенной организационной структуры, отвечающей на вызовы и риски, влияющие на экосистему инновационного малого и среднего предпринимательства на Севере и в Арктике, что имеет и практическую значимость.

Разработанные нами рекомендации, направленные на инновационное развитие МСП, учитывают необходимость более эффективного использования потенциала северных и арктических территорий; стимулирование и развитие малого и среднего инновационно активного предпринимательства как одного из приоритетных национальных проектов; обеспечение развития по инновационному сценарию; совершенствование инновационной инфраструктуры; решение ряда социальных и экологических проблем, в том числе связанных с национальной и экономической безопасностью страны. Решение обозначенных в исследовании проблем поможет повысить роль малого и среднего инновационного предпринимательства в социально-экономическом развитии северных и арктических территорий, увеличить его долю в валовом внутреннем продукте страны и региона.

Представленные в статье результаты могут стать основой для разработки дополнительных мер регионального уровня, направленных на повышение инновационной активности малого и среднего предпринимательства в условиях Севера и Арктики, их также можно использовать для дальнейших исследований роли малого и среднего предпринимательства в обеспечении экономической безопасности региона и сокращении оттока населения, для определения направлений совершенствования системы корпоративного управления предпринимательской экосистемы.

Список источников

1. Трушкова Е. А. К вопросу об оценке результативности программных механизмов развития малого и среднего предпринимательства // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 3. С. 98–111.
2. Surya B., Menne F., Sabhan H., Suriani S., Abubakar H., Idris M. Economic Growth, Increasing Productivity of SMEs, and Open Innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2021. Vol. 7, Iss. 1. P. 1–37. DOI: https://doi.org/10.3390/joitmc7010020.
3. Gherghina Ș. C., Botezatu M. A., Hosszu A., Simionescu L. N. Small and Medium-Sized Enterprises (SMEs): The Engine of Economic Growth through Investments and Innovation // Sustainability. 2020. Vol. 12, Iss. 1. P. 347. DOI: https://doi.org/10.3390/su12010347.
4. Волков А. Д., Тишков С. В., Никитина А. С. Эволюция механизмов управления экономическим пространством российской Арктики: современный этап // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 2. С. 174–201. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-174-201.
5. Shikverdiev A. P., Vishnyakov A. A, Oganezova N. A., Obrezkov N. I., Pleshev D. A. Organisational and economic mechanisms for small and middle entrepreneurship stimulation in the arctic // Revista inclusions. 2020. Vol. 7. P. 34–58.

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

6. Pilyasov A., Molodtsova V. Resilience capacity of contemporary Russian Arctic cities: Methodological approaches and quantitative assessments // Regional Science Policy & Practice. 2022. Vol. 14, Iss. 1. P. 99–126. DOI: https://doi.org/10.1111/rsp3.12409.
7. de Witt M., Stefansson H., Valfells A., Larsen J. N. Energy resources and electricity generation in Arctic areas // Renewable Energy. 2021. Vol. 169. P. 144–156. DOI: https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.01.025.
8. Dmitrieva T., Buriy O. Arctic supporting zones: mechanisms of formation and functioning // Regional Science Policy & Practice. 2022. Vol. 14, Iss. 1. P. 86–98. DOI: https://doi.org/10.1111/rsp3.12274.
9. Блинов А. О., Бухтиярова Т. И. Государственная стратегия управления развитием малого и среднего предпринимательства // Социум и власть. 2016. № 4. С. 108–113. URL: https://ssrn.com/abstract=2850449 (дата обращения: 15.05.2024).
10. Колесниченко Е. А., Смольянинова Е. Г. Стратегия развития предпринимательства на региональном уровне: тенденции реализации // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5–6. С. 122–126.
11. Медков А. Д. Формирование механизма стратегического управления малым и средним предпринимательством на региональном уровне // Российское предпринимательство. 2014. № 13 (259). С. 145–154.
12. Воронина Л. В. Государственная политика в сфере предпринимательства в северных регионах России: монография. Архангельск: Издательский центр А3+, 2017. 207 с.
13. Хоменко Е. Б., Матвеева И. В., Ватутина Л. А. Государственная поддержка малого предпринимательства в условиях цифровой экономики. М.: РУСАЙНС, 2020. 170 с.
14. Коваленко Н. В., Сулейманова Т. А. Отечественный и зарубежный опыт государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // ЦИТИСЭ. 2020. № 2 (24). С. 471–485.
15. Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Чемашкин А. Ю., Обрезков Н. И., Мощев С. В, Меледина Е. А., Мартынова Ю. Э. Предпринимательские экосистемы: проблемы и возможности: монография. СПб.: Астерион, 2022. 176 с.
16. Алещенко В. В., Карпова В. В. Совершенствование механизма государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: кол. монография. Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2015. 188 с.
17. Николаев А. В. Зарубежный опыт стратегического планирования в Арктике в контексте устойчивого развития региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 2. С. 20–34 DOI: 10.37614/2220-802X.2.2021.72.002.
18. Volkov A. D., Roslyakova N. A., Vasilieva A. V., Averyanov A. O., Tishkov S. V., Nalivaychenko E. V. Preferential Regime of the Russian Arctic: Tendencies and First Results from Realization of the World's Largest Special Economic Zone // Journal of Risk Financial Management. 2024. Vol. 17, Iss. 1. P. 28. DOI: https://doi.org/10.3390/jrfm17010028.
19. Mason C., Brown R. Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship // Oecd. 2014. URL: http://www.oecd.org/fr/cfe/leed/entrepreneurialecosystemsandgrowth-orientedentrepreneurshipworkshop-netherlands.htm (дата обращения: 15.05.2024).
20. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Другая Арктика: опыт системной диагностики // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1 (190). С. 34–44. DOI: 10/47711/0868-6351-190-34-44.

References

1. Trushkova E. A. K voprosu ob otsenke rezul'tativnosti programmnykh mekhanizmov razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva [To the question of evaluation of the effectiveness of program mechanisms for the development of small and medium-sized entrepreneurship]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2018, no. 3, pp. 98–111. (In Russ.).
2. Surya B., Menne F., Sabhan H., Suriani S., Abubakar H., Idris M. Economic Growth, Increasing Productivity of SMEs, and Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2021, vol. 7, iss. 1, pp. 1–37. DOI: https://doi.org/10.3390/joitmc7010020.
3. Gherghina Ș. C., Botezatu M. A., Hosszu A., Simionescu L. N. Small and Medium-Sized Enterprises (SMEs): The Engine of Economic Growth through Investments and Innovation. *Sustainability*, 2020, vol. 12, iss. 1, 347 p. DOI: https://doi.org/10.3390/su12010347.
4. Volkov A. D., Tishkov S. V., Nikitina A. S. Evolyutsiya mekhanizmov upravleniya ekonomicheskim prostranstvom rossiiskoi Arktiki: sovremennyi etap [Evolution of economic management mechanisms in the Russian Arctic: The present stage]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (Art of Management)], 2022, vol. 14, no. 2, pp. 174–201. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-174-201. (In Russ.).

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

5. Shikverdiev A. P., Vishnyakov A. A, Oganezova N. A., Obrezkov N. I., Pleshev D. A. Organisational and economic mechanisms for small and middle entrepreneurship stimulation in the arctic. *Revista inclusions*, 2020, vol. 7, pp. 34–58.
6. Pilyasov A., Molodtsova V. Resilience capacity of contemporary Russian Arctic cities: Methodological approaches and quantitative assessments. *Regional Science Policy & Practice*, 2022, vol. 14, iss. 1, pp. 99–126. DOI: https://doi.org/10.1111/rsp3.12409.
7. de Witt M., Stefansson H., Valfells A., Larsen J. N. Energy resources and electricity generation in Arctic areas. *Renewable Energy*, 2021, vol. 169, pp. 144–156. DOI: https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.01.025.
8. Dmitrieva T., Buriy O. Arctic supporting zones: mechanisms of formation and functioning. *Regional Science Policy & Practice*, 2022. vol. 14, iss. 1, pp. 86–98. DOI: https://doi.org/10.1111/rsp3.12274.
9. Blinov A. O., Bukhtiyarova T. I. Gosudarstvennaya strategiya upravleniya razvitiem malogo i srednego predprinimatel'stva [National strategies of managing the development of small and medium business]. *Socium i vlast'* [Socium and Power], 2016, no. 4, pp. 108–113. (In Russ.). Available at: https://ssrn.com/abstract=2850449 (accessed 15.05.2024).
10. Kolesnichenko Ye. A., Smolyaninova Ye. G. Strategiya razvitiya predprinimatel'stva na regional'nom urovne: tendentsii realizatsii [Strategy of development of business on regional level: Realization tendencies]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic Phenomena and Processes], 2011, no. 5–6, pp. 122–126. (In Russ.).
11. Medkov A. D. Formirovanie mekhanizma strategicheskogo upravleniya malym i srednim predprinimatel'stvom na regional'nom urovne [The formation of a strategic management mechanism of small and medium business at the regional level]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2014, no. 13 (259), pp. 145–154. (In Russ.).
12. Voronina L. V. *Gosudarstvennaya politika v sfere predprinimatel'stva v severnykh regionakh Rossii* [National entrepreneurship policy for the northern regions of Russia]. Arkhangelsk, A3+ Publishing Center, 2017, 207 p. (In Russ.).
13. Khomenko E. B., Matveeva I. V., Vatutina L. A. *Gosudarstvennaya podderzhka malogo predprinimatel'stva v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki* [Government support for small business in the digital economy]. Moscow, RUSAINS, 2020, 170 p. (In Russ.).
14. Kovalenko N. V., Suleymanova T. A. Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt gosudarstvennoi podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva [Domestic and foreign experience of state support for small and medium-sized businesses]. *CITISE* [QITISE], 2020, no. 2 (24), pp. 471–485. (In Russ.).
15. Shikhverdiev A. P., Vishnyakov A. A., Chemashkin A. Yu., Obrezkov N. I., Moshev S. V., Meledina E. A., Martynova Yu. E. *Predprinimatel'skie ekosistemy: problemy i vozmozhnosti* [Entrepreneurial ecosystems: Problems and opportunities]. Saint Petersburg, Asterion, 2022, 176 p. (In Russ.).
16. Aleshchenko V. V., Karpova V. V. *Sovershenstvovanie mekhanizma gosudarstvennoi podderzhki sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva* [Improving government support for small and medium-sized businesses]. Omsk, Omsk Scientific Bulletin, 2015, 188 p. (In Russ.).
17. Nikolaev A. V. Zarubezhnyi opyt strategicheskogo planirovaniya v Arktike v kontekste ustoichivogo razvitiya regiona [The Arctic strategic planning in the context of sustainable development of the region: Foreign experience]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2021, no. 2, pp. 20–34. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2021.72.002. (In Russ.).
18. Volkov A. D., Roslyakova N. A., Vasilieva A. V., Averyanov A. O., Tishkov S. V., Nalivaychenko E. V. Preferential Regime of the Russian Arctic: Tendencies and First Results from Realization of the World's Largest Special Economic Zone. *Journal of Risk Financial Management*, 2024, vol. 17, iss. 1, 28 p. DOI: https://doi.org/10.3390/jrfm17010028.
19. Mason C., Brown R. Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship. *Oecd*, 2014. Available at: http://www.oecd.org/fr/cfe/leed/entrepreneurialecosystemsandgrowth-orientedentrepreneurshipworkshop-netherlands.htm (accessed 15.05.2024).
20. Leksin V. N., Porfiriev B. N. Drugaya Arktika: opyt sistemnoi diagnostiki [The Other Arctic: Experience in system diagnostics]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2022, no. 1 (190), pp. 34–44. DOI: 10/47711/0868-6351-190-34-44. (In Russ.).

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

Об авторах:
А. П. Шихвердиев — докт. экон. наук, проф., заведующий кафедрой экономической теории и корпоративного управления;
А. А. Вишняков — канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и корпоративного управления;
Н. А. Оганезова — канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и корпоративного управления.

About the authors:
A. P. Shikhverdiev — DSc (Economics), Professor, Head of the Department of Economic Theory and Corporate Governance;
A. A. Vishnyakov — PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Corporate Governance;
N. A. Oganezova — PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory and Corporate Governance.

Статья поступила в редакцию 03 июня 2024 года.
Статья принята к публикации 16 декабря 2024 года.
The article was submitted on June 03, 2024.
Accepted for publication on December 16, 2024.

© Шихвердиев А. П., Вишняков А. А., Оганезова Н. А., 2025

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Научная статья
УДК 332.142.4
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.011

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕСУРСНЫХ КОМПАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АРКТИЧЕСКИХ МОНОГОРОДОВ

Сергей Вадимович Свинин[1], Владимир Владимирович Дядик[2]
Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия
[2]v.dyadik@ksc.ru, ORCID 0000-0001-6004-9533

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении некоторых отечественных практик реализации стратегий корпоративной социальной ответственности ресурсных компаний как условия, позволяющего не только повысить устойчивость развития предприятий, но и обеспечить конкурентные преимущества для социально-экономического развития моногородов, расположенных в Арктической зоне Российской Федерации. Научная новизна исследования заключается в определении условий повышения конкурентоспособности и новых источников социально-экономического развития арктических моногородов на основе взаимодействия всех заинтересованных сторон. В частности, предлагается более активное задействование в этом процессе градообразующих ресурсных компаний, оказывающих влияние посредством реализации своих программ социальной ответственности на территории присутствия. Исследование базируется на применении комплекса методов качественного и количественного анализа данных. Используются статистический, монографический, описательный методы. Информационной основой послужили данные корпоративных отчетов ресурсных компаний, официальных порталов региональных и муниципальных органов, государственной статистики. Результатом исследования является определение роли корпоративной социальной ответственности ресурсных компаний в повышении конкурентоспособности опорных арктических моногородов, имеющих преимущественно минерально-сырьевую направленность развития[1]. Выявлено, что стратегические приоритеты в рамках корпоративной социальной ответственности некоторых ресурсных компаний не всегда согласуются с интересами муниципальных образований, поскольку инвестиции всегда направлены на собственные социальные программы и максимизацию результатов от их использования. Дальнейшие исследования могут включать выявление наиболее перспективных подходов в согласовании действий градообразующих предприятий и органов местного самоуправления для повышения конкурентоспособности моногородов.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, конкурентоспособность города, опорные арктические моногорода, социально-экономическое развитие, проблемы местного самоуправления, градообразующие промышленные предприятия, стейкхолдеры, Арктическая зона РФ
Для цитирования: Свинин С. В., Дядик В. В. Реализация стратегий корпоративной социальной ответственности ресурсных компаний как условие повышения конкурентоспособности арктических моногородов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 163–179. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.011.

SOCIAL DIMENSION OF THE RUSSIAN ARCTIC GROWTH

Original article

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY STRATEGIES OF RESOURCE COMPANIES AS A DRIVER OF COMPETITIVENESS IN ARCTIC SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Sergei V. Svinin[1], Vladimir V. Dyadik[2]
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia
[2]v.dyadik@ksc.ru, ORCID 0000-0001-6004-9533

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/ (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Abstract. This study examines national practices in implementing corporate social responsibility (CSR) strategies among resource companies as a means of enhancing not only corporate sustainability but also the socio-economic competitiveness of single-industry towns, or monotowns, in the Russian Arctic. Its scientific novelty lies in identifying the conditions that enhance competitiveness and uncover new sources of socio-economic development for Arctic single-industry towns through the collaborative engagement of all key stakeholders. Specifically, it is proposed that primary employers — resource companies — should play a more active role in this process by leveraging their social responsibility programs in the communities where they operate. The study employs a combination of qualitative and quantitative data analysis methods, including statistical, monographic, and descriptive approaches. The analysis is based on corporate reports from resource companies, official data from regional and municipal authorities, and national statistical sources. Findings indicate that CSR initiatives undertaken by resource companies contribute to the competitiveness of Arctic monotowns, particularly those reliant on mineral resource extraction. However, the study also reveals a misalignment between corporate CSR priorities and municipal development needs, as investments are primarily directed toward internal corporate social programs rather than broader community interests. Future research should focus on identifying the most effective approaches for aligning the strategies of primary employers and local governments to enhance the competitiveness and long-term sustainability of Arctic single-industry towns.
Keywords: corporate social responsibility (CSR), urban competitiveness, Arctic single-industry towns, socio-economic development, local governance issues, monotowns, stakeholders, Russian Arctic
For citation: Svinin S. V., Dyadik V. V. Corporate social responsibility strategies of resource companies as a driver of competitiveness in Arctic single-industry towns. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 163–179. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.011.

Введение

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) имеет стратегическое значение как для национальной безопасности, так и для экономики страны в целом. На ее территории сосредоточены значительные запасы природных ресурсов, что обуславливает размещение здесь крупных предприятий добывающих отраслей промышленности. В то же время арктическая территория имеет определенные особенности, которые связаны не только со сложными природно-климатическими условиями ведения хозяйственной деятельности, но и со множеством других факторов, негативно влияющих на возможности ее освоения. К ним можно отнести низкую плотность и отток населения, недостаточно развитую транспортную сеть, дороговизну перевозки грузов, значительную изношенность инфраструктурных объектов[2].

Строительство крупных промышленных предприятий в Арктике способствовало формированию вокруг них специфических городских образований, называемых моногородами. Моногорода являлись не только источником трудовых ресурсов для промышленных компаний, но и обеспечивали развитие всей сопутствующей социальной инфраструктуры.

В настоящее время многие арктические моногорода приобретают новый статус опорных промышленных городов Арктики в соответствии с Перечнем опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ[3]. В то же время, в условиях нехватки квалифицированных кадров, моногорода Арктики вынуждены конкурировать с другими муниципальными образованиями, в которых создаются благоприятные и комфортные условия жизнедеятельности, соответствующая социальная инфраструктура и другие возможности для жителей. Кроме того, конкурентоспособность города обуславливается инвестиционной привлекательностью, понятными условиями ведения бизнеса, возможностями создания прибыльных видов экономической деятельности. Монопрофильная специфика иногда становится дополнительным барьером на пути повышения конкурентоспособности города и определяется значительным влиянием на различные процессы крупных ресурсных компаний. В то же время эффективные и социально ответственные градообразующие компании способны обеспечить достаточно высокий уровень жизни населения, сформировать возможности для развития сопутствующих компетенций, что в конечном счете повысит конкурентоспособность моногорода.

Для конкретизации мер, позволяющих качественно изменить ситуацию в арктических моногородах в лучшую сторону, необходимо рассмотреть несколько подходов к определению конкурентоспособности города.

По мнению зарубежных ученых, обеспечить конкурентоспособность города невозможно абсолютно во всех секторах экономики. Данной точки зрения

[2] Указ Президента РФ № 645 от 26 октября 2020 года «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: https://invest.nashsever51.ru/public/uploads/mediastore/Media/Указ_Президента_РФ_от_26.10.2020_N_645_%28ред._от_27.02.2023%29.pdf (дата обращения: 25.05.2024).
[3] Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/ (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

придерживаются такие ученые как, например, всемирно известные географы и экономисты Пол Рубин Кругман и Кристофер Дженсен-Батлер [1; 2]. В исследовании Кристофера Дженсена-Батлера приведена подробная характеристика процессов, которые характерны для конкурентоспособного города, причем выделены как положительные, так и отрицательные процессы [3, с. 3–42].

Иэн Бегг отмечает, что рост производительности, то есть способности городской экономики генерировать большее количество результатов труда при определенном количестве ресурсов, позволит обеспечить конкурентоспособность города. Потенциал для этого отчасти может быть найден за счет актуализации раннее незадействованных ресурсов [4, с. 797].

В научных работах еще одного европейского исследователя — Вальтера Фредерика Левера — отмечается, что показателями, определяющими конкурентоспособность города, могут быть создание новых рабочих мест и рост доходов местного бюджета [5].

Илария Брамецца в качестве положительного эффекта, влияющего на конкурентоспособность города, выделяет определенные локальные атрибуты (факторы), к которым можно отнести наличие высококвалифицированной рабочей силы, оказание высококачественных бизнес-услуг [6, с. 22–23].

Ян ван дер Борг и Илария Брамецца выделили две основные группы факторов, влияющих на привлекательность города. К первой группе они отнесли так называемые структурные факторы (высокое качество жизни в городе, эффективная местная социально-экономическая политика, доступность и качество городских услуг, развитая инфраструктура). Вторая группа представлена функциональными факторами, определяющими потенциал города самостоятельно их реализовывать [7].

Очевидно, более высокий уровень социально-экономического развития территории позволяет обеспечить ее конкурентоспособность. В то же время накопление в муниципальных образованиях экономических и человеческих ресурсов дает преимущества развития при минимальной поддержке органов региональной и местной власти. Следует отметить, что в отечественной литературе вопросы обеспечения конкурентоспособности города, в том числе и с учетом применения инструмента социальной ответственности компаний, практически не затронуты.

Согласованность национальных интересов и стратегий регионального развития, а также аспекты стратегических приоритетов и потенциала промышленных территорий рассматриваются в работах С. А. Гринева [8], В. Л. Квинта, И. В. Новиковой, М. К. Алимурадова [9]. Исследователи сосредотачивают внимание на социально-экономическом характере региональных стратегий, которые должны быть сфокусированы на повышении материального, духовного и интеллектуального качества жизни населения [10].

Отдельные аспекты повышения конкурентоспособности городов изложены в монографической работе Н. Е. Костылевой [11], в которой рассмотрены инновационные методы повышения конкурентоспособности городов и регионов. В работе Б. М. Гринчель и Е. А. Назаровой особое внимание уделяется развитию территориального маркетинга как инструмента повышения конкурентоспособности городов и регионов [12]. В монографии Т. В. Усковой, А. С. Барабанова, О. И. Поповой исследованы производственные кластеры, влияющие на конкурентоспособность региона [13]. Ю. Н. Гамбеева проводит сравнительный анализ подходов к оценке конкурентоспособности территориально-организованных экономических систем [14]. В научно-исследовательской работе коллектива авторов И. В. Богомоловой, Л. С. Машенцовой, С. П. Сазонова рассматривается устойчивое развитие крупных городов с позиции оценки конкурентоспособности территории [15]. И. В. Манаева, С. Н. Растворцева проанализировали методический инструментарий оценки конкурентоспособности моногорода [16].

Также отдельные вопросы повышения уровня социально-экономического развития и конкурентоспособности северных и арктических территорий рассматриваются в монографии С. В. Федосеева, Г. В. Кобылинской, Д. Л. Кондратовича, Т. И. Барашевой [17], в исследовательских работах научных сотрудников Института экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН И. А. Гущиной [18], В. В. Дядика [19], С. В. Свинина [20], Л. А. Рябовой [21], Е. Е. Торопушиной [22] и других. Уделяется значительное внимание факторам, влияющим на конкурентоспособность монопрофильных городов. Рассматривается как социально-экономический потенциал повышения конкурентоспособности муниципальных образований арктических территорий, так и социальные факторы корпоративного влияния градообразующих компаний на происходящие в монопрофильных городах процессы. Тем не менее влияние социальной ответственности ресурсных компаний как условие повышения конкурентоспособности арктических моногородов остается по-прежнему недостаточно исследованным и требует дальнейшего изучения.

Основная цель исследования — определить роль корпоративной социальной ответственности крупных ресурсных компаний, осуществляющих свою

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

деятельность в опорных арктических моногородах с минерально-сырьевой спецификой[4], в повышении конкурентоспособности территорий.

Материалы и методы

Объектом исследования является политика крупных ресурсных компаний в сфере корпоративной социальной ответственности (КСО) в контексте ее влияния на решение социально-экономических проблем и повышения конкурентоспособности опорных моногородов российской Арктики. Выбор объекта исследования обусловлен необходимостью поиска решений, способствующих согласованию интересов всех участников данного процесса — бизнеса, местного сообщества и представителей региональной и местной властей.

Данное исследование базируется на анализе значительного массива фактологических данных, в том числе рассматриваются монографические работы по теме исследования, публикации в ведущих зарубежных и отечественных изданиях, корпоративные отчеты ресурсных компаний, комплексные планы развития моногородов, иные нормативно-правовые документы муниципальных образований, данные органов статистики, общедоступные источники из сети Интернет.

Алгоритм работы представляет следующую последовательность действий: определение критериев оценки конкурентоспособности арктических моногородов и ключевых направлений КСО крупных ресурсных компаний, осуществляющих свою деятельность в арктических моногородах; выделение основных показателей, характеризующих направленность КСО крупных ресурсных компаний; анализ значений индикаторов за трехлетний период (с 2021 по 2023 г.); формулирование выводов о роли КСО ресурсных компаний в повышении конкурентоспособности опорных арктических моногородов.

Проведенный анализ основан на совокупности применяемых методов, в том числе: на методах наблюдения и сравнения, позволяющих оценить стратегические направления развития моногородов российской Арктики; описательном методе, необходимом для проведения обобщения стратегий КСО ресурсных компаний в моногородах Арктики; информативно-целевом анализе для изучения научно-исследовательских материалов, представленных в монографических работах, научных статьях, прессе и т. д. Применение выше обозначенного инструментария позволило получить оригинальные теоретические и практические результаты.

Результаты и обсуждение

Монопрофильные города сталкиваются со множеством проблем, обусловленных тем, насколько стабильным является экономическое положение градообразующих компаний. Это отражается на многих аспектах жизнедеятельности таких городов, в том числе на уровне взаимодействия органов местного самоуправления и руководства предприятий, а также на социальном самочувствии и степени напряженности в обществе. По этой причине корпоративная социальная ответственность ресурсных компаний выступает не только в качестве условия повышения конкурентоспособности моногородов, но и в качестве резерва их развития и выживаемости, что особенно важно для арктических территорий РФ, которые сталкиваются со множеством специфических проблем (отраслевая специфика, суровые климатические условия, оказывающие влияние на ведение хозяйственной деятельности, сложная логистика, ограничения, вызванные непродолжительным строительным сезоном, отток населения в другие регионы и т. д.).

Можно выделить четыре региона из десяти, полностью или частично входящих в АЗРФ (рис. 1), где расположены опорные арктические моногорода и в которых осуществляют свою хозяйственную деятельность крупные ресурсные компании, — Красноярский край, Мурманская область, республики Карелия и Коми[5]. На территории данных регионов сосредоточены производственные мощности компаний, расположенных в таких арктических опорных моногородах, как Норильск, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Воркута. Кроме обозначенных, существуют также и другие моногорода, например Заполярный, Ревда, Никель, Ковдор, Костомукша, Сегежа, которые не вошли в перечень опорных, но на их территории также присутствуют крупные

[4] Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/ (дата обращения: 25.05.2024).

[5] В соответствии с утвержденным перечнем монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р: текст с изм. на 21 янв. 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (дата обращения: 25.05.2024); Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/ (дата обращения: 25.05.2024)

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

ресурсные компании, оказывающие существенное влияние на решение экономических и социальных проблем местного самоуправления (табл. 1). Помимо обозначенных можно выделить еще два арктических моногорода — Надвоицы (Карелия) и Инта (Коми), имеющие изначально ресурсодобывающую специфику, но на их территории крупные предприятия в настоящий момент законсервированы либо находятся в стадии ликвидации.

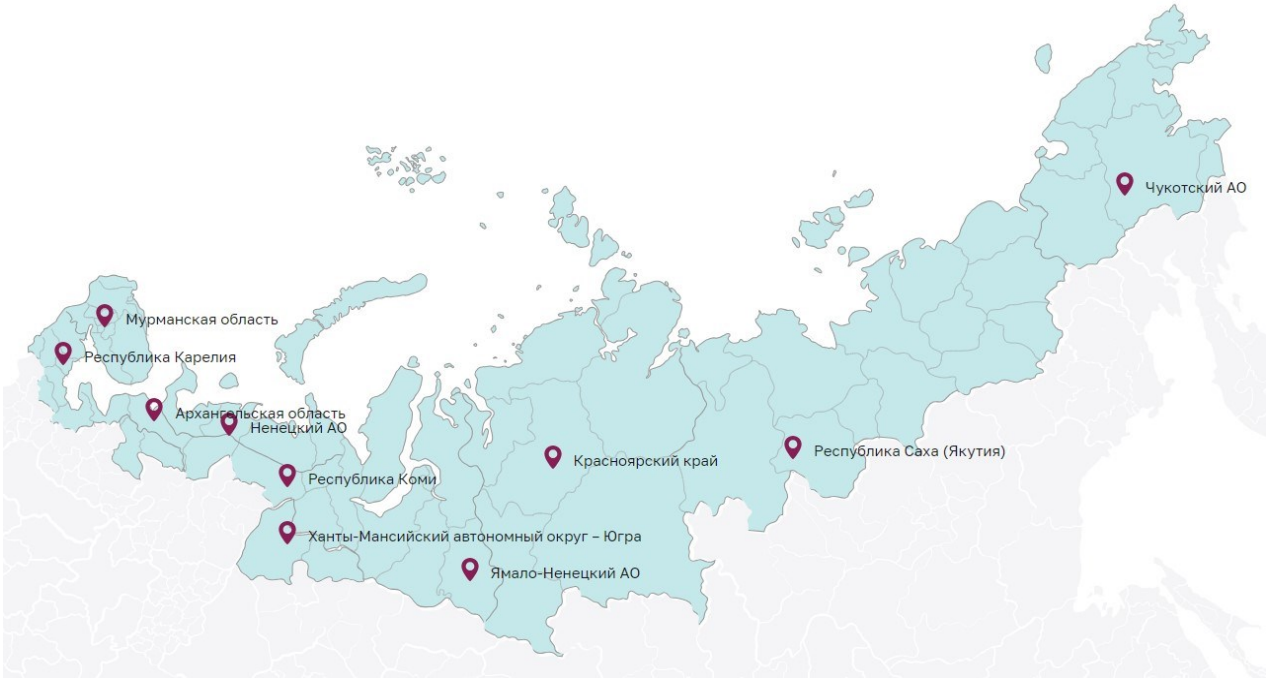


Рис. 1. Территория Арктической зоны РФ. *Источник:* Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. Официальный портал. URL: https://erdc.ru/about-azrf/ (дата обращения: 25.05.2024)

Таблица 1

Основные ресурсные компании, осуществляющие свою деятельность в арктических моногородах

Арктический моногород	Численность населения, чел/год	Градообразующее предприятие
1	2	3
Красноярский край		
Норильск	177427 / (2024 г.)	Заполярный филиал горно-металлургической компании «Норильский никель»
Мурманская область		
Кировск	24271 / (2023 г.)	КФ АО «Апатит», входящий в состав компании «ФосАгро»
Ковдор	15423 / (2023 г.)	Ковдорский горно-обогатительный комбинат, разрабатывающий железорудное Ковдорское месторождение (входит в группу компаний «ЕвроХим»)
Ревда (поселок)	6321 / (2023 г.)	ООО «Ловозерский горнообогатительный комбинат»
Никель (поселок)	9519 / (2023 г.)	Горно-металлургический комбинат «Печенганикель» (входит в «Кольскую горно-металлургическую компанию» концерна «Норильский никель»)»
Мончегорск	39477 / (2023 г.)	АО «Кольская горно-металлургическая компания» (площадка «Североникель», дочернее общество ПАО «ГМК “Норильский никель”»
Оленегорск	20875 / (2023 г.)	АО «ОЛКОН» (входит в горнодобывающий дивизион крупнейшей в мире сталелитейной и горнодобывающей компании ПАО «Северсталь»)
Заполярный	14 231 / (2023 г.)	«Кольская горно-металлургическая компания» (Кольская ГМК, КГМК) — дочернее предприятие ПАО «ГМК “Норильский никель”» в Мурманской области

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Окончание табл. 1

1	2	3
Республика Карелия		
Надвоицы (поселок)	5911 / (2023 г.)	Надвоицкий алюминиевый завод (НАЗ), действующий с 1954 г. и с 2003 г. принадлежащий компании «Российский алюминий» (консервация с 2018 г.)
Сегежа	23074 / (2023 г.)	АО «Сегежский ЦБК» входит в состав Segezha Group корпорации «АФК “Система”»
Костомукша	25928 / (2023 г.)	АО «Карельский окатыш»(входит в горнодобывающий дивизион крупнейшей в мире сталелитейной и горнодобывающей компании ПАО «Северсталь»)
Республика Коми		
Инта	19372 / (2024 г.)	АО «Интауголь» (ликвидация с 2018 г.)
Воркута	56131 / (2024 г.)	АО «Воркутауголь» (с 2022 г. входит в группу компаний ООО «Русская энергия»)

Примечание. Источник: составлено авторами на основе анализа статистических данных Росстата и данных официальных порталов ресурсных компаний, осуществляющих свою деятельность в моногородах Арктики.

Для достижения обозначенной в исследовании цели мы сравнили стратегии нескольких крупных ресурсных компаний, осуществляющих свою хозяйственную деятельность в опорных арктических моногородах и оказывающих существенное влияние на социально-экономическое развитие других моногородов, расположенных в исследуемых арктических регионах. Среди таких ресурсных компаний можно выделить: ПАО «ГМК “Норильский никель”», чьи производственные мощности расположены на территории Красноярского края и Мурманской области; КФ АО «Апатит», входящий в состав компании «ФосАгро»; Ковдорский горно-обогатительный комбинат, входящий в группу компаний АО «Минерально-химическая компания ЕвроХим»; АО «Сегежский ЦБК», входящий в состав Segezha Group корпорации «АФК “Система”»; АО «Карельский окатыш», входящее в состав сталелитейной и горнодобывающей компании ПАО «Северсталь», а также предприятия ООО «Ловозерский горнообогатительный комбинат» и АО «Воркутауголь». Следует отметить, что в настоящий момент не существует единой структуры представления результатов деятельности компаний в регионах присутствия, а корпоративные отчеты носят обобщенный характер.

Анализ информации, полученной из корпоративных отчетов крупных ресурсных компаний, показывает, что в настоящее время наблюдается рост расходов на мероприятия в рамках их социальной ответственности, а реализация проектов приобретает более структурированные черты. Среди основных причин можно отметить понимание со стороны стейкхолдеров важности данного направления не только как фактора роста экономического эффекта для компании, но и как способа повышения конкурентоспособности арктических моногородов.

В целом, в связи с отраслевой спецификой ведения хозяйственной деятельности в российской Арктике, социальная ответственность ресурсных компаний приобретает большую значимость. Важным аспектом при этом является работа с сотрудниками компании. Основным направлением здесь выступает обеспечение лояльности по отношению к предприятию, сохранение и обеспечение условий для формирования высококвалифицированных кадров. Очевидно, что одним из немаловажных факторов является уровень заработной платы, но обеспечить лояльность по отношению к организации только на основе ее повышения невозможно, так как очень быстро могут быть достигнуты пределы возможностей любой компании.

На основе изучения материалов корпоративных отчетов, а также аналитического доклада, подготовленного Институтом прикладных и практических исследований и Центром обеспечения деятельности государственной комиссии по вопросам развития Арктики, посвященного исследованию проблем и возможностей развития моногородов АЗРФ, можно обобщенно сгруппировать критерии для оценки конкурентоспособности арктических моногородов (табл. 2).

Для многих ресурсных компаний, осуществляющих свою хозяйственную деятельность в Арктике, последние пять лет стали достаточно непростыми из-за влияния ограничительных факторов, таких как: пандемия COVID-19, колебания курсов валют, введение в отношении РФ секторальных санкций, персональные санкции в отношении руководителей крупных компаний и т. д. [14]. Всё это могло привести к сокращению расходов социального характера. Тем не менее, как показывают данные корпоративных отчетов ряда компаний, многие из них не только не сократили свои расходы на КСО (в рублевом выражении), но и обеспечивали их постепенный рост.

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Таблица 2

Базовые критерии оценки конкурентоспособности арктического моногорода

Субъект конкурентоспособности моногорода			
Местное население	МСУ	Хозяйствующий субъект (ресурсная компания)	Хозяйствующий субъект — инвестор
Критерий			
Создание условий повышения качества жизни	Соответствие условиям для развития и комфортного проживания	Целесообразность деятельности и достижение рентабельности работы компании и обеспеченность необходимыми ресурсами, в том числе трудовыми	Формирование благоприятного инвестиционного климата
Показатель			
Демографические показатели, отражающие динамику численности населения, миграционный отток, естественный прирост	Состояние инфраструктуры (транспортной, жилищно-коммунальной и социальной)	Доступ к транспортным коммуникациям (плотность и равномерность развития транспортной инфраструктуры)	Наличие факторов инвестиционной привлекательности
Обеспеченность рекреационными услугами (формирование условий и возможностей для восстановления здоровья и трудоспособности жителей)	Финансовое состояние муниципального образования (недостаточность финансирования развития за счет средств местных бюджетов)	Наличие или отсутствие институциональных барьеров	Влияние макроэкономических показателей инвестиционного рынка
Перспективы трудоустройства (наличие устойчивых перспектив трудоустройства ввиду монопрофильного характера развития местной экономики)		Структура занятости (профессиональный состав и диверсификация сфер занятости)	
Качество и состояние окружающей среды		Налоговые и неналоговые платежи	

Примечание. Источник: составлено авторами на основе материалов: Корпоративная социальная политика ПАО «ГМК “Норильский никель”». URL: https://nornickel.ru/files/ru/others/SocialProgrammsNN_light.pdf (дата обращения: 25.05.2024); Развитие регионов присутствия ПАО «ФосАгро». Направления, стратегические цели и факты 2023 года. URL: https://ar2023.phosagro.ru/operational-performance/contributing-local-communities#main-social-investment-programs (дата обращения: 25.05.2024); Аналитический доклад «Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития». URL: http://www.arctic.gov.ru/FilePreview/ac6b705c-c774-e611-80cce672fe4e8e4e?nodeId=cc530731-da4b-e511-825f-10604b797c23 (дата обращения: 20.06.2024).

Так, например, как следует их доклада о финансовых результатах по итогам 2023 г. ПАО «ГМК “Норильский никель”», выручка от реализации металлов компании в 2023 г. сократилась на 15 %, а денежные операционные расходы — на 19 %. В то же время расходы на персонал возросли с 3 979 до 4 257 млн долларов США[6]. Основные направления в рамках социальной ответственности данной компании в 2023–2024 гг. отражены в отчетах «Корпоративная социальная ответственность»[7] и Отчете об устойчивом развитии 2023[8].

Основные арктические моногорода, в которых осуществляет свою деятельность ПАО «ГМК “Норильский никель”», находятся в Красноярском крае (Норильск) и Мурманской области (Мончегорск, Заполярный, Никель). В 2023 г. Норильск был включен в перечень опорных населенных пунктов российской Арктики. Для развития инвестиционной деятельности, привлечения высококвалифицированных кадров, формирования комфортной для граждан среды в целом в 2023 г. продолжена реализация четырехстороннего Соглашения о взаимодействии и сотрудничестве в целях реализации комплексных мер социально-экономического развития муниципального образования г. Норильск на период до 2024 года и перспективу до 2035 года (рис. 2)[9].

[6] Финансовые результаты ПАО ГМК «Норильский никель» по итогам 2023. Презентация для инвесторов, 9 Февраля 2024. URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/d41/5v0bdg8a8fxas21rsc8afggrklnvw8dn/Norilsk-Nickel-2023-FY_Final.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

[7] Корпоративная социальная политика ПАО «ГМК “Норильский никель”». URL: https://nornickel.ru/files/ru/others/SocialProgrammsNN_light.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

[8] 20 лет корпоративной устойчивости. Отчет об устойчивом развитии ПАО «ГМК “Норильский никель”», 2023. URL: https://nornickel.ru/upload/iblock/c82/ip1xrpvk1zscswgt9bglevx7ad7le4sy/nn_cso_2023_rus.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

[9] Более подробная информация о Соглашении приведена на официальном сайте г. Норильска. URL: https://norilsk-city.ru/files/84/100694/soglashenie_o_vzaimodejstvii_do_2024_goda_i_perspektivu_do_2035_goda_ot_20022021.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Рис. 2. Социальные инвестиции ПАО «ГМК “Норильский никель”» в развитие социальной инфраструктуры моногорода Норильска. *Источник:* Отчет об устойчивом развитии ПАО «ГМК “Норильский никель”» 2023. URL: https://sr2023.nornickel.ru/about-norilsk-nickel/key-figures (дата обращения: 25.11.2024)

Компания на протяжении многих лет реализует в моногороде Норильске масштабные проекты, направленные на создание более комфортных условий жизнедеятельности и повышение привлекательности города. Основные проекты реализуются в сферах здравоохранения, образования, благоустройства территории, строительстве современного жилья. В 2023 г. компания инвестировала в реализацию мероприятий Комплексного плана социально-экономического развития муниципального образования г. Норильск 2,9 млрд руб.

В 2019 г. между ПАО «ГМК “Норильский никель”» и правительством Мурманской области было заключено соглашение о сотрудничестве, в рамках которого с 2020 по 2022 г. было реализовано 36 проектов с финансированием на сумму более 3,2 млрд руб. В конце 2023 г. было подписано новое соглашение, которое предполагает инвестиции в социально-экономическое развитие Мурманской области на период с 2023 по 2025 г. Общий объем финансирования составит 10,04 млрд руб., из которых 62,4 % — инвестиции ПАО «ГМК “Норильский никель”» (рис. 3). В рамках данного соглашения запланировано 53 мероприятия на территории Печенгского округа и г. Мончегорска.

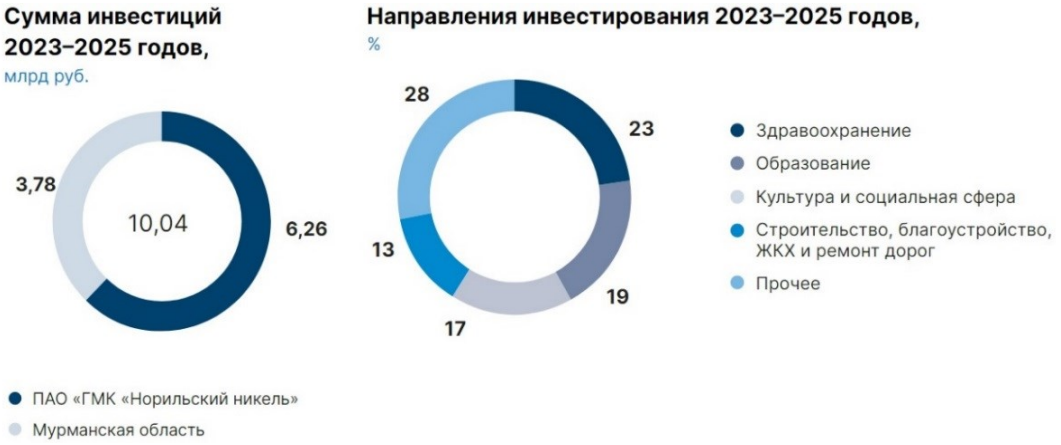


Рис. 3. Социальные инвестиции ПАО «ГМК “Норильский никель”» в развитие социальной инфраструктуры моногородов Мурманской области. *Источник:* Отчет об устойчивом развитии ПАО «ГМК “Норильский никель”», 2023. URL: https://sr2023.nornickel.ru/about-norilsk-nickel/key-figures (дата обращения: 25.11.2024)

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Одним из основных стратегических направлений ПАО «ГМК “Норильский никель”», ориентированных на формирование и развитие человеческого потенциала арктических моногородов, является программа «Мир новых возможностей», направленная на поддержку и стимулирование инициатив сотрудников, развитие социального партнерства, внедрение новых социальных технологий и т. д. Реализуется данная программа в таких арктических моногородах, как Норильск, Мончегорск, Заполярный, Никель. Участники могут использовать следующие возможности: получить новые знания, развить навыки, принять участие в крупных городских проектах, найти единомышленников, получить финансовую и методологическую поддержку (табл. 3).

Еще одним направлением реализации мероприятий в рамках программы «Мир новых возможностей» является развитие научно-технического творчества и изобретательства среди жителей арктических моногородов (табл. 4).

Таблица 3

Поддержка ПАО «ГМК “Норильский никель”» общественных инициатив в арктических моногородах

Программа	Содержание	Результат
Конкурс социальных проектов	Поддержка реализации общественных инициатив	Гранты от 100 тыс. до 6,5 млн руб. на реализацию социально значимого проекта
Социально-конструкторское бюро «Город — это мы!»	Трехдневный обучающий курс, позволяющий пройти весь цикл, от идеи до ее воплощения, в виде акции или мероприятия. Умение «упаковать» проект	Партнеры и инструменты для реализации
Форум социальных технологий «Город — это мы!»	Ежегодная коммуникационная площадка, встреча экспертов и активных граждан	Обмен лучшими практиками и опытом. Площадка для диалога активных горожан, заинтересованных в развитии моногорода
Образовательный проект «Перемена»	Комплексная образовательная программа для школьных педагогических команд, родителей и детей	Профессиональный рост специалистов в сфере образования. Развитие полезных навыков для родителей. Реализация способностей, талантов и потенциала детей
Молодежный форум “Svet on”	Форум для школьников, которые готовы попробовать себя в предпринимательстве, волонтерстве, инженерии и digital-технологиях	Профессиональный рост специалистов в сфере образования. Развитие полезных навыков для родителей. Реализация способностей, талантов и потенциала детей

Примечание. Источник: составлено авторами на основе отчета ПАО «ГМК “Норильский никель”» «Корпоративная социальная политика 2024».

Таблица 4

Поддержка ПАО «ГМК “Норильский никель”» в арктических моногородах общественных инициатив, связанных с научно-техническим творчеством и изобретательством

Программа	Содержание	Результат
Инженерный марафон “I make”	Цикл научно-образовательных мероприятий, система вовлечения детей в процесс изобретательства	Конкурс изобретателей и инженерных команд. Интенсив по получению патента и коммерциализации изобретений
Фестиваль научных открытий и изобретений “Arctic wave”	Городской научно-популярный фестиваль для всей семьи в формате интерактивных площадок: выставка изобретений	Поддержка креативных инженерных идей и инновационной активности школьников
Лаборатории технического творчества “Fablab”	Современные лаборатории-мастерские позволяют реализовать идеи, провести день всей семьей	Воплощение творческих и технических идей. Развитие технического творчества детей и увлеченных взрослых
Международный форум инноваторов “In’hub”	Площадка для взаимодействия изобретателей, бизнеса и инвесторов	Возможность получить инвестиции для развития проекта, консультаций эксперта и признание

Примечание. Источник: составлено авторами на основе отчета ПАО «ГМК “Норильский никель”» «Корпоративная социальная политика 2024».

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Одной из ведущих ресурсных компаний, осуществляющих свою деятельность в том числе и в моногородах Арктики, является ПАО «ФосАгро», которое в 2023 г. реализовывало мероприятия социальной ответственности в соответствии с принятой в марте 2019 г. Стратегией-2025[10]. В Стратегии-2025 отмечается, что вопросам обеспечения благополучия сотрудников «ФосАгро» уделяется значительное внимание: затронуты вопросы, связанные со справедливой системой мотивации, эффективностью программ развития и социальной поддержки с учетом обращений сотрудников компании на «горячую линию» и т. д.

Для оценки объемов инвестиций в социальные проекты необходимо обратиться к корпоративным отчетам ПАО «ФосАгро»[11]. На основе имеющейся информации можно оценить только общие социальные инвестиции для всех территорий присутствия данной компании. Выделить затраты, например, исключительно на арктический моногород Кировск Мурманской области, исходя из этих данных, не представляется возможным, так как в отчете представлена обобщенная информация, но, тем не менее, основной тренд затрат ПАО «ФосАгро» на благотворительность и развитие инфраструктуры местных сообществ показывает их рост почти в три раза с 2021 по 2023 г. Компания реализует проекты в сфере поддержания инфраструктуры местных сообществ и строительства рекреационных объектов (в табл. 5 представлены данные по всем территориям присутствия ПАО «ФосАгро»).

Таблица 5

Средства, направленные ПАО «ФосАгро» на нужды местных сообществ, благотворительность и развитие инфраструктуры, тыс. руб.

Средства	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Взносы в благотворительные организации, научно-производственные объединения и исследовательские институты (не связанные с коммерческими исследованиями и разработками организации)	742 048	3 083 504	802 874
Средства для поддержки инфраструктуры сообщества (рекреационные объекты и др.)	1 756 238	1 838 886	7 335 597
Прямые расходы на социальные программы, включая художественные и образовательные мероприятия	825 613	3 978 562	1 217 822
Итого	3 323 899	8 900 952	9 356 293

Примечание. Источник: Отчет «Развитие регионов присутствия ПАО “ФосАгро”».

Стратегия социальной ответственности ПАО «ФосАгро» базируется на долгосрочных программах социально-экономического развития регионов, городов и поселений, в которых расположены основные предприятия данной компании. Ключевые направления социальных инвестиций изложены в политике ПАО «ФосАгро» в области управления внешними социальными программами.

Компания «ФосАгро» ориентирована на создание комфортной и качественной среды для устойчивого развития в городах присутствия. В 2023 г. было реализовано 84 проекта по городскому благоустройству (табл. 6). В частности, в Мурманской области создано 117 новых рабочих мест, инвестировано 4 млрд руб. в объекты инфраструктуры. Компания уделяет внимание формированию кадрового потенциала и обеспечению притока молодежи в высокотехнологичные производства. В 2023 г. 43 выпускника «ФосАгро-школ» после окончания вузов были трудоустроены в различные подразделения предприятия. Компания только за один год инвестировала 612 млн руб. в работу образовательной модели «Школа — колледж/университет — предприятия». Помимо этого, в целях сохранения и развития человеческого капитала, преемственности поколений и традиций в моногородах компания оказывает поддержку различным общественным организациям, организует профориентационные выставочные центры.

Реализуются программы социальных инвестиций. Так, в 2023 г. в рамках программы «Наши любимые города» в Мурманской области было отремонтировано 18 социальных объектов (школы, детские сады, больницы, музеи, храмы и т. д.), а также проведено благоустройство 35 территорий (в том числе парков, скверов и дворов). Кроме того, была оказана помощь 37 некоммерческим организациям (НКО) — благотворительным фондам и общественным организациям инвалидов и ветеранов[12].

[10] Развитие регионов присутствия ПАО «ФосАгро». Направления, стратегические цели и факты 2023 года. URL: https://ar2023.phosagro.ru/operational-performance/contributing-local-communities#main-social-investment-programs (дата обращения: 25.05.2024).

[11] Развитие регионов присутствия ПАО «ФосАгро». Направления, стратегические цели и факты 2023 года. URL: https://ar2023.phosagro.ru/operational-performance/contributing-local-communities#main-social-investment-programs (дата обращения: 25.05.2024).

[12] Развитие регионов присутствия ПАО ФосАгро. Направления, стратегические цели и факты 2023 года. URL: https://ar2023.phosagro.ru/operational-performance/contributing-local-communities#main-social-investment-programs (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Таблица 6

Реализация мер социальной ответственности ПАО «ФосАгро» во всех городах присутствия

Наименование	2022 г.	2023 г.
Общее количество реализованных проектов в рамках благоустройства (в том числе ремонты и реконструкции социальных, медицинских объектов, учебных заведений и дорог), шт.	78	84
Количество инициатив жителей (подано заявок), шт.	3	70
В том числе реализованных при поддержке компании, шт.	3	24
Количество привлеченных партнеров (в том числе местных жителей для реконструкции/строительства объектов инфраструктуры, включая досуговые и спортивные объекты), шт.	139	120
Количество общегородских мероприятий, проведенных компанией, шт.	101	91

Примечание. Источник: Отчет «Развитие регионов присутствия ПАО “ФосАгро”».

Объем финансирования в рамках реализации программы «Наши любимые города» на всех территориях присутствия ПАО «ФосАгро» составил более 3,9 млрд руб. в 2023 г., что на 15 % выше по сравнению с аналогичными показателями 2022 г. (рис. 4).

Перечень мероприятий в рамках социальной ответственности ПАО «ФосАгро» не ограничивается вышеизложенными направлениями и включает целый комплекс. В частности, можно привести в качестве примера кейс, ориентированный на поддержку спортивно-оздоровительных программам для детей и взрослых. Так, в проект «ДРОЗД» («Детям России образование, здоровье, духовность») только от АО «Апатит», расположенного в моногороде Кировске и входящего в группу компаний «ФосАгро», было направлено в 2023 г. свыше 203 млн руб. (рис. 5).

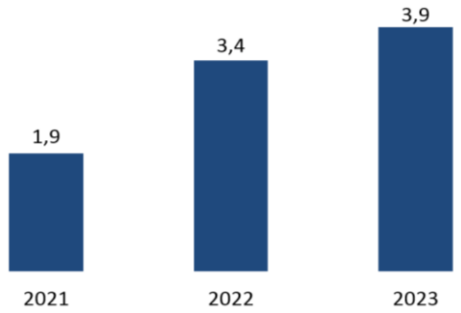


Рис. 4. Объем финансирования программы «Наши любимые города» со стороны группы компаний ПАО «ФосАгро», млрд руб. *Источник:* Отчет «Развитие регионов присутствия ПАО “ФосАгро”»

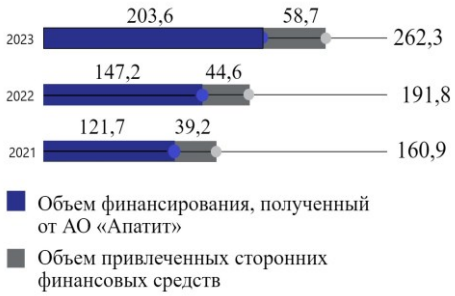


Рис. 5. Объем финансирования АО «Апатит» проекта «ДРОЗД», млн руб. *Источник:* Отчет «Развитие регионов присутствия ПАО “ФосАгро”»

Общее количество проведенных в 2023 г. мероприятий, по данным компании, также возросло по сравнению с 2022 г. — на 13,9 %. В целом в 2023 г. привлеченные средства составили 38,29 % финансирования по отношению к объему средств от учредителя, что говорит о популярности и большой заинтересованности в проекте не только жителей региона, но и региональных и местных органов власти.

По итогам 2023 г. компания «ФосАгро» оказала помощь 2 525 организациям спорта федерального, регионального и муниципального уровней, в том числе 1 414 организациям местного уровня (ДЮСШ, спортивные объединения), а общая сумма поддержки составила 652 млн руб.[13].

В 2022 г. между правительством Мурманской области и ПАО «ФосАгро» подписано соглашение о социально-экономическом партнерстве до 2024 г., в рамках которого будет выделено 15 млрд руб., которые планируется направить на развитие территории присутствия, в частности Апатитско-Кировской агломерации. Это существенно повысит ее конкурентоспособность и создаст условия для формирования новых бизнес-компетенций, развития

[13] PRO образ будущего. Интегрированный отчет ПАО «ФосАгро» 2023. URL: https://cdn.phosagro.ru/upload/iblock/e91/5il5hjpnbixmv271j7pa7kwv2ct0nixu.pdf/ (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

туристского кластера, повышения уровня жизни местного населения в целом. Следует отметить, что реализация социальных проектов в партнерстве между правительством Мурманской области и ПАО «ФосАгро» осуществлялась и ранее. Например, в 2020 г. также было заключено соглашение, в рамках которого выделено 4 млрд руб. на реализацию проектов до 2022 г.[14].

Среди крупных ресурсных компаний, осуществляющих свою деятельность в таких арктических моногородах, как Оленегорск (Мурманская область) и Костомукша (Республика Карелия), следует выделить ПАО «Северсталь», в состав которой входит АО «Оленегорский горно-обогатительный комбинат» (АО «Олкон») и горно-обогатительный комбинат «Карельский окатыш». В арктических моногородах ПАО «Северсталь» развивает многостороннее сотрудничество с органами местного самоуправления и общественностью. Реализуется ряд инициатив, направленных на повышение качества жизни жителей монопрофильных городов, благоустройство общественного пространства, улучшение медицинского обслуживания, модернизацию объектов образования, культуры и спорта[15]. Инвестиции компании в социальную и благотворительную деятельность имеют тренд к росту (рис. 6).

В городах присутствия ПАО «Северсталь» реализует проекты, направленные на развитие городской среды, промышленного туризма, музеев Русского Севера, корпоративных благотворительных программ, конкурсов творческих проектов и др.

К основным направлениям осуществления внешних инвестиций можно отнести развитие потенциала территорий присутствия, образование, культуру и искусство, спорт, поддержку материнства и детства, развитие подрастающего поколения.

При этом ПАО «Северсталь» инвестирует существенно меньше средств в развитие инфраструктуры местных сообществ по сравнению, например, с ПАО «ФосАгро», а основная статья расходов идет на благотворительность, включая взносы в различные благотворительные организации, не связанные с коммерческой деятельностью (на рис. 7 представлена информация по всем территориям присутствия ПАО «Северсталь»).

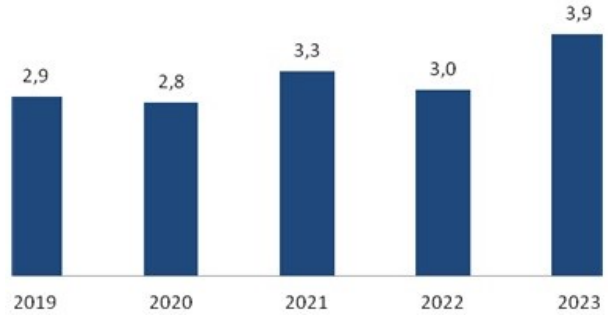


Рис. 6 Социальные и благотворительные инвестиции ПАО «Северсталь» на всей территории присутствия, млрд руб. *Источник:* Отчет об устойчивом развитии ПАО «Северсталь» «Новые цели на пути к устойчивой металлургии будущего», 2024

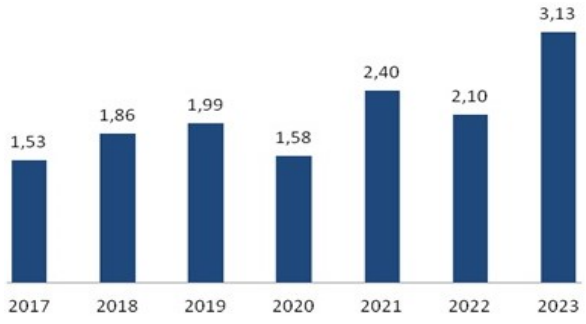


Рис. 7. Расходы на благотворительность ПАО «Северсталь», млрд руб. *Источник:* Отчет об устойчивом развитии ПАО «Северсталь» «Новые цели на пути к устойчивой металлургии будущего», 2024

В целом ПАО «ГМК “Норильский никель”», ПАО «ФосАгро», ПАО «Северсталь» являются самыми крупными ресурсными компаниями, осуществляющими свою деятельность в опорных арктических моногородах. Анализ показал, что в представленных компаниях понимают важность повышения своей социальной ответственности и проявляют заинтересованность в росте конкурентоспособности моногородов и обеспечении устойчивого социально-экономического развития регионов присутствия.

К сожалению, не все ресурсные компании, осуществляющие свою деятельность на территории арктических моногородов, предоставляют информацию о социальных инвестициях, и об уровне участия в повышении конкурентоспособности города можно судить лишь по отдельным публикациям в прессе и сети Интернет. Так, например, АО «МХК “ЕвроХим”» также рассматривает корпоративную социальную ответственность как стратегическую платформу для устойчивого развития бизнеса. В основе политики устойчивого развития компании лежат:

— комплексные программы, направленные на создание общественной инфраструктуры нового поколения;

[14] «ФосАгро» и правительство Мурманской области на полях ПМЭФ подписали новое соглашение о сотрудничестве // Комсомольская правда. Мурманск. URL: https://murmansk-kp-ru.turbopages.org/murmansk.kp.ru/s/daily/27407.5/4603851/ (дата обращения: 25.05.2024).

[15] Отчет об устойчивом развитии ПАО «Северсталь» «Новые цели на пути к устойчивой металлургии будущего», 2024. URL: https://severstal.com/rus/sustainable-development/social/community/ (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

— установка на создание системных социальных эффектов для местных сообществ, решение стратегических проблем, связанных с водоснабжением, здоровьем, образованием и качественной средой;

— долгосрочная и закрепленная соглашениями кооперация с партнерами по реализации политики устойчивого развития[16].

В то же время во многих других арктических моногородах сложилась совсем другая ситуация. Некоторые предприятия фактически перестали быть градообразующими и находятся в стадии консервации или ликвидации, что характерно, например, для монопрофильного поселения Надвоицы (Республика Карелия), Инты (Республика Коми). В моногороде Воркуте градообразующее предприятие АО «Воркутауголь» в 2022 г. было продано за 15 млрд руб. группе компаний ООО «Русская энергия». Предприятие находится в процессе подготовки к переходу на открытые горные работы к 2030 г., что требует существенных финансовых ресурсов. Данные изменения совпали со сложным периодом, связанным с геополитическими изменениями и санкционной политикой со стороны недружественных государств, в результате чего многие банки фактически остановили кредитование крупных промышленных предприятий. Поэтому рассматривать подобные предприятия в качестве источника повышения конкурентоспособности моногорода не имеет смысла.

В целом, обобщая стратегические направления КСО крупных ресурсных компаний, можно определить их значимость в повышении конкурентоспособности опорных арктических моногородов. В табл. 7 сгруппированы основные факторы конкурентоспособности арктических моногородов и определены возможности влияния на них КСО ресурсных компаний.

Таблица 7

Влияние КСО на факторы конкурентоспособности моногорода через социальные инструменты

Характеристика	Влияние КСО на факторы конкурентоспособности моногорода через социальные инструменты
Градообразующие факторы	
Экономические и социальные условия, наличие учебных, оздоровительных, культурных, рекреационных организаций. Наличие природных, трудовых и иных факторов производства	*Денежные гранты* Адресная финансовая помощь, направленная на поддержку организаций сферы культуры, образования, спорта, здравоохранения
Социальные факторы	
Уровень и качество жизни, демографическая ситуация, рынок труда	*Социальные инвестиции* Позволяют повысить уровень жизни и работы сотрудников компании, что благоприятно сказывается на общей социальной ситуации в моногороде. Снижают социальное напряжение
Территориальный (экономико-географический) фактор	
Специализация экономики, инвестиции, состояние градообразующего комплекса, территориальное расположение моногорода, периферийность, транспортные связи, рынки сбыта	*Финансирование партнерских социальных программ* Позволяет повысить инвестиционную привлекательность, влияет на структуру занятости населения
Специализированные факторы конкурентоспособности моногорода	
Возможности для подготовки квалифицированных кадров, наличие научно-технической базы, высокотехнологичных производственных мощностей	*Спонсорская помощь* Позволяет создавать условия для подготовки квалифицированных кадров в учебных заведениях. Повышает возможности привлечения необходимых квалифицированных кадров
Фактор качества городской среды	
Благоустройство, наличие общественных пространств, состояние инфраструктуры города (инженерная, жилищная, социальная и др.)	*Социальные инвестиции* Направлены на создание комфортных условий проживания
Организационные факторы	
Эффективность работы структур самоуправления, общественных и волонтерских организаций, СМИ	*Благотворительные проекты* Адресная помощь при реализации социальных программ

Примечание. Источник: составлено авторами на основе обобщения информации корпоративных отчетов ресурсных компаний, осуществляющих свою деятельность в опорных арктических моногородах.

[16] Российский бизнес и цели устойчивого развития // Российский союз промышленников и предпринимателей. Официальный портал. URL: https://rspp.ru/download/4aaa94a8fcbb5f8ec58816b9e20cd98d (дата обращения: 25.05.2024).

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Заключение

Роль корпоративной социальной ответственности ресурсных компаний в развитии опорных арктических моногородов определяется стратегическими приоритетами самих компаний, что не всегда согласуется с интересами всех субъектов — участников данного процесса. При этом повышение конкурентоспособности моногорода может обеспечиваться посредством реализации различных социальных программ крупных ресурсных компаний. К основным типам таких программ можно отнести: собственные программы ресурсных компаний; партнерские программы и благотворительные проекты, реализуемые совместно с местными и региональными органами государственной власти; совместные программы с некоммерческими организациями; социальные программы, реализуемые через профсоюзы, а также с привлечением общественных организаций; программы, направленные на повышение уровня взаимодействия со средствами массой информации.

В целом вклад крупных ресурсных компаний в повышение конкурентоспособности опорных арктических моногородов в рамках КСО в значительной степени зависит от позиции субъектов, участвующих в данном процессе.

Учитывая, что собственные финансовые возможности арктических моногородов ограничены, реализация социальных программ крупных ресурсных компаний формирует дополнительные преимущества, позволяющие эффективнее решать задачи развития социальной инфраструктуры, реализовывать проекты в сфере благоустройства территории. Помимо этого, социальные программы компаний в рамках КСО позволяют формировать дополнительные бизнес-компетенции и привлекать инвестиции в различные инициативные проекты.

В то же время необходимо соотносить интересы участников данного процесса и исходить из того, что любой хозяйствующий субъект рассматривает конкурентоспособность моногорода с позиции имеющихся рамочных условий, к которым относятся наличие правовых гарантий ведения деятельности компании, политика региональных и местных органов власти в отношении хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность на данной территории. Следовательно, формирование стимулирующей и одновременно конкурентной среды со стороны органов местной власти будет способствовать повышению конкурентоспособности моногорода. Высокий уровень участия всех субъектов в данном процессе позволяет достигать более значимых результатов повышения конкурентоспособности опорных монопрофильных городов Арктики.

Данный подход к определению условий повышения конкурентоспособности арктических моногородов позволяет найти новые источники для социально-экономического развития территорий при взаимодействии всех заинтересованных сторон и, в частности, при более активном участии в этом процессе градообразующих ресурсных компаний через реализацию своих программ социальной ответственности на территории присутствия.

Вклад исследования в развитие теоретической и прикладной науки определяется повышением уровня систематизации знаний о влиянии корпоративной социальной ответственности на факторы конкурентоспособности моногорода через социальные инструменты и возможностью использования полученных результатов в повышении эффективности процессов взаимодействия всех заинтересованных сторон (власти, бизнеса и населения). Направления дальнейшего исследования могут включать выявление наиболее перспективных подходов в согласовании действий градообразующих предприятий и органов местного самоуправления для повышения конкурентоспособности моногородов.

Список источников

1. Krugman P. R. Making sense of the competitiveness debate // Oxford Review of Economic Policy. 1996. Vol. 12, No. 3. P. 17–25.
2. Krugman P. Increasing returns and economic geography // The Journal of Political Economy. 1991. No. 99. P. 483–499. doi: 10.1086/261763.
3. Jensen-Butler C. Competition between cities, urban performance and the role of urban policy: a theoretical framework // European cities in competition / edited by C. Jensen-Butler, A. Shachar and J. van Weesep. Avebury: European science foundation, 1997. Vol. 36, Issue 5–6. P. 795–809.
4. Begg I. Cities and competitiveness // Urban Studies. May 1999. Vol. 36, No. 5/6.
5. Lever W. F. Competitive Cities in Europe // Urban Studies. 1999. Vol. 36, no. 5–6. P. 1029–1044. doi: 10.1080/0042098993349.
6. Bramezza I. The Competitiveness of the European City and the Role of Urban: Management in Improving the City's Performance (Tinbergen Institute Research Series nr. 109). Paperback – December 1, 1996.
7. Borg, J. van der, Bramezza I. and Costa P. The competitiveness of the European metropolitan area in the European urban system of tomorrow. Paper presented to the European Congress of the Regional Science Association. Lisbon, 1991.

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

8. Гринев С. А., Квинт В. Л. Формирование стратегических приоритетов промышленного развития РФ как инновационный фактор преодоления кризисных периодов // Экономика промышленности. 2023. Т. 16, № 3. С. 275–283.
9. Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13, № 3. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.
10. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимурадов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 11. С. 900–909.
11. Костылева Н. Е. Инновационные методы повышения конкурентоспособности городов и регионов: монография. СПб.: ИРЭ РАН, 2005. 243 с.
12. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Территориальный маркетинг как инструмент повышения конкурентоспособности городов и регионов // Стратегическое планирование в регионах и городах России: доклады участников VII Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2009. С. 102–104.
13. Ускова Т. В., Барабанов А. С., Попова О. И. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 246 с.
14. Гамбеева Ю. Н. Сравнительный анализ подходов к оценке конкурентоспособности территориально-организованных экономических систем // Российское предпринимательство. 2013. № 10. С. 100–113.
15. Богомолова И. В., Машенцова Л. С., Сазонов С. П. Устойчивое развитие крупных городов с позиции оценки конкурентоспособности территории // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–11. С. 2506–2510.
16. Манаева И. В., Растворцева С. Н. Методический инструментарий оценки конкурентоспособности моногорода // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 5 (428). С. 23–39.
17. Кобылинская Г. В., Федосеев С. В., Кондратович Д. Л., Барашева Т. И. Муниципальные образования северных регионов Российской Федерации в период пандемии: результаты социологического опроса и статистических исследований: монография / под науч. ред. Г. В. Кобылинской, С. В. Федосеева. Апатиты: Изд-во ФИЦ КНЦ РАН, 2022. 133 с. doi: 10.37614/978.5.91137.478.5.
18. Гущина И. А., Кондратович Д. Л., Положенцева О. А. Проблемы и пути социально-экономического развития муниципальных образований северных и арктических регионов России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 162–168. doi: 10.24158/tipor.2023.7.21.
19. Дядик В. В., Калугина А. С., Борзых В. Н. Корпоративная социальная ответственность градообразующего бизнеса моногородов российской Арктики: анализ практик и мотивов (на примере моногородов Мурманской области) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 1 (68). С. 29–41.
20. Свинин С. В., Дядик В. В. Корпоративная социальная ответственность промышленных предприятий как фактор повышения конкурентоспособности региональных социально-экономических систем // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 137–143. doi: 10.24158/pep.2023.5.19.
21. Рябова Л. А., Дидык В. В. Социальная лицензия на деятельность ресурсодобывающих компаний как новый инструмент муниципального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 61–82.
22. Торопушина Е. Е. Корпоративная социальная ответственность во время кризиса: исторический аспект и российская арктическая практика в период пандемии COVID-19 // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. Т. 25, № 4 (78). С. 167–180.

References

1. Krugman P. R. Making sense of the competitiveness debate. *Oxford Review of Economic Policy*, 1996, Vol. 12, No. 3, pp. 17–25.
2. Krugman P. R. Increasing returns and economic geography. *The Journal of Political Economy*, 1991, No. 99, pp. 483–499. doi: 10.1086/261763.
3. Jensen-Butler C. Competition between cities, urban performance and the role of urban policy: A theoretical framework. *European cities in competition*. Edited by C. Jensen-Butler, A. Shachar and J. van Weesep. Avebury, European science foundation, 1997, Vol. 36, Issue 5–6, pp. 795–809.
4. Begg I. Cities and competitiveness. *Urban Studies*, May 1999, Vol. 36, No. 5/6.
5. Lever W. F. Competitive Cities in Europe. *Urban Studies*, 1999, vol. 36, no. 5–6, pp. 1029–1044. doi: 10.1080/0042098993349.
6. Bramezza I. The Competitiveness of the European City and the Role of Urban: Management in Improving the City's Performance (Tinbergen Institute Research Series nr. 109). Paperback – December 1, 1996.

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

7. Borg, J. van der, Bramezza I. and Costa P. The competitiveness of the European metropolitan area in the European urban system of tomorrow. Paper presented to the European Congress of the Regional Science Association, Lisbon, 1991.
8. Grinev S. A., Kvint V. L. Formirovanie strategicheskikh prioritetov promyshlennogo razvitiya RF kak innovatsionnyi faktor preodoleniya krizisnykh periodov [Formation of strategic priorities of industrial development of the Russian Federation as an innovative factor in overcoming crisis periods]. *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2023, vol. 16, no. 3, pp. 275–283. (In Russ.).
9. Kvint V. L. Teoreticheskie osnovy i metodologiya strategirovaniya Kuzbassa kak vazhneishego industrial'nogo regiona Rossii [Theoretical basis and methodology of strategizing of the private and public sectors of the Kuzbass region as a medial subsystem of the national economy]. *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2020. vol. 13, no. 3. (In Russ.). https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.
10. Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K. Soglasovannost' global'nykh i natsional'nykh interesov s regional'nymi strategicheskimi prioritetami [Alignment of global and national interests with regional strategic priorities]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2021, vol. 27, no. 11, pp. 900–909. (In Russ.).
11. Kostyleva N. E. *Innovatsionnye metody povysheniya konkurentosposobnosti gorodov i regionov* [Innovative methods of improving the competitiveness of cities and regions]. Saint Petersburg, IREE RAS Publ., 2005, 243 p. (In Russ.).
12. Grinchel' B. M., Nazarova E. A. Territorial'nyi marketing kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti gorodov i regionov [Territorial marketing as an instrument for increasing the competitiveness of cities and regions]. *Strategicheskoe planirovanie v regionakh i gorodakh Rossii: doklady uchastnikov VII Obshcherossiiskogo foruma liderov strategicheskogo planirovaniya* [Proceeding of 7th All-Russ. Sci. Conf. “Strategic Planning in the Regions and Cities of Russia”]. Saint Petersburg, ICSER Leontief Centre Publ., 2009, pp. 102–104. (In Russ.).
13. Uskova T. V., Barabanov A. S., Popova O. I. *Proizvodstvennye klastery i konkurentosposobnost' regiona* [Industrial clusters and the competitiveness of a region]. Vologda, ISEDT RAS Publ., 2010, 246 p. (In Russ.).
14. Gambeeva Yu. N. Sravnitel'nyi analiz podkhodov k otsenke konkurentosposobnosti territorial'no-organizovannykh ekonomicheskikh sistem [Comparative analysis of approaches to competitiveness assessment of geographically organized economic systems]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2013, no. 10, pp. 100–113. (In Russ.).
15. Bogomolova I. V., Mashentsova L. S., Sazonov S. P. Ustoichivoe razvitie krupnykh gorodov s pozitsii otsenki konkurentosposobnosti territorii [Sustainable development of big cities from the positions of an estimation of competitiveness of a territory]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 9–11, pp. 2506–2510. (In Russ.).
16. Manaeva I. V., Rastvortseva S. N. Metodicheskii instrumentarii otsenki konkurentosposobnosti monogoroda [Methodical tools for assessing the competitiveness of mono-cities]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2016, No. 5 (428), pp. 23–39. (In Russ.).
17. Kobylinskaya G. V., Fedoseev S. V., Kondratovich D. L., Barasheva T. I. *Munitsipal'nye obrazovaniya severnykh regionov Rossiiskoi Federatsii v period pandemii: rezul'taty sotsiologicheskogo oprosa i statisticheskikh issledovanii* [Municipalities of Russian northern regions during the pandemic: Results of a sociological survey and statistical research]. Apatity, KSC RAS, 2023, 133 p. doi: 10.37614/978.5.91137.478.5.
18. Gushchina I. A., Kondratovich D. L., Polozhentseva O. A. Problemy i puti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovanii severnykh i arkticheskikh regionov Rossii [Problems and ways of socio-economic development of municipalities in the northern and Arctic regions of Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2023, no. 7, pp. 162–168. (In Russ.). doi: 10.24158/tipor.2023.7.21.
19. Dyadik V. V., Kalugina A. S., Borzykh V. N. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' gradoobrazuyushchego biznesa monogorodov rossiiskoi Arktiki: analiz praktik i motivov (na primere monogorodov Murmanskoi oblasti) [Corporate social responsibility of city-forming companies in company towns of Russian Arctic: Practices and motives (on the Murmansk region company towns example)]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development], 2022, No. 1 (68), pp. 29–41. (In Russ.).
20. Svinin S. V., Dyadik V. V. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' promyshlennykh predpriyatii kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [The corporate social responsibility of industrial enterprises as a factor of increasing the competitiveness of regional socio-economic systems]. *Obshhestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2023, no. 5 (118), pp. 137–143. (In Russ.). doi: 10.24158/pep.2023.5.19.

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

21. Ryabova L. A., Didyk V. V. Sotsial'naya litsenziya na deyatel'nost' resursodobyvayushchikh kompanii kak novyi instrument munitsipal'nogo razvitiya [Social license for resource companies' activities as a new tool for municipal development]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia* [Public Administration Issues], 2015, No. 3, pp. 61–82. (In Russ.).
22. Toropushina E. E. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' vo vremya krizisa: istoricheskii aspect i rossiiskaya arkticheskaya praktika v period pandemii COVID-19 [Corporate social responsibility during the crisis: Historical aspect and Russian Arctic practice during the COVID-19 pandemic]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2022, Vol. 25, No. 4 (78), pp. 167–180. (In Russ.).

Об авторах:
С. В. Свинин — стажер-исследователь;
В. В. Дядик — канд. экон. наук, старший научный сотрудник.

About the authors:
S. V. Svinin — Research Intern;
V. V. Dyadik — PhD (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 06 июля 2024 года.
Статья принята к публикации 13 января 2025 года.
The article was submitted on July 06, 2024.
Accepted for publication on January 13, 2025.

© Свинин С. В., Дядик В. В., 2025

Научная статья
УДК 314.15
doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.012

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ УДЕРЖАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Екатерина Андреевна Бажутова
Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, eabazhutova@mail.ru, ORCID 0000-0002-7407-8084

Аннотация. Кадровое обеспечение промышленного развития территории Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и укрепление ее геополитического суверенитета продолжают оставаться актуальными проблемами, в рамках которых исследуются вопросы привлечения и удержания населения в Арктике. В то же время обширность территории российской Арктики и различия между входящими в нее регионами обуславливают необходимость разработки и применения подходов к управлению, которые будут отличаться по своему содержанию, объекту воздействия, рычагам влияния и практическим мероприятиям. Целью настоящего исследования является выявление особенностей миграционных потоков в регионах российской Арктики для определения направлений разработки мер по удержанию населения на данной территории. Особое внимание уделено региональной специфике миграции по пространственным, гендерным и возрастным дифференциациям, которые влияют на численность населения в АЗРФ. Достижение цели было осуществлено решением задач по проведению анализа для выявления различий в структуре миграционных потоков по регионам АЗРФ, определению закономерностей в миграционных процессах арктических регионов, систематизации полученных результатов и формированию предложений по удержанию населения на арктических территориях. В качестве научного инструментария были применены метод удельных весов, метод на основе анализа средних, метод выявления корреляции Спирмена, критический анализ и синтез полученных результатов. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей миграционных потоков в регионах АЗРФ, связанных с миграционными мотивами абитуриентов, молодых специалистов и трудоспособного населения в зависимости от пола, с различиями в горизонтах удержания населения в регионе по возрасту. Практическая значимость полученных результатов заключается в определении направлений для разработки мер по удержанию населения в Арктике, учитывающих региональные дифференциации миграционного движения, которые могут быть использованы государственными органами власти и бизнесом для улучшения миграционной политики и кадрового обеспечения Арктики.
Ключевые слова: регион, Арктическая зона Российской Федерации, миграция, население, миграционный поток, региональное управление, кадровое обеспечение
Для цитирования: Бажутова Е. А. Особенности миграционных потоков регионов российской Арктики в контексте решения задачи удержания населения // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 180–196. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.012.

Original article

MIGRATION TRENDS IN THE RUSSIAN ARCTIC: CHALLENGES AND STRATEGIES FOR POPULATION RETENTION

Ekaterina A. Bazhutova
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, ebazhutova@mail.ru, ORCID 0000-0002-7407-8084

Abstract. Ensuring adequate staffing for the industrial development of the Russian Arctic and strengthening its geopolitical sovereignty remain two critical challenges. Within this context, attracting and retaining the population in the Arctic is a critical area of research. Given the vast expanse of the Russian Arctic and the significant regional differences within it, there is a clear need for tailored management approaches that vary in content, target groups, mechanisms, and implementation strategies. This study examines migration flows across the Russian Arctic to identify key patterns and develop strategies for population retention. Particular attention is given to regional migration dynamics, with a focus on spatial, gender, and age-related differentiations that influence demographic trends in the Russian Arctic. The research objectives include analyzing structural variations in migration across Arctic regions, identifying migration patterns, systematizing the findings, and formulating policy recommendations for population retention. The study employs a range of research methods, including share analysis, average-based analysis, the Spearman correlation method, and critical analysis and synthesis of findings. The study's scientific contribution lies in identifying distinct characteristics of migration flows within the Russian Arctic, particularly the migration

© Бажутова Е. А., 2025

drivers of secondary school graduates, young professionals, and the working-age population. It also examines gender-based differences and age-related trends in population retention. The practical significance of this research lies in its potential to inform the development of region-specific policies for population retention. By considering regional migration differences, these insights can support government authorities and businesses in refining migration policies and addressing workforce challenges in the Arctic.

Keywords: region, Russian Arctic, migration, population, migration flow, regional management, staffing
For citation: Bazhutova E. A. Migration trends in the Russian Arctic: Challenges and strategies for population retention. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 180–196. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.012.

Введение

Сегодня интерес к промышленному переосвоению территории АЗРФ возрастает [1]. Планируемые к реализации инвестиционные проекты затрагивают все сферы реальной экономики. Однако, помимо инвестиционных вложений, реализация данных проектов требует соответствующего кадрового обеспечения. Текущие показатели безработицы в РФ и прогнозы потребности в трудоспособном населении свидетельствуют о проблеме кадрового дефицита, характерного для всей территории страны и всех секторов ее экономики [2]. Наиболее ощутима данная проблема в регионах АЗРФ, в большинстве которых на протяжении последних десяти лет наблюдалось снижение численности населения (рис. 1).

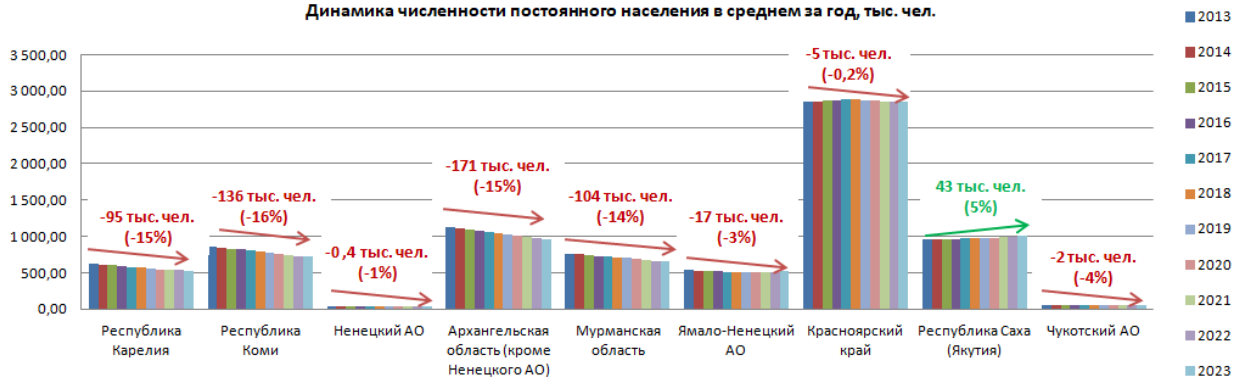


Рис. 1. Динамика численности населения по регионам АЗРФ.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781

Наиболее ярко среди регионов, полностью входящих в состав АЗРФ, проблема убыли населения выражена в Мурманской области [3]. Среди регионов, входящих в АЗРФ частично, наибольшую убыль населения имеют Архангельская область, республики Коми и Карелия. Выбытие населения из регионов становится риском для их экономического, социального развития [4].

Такой отток населения из регионов российской Арктики является результатом изменения государственной политики и смены подхода к освоению и заселению северных территорий, которые начались в 90-х гг. XX в. Если до этого времени практики освоения Севера в СССР ставились в пример и являлись ориентиром для зарубежных стран, имеющих в своем составе территории за полярным кругом, то сегодня в мировой Арктике наблюдаются различия в развитии демографических процессов: в зарубежной — восходящая динамика численности населения, в российской — нисходящая, что уменьшает и так низкую заселенность территории. Это привело к тому, что по численности населения зарубежная Арктика стала превышать российскую на 0,5 млн человек (рис. 2).

Помимо тенденции, противоположной динамике численности населения мировой Арктики относительно российской, исследователями отмечаются также следующие особенности в части урбанизации и концентрации населения: расширение сети городов, широкое использование вахтового метода.

Урбанизация и концентрация населения выражаются в том, что, вопреки мировой тенденции роста постиндустриальной «Арктики офисов», в российской Арктике идет рост сырьевых городов. Университетские города, потенциальные центры «экономики знания», в России теряют население, но по большей части растут за рубежом. Расширение сети городов также имеет противоречивый характер: на фоне роста крупных городов за рубежом идет сокращение наиболее крупных городов российской Арктики и рост относительно небольших.

© Бажутова Е. А., 2025

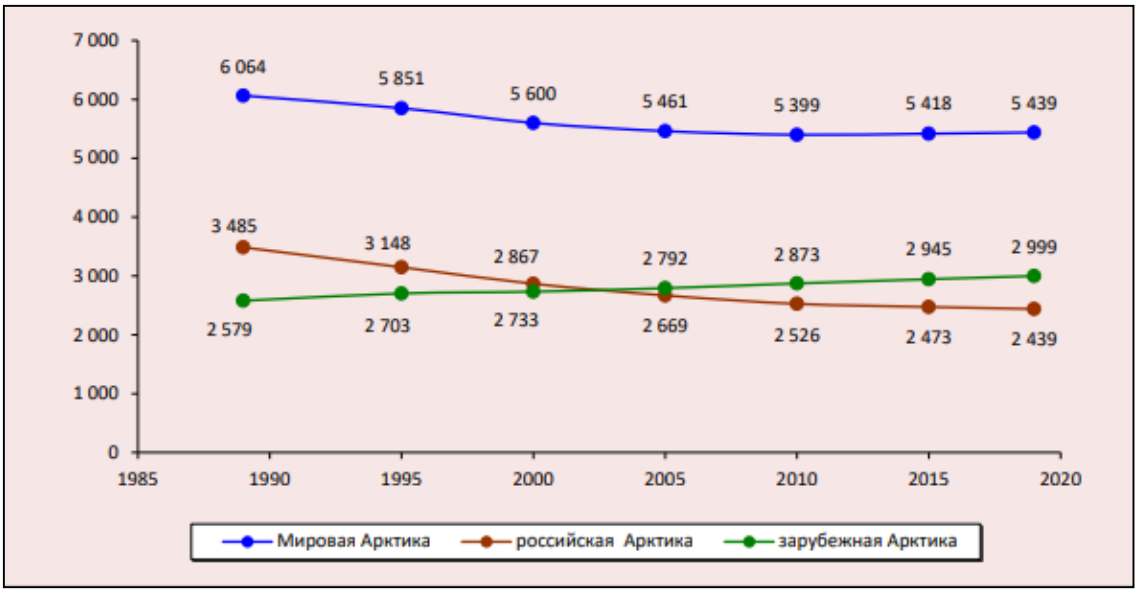


Рис. 2. Численность населения мировой Арктики, 1989–2019 гг., тыс. чел. *Источник*: [5]

Использование вахтового метода как одного из вариантов заселения арктических территорий также получило в АЗРФ отличную от общемировой Арктики реализацию. Система расселения в зарубежной Арктике рассматривается в рамках концептов близости и удаленности, сетевого подхода, транспортной связанности поселений [6; 7]. Важной ее особенностью является наличие сверхудаленных или окраинных (от англ. *settlements at the edge*) [8] и вахтовых поселений [9; 10]. Таким образом, заселение мировых арктических территорий осуществляется с помощью сетевого (линейно-узлового) подхода, при котором концентрация трудовых ресурсов происходит в крупных агломерационных центрах, а остальная территория выступает в роли сырьевой базы, или по принципу «базовый город — внутрирегиональная вахта», который предполагает взаимодействие стационарных базовых городов с полноценной инфраструктурой и многофункциональным назначением, где постоянно проживает рабочий контингент с семьями, и мелких мобильных поселков при месторождениях [11].

В практике заселения российских арктических территорий, наоборот, доминируют процессы замещения местного населения межрегиональной вахтой, что закрепляет специализацию региона на добыче сырья, приводит к неравномерности освоения и развития территорий, а также в перспективе усиливает привязку жизненного цикла развития арктических населенных пунктов к циклам освоения природных ресурсов. Перечисленные противоречия при их дальнейшем сохранении и усилении могут привести к «оголению» территорий, сделать их уязвимыми к влиянию других государств. Чтобы закрепить свой суверенитет в Арктике, нужно иметь в ней постоянно живущее население, адаптированное к местным климатическим условиям [12], что требует разработки мер по его привлечению и удержанию на основе анализа демографической ситуации в арктических регионах.

Согласно группировке регионов Росстата по степени влияния показателей естественного и механического движения на изменение численности населения за период с 2016 по 2023 г. (табл. 1)., на численность населения регионов АЗРФ большое влияние оказывали как естественные процессы движения населения, так и миграция. При этом превышение миграционного оттока над естественным приростом оказало наибольшее воздействие на регионы, в которых за рассматриваемый период сократилось население, что может быть обусловлено природно-географическими особенностями и исторически сложившимися подходами к хозяйственному освоению данных территорий [1; 3].

В период с 2013 по 2023 г. в группу арктических субъектов Российской Федерации, в которых происходило сокращение численности населения, неизменно входили республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области. По мере улучшения демографической ситуации из группы с убывающим населением в группу с растущим населением перешли Республика Саха (Якутия), Красноярский край, а также Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа.

© Бажутова Е. А., 2025

Таблица 1

Группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного и механического движения на изменение численности населения в период с 2016 по 2023 г.

	Число субъектов АЗРФ, входящих в группу										
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось											
Всего	7	5	6	5	5	6	5	6	5	8	4
естественной убыли и миграционного оттока населения	2	2	2	3	4	5	5	4	3	3	2
превышения естественной убыли над миграционным приростом								1	2	2	2
превышения миграционного оттока над естественным приростом	5	3	4	2	1	1		1		3	
Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось											
Всего	2	4	3	4	4	3	4	3	4	1	5
естественного и миграционного приростов	1	2	2	1	1	1	2	2	3		3
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	1	2	1	3	3	2	2	1		1	1
превышения миграционного прироста над естественной убылью									1		1
Субъекты Российской Федерации, в которых население сократилось											
естественной убыли и миграционного оттока населения	Республика Карелия, Республика Коми, Мурманская область, Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Красноярский край										
превышения естественной убыли над миграционным приростом	Республика Карелия, Красноярский край, Мурманская область										
превышения миграционного оттока над естественным приростом	Республика Коми, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Ненецкий автономный округ										
Субъекты Российской Федерации, в которых население увеличилось											
естественного и миграционного приростов	Республика Саха (Якутия) , Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Красноярский край										
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ										
превышения миграционного прироста над естественной убылью	Чукотский автономный округ, Красноярский край										

Примечание. Источник: составлено автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282.

Рассмотрение компонентов численности населения по регионам АЗРФ (рис. 3) наглядно показывает значительное влияние миграционного прироста (убыли) на общий показатель до 2019 г. по всем регионам АЗРФ. Спад миграционной активности после 2019 г. исследователи связывали с началом пандемии COVID-2019, вызвавшей ограничения на территориальные перемещения [13]. В то же время в регионах, полностью входящих в АЗРФ, преобладание влияния миграционного движения сохраняется на протяжении всего рассматриваемого периода с 2017 по 2022 г.

Таким образом, текущие результаты миграционного движения по арктическим регионам ставят под сомнение достижение цели по выходу в Арктической зоне на положительный миграционный баланс к 2035 г., поставленной в Стратегии развития АЗРФ, утвержденной указом Президента РФ № 645 от 26 октября 2020 г. Как и почему предполагается прекратить отток?

© Бажутова Е. А., 2025

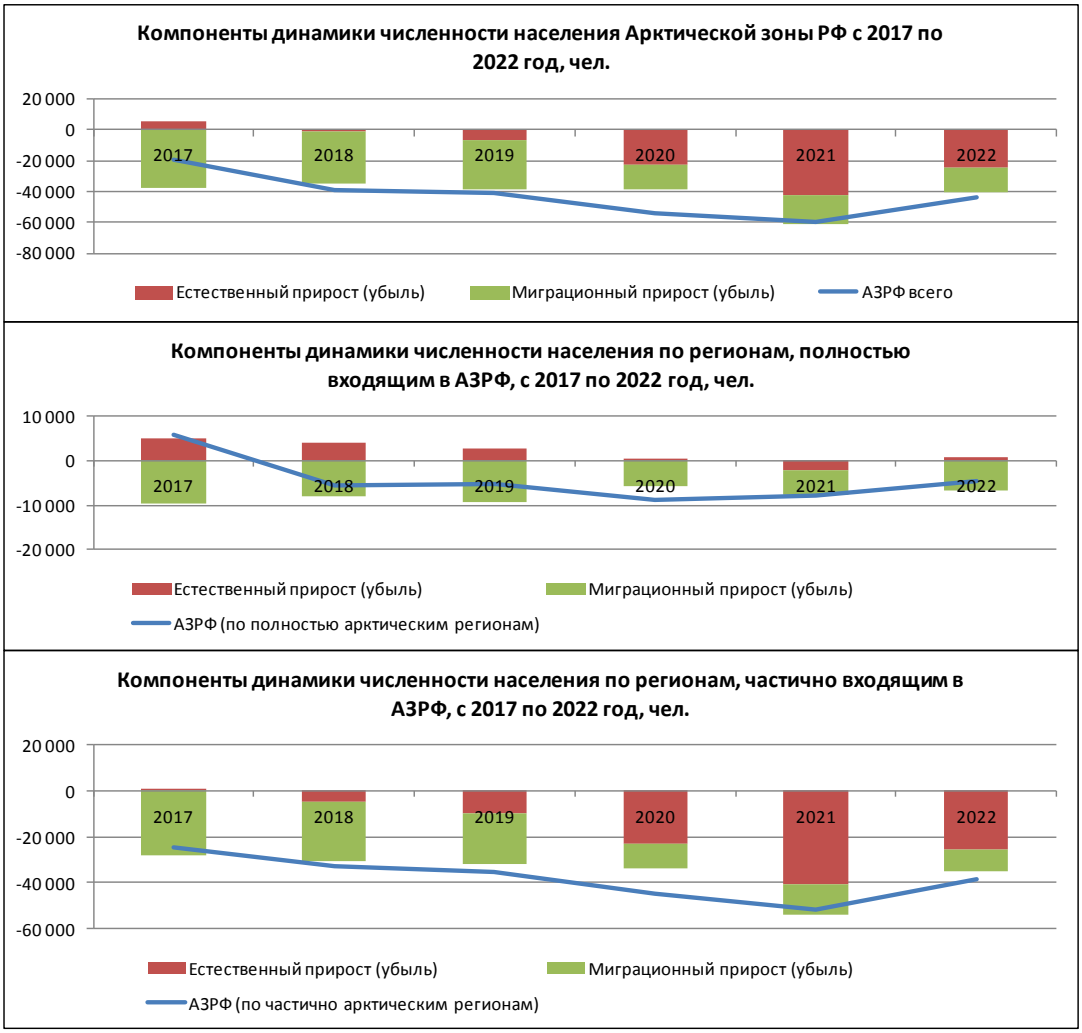


Рис. 3. Компоненты численности населения по регионам, территории которых входят в АЗРФ как полностью, так и частично, в целом за период с 2017 по 2022 г. *Источник:* составлено автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781

Формирование эффективного механизма управления миграционными потоками на данных территориях является одним из основных рычагов для изменения ситуации с кадровыми ресурсами и численностью населения в регионах АЗРФ. Для корректного управления миграционными потоками требуются комплексная оценка их текущего состояния и понимание сложившихся трендов. В то же время, с учетом обширности территории АЗРФ и ее неоднородности, можно предположить, что у арктических регионов также будут различия по структуре миграционных потоков. Такая специфика может влиять на подход к управлению регионом в части реализации стратегий удержания населения. Ее учет позволит повысить качество и эффективность вырабатываемых решений в рамках стратегии.

Таким образом, целью исследования является выявление особенностей миграционных потоков в регионах российской Арктики для определения направлений разработки мер по удержанию населения на данной территории. Особое внимание уделено региональной специфике миграции по пространственным, гендерным и возрастным дифференциациям, которые влияют на численность населения в АЗРФ.

Достижение цели требует решения следующих задач:

— проведение анализа для выявления различий в структуре миграционных потоков по регионам АЗРФ;

— определение закономерностей в миграционных процессах арктических регионов;

— систематизация полученных результатов и определение направлений для разработки мер по удержанию населения на арктических территориях.

© Бажутова Е. А., 2025

Методология

Социально-экономические исследования миграционных процессов преимущественно основываются как на количественных методах, включающих анализ статистических данных, их динамики, изучение типологии и структуры [14], так и на качественных методах — социологических опросах, исследовании общественного мнения, работе с фокус-группами и т. д.

В данной статье представлены результаты анализа миграционных процессов в АЗРФ на основе использования количественных методов. Основными показателями статистического учета миграционных потоков Росстата являются общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации, включающие данные по прибывшим, выбывшим и их итог — миграционный прирост/убыль. В рамках общих итогов миграции населения по субъектам РФ дополнительно ведется учет по таким составляющим, как: пол; возраст; местность проживания (город/село); уровень образования; причина смены места жительства; гражданство; вид миграции; длительность проживания; территория прибытия; брачное состояние.

Для формирования политики управления миграционными потоками наиболее значимым является показатель миграционного прироста как результат применения такой политики. С точки зрения объективности данных, исключения субъективного восприятия и, как следствие, неточностей и ошибок наиболее подходящими показателями являются возраст и пол. На их основе, а также на основе их изменения во времени можно спрогнозировать этапы жизненного цикла человека и, следовательно, выработать механизмы управления с возможностью их корректировки в соответствии с целями социально-экономического развития региона. Изучение возрастных и половых диспропорций в миграции позволит лучше понимать ее влияние на рождаемость, брачность и местные рынки труда [15].

Ввиду этого в качестве массива показателей был взят показатель «Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения». Для анализа был выбран 6-летний период с 2017 по 2022 г. Источником данных стали материалы Росстата. Объектом исследования являются регионы, входящие в АЗРФ как полностью, так и частично: Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Архангельская область (кроме Ненецкого АО), Республика Коми.

В качестве инструмента исследования использовался MS Excel.

Алгоритм анализа включал следующие шаги:

1) формирование исходной таблицы данных для анализа в разрезе конкретного возраста (несгруппированного), пола, а также по потокам передвижения (в границах России), регионам АЗРФ и выбранным для рассмотрения периодам;

2) определение преобладающего влияния на миграционный прирост по полу путем расчета доли (%) в общем результате по показателю за период;

3) выявление преобладающего влияния на миграционный прирост по возрасту путем расчета средних значений за период и объединения возрастов в группы по этапам жизненного цикла человека с учетом особенностей Арктики;

4) группировка регионов АЗРФ по общности в возрастно-половом портрете с помощью усреднения значений по полу и возрасту (несгруппированному) за период и расчет показателя корреляции Спирмена между ними;

5) систематизация и анализ полученных результатов.

Обсуждение и результаты

Для анализа был собран массив данных по возрастам от 1 года до 80 лет и более в разрезе регионов АЗРФ и гендерного признака за 6-летний период (с 2017 по 2022 г.). Расчет процентного соотношения в структуре итоговых значений для оценки влияния на результат представлен в табл. 2.

Согласно полученным расчетам, в среднем за рассматриваемый период удельная доля миграционного прироста (убыли) среди женщин была больше по всем регионам АЗРФ за исключением Чукотского АО, где наблюдается убыль населения среди мужчин. Это может быть обусловлено как спецификой структуры населения по полу, характерной для территории российской Арктики, где доля мужчин самая низкая (48,0 %), в отличие от зарубежных арктических стран, где доля мужчин 50 % и выше, так и особенностями экономического и социального поведения женщин, т. е. теми особенностями, которые некоторые исследователи еще в 90-х гг. XX в. [16–18] обозначили как проблему гендерного сдвига в регионах российской Арктики, особенно в тех, в которых была значительна доля коренных народов, под влиянием современных веяний общественной жизни, зачастую идущих в разрез с традиционным укладом. В качестве непосредственных причин возникновения такой ситуации выделяли:

— советскую идеологию, привнесенную в среду коренного населения [19];

— реформу оленеводства в середине 1960-х гг. [20];

— введение всеобщего интернатского обучения в конце 1950-х гг. [21; 22].

© Бажутова Е. А., 2025

Таблица 2

Гендерное соотношение в итоговом показателе миграционного прироста по регионам АЗРФ за период с 2017 по 2022 г.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Среднее	%	Преобладающее влияние на итог
Общий прирост, женщины									
Архангельская область (кроме Ненецкого АО)	-4450	-3717	-2179	-1505	-1824	-1415	-2515	58	«-» Ж
Красноярский край	-2532	-2502	-2763	-729	-951	-217	-1616	57	«-» Ж
Мурманская область	-2826	-2475	-3424	-2493	-2618	-1980	-2636	61	«-» Ж
Ненецкий АО	-152	-133	-44	28	-110	-32	-74	68	«-» Ж
Республика Карелия	-1032	-722	-483	-3	96	116	-338	81	«-» Ж
Республика Коми	-4890	-4910	-4552	-2767	-3275	-2822	-3869	56	«-» Ж
Республика Саха (Якутия)	-3015	-2756	-2316	-1052	-1797	-1741	-2113	54	«-» Ж
Чукотский АО	-352	67	-112	-371	19	74	-113	46	
Ямало-Ненецкий АО	-2361	-2127	-1825	-468	-914	-1668	-1561	55	«-» Ж
Всего женщин	-21610	-19275	-17698	-9360	-11374	-9685	-14834	57	
Общий прирост, мужчины									
Архангельская область (кроме Ненецкого АО)	-3681	-2747	-1533	-914	-897	-1012	-1797	42	
Красноярский край	-1933	-1690	-2359	-758	-910	349	-1217	43	
Мурманская область	-1557	-1931	-2524	-1394	-1440	-1326	-1695	39	
Ненецкий АО	-127	-124	-34	3	59	15	-35	32	
Республика Карелия	-552	-448	-138	156	401	119	-77	19	
Республика Коми	-4087	-3879	-3743	-1808	-2654	-1927	-3016	44	
Республика Саха (Якутия)	-2116	-2422	-1851	-1554	-1467	-1254	-1777	46	
Чукотский АО	-310	119	-102	-520	-32	53	-132	54	«-» М
Ямало-Ненецкий АО	-1927	-1535	-1415	-515	-526	-1706	-1271	45	
Всего мужчин	-16290	-14657	-13699	-7304	-7466	-6689	-11018	43	
Общий прирост									
Архангельская область (кроме Ненецкого АО)	-8131	-6464	-3712	-2419	-2721	-2427	-4312		
Красноярский край	-4465	-4192	-5122	-1487	-1861	132	-2833		
Мурманская область	-4383	-4406	-5948	-3887	-4058	-3306	-4331		
Ненецкий АО	-279	-257	-78	31	-51	-17	-109		
Республика Карелия	-1584	-1170	-621	153	497	235	-415		
Республика Коми	-8977	-8789	-8295	-4575	-5929	-4749	-6886		
Республика Саха (Якутия)	-5131	-5178	-4167	-2606	-3264	-2995	-3890		
Чукотский АО	-662	186	-214	-891	-13	127	-245		
Ямало-Ненецкий АО	-4288	-3662	-3240	-983	-1440	-3374	-2831		
Всего	-37900	-33932	-31397	-16664	-18840	-16374	-25851		

Примечание. Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781.

Е. В. Лярская в своей статье «Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале?» отмечает следующие три основные асимметрии между мужчинами и женщинами на Севере [23]: асимметрия в выборе образа жизни; асимметрия в образовательном уровне; асимметрия в брачном поведении мужчин и женщин.

В настоящее время ориентация на мужской труд, расширение вахтового метода работы и подстраивание под него системы высшего и среднего профессионального образования приводят к снижению возможностей для самореализации женщин в арктических регионах и становятся одной из причин их убыли. Ресурсодобывающий характер экономики арктических территорий, суровые климатические условия не только для жизни, но и для осуществления трудовой деятельности способствуют лучшей закрепляемости на Севере преимущественно мужчин. Так, наметившийся прирост численности с 2020 г. по таким регионам АЗРФ, как Республика Карелия, Красноярский край и Чукотская АО (рис. 4), обеспечили в большей степени мужчины. По Карелии миграционный прирост связывают с успехами в улучшении качества жизни — с созданием возможностей для самореализации, развитием

© Бажутова Е. А., 2025

здравоохранения, образования и инфраструктуры, поддержкой занятости и улучшением городской среды. Миграционный поток в Сибирь, а именно в Красноярский край, преимущественно обусловлен количеством свободных рабочих мест, привлекающих трудоспособное мужское население, что объясняется их желанием получить работу с высоким доходом.

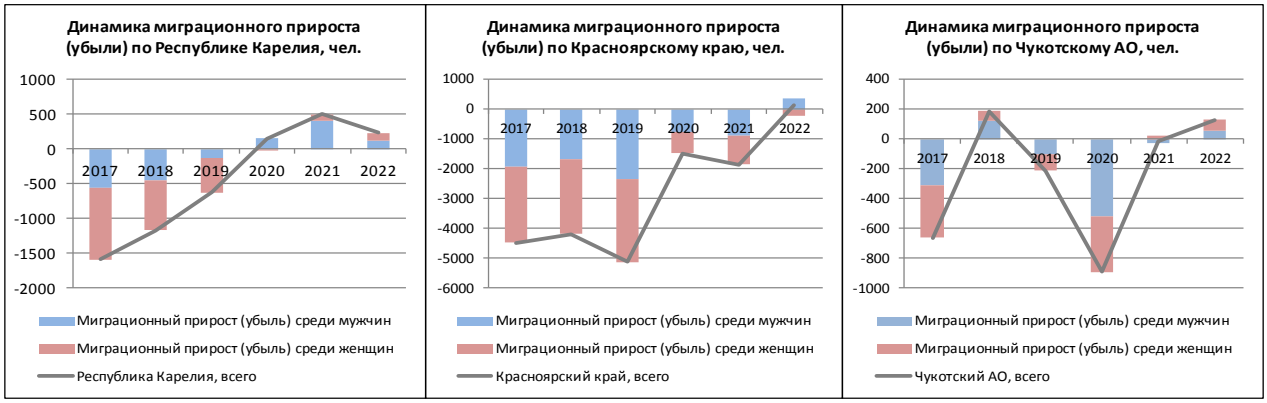


Рис. 4. Динамика миграционного прироста в Республике Карелия, Красноярском крае, Чукотском АО.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 01.05.2024)

Дальнейшее усиление военного присутствия в Арктике, создание и расширение военной инфраструктуры ожидаемо будут способствовать притоку в Арктику в основном мужчин. Переезд женщин будет обусловлен, скорее, созданием супружеских пар с мужчинами, чей профессиональный путь связан с экономикой арктического региона. Женщины в ходе миграции из АЗРФ руководствуются стремлением переехать в регионы с более разнообразной, чем в арктических населенных пунктах, социальной и культурной инфраструктурой [13].

Отток женской части населения вызывает риски изменения демографической ситуации за счет естественного прироста населения, усиливая ориентацию на процессы управления миграционным движением, и противопоставляется зарубежным тенденциям, направленным на привлечение на арктические территории женщин на принципах политики гендерного равенства.

Чтобы снизить уровень миграционного оттока женской части населения, необходимо усиление мер по развитию сферы услуг, образования и создание возможностей для карьеры в регионах Арктики. Такими мерами могут быть: увеличение доли женщин в государственном управлении, привлечение женщин в образовательные программы подготовки кадров для Арктики, включая создание особых условий привлечения врачей, учителей, работников культуры и спорта; поддержка женщин при реализации экономических проектов коренных малочисленных народов Севера; увеличение количества социально значимых проектов арктического региона, возглавляемых женщинами; привлечение женщин к научным исследованиям Арктики, в том числе в рамках комплексной программы фундаментальных и прикладных исследований в интересах развития Арктики по приоритетным направлениям науки и техники.

Анализ миграционных потоков по возрастному признаку как среднее значение по регионам за исследуемый период с 2017 по 2022 г. (рис. 5) позволил выделить регионы с ярко выраженной тенденцией к убыли населения среди молодежи от 15 до 18 лет (Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО, Архангельская область, Чукотский АО, республики Саха (Якутия) и Коми) и регионы, в которых, наоборот, наблюдается приток населения данной возрастной категории (Красноярский край, Республика Карелия).

Такая миграция молодежи объясняется стремлением получить образование [24; 25] и свидетельствует в первом случае о недостаточном развитии системы высшего и среднего профессионального образования в указанных регионах Арктики, во втором случае она становится примером того, что тенденция убыли молодежи может быть изменена при наличии собственной развитой образовательной инфраструктуры. Так, в Красноярском крае 22 вуза, которые осуществляют подготовку по 158 специальностям с общим количеством программ обучения 324. Хотя в Республике Карелия вузов представлено не столь большое количество, Петрозаводский государственный университет, которым славится Карелия, имеет высокие показатели в рейтинге высших учебных заведений страны. Он занимает 2-е место в общем рейтинге среди опорных вузов и 38-е место среди всех вузов России. Использование опыта данных регионов в части развития высшей школы в Арктике может помочь другим арктическим регионам в преломлении тренда убыли абитуриентов с их территорий по причинам миграции, связанной с получением образования.

© Бажутова Е. А., 2025

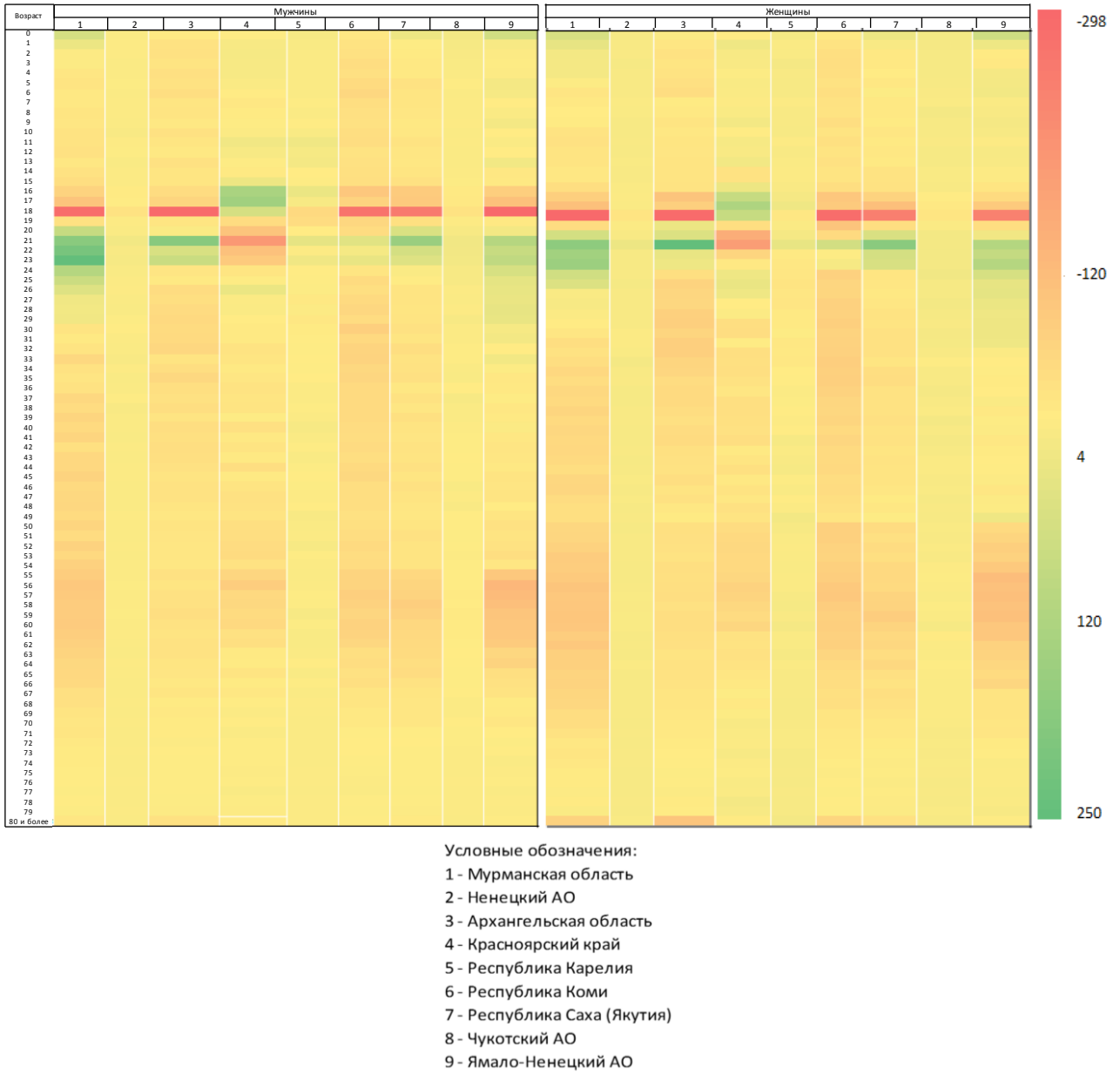


Рис. 5. Тепловая карта миграционного прироста по возрастам по регионам АЗРФ.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата

В этом отношении показателен также зарубежный опыт освоения и заселения арктических территорий. За рубежом в Арктике преобладают города столичные, университетские, многопрофильные. В целом по глобальной Арктике примерно половина городского населения живет в городах с университетами. Российский тип арктических городов, напротив, это «города при месторождениях» почти без научных и образовательных учреждений.

Понимание данного упущения отражено в Стратегии развития АЗРФ до 2035 года, где каждый арктический регион ставит себе одним из ключевых приоритетов создание или развитие образовательной и научной инфраструктуры. Наполнение этих образовательных учреждений абитуриентами будет требовать проработки мер по усилению профориентационной деятельности среди школьников на арктических территориях, мотивирующей их на поступление в местные и региональные вузы/сузы.

Другим ярко выраженным трендом миграции по возрасту, сформировавшимся в регионах АЗРФ, является то, что ситуация с категорией молодых людей в возрасте от 20 до 29 лет становится зеркально противоположной. В те регионы Арктики, где наблюдалась убыль абитуриентов, молодежь

© Бажутова Е. А., 2025

указанной возрастной категории начинает возвращаться, а из Красноярского края и Республики Карелия, наоборот, уезжать, что говорит о привлекательности условий для старта трудовой деятельности в Мурманской области, Ямало-Ненецком АО, Ненецком АО, Архангельской области, Чукотском АО, Республике Саха (Якутия), Республике Коми и о действенности долгосрочных инструментов закрепления, например целевых договоров. Для Красноярского края и Республики Карелия это означает, что выпускники вузов возвращаются в родной регион, а также то, что необходимо улучшать условия раннего трудоустройства молодежи [26].

При этом возрастной горизонт удержания молодежи в Мурманской области, Ямало-Ненецком АО, Ненецком АО, Архангельской области, Чукотском АО, Республике Саха (Якутия), Республике Коми также неоднороден. Для Мурманской области (только для мужской части населения), Ямало-Ненецкого и Чукотского (только женщины) автономных округов данный горизонт максимальный и составляет от 21 до 29 лет. До 25 лет — Мурманская область (женщины) и Чукотский АО (мужчины). В Ненецком АО, Республике Коми, Архангельской области и Республике Саха (Якутия) максимальный горизонт удержания до 23 лет. Это вызывает риски в части решения демографического вопроса в данных субъектах РФ за счет естественного роста ввиду убытия женщин репродуктивного возраста и определяет потребность развития молодежной политики. Необходимо разработать меры закрепления молодых специалистов в возрасте до 35 лет на территории Арктики посредством экономических и социальных стимулов в зависимости от особенностей и возможностей каждого региона. Особое внимание требуется уделить инфраструктуре, развитие которой очень важно для жителей регионов АЗРФ и ее освоения. Социальная среда арктического региона должна быть комфортной и ориентированной на человека. Для закрепления молодых специалистов требуются внятные образовательная, профессиональная и жизненная траектории, современные рабочие места и яркая социокультурная среда [24].

Относительно категорий населения предпенсионного и пенсионного возраста отметим, что, с учетом действующих преференций для регионов АЗРФ по раннему выходу на пенсию, по всем субъектам АЗРФ наблюдается отток населения как среди мужчин, так и среди женщин. Он начинается с 45 лет и достигает максимального пика в возрасте от 55 до 66 лет, что является третьей особенностью миграционных потоков Арктики. В целом такая тенденция нормальна для арктических территорий, так как население старшего возраста нуждается в более комфортных по климату условиях проживания и бережном отношении к своему здоровью. В то же время, поскольку прибывающей молодежи на первых этапах адаптации необходима помощь в профессиональном становлении, требуется достаточное количество представителей старшего поколения, способных им эти знания, навыки и опыт передать [27]. Поэтому для устойчивого развития кадрового потенциала арктических территорий важна выработка такого подхода к организации системы наставничества, который бы мотивировал старшее поколение «задержаться» на арктических территориях. Относительно данной возрастной категории также вызывают интерес различия российской и общемировой практики освоения и заселения арктических территорий. В России с 1990-х гг. действует программа переселения с Крайнего Севера, тогда как власти штата Аляска субсидируют (200–250 долларов США в месяц) старожилов и пенсионеров, остающихся здесь жить [28]. Ориентир на данный зарубежный опыт мог бы стать одним из инструментов сохранения и развития системы наставничества на арктических территориях.

Четвертой, и самой критичной, особенностью миграционных потоков Арктики, несомненно отрицательно сказывающейся на ее развитии, является общая для всех регионов АЗРФ убыль населения в возрасте от 35 до 45 лет. Именно эта категория населения составляет основу трудового потенциала, так как на данном жизненном этапе уже имеются требуемый уровень развития компетенций и опыт работы на арктических территориях. Убыль экономически активного населения в возрасте от 35 до 45 лет транслирует возвращающемуся молодому населению пример модели поведения, которую они перенимают: наработав необходимый стаж и получив опыт, они также покидают регионы Арктики. Для их удержания требуется разработка долгосрочных инструментов закрепления, обязывающих жить и работать в Арктике, но удовлетворяющих базовые потребности в качестве жизни, развитии и самореализации [29]. Примером в данном случае могут быть зарубежные практики заселения арктических территорий той же Аляски, где «поощряется переселение, активно создается новая инфраструктура, а условия труда и проживания все больше приближаются к стандартам качества жизни, свойственным средним широтам Америки» [30].

Для более точного выделения групп регионов со схожими миграционными особенностями и выработки общих требований к кадровой политике, которая будет наиболее подходящей и общей для них, был применен метод ранговой корреляции Спирмена. При использовании коэффициента ранговой корреляции для оценки тесноты связи применялась шкала Чеддока (табл. 3).

© Бажутова Е. А., 2025

Таблица 3

Шкала Чеддока для оценки тесноты связи ранговой корреляции

Абсолютное значение r_{xy}	Теснота (сила) корреляционной связи	Условное обозначение (цвет)
Менее 0,3	Слабая	0,1
От 0,3 до 0,5	Умеренная	0,4
От 0,5 до 0,7	Заметная	0,6
От 0,7 до 0,9	Высокая	0,8
Более 0,9	Весьма высокая	1

Примечание. Результаты расчета представлены на рис. 6.

Регионы АЗРФ	Регионы АЗРФ	1		2		3		4		5		6		7		8		9		Вывод
	Пол	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
1	м			0,36		0,32		0,34		-0,01		0,59		0,78		0,74		0,86		Республика Саха, Чукотский АО (мужчины), Ямало-Ненецкий АО
	ж				0,23		0,43		0,38		-0,08		0,61		0,85		0,69		0,87	Республика Саха, Ямало-Ненецкий АО
2	м	0,36				0,25		-0,17		0,01		0,37		0,48		0,35		0,35		
	ж		0,23				0,27		-0,11		0,07		0,30		0,32		0,11		0,19	
3	м	0,32		0,25				-0,07		0,17		0,70		0,58		0,23		0,19		Республика Коми
	ж		0,43		0,27				0,10		0,40		0,78		0,64		0,12		0,21	Республика Коми
4	м	0,34		-0,17		-0,07				0,14		0,25		0,21		0,16		0,29		
	ж		0,38		-0,11		0,10				0,06		0,39		0,39		0,12		0,30	
5	м	-0,01		0,01		0,17		0,14				0,30		0,16		-0,05		0,00		
	ж		-0,08		0,07		0,40		0,06				0,28		0,12		-0,11		-0,18	
6	м	0,59		0,37		0,70		0,25		0,30				0,79		0,43		0,41		Архангельская область, Республика Саха
	ж		0,61		0,30		0,78		0,39		0,28				0,82		0,32		0,51	Архангельская область, Республика Саха
7	м	0,78		0,48		0,58		0,21		0,16		0,79				0,63		0,69		Мурманская область, Республика Коми
	ж		0,85		0,32		0,64		0,39		0,12		0,82				0,56		0,76	Мурманская область, Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО (женщины)
8	м	0,74		0,35		0,23		0,16		-0,05		0,43		0,63				0,76		Мурманская область (мужчины), Ямало-Ненецкий АО
	ж		0,69		0,11		0,12		0,12		-0,11		0,32		0,56				0,74	Ямало-Ненецкий АО
9	м	0,86		0,35		0,19		0,20		0,00		0,41		0,69		0,76				Мурманская область, Чукотский АО
	ж		0,87		0,19		0,21		0,24		-0,18		0,51		0,76		0,74			Мурманская область, Республика Саха (женщины), Чукотский АО

Условные обозначения:
1 - Мурманская область
2 - Ненецкий АО
3 - Архангельская область
4 - Красноярский край
5 - Республика Карелия
6 - Республика Коми
7 - Республика Саха (Якутия)
8 - Чукотский АО
9 - Ямало-Ненецкий АО

Рис. 6. Группировка регионов методом ранговой корреляции Спирмена. *Источник:* составлено автором на основе расчетов

Применение метода ранговой корреляции позволило выделить 5 групп регионов Арктики по схожести миграционных процессов. В первую (самую многочисленную) группу вошли Мурманская область, Республика Саха (Якутия), Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, во вторую группу вошли Архангельская область и Республика Коми. Третья, четвертая и пятая группы представлены как отдельные субъекты соответственно: Ненецкий АО, Красноярский край и Республика Карелия.

Обобщенные результаты исследования с общими рекомендациями к кадровой политике представлены в табл. 4.

© Бажутова Е. А., 2025

Таблица 4

Сводные результаты миграционной дифференциации регионов АЗРФ и предложения по региональной кадровой политике

Группа №	Регион АЗРФ	Специфика миграционного потока				Ключевые аспекты подхода к управлению
		по гендерному признаку		по возрасту		
		убыль	прирост	убыль (макс)	прирост (макс)	
1	Мурманская область	«-» Ж		М: с 16 до 18 лет; с 54 до 65 лет Ж: с 16 до 18 лет; с 45 до 70 лет; 80 лет и более	М: от 0 до 1 года; с 20 до 29 лет Ж: от 0 до 5 лет; с 20 до 24 лет	Программы развития детских садов, детских учреждений спорта, культуры, искусства; программы развития школ; программы развития регионального среднего и высшего профессионального образования; программы подготовки научных кадров; программы развития молодежных сообществ; внедрение и распространение инструментов долгосрочного закрепления действующих работников и населения в целом; развитие комфортной городской среды и инфраструктуры; развитие системы наставничества. В Мурманской области и Ямало-Ненецком АО отдельный акцент на развитие женских направлений в ВПО и СПО. Развитие наставничества и занятости среди женщин
	Чукотский АО	«-» М		М: с 16 до 18 лет; с 47 до 67 лет Ж: с 16 до 18 лет; с 50 до 70 лет	М: с 0 до 4 лет; с 21 до 24 лет Ж: с 0 до 4 лет; с 21 до 24 лет	
	Ямало-Ненецкий АО	«-» Ж		М: с 16 до 18 лет; с 55 до 64 лет Ж: с 16 до 18 лет; с 51 до 66 лет	М: от 0 до 1 года; с 21 до 31 лет Ж: от 0 до 1 года; с 21 до 31 лет	
	Республика Якутия (Саха)	«-» Ж		М: с 16 до 18 лет; с 55 до 65 лет Ж: с 16 до 18 лет; с 50 до 65 лет	М: от 0 до 1 года; с 21 до 23 лет Ж: от 0 до 1 года; с 21 до 23 лет	
2	Республика Коми	«-» Ж		М: с 0 до 18 лет; с 25 до 45 лет; с 55 до 65 лет Ж: с 0 до 18 лет; с 24 до 47 лет; с 50 до 63 лет; 80 лет и более	М: с 21 до 23 лет Ж: с 21 до 23 лет	Те же мероприятия как для группы № 1, при развитии программ трудоустройства выпускников. Отдельный акцент на развитие женских направлений в ВПО и СПО. Развитие наставничества и занятости среди женщин
	Архангельская область (без Ненецкого АО)	«-» Ж		М: с 0 до 18 лет; с 26 до 40 лет; с 55 до 65 лет Ж: с 0 до 18 лет; с 24 до 47 лет; с 50 до 63 лет; 80 лет и более	М: с 21 до 23 лет Ж: с 19 до 23 лет	
3	Ненецкий АО	«-» Ж		М: 18 лет Ж: 18 лет	М: с 21 до 24 лет Ж: с 21 до 24 лет	Программы развития регионального среднего и высшего профессионального образования при усилении расширения женских направлений подготовки. Внедрение и распространение инструментов долгосрочного закрепления
4	Республика Карелия	«-» Ж		М: с 18 по 19 лет Ж: с 22 по 29 лет	М: с 11 по 16 лет; 21 год Ж: с 16 по 17 лет; 21 год	Программы трудоустройства выпускников, в особенности женщин. Внедрение и распространение инструментов долгосрочного закрепления
5	Красноярский край	«-» Ж		М: с 19 по 23 лет; с 50 по 60 лет Ж: с 19 по 23 лет; с 29 по 41 год; с 50 по 60 лет	М: с 15 по 18 лет Ж: с 15 по 18 лет	Программы трудоустройства выпускников. Внедрение и распространение инструментов долгосрочного закрепления. Развитие системы наставничества

Примечание. Источник: составлено автором на основе результатов настоящего исследования.

© Бажутова Е. А., 2025

Политика кадрового обеспечения регионов первой группы (Мурманская область, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия)) должна включать разработку программ по развитию детских садов, школ, дополнительного образования детей, а также по совершенствованию системы высшего и среднего профессионального образования, программ государственной и корпоративной поддержки при ипотечном кредитовании, иные меры долгосрочного закрепления (возможность получения образования и прохождения обучения за счет работодателя, корпоративные займы, медицинские кредиты и пр.). При этом действие этих программ должно распространяться не только на регион присутствия компаний, но и на всю территорию РФ, так как, учитывая северные условия, стремление к миграции в более южные и комфортные по проживанию регионы будет существовать, несмотря ни на что. Данный вывод подтверждается показателями убыли лиц, как женщин, так и мужчин, в возрасте от 45 до 65 лет. В Мурманской области требуется уделить отдельное внимание развитию женских направлений и специальностей в рамках высшего и среднего профессионального образования. Также необходимо развитие занятости среди женщин и системы наставничества.

Для регионов второй группы (Республика Коми, Архангельская область) требуется, помимо указанного, усилить меры, направленные на развитие программ трудоустройства выпускников, а также, как для первой группы, сделать акцент на развитии наставничества и занятости среди женщин.

Для Ненецкого АО, т. е. для региона третьей группы, необходимы программы развития регионального среднего и высшего профессионального образования с расширением женских направлений подготовки. Целесообразно внедрение и распространение инструментов долгосрочного закрепления.

Для регионов четвертой (Республика Карелия) и пятой (Красноярский край) групп общим будет усиление акцента на развитии программ трудоустройства выпускников и молодых специалистов. Важны внедрение и распространение инструментов их долгосрочного закрепления. Для Красноярского края дополнительно потребуется реализация мероприятий, направленных на развитие системы наставничества. В Республике Карелия отдельное внимание следует уделить проблеме высокой убыли населения среди женщин и выработать меры, направленные на их привлечение и удержание в регионе.

Заключение

Проблема сокращения численности населения продолжает оставаться актуальной для регионов российской Арктики ввиду геополитических факторов, связанных с укреплением суверенитета, а также экономических факторов, обусловленных необходимостью кадрового обеспечения промышленности и инфраструктуры региона. Исторически сложилось, что на численность населения АЗРФ, с учетом обширности и неоднородности ее территорий, оказывают влияние миграционные процессы, управление которыми требует различных подходов, принимающих во внимание региональную специфику и сложившиеся в том или ином арктическом субъекте тренды.

В результате проведенного исследования были выявлены гендерные, возрастные и пространственные особенности миграционных потоков российской Арктики, что позволило разделить регионы АЗРФ на пять групп и определить для них направления по разработке мер удержания населения.

В части гендерной специфики было выявлено преобладание в миграционных потоках регионов АЗРФ женщин, уезжающих с данной территории. Такая отличительная черта свойственна всем регионам АЗРФ, кроме Чукотского АО. Это предопределяет риски перспективного изменения численности населения арктических регионов за счет естественного движения, ввиду того что уезжают женщины преимущественно репродуктивного возраста. Тенденции же мировой Арктики имеют противоположный характер. Поэтому необходимо обратить внимание на разработку программ, обеспечивающих занятость и самореализацию женщин на арктических территориях.

Среди возрастных особенностей по регионам АЗРФ также был выделен ряд дифференциаций, вступающих в противоречие с общемировыми тенденциями развития арктических территорий: отток молодежи с целью получения образования; возвращение в регионы АЗРФ выпускников вузов/сузов после завершения обучения; малый горизонт удержания молодых специалистов; высокая убыль населения среди опытных специалистов, лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Нивелирование данных тенденций требует разработки и реализации мер, направленных на привлечение молодых специалистов, улучшение социальной инфраструктуры, а также развитие образовательных программ, что будет способствовать удержанию населения и повышению устойчивости экономического развития арктических регионов. Среди таких мер, в первую очередь, следует обозначить создание или модернизацию региональных систем высшего и среднего профессионального образования, развитие системы наставничества, учитывающей специфику арктических условий выхода на пенсию, использование инструментов долгосрочного закрепления параллельно с

© Бажутова Е. А., 2025

обеспечением комфортных социальных и инфраструктурных условий, гарантирующих высокий уровень качества жизни в Арктике.

Полученные результаты вносят вклад в развитие теорий миграции и исследования территориальных социально-экономических систем в условиях Арктики, позволяют на базе выявленных территориальных особенностей уточнить стратегии развития регионов, входящих в АЗРФ, становятся стимулом к продолжению изысканий в данной области. Предложенные рекомендации могут иметь практическую значимость для государственных органов и бизнеса по улучшению миграционной политики и кадрового обеспечения. Изучение степени согласованности выявленных особенностей и рекомендаций с ключевыми приоритетами регулирования миграции в арктических субъектах РФ станет предметом предстоящих исследований. Будут проанализированы применяемые инструменты государственного управления и предложены новые, учитывающие особенности миграционных процессов конкретных регионов АЗРФ. Также дальнейшими направлениями исследования станут: более углубленный анализ миграционных мотивов школьников с целью формирования соответствующей профориентационной политики для стимулирования их поступления в региональные и местные вузы/сузы; оценка удовлетворенности молодых специалистов в возрасте от 21 до 30 лет инфраструктурой арктических городов как условия их долгосрочного закрепления в арктических регионах.

Список источников

1. Скуфьина Т. П., Корчак Е. А., Бажутова Е. А., Баранов С. В., Крапивин Д. С., Самарина В. П., Серова Н. А., Скуфьин П. К. Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов. Апатиты, 2021.
2. Ефимов И. П., Гуртов В. А., Степусь И. С. Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 118–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-118-132.
3. Скуфьина Т. П., Самарина В. П., Баранов С. В., Бажутова Е. А. Социально-демографические процессы в российской Арктике в статистических оценках и опросах населения // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 127–149. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.127.
4. Nilsson A., Larsen J. Making regional sense of global sustainable development indicators for the Arctic // Sustainability. 12. P. 1027–1046. DOI: 10.3390/su12031027.
5. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 3. С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11.
6. Huskey L. Challenges to economic development: Dimensions of “remoteness” in the North // Polar Geography. 2005. vol. 29 (2). P. 119–125. DOI: 10.1080/789610129.
7. Berman M., Lance H. Remoteness, transportation infrastructure, and Urban-rural population movements in the Arctic. Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, Nuuk. Greenland, August 2012. Stockholm: Nordregio, 2012, pp. 108–122.
8. Saxinger G., Petrov A., Krasnoshtanova N. et al. Boom back or blow back? Growth strategies in mono-industrial resource towns — ‘east’ and ‘west’. In: Settlements at the Edge. UK: Edward Elgar Publishing, 2016, pp. 49–74. DOI: 10.4337/9781784711962.
9. Finnegan G. F., Jacobs J. Canadian interprovincial employees in the Canadian Arctic: a case study in fly-in/flyout employment metrics, 2004–2009 // Polar Geography. 2015. Vol. 38 (3). P. 175–193. DOI: 10.1080/1088937x.2015.1034795.
10. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K. et al. Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018, 42 p.
11. Смирнов А. В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270.
12. Селин В. С., Башмакова Е. П. О государственной стратегии России в Арктике // ЭКО. 2013. № 3. С. 97–113.
13. Хотеева Е. А., Степусь И. С. Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 2. С. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8.
14. Fauzer V. V., Smirnov A. V. Migration of the Russian Arctic population: Models, routes, results // Arctic: Ecology and Economy. 4 (40). P. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18.
15. Герасимов А. А. Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация // Демографическое обозрение. 2022. 9 (1). С. 91–107. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14575.

© Бажутова Е. А., 2025

16. Pika A. Comparative Social Research among Arctic Hunters and Gatherers: Demography, Health and Welfare // Hunters and Gatherers in the Modern Context: Seventh International Conference. University of Alaska, Fairbanks. Fairbanks: University of Alaska. 1994. Vol. 2. P. 515–528.
17. Pika A. Reproductive Attitudes and Family Planning among the Aboriginal Peoples of Alaska, Kamchatka, and Chukotka: the Results of Comparative Research / ed. by Pamela Stern // Arctic Anthropology. 1996. Vol. 33, No. 2. P. 50–61.
18. Богоявленский Д. Д. Демографические проблемы малочисленных народов Севера // Население России: Второй ежегодный демографический доклад / ред. А. Г. Вишневский. М.: Евразия, 1994. С. 144–160.
19. Bloch A. Red Ties and Residential School: Indigenous Siberians in a PostSoviet State. Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press. 2003. 235 p.
20. Кривоногов В. П. Этнические последствия перехода кочевников-оленеводов к оседлости (на примере енисейских ненцев) // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4 / ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: СО РАН, 2001. С. 118–122.
21. Tuisku T. The Displacement of Nenets Women from Reindeer Herding and the Tundra in the Nenets Autonomus Okrug, Northenwesten Russia // Acta Borealia. 2001. Vol. 18, No. 2. P. 41–60.
22. Vitebsky P., Wolfe S. The Separation of the Sexes among Siberian Reinder Herdes // Sacred Custodians of the Earth? Women, Spirituality and Environment / ed. by A. Low, S. Tremayane. N. Y. [u. a.]: Berghahn Books, 2001. P. 81–94.
23. Лярская Е. В. Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. С. 3–38.
24. Степусь И. С., Симакова А. В. Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: количественный и качественные аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 10. С. 1872–1887. DOI: https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872.
25. Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
26. Хохлова М. М. Молодежь на рынке труда г. Красноярска: проблемы и перспективы: монография. Красноярск, 2009. 153 с.
27. Данилов И. А., Никитина Н. Г. Организация научно-исследовательской деятельности учащихся по культуре народа саха в процессе тьюторского сопровождения // Человеческий капитал. 2020. № 12 (144). С. 237–245. DOI: 10.25629/HC.2020.12.23.
28. Агранат Г. А. Российский Север: противоречия и надежды // ЭКО. 2000. № 1. С. 48–67.
29. Недосека Е. В., Шарова Е. Н., Шорохов Д. М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения// Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189. DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169.
30. Благодетелева О. М. Эволюция и современные тенденции развития систем расселения в районах Севера (на примере США, Канады и России) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 3. С. 5–25. DOI: 10.15593/2409-5125/2017.03.01.

References

1. Skufina T. P., Korchak E. A., Bazhutova E. A., Baranov S. V., Krapivin D. S., Samarina V. P., Serova N. A., Skufin P. K. *Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiiskoi Arktiki s uchetom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineral'no-syr'evykh faktorov* [Socioeconomic trends and prospects for the development of the Russian Arctic taking into account geopolitical, macroeconomic, environmental, and mineral resource factors]. Apatity, 2021. (In Russ.).
2. Efimov I. P., Gurtov V. A., Stepus I. S. Kadrovaya potrebnost' ekonomiki Rossiiskoi Arktiki: vzglyad v budushchee [Recruitment needs of the Russian Arctic economy: Future outlook]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2022, no. 8, pp. 118—132. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-118-132. (In Russ.).
3. Skufina T. P., Samarina V. P., Baranov S. V., Bazhutova E. A. Sotsial'no-demograficheskie protsessy v rossiiskoi Arktike v statisticheskikh otsenkakh i oprosakh naseleniya [Socio-demographic processes in the Russian Arctic in statistical assessments and population surveys]. *Arktika i Sever* [The Arctic and the North], 2021, no. 45, pp. 127–149. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.127. (In Russ.).
4. Nilsson A., Larsen J. Making regional sense of global sustainable development indicators for the Arctic. *Sustainability*, 12, pp. 1027–1046. DOI: 10.3390/su12031027.
5. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Naselenie Mirovoi Arktiki: rossiiskii i zarubezhnyi podkhody k izucheniyu demograficheskikh problem i zaseleniyu territorii [Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to studying demographic problems and settlement of territories]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2020, no. 3, pp. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11. (In Russ.).

© Бажутова Е. А., 2025

6. Huskey L. Challenges to economic development: Dimensions of “remoteness” in the North. *Polar Geography*, 2005, vol. 29 (2), pp. 119–125. DOI: 10.1080/789610129.
7. Berman M., Lance H. Remoteness, transportation infrastructure, and Urban-rural population movements in the Arctic. *Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic*, Nuuk. Greenland, August 2012. Stockholm: Nordregio, 2012, pp. 108–122.
8. Gertrude Saxinger G., Petrov A., Krasnoshtanova N., Kuklina V., Doris A. Carson. Boom back or blow back? Growth strategies in mono-industrial resource towns — ‘east’ and ‘west’. In: Settlements at the Edge. UK, Edward Elgar Publishing, 2016, pp. 49–74. DOI: 10.4337/9781784711962.
9. Finnegan G. F., Jacobs J. Canadian interprovincial employees in the Canadian Arctic: a case study in fly-in/flyout employment metrics, 2004–2009. *Polar Geography*, 2015, vol. 38 (3), pp. 175–193. DOI: 10.1080/1088937x.2015.1034795.
10. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. *Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic*. Stockholm, Nordregio, 2018, 42 p.
11. Smirnov A. V. Naselenie mirovoi Arktiki: dinamika chislennosti i tsentry rasseleniya [The Arctic population: Dynamics and centers of the settlement system]. *Arktika i Sever* [The Arctic and the North], 2020, no. 40, pp. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270. (In Russ.).
12. Selin V. S., Bashmakova E. P. O gosudarstvennoi strategii Rossii v Arktike [On Russia's national strategy in the Arctic]. *EKO* [ECO], 2013, no. 3, pp. 97–113. (In Russ.).
13. Khoteeva E. A., Stepus I. S. Migratsiya naseleniya v Rossiiskoi Arktike v statisticheskikh otsenkakh i praktike upravleniya regionami [Population migration in the Russian Arctic in statistical estimates and regional management practice]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory’s Development], 2023, vol. 27, no. 2, pp. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8. (In Russ.).
14. Fauzer V. V., Smirnov A. V. Migration of the Russian Arctic population: Models, routes, results. *Arctic: Ecology and Economy*, 4 (40), pp. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18.
15. Gerasimov A. A. Sootnoshenie polov vo vnutriregional'noi migratsii v Rossii: prostranstvennaya i vozrastnaya differentsiatsiya [Spatial patterns of age-specific sex rations in Russian intraregional migration]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2022, 9 (1), pp. 91–107. (In Russ.).
16. Pika A. Comparative Social Research among Arctic Hunters and Gatherers: Demography, Health and Welfare. *Hunters and Gatherers in the Modern Context: Seventh International Conference*, University of Alaska, Fairbanks, Fairbanks: University of Alaska, 1994, Vol. 2, pp. 515–528.
17. Pika A. Reproductive Attitudes and Family Planning among the Aboriginal Peoples of Alaska, Kamchatka, and Chukotka: the Results of Comparative Research. Ed. by Pamela Stern. *Arctic Anthropology*, 1996, Vol. 33, No. 2, pp. 50–61.
18. Bogoyavlenskii D. D. Demograficheskie problemy malochislennykh narodov Severa [Demographic problems of small peoples]. *Naselenie Rossii: Vtoroi ezhegodnyi demograficheskii doklad* [The population of Russia: Second Annual Demographic Report]. Moscow, Evraziya, 1994, pp. 144–160. (In Russ.).
19. Bloch A. *Red Ties and Residential School: Indigenous Siberians in a PostSoviet State*. Philadelphia, Pa, University of Pennsylvania Press, 2003, 235 p.
20. Krivonogov V. P. Etnicheskie posledstviya perekhoda kochevnikov-olenevodov k osedlosti (na primere eniseiskikh nentsev) [Ethnic implications of settling nomadic reindeer herders: A case study of the Yenisei Nenets]. *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Vyp. 4* [Ethnosocial Processes In Siberia. Issue 4]. Novosibirsk, SO RAN, 2001, pp. 118–122. (In Russ.).
21. Tuisku T. The Displacement of Nenets Women from Reindeer Herding and the Tundra in the Nenets Autonomus Okrug, Northenwesten Russia. *Acta Borealia*, 2001, Vol. 18, No. 2, pp. 41–60.
22. Vitebsky P., Wolfe S. *The Separation of the Sexes among Siberian Reinder Herdes. Sacred Custodians of the Earth? Women, Spirituality and Environment*. Ed. by A. Low, S. Tremayane. New York [u. a.], Berghahn Books, 2001, pp. 81–94.
23. Lyarskaya E. V. Zhenshchiny i tundra. Gendernyi sdvig na Yamale? [Women in the tundra: Examining gender shifts in Yamal]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2010, pp. 3–38. (In Russ.).
24. Stepus I. S., Simakova A. V. Migratsionnye potoki vypusknikov vuzov dlya raboty v Arkticheskoi zone Rossii: kolichestvennyi i kachestvennye aspekty [Migration flows of higher-ed graduates to work in the Arctic zone of Russia: Quantitative and qualitative aspects]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2018, vol. 16, no. 10, pp. 1872–1887. DOI: https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872. (In Russ.).
25. Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. Migratsionnye plany vypusknikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration intentions of graduates of Russia’s regional higher educational institutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Moscow University Bulletin. Series 6. Economics], 2014, no. 3, pp. 36–58. (In Russ.).
26. Khokhlova M. M. *Molodezh' na rynke truda g. Krasnoyarska: problemy i perspektivy: monografiya* [Youth in the Krasnoyarsk labor market: Problems and prospects]. Krasnoyarsk, 2009, 153 p. (In Russ.).

© Бажутова Е. А., 2025

27. Danilov I. A., Nikitina N. G. Organizatsiya nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti uchashchikhsya po kul'ture naroda sakha v protsesse t'yutorskogo soprovozhdeniya [Organizing research activities of students on Sakha culture in the process of tutoring support]. *Chelovecheskii capital* [Human Capital], 2020, no. 12 (144), pp. 237–245. DOI: 10.25629/HC.2020.12.23. (In Russ.).
28. Agranat G. A. Rossiiskii Sever: protivorechiya i nadezhdy [The Russian North: Contradictions and hopes]. *EKO* [ECO], 2000, no. 1, pp. 48–67. (In Russ.).
29. Nedoseka E. V., Sharova E. N., Shorokhov D. M. Ubyvayushchie goroda rossiiskoi Arktiki: statisticheskie trendy i publichnyi diskurs o prichinakh ottoka naseleniya [Shrinking cities of the Russian Arctic: Statistical trends and public discourse on the causes of population outflow]. *Arktika i Sever* [The Arctic and the North], 2024, no. 54, pp. 169–189. DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169. (In Russ.).
30. Blagodeteleva O. M. Evolyutsiya i sovremennye tendentsii razvitiya sistem rasseleniya v raionakh Severa (na primere SShA, Kanady i Rossii) [Evolution and current trends of development of settlement systems in the North areas (on the example of the USA, Canada and Russia)]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Prikladnaya ekologiya. Urbanistika* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Applied Ecology. Urban Development], 2017, no. 3, pp. 5–25. DOI: 10.15593/2409-5125/2017.03.01. (In Russ.).

Об авторе:
Е. А. Бажутова — канд. экон. наук, старший научный сотрудник.

About the author:
E. A. Bazhutova — PhD (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2024 года.
Статья принята к публикации 07 ноября 2024 года.
The article was submitted on July 14, 2024.
Accepted for publication on November 07, 2024.

© Бажутова Е. А., 2025

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73721 от 21.09.2018
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Адрес редакции:
184209, г. Апатиты Мурманской обл., ул. Ферсмана, 24а.
Тел.: 8 (815-55) 79-257.
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

Адрес учредителя, издателя и типографии:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Кольский научный центр Российской академии наук».
184209, г. Апатиты, Мурманская обл., ул. Ферсмана, 14.
https://rio.ksc.ru

Фото на обложке В. Ю. Жиганова
Дизайн обложки Л. И. Ческидовой

Научное издание

Редактор Е. Н. Еремеева
Редактор-переводчик — канд. филол. наук О. В. Токарева
Технический редактор Е. П. Шинкарук
Подписано в печать 14.03.2025. Формат 60×84 1/8.
Дата выхода в свет 17.03.2025.
Усл. печ. л. 23,01. Тираж 300 экз. Заказ № 1.

Цена свободная

ФИЦ КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а

INSTITUTE FOR ECONOMIC STUDIES
24a, Fersman str., Apatity, Murmansk reg., 184209, RUSSIA

РИО КНЦ